

Ниям Ниямов

КОРОЛЕВА ДЕПРЕССИЯ

Представьте, что ваши эмоции живые создания, которые не только разговаривают, но и активно взаимодействуют друг с другом в своем собственном мире. А молодому следователю из полиции Алексу и представлять не надо, ведь он центрил — человек, который видит эмоции. И когда в его городе происходит череда таинственных самоубийств, Алекс не знает, как объяснить своему начальству, что за этими смертями стоит древнее зло, терроризирующее мир ни одну тысячу лет, видимое только ему...

Есть такое понятие — синестезия. Это когда некоторые люди, быть может, даже вы — воспринимают мир немного иначе. Например, музыкальные мелодии у них могут иметь определённый цвет, а слова принимают самую разнообразную форму: слово «воскресенье» может выглядеть как несколько перевернутых запятых оранжевого цвета, а «вчера» быть похожим на зелёный лист бумаги; обычная мелодия может вызвать физическую боль, а некоторые запахи заиграют в голове музыкой. Вариантов много. Я же вижу эмоции. Обычно они похожи на сферические объёмные кляксы. Но чем дольше они в мире людей, тем больше похожи на человекоподобных существ. Они, как правило, сопровождают вас на каждом шагу. Но могут и покинуть вас, уйдя по своим эмоциональным делам, канув в тень... Особо сильные эмоции могут наваливаться на вас, и вы буквально тащите их на своем горбу. А слабые эмоции, наоборот, едва различимы на общем фоне. Еще они смеются. Плачут. Даже насмеваются. И активно общаются между собой. Это происходит постоянно: когда я захожу в автобус, смотрю фильм в кино или делаю покупки в магазине, меня постоянно преследует гул нескончаемых невидимых разговоров. Наверно, видение чужих эмоций сделало бы меня отличным психологом. Но я настолько равнодушна к этому, что это выглядело бы примерно так:

Кабинет психолога Анны Д.

Клиентка крупным планом сидит на мягком уютном кресле.

— Мой муж ушел от меня... и все мои подруги отвернулись от меня... даже любовник женится... я не вынесу этого (начинает усиленно плакать).

Камера переносится на меня, где я гробовым голосом произношу:

— Какой ужас. Наверно, вам очень тяжело.

Клиентка бросает на меня недоумевающий взгляд. Ей не удалось получить свою долю сочувствия. Мы прощаемся.

Равнодушие — оно такое. Кстати, о равнодушии, моей эмоции. Посмотрите на этого паренька рядом со мной — его зовут Фрэнки. Конечно, назвать его пареньком при первом знакомстве сложно. Скорее, некой синей субстанцией. Но чем дальше смотреть, тем больше можно разглядеть в нем черты вполне симпатичного юноши. Конечно, Фрэнки — это мое самоназвание. Равнодуший много. Фрэнки один.

— Как дела, Фрэнки? — задаю я ему этот вопрос каждое утро, как просыпаюсь.

— Нормально, — отвечает он, лениво перелистывая книгу или смотря в мой ноутбук.

Утром мы как обычно пьем чай. Потом мы едем на мою работу, где я, как обычно, буду равнодушно отвечать на телефонные звонки: «Вы хотите устроиться в нашу компанию? Как я могу к вам обращаться? Ваше образование? Ваш возраст? Вам сорок пять? Да, конечно... это не проблема..., но вакансий свободных нет. Мы вам перезвоним», — буду я врать неприхотливо. Ведь официально, у компании нет ограничений по возрасту. Но все мы знаем, как это бывает на самом деле.

Вот мы едем домой после не сильно напряженного дня. В вагоне электрички тесно. Для вас может и нет. Но мне тяжело расталкиваться среди ваших радостей, грустей, печалей и даже ... эти меня бесят особенно сильно — вдохновений и энтузиазмов. К счастью, в вечернее время они встречаются все реже. Вечер после рабочего дня — это их пик не

активности. Ближе к ночи, когда их люди выпьют кружечку горячего чая, они снова появятся и начнут испускать свой заряженный энтузиазм, подначивая вас в очередной раз учить английский язык, записаться на йогу и совершить кругосветное путешествие. Утром они спят дольше, чем вы. И вам приходится разгребать их великие планы самостоятельно.

В один из таких поздних вечеров мы с Фрэнки сидели в электропоезде и мчались в сторону дома под дребезжание вагона. Диктор объявил следующую остановку и поезд начал снижать скорость. Вдруг лицо Френки искажается. Я не ощущаю, но словно чувствую, что по его телу пробежал холодок и он начинает нервничать, переминаясь с ноги на ногу. Оглядевшись по сторонам, я с удивлением замечаю, что подобное касается всех эмоций вокруг. Даже этот сумасшедший ярко-бурый Энтузиазм наконец заткнул свою непрекращающуюся речь и спрятался за спиной своего человека. Зеленая Печаль вообще разразилась горькими слезами, и вся съежилась, став очень маленького размера, что даже ухитрилась залезть в карман своей человеческой спутницы. Люди этого не видели, но и им передалось это волнение. Некоторые отложили дела, повертев головой из стороны в сторону, но, не увидев визуальной опасности, снова уткнулись в телефон. Поезд остановился. На мгновение мне показалось, что я слышу мелодию загробной музыки. Первыми в открывающиеся двери вагона вбежали эмоции — напуганные, они разбежались в разные стороны и спрятались по всем углам. Следом зашли их люди. А потом, в кабину медленно начали протягиваться длинные витиеватые щупальца. Темно — синие, слегка с фиолетовым оттенком — от них веяло холодом, словно это были маленькие вентиляторы. Люди в электричке поежились: кто-то натянул спущенные рукава, другие постарались по сильнее укутаться в свои же кофты. В вагон, сопровождаемая этими щупальцами, вошла девушка. Молодая. Симпатичная. Ее красоту изрядно портил уставший взгляд и ссутулившиеся плечи. Она читала книгу, или, во всяком случае, делала вид, глядя на открытые страницы. А следом зашла она — хозяйка щупалец. Это было вытянутое худощавое существо под два метра ростом, синевато-фиолетовая кожа обтягивала худой скелет, а ее руки неестественно длинные, с острыми когтями легли на плечи девушки. В целом, это существо было больше похоже не то на кальмара, не то на черную медузу. Узкая голова была окаймлена небольшими выступами, похожими на рога молодого козлика. Вместе они вызвали видимость небольшой короны на голове у существа. Мне доводилось встречать подобных существ и с подачи Фрэнки я знала, что передо мной самая настоящая Депрессия... Но те, другие, коих я встречала, выглядели... гораздо безопаснее: они не были такими зловещими, не обладали ни такой худобой, ни длинными щупальцами, ни огромными размерами. От них не веяло холодом, от них в ужасе не убегали другие эмоции и их голову не украшала корона из наростов. Это же было, как чудовище с другой планеты — Королева Депрессия. Так я назвала ее. Пока я мысленно давала ей имя, она обволокла своими щупальцами тело девушки... переплела ее ноги и руки как ядовитый плющ. Девушка сгорбилась еще больше, как дряхлая старуха под тяжестью прожитых лет. Я взглянула на Фрэнки и поразились изменениям в нем. Его равнодушное лицо впервые исказилось: узкие глаза округлились (я и не знала, что они могут быть такими широкими), почти невидимые брови ушли на затылок. Это отразилось и на мне: я почувствовала себя дурно, а в горле запершило.

— Не смотри на нее, — едва слышно прошептал Фрэнки и затих, стараясь не издавать шума. Легко сказать.

Так мы проехали одну остановку. Девушка с Зеленой Печалью пошла на выход. Уже выходя, она, сама того не ведая, задела Королеву Депрессию, слегка поежившись. В это

мгновение, Печаль, сидевшая в кармане, кинула под ноги ссутулившейся девушки кусочек бумаги, напоминающий визитку. Двери закрылись, а Королева Депрессия, одним из своих щупалец, небрежно откинула визитку. Та отлетела и упала к моим ногам. Со стороны это выглядело как дуновение ветра, колыхнувшее в мою сторону. Я подняла бумажку: «Психотерапевт К.Л. Лонг Лонг. Печали. net» значилось на карточке. Следующая остановка была наша. Мы встали и пошли к выходу. Фрэнки направился к дверям с противоположной стороны вагона, активно заманивая меня в свою сторону. Но я, проигнорировав его, подошла к девушке с Депрессией. Поезд остановился и перед самым выходом я громко произнесла: «Девушка, у вас что-то выпало», сунув визитку ей прямо в руки. Она посмотрела на меня уставшими глазами.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Это «спасибо» застало меня уже на выходе, куда мы быстрым шагом шли с Фрэнки, дабы ни одно щупальце нас не достало. Возможно, я могла бы гордиться собой. Но мне было все равно. Хотя нет. Одна эмоция во мне пододвинула Фрэнки — Удивление. Я была удивлена поступку Печали. Я даже не знаю, что меня удивило больше — то, что Печаль хотела помочь ... или то, что Печаль не побоялась помочь... В общем, под впечатлением этой сильной Печали, мы двинулись домой. Конечно, вы сейчас скажете, где же тогда твоя подруга Удивление. Объясню. У каждого человека есть своя эмоция. Он не рождается с ней. Но приобретает ее в раннем детстве. Я бы назвала это базовой эмоцией. Она сопровождает его повсюду и в его чертах, поступках, действиях вы можете найти ее отражение. Нет, это не значит, что человек не может испытывать другие эмоции. Может. И иногда, они даже надолго остаются в гостях, порою даже выгоняя вашего основного жителя. Как именно эмоция находит своего человека для меня загадка. Впрочем, можно спросить Фрэнки... Ну, как-нибудь в другой раз. Он, в целом, не очень разговорчив. Я так привыкла к Фрэнки, что не могу представить рядом кого-то другого. Фрэнки — это что-то постоянное. И при этом, его присутствие не отменяет того, что порой я могу чувствовать и Радость, и Печаль, и даже этот, чтоб его, Энтузиазм. Но они реально отбитые. Поэтому, мне больше нравится, когда они держатся от меня подальше. С Фрэнки гораздо проще. С ним легче смотреть на жизнь, решать житейские трудности и расставаться с очередным парнем.

«Ты такая равнодушная, тебе все равно, что я испытываю», — пожаловался мой бывший парень при нашей последней встрече, а его Сентиментальность показала мне язык.

Конечно, не все вечно в этом мире, и даже ваша базовая эмоция может покинуть вас и навсегда оставить свой пост. Но, это не мой случай.

— Чем займемся, Ая? — спросил меня Фрэнки, когда мы пришли домой. На самом деле это был больше риторический вопрос, потому что он тут же улегся на диван и включил телек. Меня зовут не Ая. Но он зовет меня так. Он знает, что я вижу и слышу его. И знает, что я дала ему имя. Поэтому дал имя мне. Максимально простое, чтобы лишний раз не напрягаться.

Я села рядом, схватив вчерашний пакет с чипсами и посмотрела на Фрэнки, который невозмутимо уставился в экран.

— Эта Печаль... Она хотела помочь сегодня этой девушке. Не думала, что эмоции на такое способны.

— Ты многого о нас не знаешь, — сказал он, щелкая пультом.

— Брось, я знаю тебя много лет.

— Я, как ты заметила, не особо общительный.

— Просто меня удивило это.

— Да, к тебе уже выехала моя подружка Удивление, но, к твоему счастью, я успел ей сообщить, что у тебя просто временное помешательство. Такое бывает, когда встречаешь очень сильные чужие эмоции. Да и чипсов на всех не хватит, — сказал он и отобрал у меня пачку.

Утром я наливала себе кофе под гул телевизора. Фрэнки решил доспать свою порцию сна. В кофе он не нуждался. Как и в чипсах. Что, впрочем, не помешало ему их вчера съесть.

«Это самоубийство стало уже седьмым в городе за последние две недели. Неужели, это очередная игра смерти: специалисты ищут причины в интернете. На данный момент, личность девушки не установлена. В ее кармане была найдена визитка известного психотерапевта, с которым наши специалисты уже связались».

Ох, черт, — я подавилась кофе. Конечно, останки девушки, оставшиеся после прыжка с одного из самых высоких зданий нашего города, не показали, зато на заднем фоне репортера я отчетливо увидела сине-фиолетовый шлейф уходящей Королевы Депрессии.

Следующий кадр показал некоего мужчину: уже в возрасте, с легкой сединой в волосах и бороде. Строчка внизу утверждала, что это был К.Л. Лонг Лонг, психотерапевт.

— Мне сообщили, что в кармане девушки нашли мою визитку. Однако, на приеме она у меня не была. Думаю, если бы ей хватило сил прийти ко мне, исход был бы иной. Сочувствую родным и близким.

— Доктор Лонг Лонг, как вы думаете, с чем связан всплеск самоубийств у молодых девушек и юношей. Ведь это же уже седьмое самоубийство среди молодежи за последнее время. Общество потрясено.

— В наше непростое время..., - начал он.

Телевизор выключился.

— Эй..., - я зло взглянула на Фрэнки.

— Тебе вредно такое смотреть. Пошли, а то опоздаем на работу, — сонно потянулся он.

Где-то в полицейском участке.

— Седьмое самоубийство за последние две недели! Что у нас есть по этому поводу? Только побыстрее, я спешу на обед, — высокий крепкий мужчина в полицейской форме быстро взглянул на дорогие часы, украшавшие его плотную волосатую руку.

— Мы пока придерживаемся версии о распространении нового наркотического вещества... На это указывает и молодой возраст жертв и то, что все близкие и друзья погибших хором утверждают, что не было никаких предпосылок: все были жизнерадостными и веселыми людьми, — говорила женщина — полицейский, державшая в руках стопку документов по данному делу.

— Вскрытие пока не обнаружило никаких подозрительных веществ в их телах, и ты это знаешь... Как там версия с влиянием интернета — может новые странные игры или розыгрыши, я в этом не разбираюсь..., - ответ женщины начальника не устроил.

— Мы проанализировали все: переписки, кэшы, историю посещений, сайты, телефонные звонки, почту... ничего подозрительного. Кроме того, что двое из них посещали одного психотерапевта, этого Лонг Лонга, а у седьмой девушки была найдена его визитка. Но сам врач утверждает, что она на прием не приходила...

— А что он утверждает по поводу тех двоих?

— Ничего, — женщина пожала плечами, — мы изучили его протоколы, более того, сессии одной девушки он записывал на диктофон, с ее разрешения, конечно. Ничего подозрительного, — она стала усиленно копаться в бумагах, — вот расшифровка, можете ознакомиться, — она попыталась всучить ему листок бумаги с транскрибацией*.

— Ну вот, — он схватил бумажку, но даже не взглянул на нее, — значит, не все так радужно было у тех двоих, раз они посещали врача. Остальные, может, посещали другого психолога или вовсе держали все при себе. Не зря говорят — у самых веселых людей грустнее всего внутри. Люди не всегда ведут себя так, как они чувствуют, — он сделал паузу и, взяв остывшую чашку кофе со своего стола, подошел к окну.

— Посмотри на эту дрянную погоду..., - сказал он, — унылая серость... Так и хочется свернуть себе шею... но... с обязательным воскрешением на Рождество и начало весны.

В дверь звонко постучали.

— Тук — тук! Это я! Шеф Буллок, можно войти? — между дверью и стеной появилась голова, а потом и все тело молодого человека, немного загорелого, со светлыми выгоревшими на солнце волосами и с ослепительной улыбкой.

— Ваш обожаемый друг вернулся! — его улыбка озарила весь угрюмый кабинет.

— С возвращением, Алекс, — улыбнулась женщина, — как прошел твой отпуск?

— Как всегда великолепно! Я облазил все горы, проплавал все моря, обошел все..., - начал было перечислять загорелый Алекс, загибая пальцы на руке.

— Так... довольно, — перебил его шеф, — потом расскажете о своих приключениях, лейтенант. Есть работа, специально для вас.

— Я как знал... как знал, — заулыбался парень, задорно потирая руки.

Шеф повернулся к женщине:

— Передай ему эти дела, — он кивнул на кипу бумаг в ее руках, — ты наверняка слышал о серии самоубийств. Теперь, это твоя забота.

— Самоубийств? Довольно депрессивненько, — взгрустнул парень, — но почему я?

— Да..., почему он? — удивилась женщина, — я уже давно веду это дело.

— И никуда особо не привела, — грубо отрезал шеф и повернулся к парню:

— Я слышан о твоём «тонком чувствовании наших настроений». Вспомни, — он повернулся к женщине, — как он вычислил убийцу только по... как ты там его вычислил... по ощущениям? Впрочем, не важно... пронизательный взгляд, тонкое чувствование... Мне все равно. Главное, выясни это! Все, удачи в новом деле, а я пошел есть!

— Приятного, — грустно улыбнулся лейтенант.

— На..., - женщина со злостью пихнула в парня увесистые папки с бумагами, — помощи не жди.

— Но я же не виноват, ну что ты, в самом деле..., - оправдывался он ей вслед...

В сети появилось фото восьмой жертвы загадочной цепочки самоубийств. Это снова была девушка. Таким образом, на данный момент было четыре девушки и четыре парня.

— Ты знаешь, что по статистике, у девушек бывает больше попыток самоубийств. Но мужчины чаще доводят до конца. Потому что — мужик сказал, мужик сделал! — хихикнул Макс, после чего накинул на голову наушники и, сделав серьёзное лицо, ответил на телефонный звонок:

«Компания «Ваша работа — наша забота», слушаю вас».

«Надо было улыбнуться, — подумала я, сидя напротив компьютера и поедая яблоко.

Мой телефон был временно отключен от функции приема звонков.

На рабочем экране компьютера, где обычно выскакивал скрипт* разговора, виднелся портрет девушки и краткая информация, найденная на просторах интернета: где, когда и почему. Впрочем, ответ на вопрос «Почему?», так и остался без ответа.

«Так называемый бунт самоубийств не редкость... стоит кому-то...»

«Мы должны не разглашать эти данные... это лишь подогревает интерес у молодежи...»

«Наоборот, пусть дети это видят. Пусть они видят, как тела этих прекрасных девушек лежат в лужах собственных экскрементов, а их разmozжённые мозги клюют вороны... после увиденного сложно будет романтизировать смерть...».

Мои глаза быстро проносились по строкам информационных текстов, пока не остановились на одном из портретов. Совсем молодая девушка. Ее лицо показалось мне знакомым, но где я могла ее видеть?

В поисках ответа я погуглила* фотографии с места происшествия. Лицо девушки не отозвалось в моей памяти, но я, наконец, поняла, откуда я ее знала. На одном из видео с места происшествий, рядом с замазанным изображением тела, стояла Печаль и плакала. Та самая Зеленая Печаль, что кинула визитку под ноги девушки. Визитку с тем самым Лонг Лонгом.

Я еще раз перечитала статью. «Она всегда была такой веселой, мы и подумать не могли. Мы ведь как раз планировали, как отметим мой День рождения. Ну как такое могло произойти, я не верю!» — говорила ее подруга.

Фрэнки лениво бросал бейсбольный шар о стенку. Тот отлетал и бумерангом возвращался обратно.

— Ая, что ты делаешь?

— Этот Лонг Лонг вызывает вопросы...

Мы сидели дома, и я решила поискать информацию об этом докторе, зайдя на его личный сайт. Фрэнки встал и лениво подошел, чтобы взглянуть на экран компьютера за моей спиной.

— Ее родные говорят, что с ней все было хорошо..., - сказала я как бы между делом.

— Ты сама сказала, что это была та девушка, с визиткой. Значит, не все у нее и было так хорошо, не?

— Может он не такой уж и хороший психотерапевт? Этот Лонг Лонг? Как думаешь, может, и мне к нему сходить на прием?

— Сначала взгляни на это, — Фрэнки ухмыльнулся и ткнул пальцем в ценник его услуг.

Я присвистнула... откуда у людей такие деньги... Тем более, у студентов, которыми и было большинство жертв.

Но тут же увидела в углу сайта ярко-красный квадратик с надписью «Акции». Нажав на него, мне открылось окно следующего содержания:

«Мое призвание помогать людям. Я понимаю, что услуги хорошего психолога, а тем более психотерапевта, стоят дорого, создавая замкнутый круг: мы не имеем денег, чтобы обратиться за помощью; но пока мы не обратимся за помощью, мы не всегда имеем шанс заработать хорошие деньги. Именно поэтому у меня действует акция: если вы студент очного отделения, член многодетной семьи, инвалид или мать (отец) — одиночка, я готов провести ТРИ первые консультации со скидкой 50 %. Так же, раз в месяц, я провожу три консультации совершенно бесплатно! Успевайте записаться, пока места есть в наличии».

— Нелегко наверно, когда твои клиенты умирают, приходится как-то зазывать новых, — улыбнулся Фрэнки. Мне же было не смешно.

Я задумалась.

— А что происходит, когда человек умирает? — спросила я Фрэнки.

Фрэнки пожал плечами.

— Круговорот душ. Умерший идет в другой мир и занимает там иную должность, отвечая на глупые звонки, а предыдущего работника увольняют и отправляют в ваш мир орущим младенцем.

— А если я умру..., ты будешь скучать по мне? — вдруг сказала я, вспомнив плачущую Печаль.

— Наверно, я должен бы сказать, что буду... Но ты ведь знаешь, что...

— Тебе будет все равно..., - процитировала я его, — я поняла.

Остаток вечера мы смотрели тупой сериал и ели пиццу.

В этот обед я решила для разнообразия сходить поесть в местное кафе. Наш бизнес-центр был огромным и единственным мега высотным зданием в округе. Здесь были расположены десятки компаний и потому большой популярностью пользовалось кафе на первом этаже. С вполне приемлемыми ценами. Конечно, я могла есть свой суп и на рабочем месте, но тогда бы мне снова пришлось выслушивать не смешные шутки Макса. Да и суп мне надоел.

— Вот хочется тебе куда-то спускаться..., - ныл Фрэнки, пока мы ждали лифт.

— Ты мог бы и остаться..., - произнесла я тихо, привычно оглядываясь по сторонам.

— Ну уж нет... шутки твоего коллеги травмируют и мои уши тоже.

В зале было много свободных мест. Официальное время обеда еще не наступило, а у меня, как у оператора, был плавающий обед... Я выбрала более или менее симпатичное блюдо, оплатила его и села за небольшой столик у окна. Фрэнки расположился напротив.

— Ооо, нет..., - прошептал он.

Лицо Фрэнки так сильно исказилось, что на секунду я решила, что Королева Депрессия снова здесь, но оглянувшись, я увидела молодого парня, а рядом с ним весело шагающий Энтузиазм... женского пола.

Я с улыбкой взглянула на Фрэнки и тихо прошептала сквозь зубы, чтобы никто из рядом жующих не услышал:

— Я, конечно, тоже не люблю этих энтузиазмов, но не надо же ТАК реагировать.

— Чтобы ты понимала... это не просто энтузиазм... это... как бы тебе сказать...на вашем человеческом языке... моя бывшая.

— Оу! — я не сдержала смешок, отчего на меня с подозрением покосилась женщина через столик. Надо было сесть еще дальше.

К большому ужасу Фрэнки, который чуть ли не залез под стол, парень с Энтузиазмом шли прямо к нам. Они расположились параллельно нашему столу, ближе к центру.

Я старалась не глазеть, но все равно украдкой посматривала. Парень стал есть непонятную жижу с явным аппетитом, а вот его Энтузиазм сразу же заметила Фрэнки.

— О, кого я вижу, Махххххххххрон...

Честно, если бы я знала, что сейчас она произнесет его имя, я бы прислушалась, а так это прозвучало как поток воздуха. Да, у эмоций есть свои имена. Но они их произносят на каких-то своих частотах или таких звуках, которые ну нам, простым людям, невозможно

выговорить. Поэтому, если у вас вдруг есть такая же способность, как у меня, можете даже не пытаться понять эти звуки-имена.

— Что ты там делаешь? Ищешь свое достоинство? — продолжала она, — можешь не стараться, я выкинула его в мусорку, как только обнаружила его покрытым пылью в старом чулане.

Фрэнки вылез из-за стола.

— И я рад тебе, Энти.

Я была удивлена, что у этой эмоции вполне различимое для нашего уха имя.

— Мы с тобой толком так и не общались с того дня, — добавил Фрэнки, слегка улыбаясь. Выглядел он глупо.

— И это было лучшее решение в моей жизни, — ответила Энти. — Равнодушие — самая дурацкая эмоция из всех. Надо было сразу понять, что от вас ничего хорошего не жди. Вот Гнев....

Мне стало обидно за Фрэнки. Что эта дамочка себе позволяет? Но я не могла ее приструнить. Я с негодованием посмотрела на парня, поглощенного своей едой, как вдруг заметила, что он едва слышно, что-то шептал: «Прекрати? Энти?». Он точно обращался к ней!

Но эта Энти продолжала свой треп, мешая мне прислушиваться.

— Прекрати! — вдруг громко и отчетливо выдал тот парень.

Я ошарашенно огляделась: вокруг не было ничего, что могло вызвать подобную реакцию. Только женщина впереди нас недовольно посмотрела сначала на меня, потом на него.

— Простите, — парень взглянул на меня, — это я не вам, — а потом перевел взгляд на женщину, — и не вам. Просто мысли вслух. Я сегодня не в духе, продолжайте есть, простите. Энтузиазм отстала от Фрэнки. И молча села рядом со своим человеком.

Неужели?

Я вытянула шею максимально ближе в его сторону и произнесла:

— Это вы *ей*? — я знала, что выгляжу очень глупо, но попытаться стоило, — ей, да? — повторила я, кивнув в сторону Энтузиазма.

— О чем вы? Я не понимаю, — глупо улыбнулся парень, — про какую «ее» вы говорите?

Его Энтузиазм посмотрела на меня в упор и удивленно спросила:

— Неужели, ты тоже центрил?

— Це... что? — не поняла я.

Услышав мой ответ, парень за столиком широко раскрыл глаза и уставился на меня.

— Это люди, которые видят эмоции, — сказала Энтузиазм, пока ее человек застыл с поднесенной ложкой ко рту.

— Что? ЧТО?? Этому даже название есть... Фрэнки? — повернулась я к своей эмоции.

— Ты и не спрашивала..., - отмахнулся он.

— Нет! В том то и дело, что спрашивала..., - я была возмущена.

— Ох... я бы сказал тебе... ты бы стала задавать больше вопросов, интересоваться, искать информацию, в конце концов, проявлять интерес. Ну и зачем мне все это надо...а?

— Я всегда знала, что тебе на всех плевать, но, чтобы не сказать этой девочке самые очевидные вещи! Как так можно, — продолжала ругать его Энтузиазм. Но тут я не могла с ней не согласиться.

— Я считала себя уникальной..., - сказала я.

— Это правда уникально, — ответила Энтузиазм, она сразу стала добрее и приветливее, — таких как вы в мире очень мало... может, всего несколько сотен...

— Всего? Это совсем не всего... я много лет думала, что я просто сумасшедшая! Одно время даже хотела идти сдаваться в психушку.

— Ох, вот поэтому я и не хотел говорить. Слишком много вопросов. А шанс встретить такого же центрила очень мал, — потянул Фрэнки.

Мимо прошла девушка, убирающая тарелки. Женщина впереди нас схватила ее за рукав:

— Позвоните в психбольницу, та девушка, — она указала на меня, — говорит там сама с собой.

— Да что вы, милая, — к ней повернулся мой сосед, который наконец пришел в себя, — это мы с ней мило беседуем, я просто очень тихий.

— Слушай, — парень посмотрел на меня, — я хоть и знал о существовании центрилов, впервые встречаю кого-то подобного. И теперь просто не могу тебя отпустить. Пошли. Поболтаем. Только не здесь, а то нас точно сдадут в психушку.

— Нет! Нам уже пора! — запротестовал Фрэнки под ухмылки Энтузиазма.

— Времени еще полно, — отмахнулась я и ему пришлось покориться.

Этот парень оказался знатоком в мире невидимого окружения. Его подружка Энтузиазм, или как ее звали — Энти, оказалась более разговорчивой эмоцией. Она поведала ему, что есть люди — душевидцы, видящие разные типы душ. Кто-то видит абсолютно все души, кто-то только некоторую часть эмоционального. И каждому дано название. Мы, как видящие эмоции, зовемся центрилы. А есть люди, видящие архетипы (кем бы они ни были), границы, ауры и даже черты характера. Все то, что скрыто от простых человеческих глаз. «Характеры, например, это такие маленькие существа... букашки. Они бегают по тебе и управляют тобой через разного рода покусывания...», — рассказывал он.

«Жуть какая... хорошо, что я их не вижу», — говорила я. В то же время зло косясь на Фрэнки. Почему он мне это не рассказывал. Да, наверно есть какая-то польза в таком Энтузиазме.

Вечером Фрэнки устало взглянул на меня: «Допустим, я бы сказал тебе это и что? Что бы изменилось? Узнала бы немного нового, но в целом, ничего бы не изменилось».

Я не могла не согласиться с этим утверждением, лениво косясь на телефон.

Уже было поздно, а ответного звонка от своего нового друга, я так и не дождалась.

Мы так, не побоюсь даже этого слова, увлечённо обсуждали центрилов и прочих, что даже не представились друг другу. Лишь, когда до окончания моего обеда оставалось минут десять, ему позвонили и сказали срочно прибыть на работу. Он удалился, но напоследок взял мой телефон, и только тогда спросил, как меня зовут, дабы внести в записную книжку и представился сам.

— Меня зовут Алекс, — сказал он.

Следующий день был бы обычным днем, если бы среди кучи стандартных телефонных звонков не раздался бы этот:

— Компания «Ваша работа — наша забота», оператор Анна слушает, — как обычно сказала я.

— Помогите мне, — раздался встревоженный тонкий голос.

— Да, конечно, мы поможем вам устроиться на работу, скажите, пожалуйста, как я могу к вам обращаться...

— Майя... Меня зовут Майя. Но я не ищу работу, я звоню чтобы вы мне помогли...

Я старалась не отходить от скрипта.

— Чем же я могу вам помочь, Майя? Это связано с графиком выхода на смену, или у вас какие-то вопросы по зарплате, проблемы с менеджерами?

— О чем вы? — голос на той стороне провода чуть ли не плакал, — в газете было написано «Уберем тревогу», помогите же мне! Мне плохо! Мне страшно!

«Найдем работу — уберем тревогу», — один из слоганов нашей компании. Наверно, девушка перепутала со службой психологической помощи. Следовало аккуратно перенаправить ее. Но куда? Быстро поискать в интернете горячие линии психологической помощи?

Пока я решала, что делать со звонком, девушка на том конце провода продолжала:

— Я не понимаю, что со мной, все было хорошо. Я готовилась к тесту, ходила на танцы. А потом... потом..., - она словно боялась произнести эти слова, — а потом мне стало страшно, даже жутко. Как будто кто-то постоянно находится рядом и следит за каждым моим шагом...

Тем временем, на экране монитора высветился номер психологической службы.

— Простите, Майя, вы позвонили в службу поиска работы. Возможно, вам попался наш слоган «Найдем работу, уберем тревогу» и вы, в вашем состоянии, немного напутали. Если хотите, я могу...

— Ой... простите..., но мне так страшно... вы не могли бы поговорить со мной... немного, пока я тут одна.

Я покосилась на менеджера — та сидела в паре метров от меня, в любой момент готовая прослушать наши разговоры. Но сейчас она была занята маникюром.

— Что же вас так напугало, Майя? — спросила я.

— Я не знаю. В том то и дело. Все было прекрасно. А потом... внезапно, появилось это чувство сильной тревоги... ужаса... да. Даже ужаса. Такой страх, что я не справлюсь. Ни с чем. Что я никто, что я... не могу дальше жить, что жизнь бессмысленна. Меня словно тяжелым камнем прижимает к кровати. Я и номер ваш набрала только потому, что газета — это единственное, до чего дотянулась моя рука. Может, мне глицина* попить?

Я не знаю, что мной тогда двигало, но видимо, в этот момент Фрэнки ушел флиртовать с Ревностью нашей коллеги со второго этажа, и не находясь под властью его влияния, я вдруг неожиданно для себя, сказала:

— Давайте с вами встретимся, сегодня. Вы знаете бизнес-центр, самое высокое здание в Северном районе городе? Там внизу есть кафе...

— Ну это же надо куда-то идти... мне кажется, у меня нет сил...

— Послушайте, — я вдруг сама удивилась решимости моего голоса, — боюсь, у вас сильнейшая депрессия, я предлагаю вам встретиться со мной..., если вы этого не сделаете, то..., вы можете умереть..., - это звучало жестко, но как еще заставить человека встать с кровати?

Голос на той стороне молчал. И вдруг сказал: «Как те восемь человек? Я уже думала об этом... я думала, может, это какая — то простуда... или грипп..., и я подхватила его. Один из погибших... мы вместе учились на одном потоке в университете... слушали пары по психологии...», — она тяжело вздохнула, — я попробую прийти... во сколько?»

Я посмотрела на часы. Медлить мне не хотелось. До вечера... доживет ли она до вечера?

— У меня скоро обеденный перерыв, в три часа дня. Внизу бизнес-центра есть кафе. Туда пускают всех. Приходите. Я буду вас ждать. Вы узнаете меня по фиолетовой кофте и коротким черным волосам, — сообщила я в телефонную трубку.

— Хорошо. Я приду, — ответила она мне.

Послышались гудки, а следом раздался следующий звонок.

И пришло смс от Алекса:

«Привет. Вчера навалилось много работы. Сегодня снова буду в вашем кафе. Если сможешь, приходи. Буду рад снова видеть тебя. Во сколько у тебя перерыв?», — прочла я это сумбурное сообщение, параллельно отвечая на звонок.

— Я не знаю, что ты натворила, но я чувствую ощущение некоего беспокойства, и оно мне не нравится, — сказал вернувшийся Фрэнки.

— Почему тебя нельзя оставить ни на минуту, — ругался Фрэнки, когда я отошла в туалет, чтобы рассказать ему об этом. Он был не характерно зол.

— Это безумие! Самоубийство! — продолжал он ругаться.

— Ну может это и не Королева Депрессия... Может, у Майи просто сильная... эээ... Печаль? Ну слушай, ее же раньше не было, откуда она взялась, ни с того, ни с чего, и убивает совсем молодых ребят. Мы должны ей помешать. Если есть хоть малейший шанс помочь этой девушке.

— Нет! Нет! Нет! Я не хочу даже слышать об этом! Я промолчал, когда ты подбросила той девушке визитку в электричке! Но ты даже не представляешь, как нам тогда повезло, что Депрессия нас не заметила..., - на секунду он задумался, — хотя теперь я в этом не уверен!

— Но..., - хотела я возразить.

— Ты даже не знаешь, что это за существо! И понятия не имеешь, насколько оно опасно! Она сожрет и тебя, и меня!

— А ты что-то знаешь о ней? — вдруг поняла я, — ты ведь что-то знаешь, ведь так?

— Нет! Я не хочу с ней связываться! — продолжал протестовать Фрэнки.

— Ну и ладно! Спрошу у Алекса! Он-то точно мне ответит. Его Энти не молчит годами, — я насупилась.

Фрэнки недовольно покачал головой.

— И как ты с ним встретишься, назначишь встречу двоим? Чтобы и его сожрали?

— Я договорилась с коллегой. Встречусь с ним в пол — третьего, а потом в три перехвачу ту девочку... если, конечно, она придет.

— Вот надо тебе в это ввязываться. Жили спокойно и вот на тебе... с чего такой интерес? С чего эта игра в спасателя? Зачем тебе это? — бурчал Фрэнки.

— Зачем? А зачем этой Депрессии прицепляться к молодым девочкам и мальчикам и убивать их... вы же тоже боитесь ее...

— Никого я не боюсь... и ничего не боюсь... все... делай, что хочешь... мне все равно! — и Фрэнки ушел. Он даже хлопнул дверью. Но никто, кроме меня, этого не заметил.

Алекс уже ждал меня, поедая пирожки с капустой, за столиком у окна. Вокруг было пусто. Энти сидела рядом с ним и что-то оживленно ему вещала.

Я тоже наспех взяла себе пару блюд и села рядом.

— Привет, и тебе привет, — я посмотрела на Энти. Та быстро осмотрела меня, безразлично взглянула на Фрэнки и продолжила что-то оживленно рассказывать.

«... А потом мы еще успеем зайти посмотреть тот фильм, его крутят уже вторую неделю. И если мы не успеем сейчас, то уже и никогда», — она явно рисовала ему планы на ближайший вечер.

— А ты тоже где-то здесь работаешь, в этом бизнес-центре? Недавно устроился? — спросила я.

— А? Нет..., — он отвлекся от разговоров Энти, — мне по делу. Надо посетить одного человека. В прошлый раз, в последний момент он слился, ссылаясь на какие-то очень важные дела. Но сегодня наша встреча все-таки состоится. А ты тут работаешь?

— Да, я оператор, отвечаю на звонки и все такое. А что за человек? Ты торговый представитель? Или продаешь какие-то услуги?

— Услуги... можно и так сказать. Услуги народу по поимке всяких подозрительных личностей. Я..., — он сделал голос тише, — из полиции.

— О, как все серьезно, — сказал я, — ведешь расследование?

— Ну, типа того, — было видно, что он не особо хочет распространяться об этом. Я и не стала настаивать.

Однако Энти не могла удержаться. Кстати, я не сказала. Энти — фиолетовая.

— Да, мы ведем расследование. Очень важное. Секретное! Между прочим. И мы почти у цели!

— Ага, — согласился с ней Алекс, — подкинули работенку, прямо на днях. Я вышел из отпуска и вообще был не в курсе всего. А мне сунули дело и сказали разгребать все... а там работы... не початый край... поэтому, — он взглянул на Энти, — боюсь, мы не сможем сходить на этот фильм.

— Да блиин! — потянула Энти, — если бы этот гадкий профессоршка приходил вовремя... мы бы давно уже все успели... пока его ждем, уже два раза фильм бы посмотрели.

— Гадкий профессоршка? — я улыбнулась.

— Лонг Лонг, — и Энти неприлично выругалась в рифму его фамилии.

— Профессор Лонг Лонг, психотерапевт? Я и не знала, что у него здесь кабинет... постой! Ты расследуешь дело о самоубийствах?!

— Тсс! — сказал он мне, гневно поворачиваясь к Энти, — когда ты уже научишься держать язык за зубами. Да, именно это дело. А ты что, много об этом слышала?

— Мне кажется, я видела...

— Как они того...? — удивленно взмахнул он бровями, откусывая очередной кусок пирожка.

— Нет, нет! Но, возможно, я видела то, что сопровождало погибших ребят... их состояние. Это было как Депрессия, но гораздо страшнее. Она была какая-то огромная, жутко страшная, вся в длинных щупальцах, с длинными когтями, вся такая фиолетово-синяя, похожая на осьминога. Прямо Королева Депрессия...у нее еще рожки на голове как корона...

— Рожки как корона? — вдруг заинтересовалась Энти, — и щупальца... ты уверена?

— Дда, даже Фрэнки подтвердит.

— Это правда? Это то, что я думаю? — она впервые обратилась к нему.

— Я не знаю, о чем ты думаешь, и что там было у всех тех ребят... Может, это гигантская Грусть скинула ту девушку с моста! — отмахнулся он.

— Не с моста. С моста прыгнул парень, первый погибший, — сказала я, которая досконально изучила погибших.

— Мне все равно... но это правда походило на Меланхолию, да, — сказал он.

Меланхолию? Это еще что такое?

— Ту самую Меланхолию? — тревожно спросила Энти, а губы ее немного задрожали, а Алекс подавился пирожком и еле откашлялся.

— Ты что-то знаешь об этом? — я обратилась к Энти, — от Фрэнки никогда не получишь никакой информации.

— Я не понимаю..., - сказала Энти, у которой вся веселость сошла с лица, — Фрэнки, но как такое возможно?

— Без понятия..., - сказал он и отвернулся к телевизору, что висел на стене.

— Так кто это? — спросил Алекс, сделав пару глотков воды.

— Если я права, то мы говорим о Меланхолии... У нее много названий... Апат, Пожиратель душ, Великая депрессия...

— И чем «Это» отличается от обычной Депрессии? — не понял Алекс.

Энти собиралась с мыслями:

— Масштабностью... опасностью... скоростью... Это не просто эмоция, а иное существо, обладающее эмоциональным окрасом. Две недели и восемь погибших — это только начало. Она набирает силу... И когда ее наберет — количество сможет превышать сотни людей в день...

— Что? — воскликнули мы с Алексом одновременно.

— Эпидемии, войны... все те события, что уносят жизни миллионов... Прикрываясь ужасными бедствиями, она убивала души, сжирала ее, отнимая шанс человека на возвращение в этот мир... Чума, испанка... первая мировая... она везде оставляла свой след. Опасная из опаснейших... Много лет назад мы заточили ее в глубоком подземелье иного мира. Но кто тогда освободил ее?

— И ты, зная кто это, просто молчал? — я посмотрела на Фрэнки, с недоумением глядящего на Энти во время ее рассказа, — и те, другие эмоции... они все видели ее! Почему никто ничего не предпринял?

— Простые эмоции, как простые люди — они далеки от знания истинного мироустройства. И точно также не знают, кто она, только чувствуют исходящую от нее опасность для себя и своего человека. Но ты знал..., - Энти бросила на Фрэнки непонимающий взгляд, — я знала, что тебе на всех наплевать, но не до такой же степени!

Я хотела сказать ей, что наверно ему как всегда все равно и вдруг вспомнила.

— О, нет! Она же придет сюда!

— Кто?

— Эта Королева! Это долго объяснять... Я сегодня разговаривала с девушкой... и назначила ей встречу тут... вот уже сейчас... она должна подойти... мне кажется, что у неё эта... Меланхолия.

Энти и Алекс переглянулись.

— Мы присядем в углу, а ты оставайся здесь. Если это она, я пойму..., - сказала Энти, — скорее всего, сейчас она слаба, а значит, пока Меланхолия не закончила со своей нынешней жертвой, нам ничего не грозит.

— Ну и в дерьмо мы вляпались, — сказал пораженный Алекс.

— А я говорил ей, — устало произнес Фрэнки, — но кто будет меня слушать.

— Это немислимый эгоцентризм, — возмутилась Энти, глядя на Равнодушие.

Никто не пришел. И это лишь усугубило мои догадки.

Через десять минут у Алекса раздался телефонный звонок.

— Очередная жертва, — сказал он, после того как положил трубку, — начальство будет в гневе.

Жертвой оказался молодой парень. Значит, та девушка еще жива.

— Но разве Королева Депрессия могла так быстро перебраться с жертвы на жертву? — спросила я, когда мы шли к выходу.

Энти задумалась:

— Думаю, ты ошиблась. А возможно, эта девушка оказалась сильнее, чем показалось Депрессии на первый взгляд и она выбрала более легкую добычу.

— Ого, мы можем сопротивляться?

— Да... если у вас сильная воля, много энергии, то сила вашей души сможет затормозить ее... во всяком случае, пока она слаба...

Сила воли? Энергия? Я поняла, что у меня никаких шансов на спасение, никаких!

Как бы он того не хотел, Алекс не мог приобщить меня к материалам дела, и мы не виделись несколько дней. Хотя мне было очень интересно узнать результат его беседы с доктором Лонг Лонгом, встреча с которым в очередной раз была отложена.

Я задумалась.

Может мне самой записаться к нему? Ценники были кусачие. Студенткой я не была. И по другим параметрам для внушительной скидки не подходила. Но однажды, обновляя его страницу в интернете, я увидела, что освободилось окошко в разделе бесплатных консультаций.

«Это мой шанс!», — подумала я и тут же записалась. Встреча должна была состояться через несколько дней, а пока я продолжала сидеть в кафе нашего бизнес-центра, поедая салат и залипая в телефоне.

— Привет, — рядом со мной села девушка, — вы случайно не из «Найдем работу — уберем тревогу», — спросила она.

Девушка была хрупкой и бледной, словно фарфоровая куколка, которую я видела в детстве, в витрине магазина.

— «Ваша работа — наша забота», — сказала я, — а то, что вы произнесли, это наш слоган. А вы что, хотите к нам устроиться?

— Да, это правда ваш голос, я та девушка. Ну, с которой вы говорили по телефону.

— Майя? — сразу догадалась я.

Она кивнула.

— Да ладно... отлично выглядишь... ну для того, кто... Ну вернее, когда мы говорили тогда... я подумала..., - короче, я совсем растерялась.

— Да, я поняла..., спасибо вам... я не знала, будете вы тут или нет... Поэтому, я заходила сюда вчера и сегодня каждые полчаса и вот встретила вас... спасибо.

— Спасибо? За что? Я вроде ничего не делала.

— Возможно и так... я не знаю... но после разговора с вами... эта тяжесть, она продолжалась... продолжалась... а потом... как вдруг исчезла... потеряла ко мне интерес. Я

понимаю, что глупо говорить об этом состоянии, как о живом существе. Но именно так это ощущалось, мне хотелось умереть, а потом вдруг все стало хорошо. Знаете, как если бы тупая боль в животе вдруг перестает вас беспокоить. Я не знаю, как еще это описать. Пропал страх и это ощущение какой-то слежки за мной.

— Да? И как быстро это произошло?

— Не знаю... наверно... спустя час после нашего разговора... я начала его обдумывать... нашу беседу, то как приду... там много чего... то как... абсолютно неизвестный человек предложил мне помощь... выслушать меня... помочь мне... вы сказали, я могу умереть, но я же не хочу умирать... я подумала о проектах, которые веду... о маме, которая платит за мою учебу. В конце концов, о моей будущей работе и о будущем в целом. Вы, как будто, запустили застывший механизм в моей голове. Я представляла, как буду рассказывать вам это состояние... и вдруг поняла, что его нет. Оно ушло...

Вечером я открыла дверь ключами и, зайдя в комнату, увидела, как Фрэнки собирает вещи в маленькую коробку из-под обуви.

— Что ты делаешь? — спросила я, снимая плащ и положив ключи на полку.

— Не видишь, что ли? Собираю вещи. Я уйду! — ответил он, демонстративно проходя мимо меня.

— Куда? Что за бред? — я проводила его взглядом.

— Я пойду искать, кого-то более равнодушного, чем ты! А ты! Жди, когда на мое место придет какой-нибудь сумасшедший Энтузиазм или безумное Любопытство. Вот вы споетесь со своим Алексом. Будете ходить на двойные свидания!

— О чем ты? Какие свидания? Нам же хорошо с тобой?

— Было! Пока тебя вдруг не стали интересовать чужие проблемы, и ты не стала изображать мать Терезу*...

— Хорошо... иди... но это же мои вещи..., - я заглянула в коробку: пульт от телевизора, мои наушники, чайные пакетики... ветчина?

— Зачем тебе пульт от телевизора без телевизора? — спросила я его.

— То есть пульт это — то, что тебя интересует? А то, что я уйду, тебе все равно?

— Разве не этого ты хочешь от меня?

Он задумался.

— Ты права. Отлично, я остаюсь, — он достал пульт из коробки и отправился в гостиную включать телек, — я хотел забрать его, что бы ты не могла включить телевизор. Хотел оставить тебе страдальческое послевкусие.

Я не стала говорить Фрэнки о возможности включения телевизора другими способами, а то еще придумает новый план причинения мне страдальческого послевкусия. Он видимо забыл о запасном пульте, лежавшем под диваном. Вернее, это и был первый пульт, который когда-то упал под диван и официально был признан потерянным. Мне было легче купить новый, чем заглядывать в это подземелье заброшенных вещей. Поэтому я отправилась на кухню делать бутерброд из спасенной ветчины.

Перед сном я взглянула на часы. Та девочка позвонила мне в восемь тридцать утра, после ночной бессонницы. Примерно в десять утра, то, что тяготило ее, ушло. И в три часа дня погиб тот юноша. Возможно ли так быстро найти и убить новую жертву? Энти сказала, что люди могут сопротивляться. Значит ли это, что точно также, как есть сильные люди,

есть и очень слабые, на уничтожение которых могло потребоваться всего полдня? И вообще, что она имела ввиду, когда говорила про пожирание души? Звучало это очень жутко и думать об этом не хотелось.

Я повернулась на другой бок. Так, а о чем мне говорить с доктором Лонг Лонгом?

Алекс приходил в третий раз. Но на этот раз даже не позвал меня на чашку кофе. Я случайно увидела его выходящим из лифта. Вид у него был очень уставшим.

— Иду поговорить с этим Лонг Лонгом. Уже в третий раз. На это раз, надеюсь, мы встретимся, — сказал он и добавил: «начальство каждый день выносит мне мозг этим делом... а никаких зацепок, кроме этого Лонг Лонга... Не могу же я им сказать, что, возможно, этих ребят убивает злобная Королева Депрессия?».

Даже Энти как-то уменьшилась и сморщилась.

«Видимо, скоро Энти придется покинуть твоего дружка. Видно, что она больше не справляется», — заметил Фрэнки, глядя им вслед.

И я даже не поняла, радовался он этому или нет.

Сегодня должна была состояться наша встреча с Лонг Лонгом.

— Ты, — я обратилась к Фрэнки, — молчи. И не мешай мне говорить и вообще, никак не выдавай себя, а то еще подумает, что я сумасшедшая, — проинструктировала я его, пока мы ехали в лифте. К счастью, мы были одни.

Кабинет у Лонг Лонга был довольно уютным местом. На ресепшене меня встретила милая девушка, которая даже предложила мне кофе, указала, где туалет, и попросила подождать. Как оказалось, Лонг Лонг был здесь не один. Это была целая ассоциация психологов. И помимо данного профессора, здесь принимало еще два психотерапевта, о чем свидетельствовали таблички на их дверях.

Наконец, из — за двери показался сам Лонг Лонг. Такой же, как и в телевизоре.

— Анна? — спросил он.

Я кивнула.

— Проходите, — он пропустил меня вперед. Там меня ждал светлый просторный кабинет — два кресла, между которыми расположился небольшой журнальный столик; поодаль, стояли полки с книгами; небольшой ворсяной ковер и абажур. Очень напоминало кабинет школьного психолога, если бы ни одна особенность — вокруг было много разных замысловатых вещей: африканские маски, висевшие на стенах; статуэтки греческих богов, стоявшие на полках. На свободной стене висела большая картина с весьма эффектной женщиной с длинными развивающимися черными волосами и в наряде на старый лад. Но, тем не менее, чего — то не хватало. Вот только чего?

— Пожалуйста, — он указал мне рукой на кресла, — располагайтесь, куда вам удобнее.

Я села на кресло слева.

— Итак, — он расположился на втором кресле, — чем могу быть полезен, Анна?

— Ээ, — да уж, одно дело формулировать проблему в голове, и совсем другое говорить ее вслух, — понимаете, я даже не знаю, как это сказать... я равнодушна ко всему. Меня ничего не интересует. Я работаю простым оператором в колл-центре. В целом, на жизнь хватает, но я ни к чему не стремлюсь. Меня все устраивает, но мне не дает покоя мысль, что я проживаю свою жизнь уныло и серо. Как-то скучно, что ли. Ничего не хочу, ни о чем не мечтаю.

— Но при этом вас все устраивает? — спросил он.

— Ну да...

— Тогда не вижу проблемы... Тут не с чем работать. Работа начинается тогда, когда вы понимаете, что в вашей жизни вас что-то не устраивает и вы хотели бы это изменить. Поправьте меня, если я не прав, вам не нравится, что вы равнодушна ко всему, но при этом, вам в этом состоянии весьма комфортно?

— Ээ...ну да... Наверно. Это же не нормально?

— Кто вам сказал, что это не нормально? Не всем же покорять Эверест и совершать открытия. Кому-то надо делать звонки, кому-то лечить людей. Вы знаете, меня интересует больше другое. Мысль о том, что равнодушие — это плохо, это ваша собственная мысль или кто-то внушил вам ее?

— Э... нет, никто ее мне не внушал... Но на меня часто жалуются, говорят что-то вроде: «Почему ты такая равнодушная?», «Почему ты такая невозмутимая?», — я попыталась спародировать фразы своей тети, бывшего парня, старой подружки...

— И как вам эти фразы?

— Ну, никак. Ну то есть... я же такая, какая я есть...

— И вас это устраивает...?

— Ну да...

— Тогда я не вижу в этом проблемы. Общество пытается навязать вам свой стереотип поведения. Изменять себя под его запросы, без собственного на то желания — это лишь ломать себя. Да и я не смогу вам ничем помочь без вашего желания измениться.

Я задумалась. Вернее, я думала, что я задумалась. Но в голове была пустота. Он меня запутал. С минуту мы молчали. Фрэнки елозил в углу, делая вид, что активно изучает картину женщины на стене, но я знала, что он внимательно подслушивает весь наш разговор.

— Может, у меня все-таки есть желание измениться?

— Оно есть? Или вы считаете, что оно должно быть?

Да блин, он меня достал. Не удивительно, что его клиенты лезут в петлю.

— Я не понимаю, в том-то и дело! Я не понимаю, хочу я этого, или просто делаю вид, что мне все нравится! Что меня все устраивает! Может, я просто... боюсь стать другой? Может, мне надоело это равнодушие, но я боюсь меняться?

Фрэнки, недавно с увлечением рассматривающий картину, повернул ко мне голову.

— Надоело равнодушие? — сказал он.

Я вжалась в кресло. Блин, я же просила не влезать в разговор. Но он продолжал:

— Я думал, что я тебе нужен, а ты говоришь, что я тебе надоел. Все это время, пока я оберегал тебя, ты мечтала о всяких Энтузиазмах и Радостях?! Что же... не буду мешать, — сказал он, и круто развернувшись, вышел из комнаты.

Я шелохнулась, готовая тотчас броситься за ним. Но это бы выглядело очень странно. Что это с Фрэнки, он же должен понимать, что это просто консультация... ради дела!

Все это время Лонг Лонг молчал и внимательно смотрел на меня. Да, я читала про эти психотерапевтические «паузы». Но не дождетесь, я больше ничего не скажу.

— Боитесь? Вы уверены, что за этим скрывается именно страх?

Я уже потеряла нить разговора.

— Да, я боюсь, — сказала я, — боюсь, что от этого равнодушия закончу как те ребята из новостей...

Раздался звук и дверь открылась.

— Профессор, простите..., - это была его секретарша.

— Закрой дверь, — рявкнул психотерапевт так громко и злобно, что я аж подпрыгнула.

Лицо Лонг Лонга нахмурилось, ноздри вздулись и даже лоб покраснелся.

— Беспокойтесь по поводу самоубийств, — сказал он быстро и резко, а его тон сильно изменился с доброжелательного на агрессивно-нападающий, — значит, вы тоже из полиции? Все вынюхиваете по делу тех молодых людей? Но вот только для меня самого — это страшная трагедия и все, что я знал, я уже рассказал вашему коллеге.

— Но я не из полиции... я... я действительно... пришла... просто на сеанс. С чего вы взяли?

— Я вижу вас насквозь! И я видел вас с тем полицейским в кафе, но думал, может это просто совпадение! Да и вообще — равнодушие... могли бы хоть легенду придумать поинтереснее! Такие люди не посещают консультации, обычно их все устраивает!

Мне даже стало немного стыдно.

— А теперь, если ко мне больше нет вопросов, прошу вас покинуть мой кабинет. Вы не просто обманули меня, а отняли эту бесплатную консультацию у того, кому реально нужна моя помощь.

Я встала и виновато поплелась к выходу. Ну у меня правда нет денег на платную консультацию. Но продолжать спор было бесполезно.

— Равнодушие — это одна из самых загадочных эмоций. За ней может скрываться все, что угодно, — вдруг сказал профессор Лонг Лонг, слегка смягчившись.

Я остановилась, держа ручку двери.

— Возможно, его присутствие, это психологическая защита от травматических событий прошлого. Однако, копание глубже может причинить вам боль и страдание.

— Спасибо, доктор, я подумаю над этим, — сказала я и вышла за дверь.

Мне было неловко, стыдно и неудобно. Так и должно быть после посещения психолога? Гадкий профессоршка, как его назвала Энти. Да еще и Фрэнки куда-то запропастился.

И только когда я вышла и подошла к лифту, я поняла, чего мне не хватало в кабинете — Лонг Лонг был один, без эмоций.

Из кабинета открывался отличный вид на дорогу. Профессор Лонг Лонг провожал девушку взглядом.

— Второй центрил за неделю..., — сказал он.

— И тем не менее, она не врала, что не работает в полиции, — сказала женщина, ставя чай на стол профессору.

— Но и не ради консультации..., - он повернулся к женщине и начал ее отчитывать:

— Это было непростительно! Я же просил не беспокоить меня во время консультаций! Я не могу выдать себя! Мы не знаем, что еще могут скрывать эти центрилы...

— Девять трупов, двое из них ходили на лекции доктора Лонг Лонга и двое были его пациентами, — Алекс угрюмо ел бутерброд.

Мы встретились в парке, подальше от людских глаз.

— Нет, один погибший студент и один выживший, — поправила его я, вспомнив Майю.

— Ну, тот факт, что та девчонка была атакована этой Депрессией, еще не установлен, — заметила Энти.

— Возможно, совпадение. Все-таки город не большой... Но сам факт отсутствия у него эмоции, подозрителен, да, Энти? Не может же она постоянно отсутствовать? — рассуждал Алекс, тоже заметивший, что эмоции у Лонг Лонга не было.

Энти не ответила. Я заметила, что с момента нашей первой встречи, она стала менее разговорчивой и всё больше пребывала в своих собственных мыслях, что не свойственно таким эмоциям.

Возможно, это повлияло на Алекса, и он решил нарушить правила и немного поделиться со мной информацией о деле, над которым работал.

«Только потому, что ты тоже центрил, и возможно, видела убийцу. Может, так у нас будет больше идей», — сказал он.

Краткая справка была не утешительна:

Под возможные причины серии самоубийств попадало все возможное и не возможное — психопрограммы, гипноз, внушения, и это только касательно психологической составляющей.

«В интернете куча психоактивных программ на любые темы: прослушиваешь аудиодорожку на минут пять, а тебе — хоп, и сделали внушение. Например, на уверенность... на раскрытие способностей... Я даже видел на то, чтобы бросить курить и начать уверенно водить машину... Я и не знал, что такое существует. Но люди слушают неделями, а потом пишут, что стали увереннее в себе, бросили пить и прочие чудеса. Вот это я понимаю, современные технологии. Вот мы и предположили, что точно также кто-то может распространять аудиодорожку с негативным настроением. Может, люди даже не в курсе. А что, пришли на пары, а им перед началом лекции как врубили эту песенку... Не зря меня раздражают люди, не пользующиеся наушниками в общественных местах — сами там слушают какие-то песни, а нам внушают ненависть к ним».

Но ничего подозрительно в телефонах найдено не было, музыку на парах студентам никто не включал, и больше никто из погибших не посещал кабинет Лонг Лонга.

— Мы изучили камеры наблюдения в вашем бизнес центре, думали, может он что-то скрывает, может, к другим его коллегам кто приходил. Мы уже всех психологов города на уши подняли. Ничего подозрительно... Зато, я однажды увидел, как ты смешно опаздывала на работу и грохнулась прямо у лифта, — Алекс улыбнулся.

— Да, было больно, — я потеряла ногу, вспоминая ушибленное место.

— А самое глупое, что мне совершенно нечего предоставить своему шефу. Я не могу написать в отчете, что толпу студентов убивает сбежавшая из другого измерения, взбесившаяся Эмоция.

— Амаг..., - поправила его Энти, — лишь наполовину эмоция...

— Не важно, — брякнул Алекс, — чудовище, невидимое никому! И для шефа явно не является подозрительным тот факт, что Лонг Лонг не испытывает никаких эмоций, — Алекс развел руками, — вот он и считает, что я просто хожу и ем бутерброды в парках.

— Так может Королева Депрессия и есть его эмоция? Может, он ее подчинил себе. Или она прицепилась к нему, сожрав ту, что была? — предположила я мысль, которая давно вертелась в моей голове. А что, сходится. Эмоция без человека, человек без эмоции. Бинго.

— Если он смог подчинить себе Меланхолию, то это просто сверх человек, — сказала Энти, — надо много сил, чтобы противостоять ей.

— А как же сотрудничество? Может они скооперировались, и Лонг Лонг ищет ей молодых парней и девушек со слабой волей? — продолжала рассуждать я.

— А в чем ему от этого выгода? — думал Алекс, — да и не все жертвы были с ним связаны. Хотя точно утверждать этого нельзя. Мы сейчас досконально изучаем все данные на этого профессора. Но в целом, ничего особенного. В молодости был хулиганом, состоял на учете в детской комнате милиции, кое-как получил аттестат, затем армия, потом бац, попал в аварию, в которой чуть не умер, зато мозги встали на место: поступил в колледж, затем университет, занялся наукой...

— Мне бы так попасть в аварию, — мечтательно протянула я.

На какое-то время Алекс замолчал.

— Мы пытались понять, есть ли какой-то алгоритм выбора жертв, — продолжила за него Энти, — или, возможно, связь между ними. Но все что удалось установить, ты и сама знаешь. Кроме их молодого возраста — ничего. Лично я считаю, что в первую очередь, Меланхолия, сжирает наиболее слабых, набирая прежнюю форму.

Я сразу вспомнила свои ночные кошмары о пожирателе душ и поежилась.

— Так может, это и есть мотив их возможного сотрудничества? — Алекс задумался, — Лонг Лонг скармливает ей кого послабее, чтобы насытить ее, а потом натравит ее как зверя, на кого нужно.

— Ага, — поддержала я, — например, на своих конкурентов.

— Слушайте, так может у них там вообще психологический сговор с остальными психологами? — Алекс вытащил телефон и сделал звонок.

— Так... Марк привет... Помнишь тех двух психологов, что работают с Лонг Лонгом... Да, я тоже с ними беседовал. Я не об этом... Проверь их биографии, наравне с Лонг Лонгом. Есть одна мыслишка... Потом объясню. Давай, — он положил трубку и добавил, — не знаю правда, как я это ему объясню. Ну да ладно.

Самое трудное в другом, — подытожил Алекс, — нам не сложно проверить хоть всех психологов города. Но сколько еще этих не официальных психологов, скрываемых от налоговых. У некоторых даже и дипломов нет. Сплошные шарлатаны. Что они в таком случае могут на консультировать этим молодым умам, даже и представить страшно.

Он перевел взгляд на часы:

— Мой обеденный перерыв подходит к концу..., - сказал он и стал собираться, стряхивая с себя крошки.

Я посмотрела на Энти.

— А почему вы не призовете кого-то на помощь из своего мира? — спросила я ее.

Энтузиазм быстро кинула на Фрэнки тревожный взгляд (да-да, Фрэнки тоже был с нами, но сидел одиноко в кустах) и сказала:

— Есть некоторые трудности с этим..., - ответила она пространственно.

— Но вы же как-то заточили ее в подземелье... Получилось тогда. Значит, получится снова?

— Тогда нам помогло удачное стечение обстоятельств..., - сказала она, — не думаю, что мы сможем повернуть подобное вновь.

Перспективы так себе.

Фрэнки продолжал упорно игнорировать наш разговор, с интересом рассматривая листочки, деревья и кусты. Он, всегда молчаливый, теперь и вовсе погрузился в себя с ног до головы и практически не разговаривал со мной. Не то, чтобы я сильно нуждалась в его словесности, но его молчание наводило тоску и жуть. Он перестал есть или делать вид, что ест. Чаще просто сидел на диване и кидал мяч в одну точку.

— С таким настроем, — сказала я ему, — мы точно станем жертвами Королевы Депрессии.

— А... ну тогда иди и обзаведись какой-нибудь Радостью! Я тебя не держу!
Он так и не простил мне того разговора в кабинете Лонг Лонга.

На следующий день, когда я была на работе, раздался телефонный звонок. Неизвестный номер. Я отключила приемку звонков и украдкой, пока менеджер не видит, ответила на звонок.

— Да?

— Анна? — знакомый женский голос, — это я, Майя, мы встречались в кафе и на всякий случай обменялись номерами, помнишь?

— Да, помню. Как ты?

— Я отлично. Но вот мой друг... Он не говорит со мной, но судя по тому, что я вижу, такое ощущение, что с ним происходит то же самое, что и со мной тогда. Я пыталась с ним поговорить, но он лишь отнекивается. Из комнаты почти не выходит, ни с кем не разговаривает. Даже не ест толком. И самое главное, это случилось так внезапно... как и у меня тогда. Я переживаю за него. Я помню, что ты говорила, что можно даже..., — её голос начал дрожать, и она с трудом смогла договорить, — можно даже умереть... Я переживаю за него. Может, ты могла бы что-нибудь сделать, вдруг, тебя он послушает?

— Эээ, — я была в замешательстве.

— Он перестал отвечать на звонки, читает сообщения и не отвечает на них. Перестал ходить на пары в университет. Я знаю, что он сейчас в общежитии, его соседи говорили, что он просто лежал на кровати и смотрел в потолок. Давай, ты приедешь и поговоришь с ним. Пожалуйста, я просто в отчаянии. Ты же смогла помочь мне...вдруг, и ему поможешь!

Моя смена оканчивалась в восемь вечера. За окном бушевал ветер и крапал дождь. Я совсем не представляла, чем я могу помочь. Но как я могла отказать?

— Хорошо, я приду. Давай адрес..., - сказала я.

Где-то в полицейском участке.

Рабочий день официально подошел к концу еще час назад. Но в полицейском участке об этом как будто не знали. Вокруг кипела оживлённая работа: стучали клавиши клавиатур, тут и там слонялись работники, а черный кофе пился литрами.

Алекс сидел, погруженный в бумаги. Помимо серии самоубийств ему еще подсунули кражу в квартире и нападение на бездомного этой ночью.

Кто-то подошел и встал прямо над ним. Подняв голову, Алекс устало улыбнулся — это был его коллега Марк.

— Ну что, есть что интересное? — спросил Алекс, взяв в руки протянутую ему папку.

— Ничего! — развел руками Марк.

— Это я вижу, — нахмурился Алекс, заметив, что папка была абсолютно пустая.

— Вообще ничего! Этих психологов, коллег Лонг Лонга, как будто не существует! Дипломы липовые — в архивах мы не нашли им подтверждения, якобы полученные лицензии тоже ненастоящие. Все их бумажки — просто фотошоп и обычный цветной принтер!

— Это как минимум светит на статью о мошеннических действиях, — задумался Алекс, — и дает нам право на обыск! А после того, как мы установим их настоящие

личности — это может дать нам зацепку!

— Повод их снова навестить у нас точно есть, — согласился Марк.

Раздался звонок. Алекс посмотрел на экран телефона — звонила Анна.

— Подожди, я отвечу... Анна, привет, что-то случилось? ... Хорошо. Пока ничего не предпринимай. Жди меня..., - он положил трубку и начал собираться, — я сейчас съезжу в одно место, а потом навещу наших не до психологов.

Но уже выходя из кабинета и мельком глянув на часы, Алекс понял, что посещение психологов лучше оставить на завтра. Осмотревшись вокруг, он нашел и причину этого решения — его Энтузиазм снова канула в тень.

Мы стояли возле серого унылого общежития, обнесенного клетчатый забором. Оно было построено лет сорок назад. Если не больше. В некоторых местах стены были обшарпаны, где — то даже немного посыпалась кирпичная кладка. Здание вроде даже считалось аварийным. Но это не мешало держать там три сотни студентов. Высокий фонарь, периодически мигая, один-единственный освещал нам небольшой участок улицы и задней стены. Мы стояли возле черного входа с большим амбарным замком. Судя по всему — этой дверью никто давно не пользовался. Парадная дверь была с другой стороны, но, чтобы не вызывать интерес вахтерши, мы условились встретиться за общежитием.

Время было почти девять. Накрапывал легкий дождь. Алекс активно жевал жвачку и явно нервничал, посматривая на часы. Я, который раз, набирала номер Майи.

«Абонент — не абонент».

— Может снова обошлось, и она решила не приходить на встречу, — предположила я. Мне было неловко перед Алексом. Он явно был не в духе.

— У меня там работа кипит... а я трачу время не пойми на что. Если честно, я до сих пор не понимаю, зачем мы сюда пришли. Допустим, мы ее увидим. Что мы сможем сделать? Помнишь, как Энти говорила, что единственное, что может помочь — сильная воля? Ее можно использовать как щит. Как думаешь, у тебя сильная воля?

— Если у кого она и сильная, то у Лонг Лонга. Не зря, он умеет прятать свои эмоции, — сказала я, — или подавлять... и они живут у него в вечном страхе.

Алекс выплюнул жвачку.

Из тени с опозданием выскочили одновременно Энти и Фрэнки, ругающиеся между собой.

— Мы должны им рассказать! — услышали мы голос Энти.

— И что будет? Меня упрут на вечность! — долетел до нас ответ Фрэнки.

Увидев нас, эмоции прекратили спор.

— Алекс! Анна! Зачем вы пришли сюда! Я говорила, что она очень опасна! — с тревогой в голосе сказала Энти, — надо уходить!

От нее это звучало более правдоподобно, чем от равнодушного Фрэнки. Но уйти мы не успели.

— Ты пришла..., - раздалось за нашей спиной так неожиданно, что мы с Алексом подпрыгнули. Обернувшись, я увидела Майю.

— ...И привела с собой друга, — сказала она, делая шаг в нашу сторону.

Она выглядела иначе — в ее позе, манере общения и движениях, было что-то неестественное.

По телу пробежал жуткий холодок.

— Это и есть твоя подружка? — прошептал Алекс, — странные у тебя друзья, конечно.

Мне хотелось ему рассказать, что она совсем не такая, но вместо этого я крикнула:

— Майя, где твой друг? С ним все хорошо?

Майя подошла еще ближе.

— Зачем ты лезешь в мои планы? Зачем мешаешь мне? — сказала она низким хриплым голосом и вдруг неожиданно бросилась на меня с кухонным ножом.

Если бы не мгновенная реакция Алекса... Он выбил из ее рук нож и скрутил ее. Она не стала сопротивляться, а сразу затихла и обмякла, потеряв сознание. Алекс аккуратно усадил ее на землю.

— Это плохо, очень плохо, — сказал Фрэнки, стоявший поодаль.

— Что происходит..., - не поняла я.

— Ее сознание... она управляла ее сознанием..., - прошептала Энти и замерла..., - Я ее чувствую... смотрите! — она показала пальцем наверх.

Там, из окна третьего этажа, медленно спускались гигантские фиолетово-синие щупальца.

Мне стало жутко. Мы с Энти прижались к Алексу. А Фрэнки, почти ставшей моей тенью, спрятался за моей спиной. Так мы и стояли плотным клубком, не в силах шелохнуться и просто смотрели, как Королева Депрессия, не спеша, вылезала из своего укрытия. Мне показалось, что она стала гораздо больше с того дня, что я видела ее в поезде. Ее щупальца распростерлись по земле, одно даже дотронулось до моей ноги и я, почувствовав жгущий холод, тут же пододвинула ногу. Затем показалось и ее тело, а потом и голова с рогами, напоминающими корону. Эти рога также изменили форму — стали более высокими и толстыми.

Мы стояли и смотрели как замороженные, не в силах сделать ни шагу. Я чувствовала, как что-то сзади с усилием дергало меня и кричало. Я даже не сразу поняла, что это Фрэнки пытался оттащить меня. Уши заложило, где-то на заднем фоне я вновь слышала ту загробную музыку из поезда. И где-то на фоне всего этого, отдаленно, до меня доходили слова моего Равнодушия:

— Что с вами? Почему вы стоите? Ая! Ая! Уходим! Уходим!

— Она нас сожрет! — закричала вдруг Энти, — мы погибнем.

— Почему мы стоим, — сказал Алекс, — может пора убежать?

Но наши ноги словно окоченели и вросли в землю.

А я продолжала глядеть на эти щупальца, которые, ложась на землю, тут же поднимались. Она не торопилась. Пауку незачем бежать к мухе, запутавшейся в его сетях.

Но не успела вся Королева Депрессия встать перед нами во всей своей устрашающей красе, как впереди возник Фрэнки. Он поднял высоко руки и активно махал ими перед нашими лицами. Мне даже показалось, что в его руках был острый предмет.

Встав между Королевой Депрессией и нами, он словно разрушил заслон, который удерживал нас. Мы тут же опомнились.

— В рассыпную, — крикнул Алекс.

Мы бросились в разные стороны.

Я ринулась к забору, к той стороне, откуда мы пришли. Там была узкая калитка. Но вход был закрыт.

— Что? Мы же недавно проходили тут. Откуда замок?

Я оглянулась. Лучше бы я этого не делала. Длинные и толстые щупальца схватили

Алекса и Энти, бежавших в противоположную сторону. Щупальце, державшее Алекса, просто подбросило его высоко вверх. Пролетев несколько метров, он плюхнулся на землю. И больше не поднимался.

— Алекс, — я бросилась вперед, но Фрэнки удержал меня, — надо уходить! Лезь через забор!

— Нет! Надо помочь им!

И вдруг Фрэнки упал — одно из щупалец схватило его и стало хлестать из стороны в сторону. Меня захватило отчаяние. Я просто замерла в ступоре: безжизненное тело Алекса лежало на земле, Энти подкидывали вверх и вниз, как мягкую игрушку, а бедного Фрэнки просто хлестали из стороны в сторону, ударяя им об землю и здание общежития. В какой-то момент его голова просто откинулась и безжизненно повисла.

Я скатилась по забору на корточки и закрыла глаза, обхватив голову руками. В ушах гудело так, словно я нахожусь под водой, а снаружи играет барабанный оркестр. Меня обдал жгущий холод, наверное, одно из щупалец добралось и до меня и сейчас начнутся мои персональные американские горки. Но вместо этого гул стал затихать, уходить все дальше и дальше от моих ушей. Я открыла глаза и увидела, что стою одна в сером тумане. Откуда он взялся?

Я позвала Фрэнки, но слова не вылетали из моего рта.

И вдруг, посреди этого тумана, раздается пронзительный детский плач. Я иду на этот звук. И вижу маленького ребенка. Сколько ей? Три года? Четыре? Может и больше. Я плохо разбираюсь в детском возрасте. Это девочка рыдает и своими ручонками обхватывает чью-то ногу, нависшую над ней. Но вдруг падает. И отползает назад. Она напугана? Я поднимаю глаза вверх. Кто эта женщина? Почему ее шея так неестественно согнута? Этот образ исчезает в тумане.

Так холодно. Неужели внезапно пришла зима? И правда, пошел снег за окном. Я слышу хохот. Где-то смеются. Что смешного? Не смешно, совсем не смешно. А вот и эта девочка. Она подросла. Почему ты сидишь здесь, на этом холодном полу, и снова реवेशь? Иди туда, в соседнюю комнату, там весело. Не люблю детей, и этот ребенок начинает меня бесить. Я присаживаюсь на корточки перед ней, и вижу ее лицо, тело, руки... мне становится страшно. Кто это сделал с тобой? Меня охватывает гнев. Негодование. Я слышу шум. Дверь открывается, и девочка в ужасе забивается в самый дальний угол. Кто это? Неужели вы снова хотите ей навредить? Я начинаю бесчинно махать руками, но этот кто-то лишь проходит сквозь меня. Я узнаю его. Это Фрэнки. Он подходит к девочке и садится на корточки перед ней. Это мой Фрэнки. Но что он делает здесь, рядом с этой девчонкой, иди домой, ко мне! Но он не слышит меня. Он приобнимает ребенка и слегка покачивая, поет песню на... итальянском языке? Похоже на колыбельную... Нет, это не Фрэнки. Я напутала. Фрэнки не поет колыбельные и не знает итальянского... Он просто очень похож на него. Ребенок успокаивается и мирно засыпает в его объятиях. Дверь с шумом распахивается.

«Где она?! Где она?!», — кричит какая-то женщина... Чьи-то мужские руки пытаются остановить ее, но она бежит к ребенку, буквально выхватывая из рук лже-Фрэнки. Я узнаю ее. Это моя тетя Мари...

Я чувствую боль. Мои глаза открываются. Я лежу на другой стороне забора, рядом обездвиженное обрубленное щупальце и Алекс, стоящий на противоположной стороне забора.

— Беги! Спасайся! — кричит мне Алекс и его вновь хватает щупальце, с большой

скоростью неся к себе по земле.

Я ищу глазами остальных и вижу лежащего на земле Фрэнки, и Энти, храбро размахивающей перед Королевой Депрессией фиолетовым мечом. Откуда она его взяла?

Но этот маневр Депрессия легко отбивает. Она хватает Энти, приподнимает Фрэнки и Алекса и открывает свою пасть. Подобно змее, ее рот широко раскрывается.

— Нет, — пытаюсь прокричать я, но в ответ выходят только хрипы.

И вдруг надо мной мелькнула зеленая тень — нечто большое перелетело через забор и бросилось прямо на Королеву Депрессию, впившись подобием рта прямо в одно из ее щупалец, отчего та издала пронзительный вопль.

— Ты! — за моей спиной раздался знакомый голос. Я обернулась — это стоял профессор Лонг Лонг, а рядом было еще двое существ, похожих на людей, но гораздо крупнее... Три сильные эмоции одновременно?

— Скорее! — скомандовал психотерапевт, и существа за его спиной бросились вперед. Лихо перелетев забор, они прыгнули на Королеву Депрессию. Хватали ее, кусали.

Она неистово закричала, до боли оглушая мои уши.

Отбиваясь от них, она высвободила и Алекса, который тут же отполз в сторону, и Энти с Фрэнком, теперь лежавших на земле.

Лонг Лонг, этот дряхлый старикашка, и тот, взял, и легко перепрыгнул через забор. Он подбежал к Алексу и помог ему встать.

— Мы отправим тебя туда, где тебе и место, мерзкая ты тварь, — крикнул психотерапевт и бросился на Королеву Депрессию, параллельно вытаскивая из своей груди полупрозрачный длинный и широкий меч. Что? Seriously? Прямо из груди?

Однако, добежать до нее он не успел. Она стряхнула с себя этих существ, откинув их на приличное расстояние, и стремительно уползла в сточные каналы... Причем уползала она быстрее, чем выползала из окна. Сильные эмоции бросились за ней.

— Нет! — закричал Лонг Лонг, — это может быть опасно. Вы можете потеряться, а по одному она легко вас прикончит!

Существа направились обратно и к моему изумлению, стали принимать человеческий вид. Это оказались секретарша и те два психолога, что работали рядом с Лонг Лонгом. Но это были не люди. Это были очеловеченные эмоции.

— Анджела, Гнев, и моя секретарша.

Петр Вискорец, Печаль и мой коллега психолог

Вероника Кураветц, Эйфория, — также мой коллега психолог.

Мои эмоции живут в нашем мире под видом обычных людей.

Благодаря их многовековому опыту жизни на земле и моей сильной воле, им удастся поддерживать свою человечность. Испокон веков, мы, энтрилы, держим мир между тонкими границами миров людей и тех его населяющих, которые не подвластны взору большинства людей. Вы не видели, но в той битве против Меланхолии, приняли участие и другие, неведомые вам существа. Но, конечно, известные вашим эмоциям. С Меланхолией у меня свои счеты. А также с теми, кто выпустил ее на волю. Тоже энтрилы. Темные энтрилы. Они сосредоточены в столице — именно там им легче всего питаться темной энергией злобы, насилия и ненависти. Однако, к ним мне еще рано идти. Сначала надо справиться с этим созданием.

— И вы все это знали? Вы знали, что мы центрилы? Почему вы не помогли нам, когда

мы пришли к вам? — не понимали мы с Алексом.

— Вы для меня как малые дети, пускающие бумажные кораблики в луже, тогда как я капитан боевого крейсера на море. Боюсь, ваша помощь мне просто ни к чему. Вы слабы. Как и ваши эмоции. И вам не доступен весь спектр того видимого, что вижу я.

Как видите, это была ловушка и вы легко угодили в нее. Она полностью поглотила разум той девушки. Как вы сказали ее звали, Майя? Вы решили, что ей стало лучше. А тем временем, ее щупальца уже пустили корни в ее мозгу. И пока вы отвлекались на общение с этой милой девушкой, Меланхолия окутала вас своими ощущениями, обездвигив ваши тела.

Какова была ее цель? Убить как можно больше людей, набраться сил и затем атаковать меня. Она всего лишь оружие в руках темных энтрилов. Вы должны понимать их могущество. Забудьте об этом. Живите дальше своими жизнями, а вам, лейтенант, я лишь пожелаю терпения. Я надеюсь, мне удастся ее победить. И ваши убийства вскоре закончатся...

— Жесть, конечно, да? — Алекс смотрел на свое побитое лицо, — легче сказать, что меня просто сбила машина.

— И что дальше? Просто ждать, когда Лонг Лонг и его команда победят Королеву Депрессию? — не понимала я.

— Ты сама видела, она раскидала нас как детишек в песочнице. Ух, до сих пор помню этот холодок... мне даже показалось, что я на мгновение отключился... и как будто попал в прошлое, в тот кошмарный день, когда мама купила мне Оптимуса Прайма*, а я же просил Бамблби*. Брр, самый худший день в моей жизни.

— Ты хоть как-то сражался... а я вообще оцепенела и ничего не делала, пока вас там убивали.

— Не расстраивайся, Лонг Лонг же сказал, что ступор — это нормальная реакция, может в следующий раз ты тоже будешь сражаться, и может быть тебя даже сожрут.

Я улыбнулась.

— Да, ты прав. Главное, чтобы убийства прекратились.

Убийства и правда вскоре прекратились. Со смертью Лонг Лонга. Его нашли мертвым в своем собственном кабинете. Экспертиза показала самоубийство. Это показал и маленький пистолет в его руках, а также дыра в голове. Пропали и секретарша, и его коллеги. Энти считает, что они пробыли на земле много веков, не возвращаясь в свой мир, по принуждению Лонг Лонга. И теперь, наконец, обрели свободу. Еще она говорит, что для очеловечивания сразу трех эмоций требуется невероятная сила воли и энергии, которой нет у простых людей. А значит, Лонг Лонг, подобно энергетическому вампиру, сосал эту волю и энергию у своих пациентов и студентов. Именно поэтому они становились легкой добычей Королевы Депрессии.

Это событие помогло полиции скинуть все предыдущие самоубийства на психотерапевта. Пока официальная версия, что он и его коллеги распространяли опасные психоактивные программы, а также проводили сеансы группового внушения на тайных встречах со студентами. Затем коллеги убили доктора, подстроив самоубийство, и сбежали в закат. Мотив? Кому нужен мотив, главное найти убийцу. Иногда, эта версия мне даже кажется более логичной, чем версия Лонг Лонга про злобных темных энтрилов.

Как бы там ни было, выполнив свое предназначение, Королева Депрессия покинула наш

город. Возможно, вернулась к своим темным энтрилам. Возможно, те снова заточили ее в темнице. Я мало поняла из того, что произошло. Фрэнки ушел. На его место пришла Печаль. Мне сложно к ней привыкнуть. Это милая синеватая девочка все время вздыхает и охает, заставляя меня с любовью вспоминать молчаливого Фрэнки. Надеюсь, что Печаль когда-нибудь уйдет. И Фрэнки вернется. Но в этом и парадокс: пока я грущу о Фрэнки, он никогда не вернется ко мне.

Сегодня я умерла.

Ступая по длинному светлому коридору, окруженная белоснежными стенами, я никак не могла примерить эту мысль на вкус. Умерла... Так внезапно... Кто же теперь выйдет вместо меня на смену? Неужели теперь Джери придется брать мои столики и просто разрываться в час пик между голодными гостями и недовольными любителями выпить? А мама? Наверно, она расстроится. Что за глупая мысль, конечно, она расстроится. А кто ей сообщит? Как скоро она узнает? Ну что за нелепость, в самом деле. Вот так всегда. Вечно я все порчу.

Наконец, коридор закончился, и передо мной возникла... парта? Что? Обыкновенная школьная парта? Я умерла, чтобы снова ходить в школу? Но, к счастью, вскоре окажется, что это была просто парта и ничего более. За партой сидел маленький ангелоподобный дядька. Важное уточнение: когда я говорю ангелоподобный, я вовсе не имею в виду, что прекрасный как ангел. Отнюдь. Даже наоборот: он был похож на перезрелого ребенка, со светлыми кудрявыми волосами, одетый в белую рясу. А за его спиной было что-то, отдаленно напоминающее крылья. Но такие крохотные, что я сомневаюсь, что он может летать. Он сидел за партой и смотрел на меня поверх своих очков. Очки на небесах... ммм... вам что, не завезли сюда лазерную коррекцию? Это вызывало у меня такое же не понимание, как и плохое зрение Гарри Поттера* в мире магии.

Впрочем, не важно.

— Умершая под номером сто семь миллиардов двадцать восемь миллионов триста пятьдесят тысяч пятьсот восемьдесят два. Сокращенно «Два». Значит, вы умерли сегодня, при..., - он поднял листок бумаги, все это время лежавший на столе, и сощутив глаза, внимательно изучил его, — ...при весьма понятных обстоятельствах. Вас сбил электропоезд, пока вы переходили железнодорожные пути в неполюженном месте. Как такое вообще возможно? Насколько мне известно, они громкие, эти поезда...

— Я была в наушниках, — развела я руками.

— Жаль: тупость у нас не считается за грех. А надо бы, только добавляете мне работу. Ну что ж..., - он отложил бумагу и скрестил руки перед собой, — как вы видите, за моей спиной две двери. Одна ведет в Ад, другая в Рай. Куда вам положено, мы сейчас выясним на основании ваших дел.

Я посмотрела за его спину, где расположились давно заимеченные мною двери. Их было не сложно заметить — особенно ту, что была красного цвета и над которой висела мерцающая, словно новогодняя гирлянда, надпись «АД». Вдруг, эта дверь открылась, и из нее вышел ... мужчина с карнавала? На нем были надеты рога как из дешевого магазина приколов и прицеплен не настоящий красный хвост. В руках его была толстая книга.

— А вот и я. Принес ваши грешки, — весело сказал он и бросил на стол тяжелую книгу в черном переплете.

— Что? Такая толстая? Неужели я так много грешила? — удивленно воскликнула я, глядя на книгу.

Тут открылась вторая дверь и из нее вышла женщина, с накладными крылышками и нимбом, приклеенным на палочку. Женщина мне улыбнулась и положила на стол тонкую белую книжечку, больше похожую на брошюру.

— А это добрые дела, — сказала она и подмигнула мне.

«Просто прекрасно», — саркастично подумала я. Мне стало не по себе... как будто... стыдно?

— Итак, приступим, — сказал мужичок за партой и начал изучать дела, открыв перед собой сначала черную увесистую книжку моих грехов.

Вверх ногами читаю я плохо, но все же мне удалось разглядеть, что следующие несколько страниц были исписаны всего одним словом «О, мой Бог». А мужичок с крыльями все продолжал и продолжал перелистывать страницы. Наконец, он остановился и с гневом взглянул на меня:

— Ты произнесла слово «Бог» миллионы раз, да почти вся книга об этом! Посмотри, посмотри, — он начал совать мне под нос книгу, где страница за страницей виднелись фразы «О, мой Бог», «Боже», «Слава Богу».

— Ты понимаешь, что за это тебе грозит сотни ударов плетью! — взревел он.

Он посмотрел на человека с накладными рогами.

— Забирайте ее, дайте ей тысячу ударов плетью! — сказал он.

— Но постойте, — вмешалась женщина с поддельным нимбом, — вы даже не взглянули в эту книгу, — она указала на белую тонкую брошюру, — хорошие дела там тоже есть. Например, она много работала волонтером, а сколько она перевела бабушек через дорогу. Целых две. Согласитесь, в наше суровое время это считается за подвиг.

— Ох, Цере, только ради тебя. Только ради тебя! — мужчина за партой строго посмотрел на меня и открыл тонкую книжечку, мельком бросая взгляд на ее две страницы.

— Хорошо, юная леди, — обратился он ко мне, откинув обе книги и вновь сложив руки в замок. — Я предоставлю вам выбор. Вы можете проследовать за этим прекрасным мужчиной с рогами в Красную дверь, где вас отхлестают сотни раз толстыми плетями, сделанными из кожи первоклассных буйволов. Или же вы пойдете за этой милой женщиной, в эту светлую дверь, но тогда пеняйте на себя.

— Что? — я удивилась, — у меня есть выбор?

— Да. Но подумайте хорошенько... Сотни ударов плетей, — и он указал на мужчину с рогами, который радостно замахал мне руками, маня к себе, — или пойти с этой женщиной, вон за эту дверь, — он указал мне на милую улыбающуюся женщину, стоявшую рядом с белоснежной дверью с надписью «Рай».

— Пожалуй, я пойду с ней, — я сделала шаг вперед, и встала рядом с женщиной.

— Ну воот, — обиделся мужчина из «Ада», — почему все постоянно выбирают эту дверь... у нас же так весело.

Мне даже стало жаль его.

— Ты еще можешь поменять решение, — сказал мужчина в очках, пронизывая меня взглядом.

— Пожалуй, нет, — сказала я.

— Все, хватит ее заманивать. Если вас что-то не устраивает, может пора сменить отдел маркетинга, — сказала женщина и, взяв меня за руку, приветливо улыбнулась.

— Ну что, Два, ты готова? — ласково сказал она, и на мое согласие открыла дверь. Мы вошли с ней в «Рай».

Который оказался очередным длинным коридором...

— Не сердись на Архе, — сказала она, видимо, имея ввиду, этого мужчину за партой, — до повышения, он раньше сидел в отделе Богохульств. Это очень важный и большой отдел.

Его работа заключалась в регистрации каждого обращения к Богу. Бывало, обращений было так много, что бедняга даже отлучиться в туалет не мог.

— Но зачем это? — мне нисколько не было его жаль.

— Каждый раз, когда ты произносишь имя того, кого нельзя называть всуе (если вы не поняли, она говорила о Боге), то оно автоматически регистрируется системой как мольба о помощи и ставится в очередь. Другое отделение этого отдела потом должно проверить каждое обращение. И поэтому, из-за таких как ты, — я клянусь, в глазах этой женщины на секунду появилась всепоглощающая ненависть ко мне, доли секунды и она снова вернула себе милый вид, — пока наши создания изучают все просьбы, они могут опоздать к действительно важной мольбе. А потом все эти фразочки: его нет, он не существует и прочие обиды, вплоть до отказа от религии. И что в итоге? Отдел религии лишается своей премии! А все почему? Тут то мы и возвращаемся к твоим фразам. А вот, кстати, и он.

Она указала рукой на прозрачную стенку, за которой бегал безумный мужчина. К нему одновременно из сотен труб вылетали бумажные записки, на компьютере за одиноким столом виднелась открытая электронная почта с ежесекундными уведомлениями о приходе новых сообщений, а вокруг было расположено десятка три различных телефонов, постоянно звонивших.

— Больше, больше Богохульств, мне нужно больше! — кричал он, одновременно ловя бумажки и держа в руках телефонную трубку.

— Как видишь, новый сотрудник очень любит свою работу, — сказала она и мы пошли дальше.

И чем дальше мы шли, тем больше было прозрачных кабинок, за которыми сидели разные... как она их назвала, создания? Помимо людей тут были антропоморфные животные, говорящие цветные сгустки непонятных субстанций, просто летающие нечто очень маленьких размеров. И все они усиленно работали. Значит, это и есть Рай?

Наконец, эта женщина завела меня в одну из очередных комнат за прозрачной стенкой.

Это был просторный зал, в центре которого сидела обычная тетка, знаете, такая бухгалтерша с вашей работы, и курила одновременно три сигареты и одну сигару! Она усиленно била по клавишам древнего компьютера времен моей бабушки. Увидев нас, она подняла голову, и, вытащив сигару изо рта (а сигареты нет), сказала:

— Ох, милочка, ты даже не представляешь, куда ты попала. Один день в нашей психушке, и ты поймешь, что лучше бы выбрала вторую дверь, — сиплый голос, насквозь прокуренной гортани, больно ударил по уху.

— Мне кажется, нет ничего хуже вечного избиения плетьюми, — сказала я, оглядываясь по сторонам.

— А кто сказал, что вечного? — невозмутимо ответила она, — ну побили бы тебя немного, зато потом одно сплошное веселье.

— Это правда? — я посмотрела на милую женщину, что привела меня сюда.

— Не слушай ее, — мило ответила она мне, — хорошо там, где нас нет. Они там тоже заняты делом.

Но «курящая бухгалтерша» не унималась:

— То, чем они там заняты, ангельское пение по сравнению с тем, что разгребаем тут мы.

Женщина не ответила. Она подвела меня к пустому столу, попутно снимая крылья с нимбом. Перехватив мой удивленный взгляд, она пояснила:

— Начальство требует выглядеть соответствующе ожиданиям вновь прибывших. А финансирование не выделило. Вот и приходится импровизировать, — сказала она, садясь за стол. — Так-так. Надо тебя куда-то определить.

— Куда-то определить? — не поняла я. Сложив руки в карманы, я продолжала изучать кабинет: шкафы с полками, шкафы с полками, шкафы с полками. И в центре этого три стола. На одном сидела курящая тетка. На другом милая женщина, что привела меня сюда. Третий пустовал.

— Да, мы ведь отдел кадров, — сказала женщина и сильно закашляла.

— Вы хотите заставить меня работать? А как же вечная радость? Нирвана?

Раздался режущий хриплый смех «курящей бухгалтерши».

— А ты что, устала? — спросила она насмешливо.

— Но я думала...

— Что бы получить местечко в раю, надо сначала хорошенько поработать. Вот вы же там, на Земле, прежде чем выйти на пенсию, тоже сначала работаете! — продолжала эта женщина-сигарета.

Ну, в целом, логично. Но все-таки я ожидала хоть немного блаженства. И отдыха.

Словно прочтя мои мысли, милая женщина отвлеклась от компьютера:

— Если ты хочешь взять перерыв, я могу отправить тебя в Забытье.

— Куда?

— Забытье... Вечный сон: закрываешь глаза, а потом открываешь через пять или восемь...

— Часов?

— Лет.

— Ээ, да я, пожалуй, пока и тут посижу. Посмотрю, какую работу вы мне предложите.

— С этим как раз проблемы. Требовались места в Отделе Сновидений, но сейчас вакансии закрыта. Впрочем, есть местечко рядом с Озером Душ.

— Нет! — Резко вмешалась тетка-сигара, — ей туда нельзя. Я уже договорилась об этом месте. Это слишком лакомая вакансия, чтобы отдавать ее ...простой душонке.

Эх. Даже тут эти схемы проворачивают.

— Хорошо. Пока мы подождем обновления системы вакансий. А чтобы не терять времени зря, оформлю тебя помощницей по мелким задачам. Будешь помогать всем отделам в незначительных делах.

Отлично. Я умерла, чтобы стать мальчиком на побегушках.

Город М.

— Ну что ж, старлей, теперь это ваше новое рабочее место.

— Спасибо. — Алекс улыбнулся. Но как только за ним захлопнулась дверь, улыбка исчезла с его лица.

— Надо выяснить, почему меня перевели в Главное управление... Энти, что-то тут не чисто.

— Может, стоит воспринимать это как повышение? У тебя новое звание, самоубийства прекратились, виновный найден. Вот этим ленивцам и захотелось к себе в отдел такого прекрасного работника.

— Прекрати. Мы оба знаем, что профессор Лонг Лонг не был виновен в смерти этих студентов. Чтобы не писали эти журналюги.

Энти не согласилась:

— Если бы Лонг Лонг не питался энергией юных студентов, они смогли бы дать отпор..., - высказала она свою теорию.

Дверь резко отворилась.

— Я без стука, — улыбнулась не известная девушка, — прости, мне послышалось или ты с кем-то говорил? — девушка окинула взором небольшой кабинет.

— Это я по телефону, — сказал Алекс, указывая на трубку. К счастью, телефон в самом деле лежал рядом, на столе.

— Меня зовут Алекс, тоже, — она хихикнула. — Пошли, сделаю тебе экскурсию.

Главное Управление было внушительным зданием: множество коридоров, непонятная система лестниц и лифтов, десятки дверей и просторные залы заседаний.

— Раньше это был особняк одного знатного дворянина, но потом он разорился и дом перешел в управление города, — говорила Алекс. К этому моменту они обошли лишь левое крыло.

— На сегодня все, — сказала она, — самое главное — туалет, буфет и курилку я тебе показала. Остальное в другой раз.

Навстречу им шел плотный высокий мужчина с большой пиццей и тремя чашками кофе. Вальяжно пройдя мимо и даже не поздоровавшись, он скрылся в длинном коридоре. Алекс уже видел его ранее — он, вместе с красивой черноволосой девушкой, шел с утренними ароматными булочками мимо зала заседаний, где была планерка всего Управления. На этой же планерки и был представлен Алекс, их новый сотрудник.

— Уже второй раз его вижу, — сказал Алекс девушке, — ходит туда-сюда с едой. Почему он не был на планерке? Я думал, там все управление должно присутствовать.

И только после своих слов он заметил, что Алекс-девушка с негодованием смотрела в след мужчине с пиццей.

— А они только и делают, что жрут и то ли слушают музыку, то ли фильмы смотрят. Во всяком случае, там постоянно посторонние громкие звуки, — сказала она. И тут же поспешила объяснить:

— Их кабинет в самом конце коридора. Там давно никто не работает и постоянно идет ремонт: как видишь, финансированием нас не сильно балуют. Мы называем их отделом тунеядцев.

— Отдел тунеядцев? — Алекс улыбнулся.

— Да. Как бы там ни было, Главное управление весьма престижное место работы — есть звания, соц. пакет, разные льготы, ну и соответственно, высокие должности с хорошими окладами. Вот к нам и отправляют сюда бестолковых детей важных полковников, всяких бластных друзей и прочих власть имеющих, генералов в отставке, которым скучно сидеть дома и нянчить внуков. Вот только делать они ничего не хотят. Вот наше начальство и собрало их вместе, в один кабинет. И отсадило еще подальше, чтобы не мешались. Даже названием им ухитрились придумать — «Отдел по связям с особо важными персонами». Наверно, общаются там сами с собой и считают это работой! — Алекс-девушка явно была возмущена. Вместе с ней возмущалась и Радость, ее эмоция. Так что, несмотря на возмущение, Алекс понял, что эта Алекс, его тезка, девушка весьма доброжелательная.

Вдруг на телефоне действительно раздался звонок.

— Анна, привет. Что случилось? ... Да, конечно! ... Все так серьезно?

Где-то в раю.

В один из очередных рабочих дней, мне всучили длинную узкую палку с острым наконечником и отправили на Луг Вечной Жизни собирать улетевшие бумажки с просьбами к Богу. Я ходила по лугу, натывая эти кусочки бумаги на острый штык палки. Чего там только не было: «Боже, сделай так, чтобы он ничего не узнал», «О, Бог, если ты существуешь, пусть мне поставят зачет», «Боже, я должна успеть на этот автобус»... Я стала немного понимать того мужика в очках. Наколов очередное: «Пусть моя дочь выйдет из комы», я заметила на другом конце луга паренька. Он был с точно такой же палкой, как и у меня. И был обычным парнем. Только синий. В целом, приемлемо. После кучи говорящих камней в научном отделе или курящих деревьев в отделе экологии и глобального потепления, в которых я работала последнее время, обычный человек воспринимался как нечто сверхъестественное. Пусть даже и синего цвета.

Наши глаза встретились. Вот только после этого он продолжил невозмутимо накалывать бумажки.

Ну уж нет, ты от меня так легко не отделаешься. Я подбежала к нему. Наверно со стороны это выглядело смешно: размашистый бег, с одной стороны — в руках палка, с другой — пакет с просьбами. Ну да ладно.

— Привет, — сказала я, — я Крис, но здесь меня называют Два, — и протянула руку в желтой перчатке.

Парень еще раз посмотрел на меня, потом на свою палку, потом снова на меня. Видимо решал, кто из нас интереснее. Я победила.

— Привет. Я..., - он немного помедлил, — я Фрэнки, но здесь меня называют: «эй, парень», — сказал он. После чего добавил:

— Пожалуй, пришло время отдохнуть, — и лег прямо на траву, закинув руки под голову. Я решила, что это хорошая идея и тоже легла рядом.

Какое-то время мы лежали молча, глядя в небо.

Интересно, если здесь есть небо, то может тоже есть и космос, и свои планеты?

— А ты здесь за что? — вдруг спросил Фрэнки.

— Что значит за что? Я тут работаю, — сказала я, не понимая, о чем он. И вдруг меня осенило:

— Ты имеешь в виду — за какие грехи? — спросила я. Ведь тетка-сигара говорила, что сначала надо «отработать». И вместо сотен плетей, я делаю всякую мелкую работенку. Отрабатываю свои богохульства.

Фрэнки приподнялся и странно посмотрел на меня.

— О чем ты? Какие грехи? Я думал, что ты, как и я, отрабатываешь общественно-исправительные работы. Ладно, — он встал и разогнул спину, — я, пожалуй, пойду, — и с этими словами поплелся от меня, как от прокаженной. Но именно этот факт сделал Фрэнки, в моих глазах, самым адекватным созданием в этом мире.

— Постой..., - я догнала его. К счастью, он не стал убегать. — Меня немного занесло. Я работаю тут. А ты получается, в чем-то провинился? Ты здешний сотрудник?

Фрэнки остановился и огляделся:

— Здешний сотрудник? Боже упаси! Нет!

Эй, парень, полегче с такими словами, подумала я. Но, пожалуй, оставлю свои мысли при себе.

— Они тут все двинутые, — продолжал он, и немного подумав, добавил, — и ты тому

пример.

Было даже обидно.

— Я вообще-то стажер. Недавно здесь. Пока без должности, так, везде понемногу.

— Тогда мой тебе совет, вали отсюда, а то не пройдет и месяца, как сама будешь носить маскарадные костюмы и делать вид, что это норма.

Хорошо. Я сейчас напрягусь, и воскресну. Я вздохнула.

— Ну а ты здесь какими судьбами, точно не по своей воли?

— Да, — согласился он, — я проиграл судебное разбирательство и теперь вынужден отработать одну вечность общественно-исправительных работ.

— Ого, и что же ты натворил?

— Решил поиграть в детектива и забрел туда, куда не следовало, — сказал он и замолчал. Видимо, больше он и не хотел рассказывать. Я не стала настаивать, боясь, что снова спугну его. Остаток времени мы убрали луг вместе, показывая друг другу нелепые или абсурдные просьбы, и размышляли об их авторах.

Дни полетели дальше. Ну как дни. Тут не было понятия дня и ночи. Это был один большой вечный день. Спать не хотелось, усталости не было, в животе не урчало. Но как же было скучно! Время от времени, мы пересекались с Фрэнки. Он был, словно из другого мира. На фоне нервных, вечно орущих, уставших (как можно быть уставшими в мире, где нет усталости?) сотрудников, он казался спокойным и уравновешенным. Мне даже становилось страшно, неужели и я, как и завещал Фрэнки, скоро стану такой же, как здешние сотрудники. Буду сидеть, курить по пять сигар одновременно, и глухим, осипшим голосом кричать в телефонную трубку всякие гадости. Даже Цере часто хмурилась и старалась избавиться от меня как только увидит, отправляя на всякие бессмысленные дела. Еще больше она хмурилась, когда видела нас с Фрэнки, приговаривая, чтобы я держалась подальше от этого уголовника. Но в те часы, когда мы пересекались с Фрэнки и делали общую работу, будь то чистка комнат для курения, стрижка деревьев или сбор яблок (зачем?), мне удавалось прогонять мою гигантскую скуку.

— Ты видела этого Коняшку из Отдела совпадений? — хихикал Фрэнки, — я как-то приносил ему отчеты

— Да, да, — смеялась я, — что вообще за бред? Кому вообще нужен Отдел совпадений?

— Ну как, чтобы издеваться над людьми, — отвечал мой новый друг, — ты вспомни, какие он там схемы проворачивал, сводя этих конспирологов с ума. Понатыкал своих треугольников по всему земному шару, а люди теперь и гадают, что это значит.

Так мы сидели и сплетничали на лугу, перед Яблоневым садом и грызли яблоки. Есть не хотелось, но это не мешало получать удовольствие от вкуса.

Вдруг, как эхо, раздался голос:

— Крис... моя Крис..., - и послышались всхлипы.

— Ты это слышал, — я быстро встала, отбросив яблоко.

— Слышал что? — не понял Фрэнки.

— Голос... как будто... ото всюду...

— Нет, только тебя, — он тоже встал, — А что? Ты что-то слышала?

— Да, мне показалось, что я слышала голос мамы.

— Голос мамы? Хм..., - Фрэнки задумался и впервые поинтересовался моим прошлым, — как ты вообще здесь оказалась... Откуда ты?

— Вот ты где, я тебе везде ищу! — появилась Цере, голос ее был немного

встревоженный. — Пошли, есть срочная работенка для тебя в Отделе срочных сведений! — сказала она, схватив меня за рукав.

— Кто позволил тебе есть эти яблоки? — строго сказала она моему синему другу, — я добавлю тебе еще несколько дней к вечности за порчу имущества!

— Да вы все равно их выкидываете, — крикнул он ей вслед.

Уводимая Цере, я оглянулась и виновато улыбнулась. Неловко получилось, если вспомнить, что это я предложила грызть яблоки. В итоге влетело только ему.

Тем временем, Цере привела меня в комнату, где я никогда ранее не была. Это было больше похоже на большую серверную комнату: вокруг блоки питания, старые компьютеры, телефонные трубки. И все в таком слое пыли, словно сюда давным-давно не ступала ничья нога. В одном из углов сидел козочел. Во всяком случае, так я его называла про себя. А как еще назвать смесь козла и человека, только с четырьмя руками? Монстр? Мутант? Здесь это было не приемлемо. Во всяком случае, в этическом кодексе, который я успела изучить, за это полагались штрафы. Звали его Козео (да-да!) и был он что-то вроде электрика, сантехника и мастера на все четыре руки (две из которых были копытами).

— Как дела Козео? — спросила его Цере.

— Почти закончил, — ответил он, копаясь в блоке питания.

— Козео скажет тебе, что делать, — сказала она, и уже выходя в дверь, тихо процедила:

— И еще... я просила тебя не общаться с этим уголовником. Такие связи здесь не приветствуются! — вновь напомнила она о моей дружбе с Фрэнки.

Козео встал и отряхнулся.

— Один из аппаратов вышел из строя.

— Что за аппарат? — безучастно спросила я, внутри горя от злости. Еще будут мне тут указывать, с кем дружить, а с кем нет.

— Аппарат по отправке сигналов душам, — сказал Козео, — а теперь возьми вон ту тряпочку и протри все здесь от пыли, а то, как бы еще что не вышло из строя.

Какая-то работа ради работы, — подумала я, беря тряпку.

И вновь понеслись обычные рабочие будни. Скука, скука, скука. Фрэнки постоянно где-то пропадал, вне моей видимости. Лишь один раз я увидела его за прозрачной стенкой: он помогал в Отделе Богохульств, принимая звонки.

Вот так всегда в моей жизни. Только я начинаю к чему-то или кому-то проявлять симпатию, как сразу создаются препятствия и меня разлучают с объектом моего интереса. И даже после смерти этот злой рок продолжает меня преследовать.

Город М.,

Расплатившись за большую чашку кофе, Алекс устало взглянул на нее.

Живительный напиток был не в силах вдохнуть в него жизнь, подарить дополнительные часы сна и убрать мешки под глазами. Остановившись, он думал, что лучше — сразу пойти на работу или сделать пару глотков.

— Веселая ночка? — Алекс поднял голову — прямо перед ним стоял мужчина из отдела тунеядцев, который постоянно таскал разнообразную еду к себе в кабинет.

Алекс кивнул. Мужчина встал рядом и закурил. Ему было на вид лет сорок, не больше. Но при этом на лбу у него прорезались глубокие морщины, а на висках уже виднелась седина.

«Он тоже блатной?», — Алексу стало смешно от мысли, что этот мужчина может быть

сыном авторитетного дедка. Или, наоборот, может он папаша молодого депутата? Очень молодого депутата. Или генерал в отставке? Нет, таких сразу узнаешь по их выправке.

— Что-то не видел тебя в пятницу, — вдруг сказал мужчина.

Алекс удивленно посмотрел на него. Мало того, что он остановился и поздоровался, что никогда не наблюдалось в Управлении, так он еще и заметил его, Алекса, отсутствие на рабочем месте в пятницу.

— Да, мне срочно пришлось вернуться домой. Еле отпросился. Моей подруге стало плохо. Она сейчас в больнице, — сказал он отчужденно, с грустью в голосе. Совсем недавно он говорил с Анной по телефону. Она жаловалась ему на кашель и небольшую температуру. Но голос был бодрым. Все изменилось буквально за ночь. Ему позвонили рано утром как контактному номеру, указанному Анной.

— Мм, понимаю, понимаю. У меня у самого дочь сейчас в коме лежит. Прескверно это, когда врачи не дают никаких прогнозов.

— Это точно, — согласился Алекс.

— Георгий, — мужчина протянул руку.

— Алекс, — он протянул руку в ответ.

Георгий докурил сигарету и взглянул на свои толстенные часы в позолоченной оправе.

— Ладно, мне еще пора за кофе и утренними булками, — и выбросив сигарету в урну, он уверенно прошел в кафе.

Алекс недолго смотрел ему в след. Он вспомнил, что опаздывает на утреннюю планерку и посмотрел по сторонам в поисках Энти, но та уже канула в тень. Лишь легкая тревога витала в воздухе — по телу Алекса пробежала дрожь, как при легком ознобе, а внутри слегка подташнивало.

«Переживаю из-за Анны», — решил он и двинулся на работу.

За пару минут до начала недельной планерки, Алекс успел вбежать в конференц-зал. Все козырные места были заняты и ему пришлось сесть за первый стол, прямо напротив стола начальства. Заняв это место, он обратил внимание, что слева от него, через стол, сидела та самая черноволосая девушка из отдела тунеядцев, которую он видел в свой первый рабочий день.

«Значит, они все-таки ходят на собрания», — подумал он. Девушка кривила носиком. «Наверно, ее эмоция — это отвращение, или высокомерие», — подумал Алекс. Но подтверждение своих слов не увидел. В прочем, эмоциям свойственно пропадать.

Вошел начальник, закрыв за собой дверь.

— Здравствуйте, здравствуйте, коллеги..., - начал он свою повестку.

Слушая гневные тирады начальства о низких показателях по всем направлениям, Алекс не мог не отметить, что эта черноволосая девушка время от времени бросает на него изучающие взгляды. Даже рассматривает.

«Сначала этот мужик, Георгий. Теперь она. Что им от меня надо. Может, думают, что раз меня перевели из небольшого провинциального городка, то я тоже блатной?», — думал он.

— А теперь по вашему направлению, — начальник посмотрел на девушку из отдела тунеядцев, — хотел бы я вас похвалить, но тоже не за что.

— Мы работаем на износ, — отстраненно сказала девушка, — и делаем все, что в наших силах.

— Пытаются делать видимость, что они тоже работают, — хмыкнул кто-то позади Алекса.

— Вам просили передать, — начальник подошел к столу и протянул девушке тонкую папку.

— Спорим, там флешка с новыми фильмами, которые срочно надо проверить на предмет интересности, — шепнули с другого бока.

«Никто не любит этих тунеядцев», — подумал Алекс и увидел, как из-за небольшой тени вылезла Энти и направилась к нему. Его взгляд на эмоцию тут же перехватила девушка-тунеядец, принимающая из рук начальника папку. Алекс открыл свой блокнот и написал для Энти небольшое послание: «Эта девушка постоянно пялится на меня. Может, она тоже, центрил?»

Энти не ответила, молча сев рядом. Алекс почувствовал сильную сухость во рту и стеснение в горле. По телу вновь пробежала дрожь.

— Нам не хватает сотрудников, — сказала девушка-тунеядец.

— Не вам одним! — сухо ответил шеф, — не вам одним. Жду ваших отчетов. А теперь все за работу! Алекс, да, ты, со мной в кабинет! — гаркнул он Алексу и тот сразу бросился вслед уходящему начальнику, по пути нелепо споткнувшись об собственную ногу.

«Надо взять себя в руки», — думал он, догоняя начальника, — «все буквально валится из рук». И вдруг его осенило: «Энти? С ней все в порядке?». Но эмоция вновь исчезла отправившись по своим эмоциональным делам. «Наверно, ей здесь тоже не нравится», — подумал он, заходя в кабинет начальника.

Планерка была окончена и все стали быстро расходиться по кабинетам. Но девушка из отдела тунеядцев не спешила. Она открыла папку, переложила бумажки, а затем сложила все обратно. Когда из кабинета вышел последний сотрудник, она не спеша подошла к столу, где сидел Алекс и заглянула в блокнот, оставленный им в спешке.

«Эта девушка постоянно пялится на меня. Может она тоже, центрил?», — прочла она.

Где — то в Раю.

В один из дней я писала устав Отдела кадров на древнем ЭВМ, под причитания сиплогс голоса тетки-сигары. Я уже знала, что работаю в одном из филиалов Отдела Отделов, которых раскидано ведомо-неведомо по всей небесной канцелярии. Сюда соединили в кучу все «Отделы всякой ерунды», как я их называю, которые слишком малы, чтобы получить свое Управление. И для каждого из них требовался свой собственный устав.

— Ну ты посмотри, новый указ свыше, — ругалась тетка-сигара с листком бумаги, — они снова решили объединить все Отделы Отделов в одну структуру! За последние сто лет они уже три раза меняли нашу организацию ... Пусть тогда выращивают больше бумаги! Никакой автономии!

В дверь вбежал запыхавшийся Козео. Обычно он был спокойный, чем выделялся на фоне остальных. Но видимо это заразно.

— Ты, — сказал он мне, — быстро за мной!

— Эй, она пишет устав, — попыталась противиться курящая тетка.

— От твоего устава не зависит судьба нашего Отдела! Так что сама напишешь, Мэне, чай пальцы еще не атрофировались, ну ка, Два, быстро сюда!

На самом деле, я была рада вырваться от этой курящей тетки. Терпеть не могу запах

сигарет.

Козео так быстро семенил своими копытами, что я еле успевала за ним. Мы петляли в бесконечных коридорах: входили и выходили в бесчисленное число дверей. На нашем пути даже перестали попадаться сотрудники. И никаких кабинетов больше не было, лишь пустынные помещения или запертые двери. В одном из таких безлюдных коридоров я встретила Фрэнки. Он оттирал стену.

— Эй, парень, — сказал Козео, — ты тоже за мной.

Фрэнки посмотрел на козлочела, потом на меня, потом на свою тряпку и быстро встал, отряхнулся и поспешил вслед за нами.

Я улыбнулась ему. Он сделал вопросительное лицо, но я лишь пожала плечами. Что задумал этот козлишка? Судьба Отдела? Будет, что обсудить с Фрэнки. Мы шли по длинному коридору, с плохо мерцающей лампочкой, затем спустились на технический этаж, с многочисленными трубами и нескончаемым гулом неизвестного происхождения. Оттуда, по железной лестнице, мы отправились еще ниже. Козео, не без труда, открыл толстую железную дверь в конце лестницы и вошел в нее, поманив нас. Было жутко, но рядом был Фрэнки. Мы вместе зашли в это темное помещение. Вдруг что-то щелкнуло и включился свет — две бледно-желтые лампочки. Перед нами предстало помещение полукруглой цилиндрической формы, со старыми, изъеденными ржавчиной, трубами, пролегающими вдоль всего потолка. Идеально для фильма ужасов. Но ужаснее было то, что посреди комнаты стоял потертый деревянный стул, а на нем два комбинезона по типу униформы. А рядом одно ведро с мутной водой и пару ведер с белой краской.

— Как можно быстрее покрасьте все в белый цвет! — Козео немного нервничал, — они могут прибыть в любую секунду. Прямо сейчас! — он почти визжал и в этом крике явно проблескивало «Мее».

— Что это? — спросила я, продолжая осматриваться.

— Этот коридор идеально подходит для места, куда люди будут попадать во время клинической смерти, — сказал Козео, раскидывая руки и копыта во все стороны, — к сожалению, бумаги подписали гораздо быстрее, чем мы привели его в нормальный вид. Скоро открытие! Поэтому, поживее! В любой момент может приехать проверка из комиссии! А я пока пойду принесу большую лампу. Поставлю ее там, в конце коридора. Будет такой «вау эффект» яркого света, — сказал он, поднимая руки с копытами над собой и очерчивая ими полукруг, — так что скорее, скорее! — и Козео вышел в ту дверь, из которой мы пришли.

— «Мы привели его в нормальный вид», ну ты слышала? Мы? — возмутился Фрэнки, — это я тут все чистил, мыл. Ты бы видела, какой бардак здесь был, когда я впервые сюда пришел. Это место служило давно забытым складом. Сколько хлама я выкинул, сколько грязи вытер.

Теперь понятно, где он пропадал.

Мы накинули комбинезоны и принялись за работу. Нам самим спешить было некуда. Впереди вечность.

Мы докрашивали одну из труб, рассуждая как быстро сойдет с ума Козео, которого собирались перевести в Отдел Богохульств («У него же четыре руки, а значит в четыре раза больше эффективности»), как я почувствовала легкое дуновение ветра. Фрэнки тоже его почувствовал. Мы отложили кисти и стали высматривать, откуда шел сквозняк. Оказалось,

что в метре от нас закручивалась вихревая воронка и неожиданно раздался хлопок. Я вздрогнула. На месте воронки появилась девушка. Обычная девушка с короткими черными волосами.

Она уставилась на нас.

— Ая? — с подозрением произнес Фрэнки.

— Фрэнки? — сказала она, вытаращив глаза.

— Почему ты здесь? Что случилось? — Фрэнки направился к ней, но тут раздался новый хлопок, и она исчезла.

— Ты знаешь ее? Куда она подевалась? Что это вообще было? — меня душило сразу несколько вопросов.

— Ты что, забыла, где мы? — Фрэнки продолжал смотреть на пустое пространство рядом с нами, — она только что испытала клиническую смерть. И значит, либо с ней все хорошо, либо она...

— Умерла? — осторожно спросила я, — но это значит, она должна оказаться здесь, разве нет?

Сначала Фрэнки бросил на меня вопрошающий взгляд, но затем его осенила мысль:

— Ты права, есть еще один вариант. Маловероятно, но все же, пошли! — он быстрым шагом пошел в конец туннеля, прямо туда, где Козео планировал установить яркую лампочку. Оказалось, в конце туннеля была дверь. Не удивительно.

— Все то ты знаешь, — сказала я.

— Я уже десятки лет брожу туда-сюда, то тут, то там... все эти здания Отделов, различные Управления... все они похожи между собой...

— Ого, и во многих Отделах ты успел поработать?

— В десятках! Если не сотнях! И все они идентичны! Стандартные коробки! — ответил он, силясь открыть дверь.

Наконец, дверь поддалась, и мы оказались, кто бы мог подумать, в очередном коридоре. Просторном и светлом. Так, стоп. Это же тот самый коридор, где я оказалась в начале этой истории. В конце коридора по-прежнему стояла коричневая парта, за которой было две двери: «Ад», с неработающей гирляндой и «Рай». К счастью, сейчас там никого не было.

Фрэнки посмотрел из стороны в сторону. Как будто, если бы та девушка была здесь, мы могли ее не заметить.

— Я подумал, что она могла попасть сюда. Такое бывает. Во всяком случае, лучше уж тут, чем умереть.

— Ты что-то путаешь, — сказала я, — если бы она умерла, она попала бы сюда.

Но Фрэнки был иного мнения:

— Нет, — сказал он, — это коридор коматозников.

И вдруг снова раздался хлопок, и эта девушка материализовалась прямо перед нами.

Она сразу же бросилась к моему другу и даже приобняла его. Хм.

— Фрэнки, это правда ты? — удивилась она.

Он сразу отодвинул ее от себя (ха-ха).

— Ая, что с тобой случилось, почему ты здесь?

— Не знаю, а где мы? — она осмотрелась. Впрочем, в тот момент, меня совсем не интересовал их разговор. В моей голове засел совсем другой вопрос:

Коридор коматозников?!

Город М.,

За окном уже смеркалось, а Алекс все продолжал корпеть над длинными отчетами по заданию начальника. Оказалось, что Алекс относится к редкому виду сотрудников, в совершенстве умеющих пользоваться офисными программами. И теперь он аккуратно подбивал данные, вырисовывая их в красивые столбцы. «Наверное, ради этого меня и перевели сюда!», — думал он. Рядом на столе лежало новое дело о мертвом бомже, найденном в чужой квартире и к которому он еще даже не успел приступить.

«Твой бомж уже никуда не денется, а вот отчеты надо сдавать уже вчера», — сказал ему начальник на его возражения. И теперь, когда рабочий день давно закончился, Алекс уверенно шел в кабинет начальника, неся очень важные бумажки, пока где-то его ждал разлагающийся труп. «Наконец, приступлю к своей работе», — думал он.

Но вместо начальника там стояла та девушка из отдела тунеядцев. К этому моменту он уже выяснил, что ее звали Мара и удивлялся столь позднему ее присутствию на рабочем месте.

— Здравствуйте, — сказал он.

Она кивнула и продолжила не принужденно прохаживаться мимо полок с многочисленными папками.

И как бы между делом спросила:

— Значит, ты из того городка, который прогремел на всю страну серией самоубийств? — спросила она самым будничным тоном.

— Да, увы. Хотелось бы мне, чтобы он отгремел чем-нибудь более хорошим.

— И ты лично занимался этим делом? — она даже не смотрела на него, упорно делая вид, что рассматривает верхнюю полку.

— Да, — ответил он, аккуратно выложив отчеты на стол начальника.

— И ты считаешь, что Лонг Лонг сам себя убил?

— Что? Я такого не говорил.

Мара протянула ему блокнот.

— Ты забыл его на планерке.

— А, точно! Спасибо, а я думал, что потерял его.

— Что такое центрилы? — спросила она вдруг так неожиданно, что Алекс замер, — я поискала это слово в интернет-словарях, но нигде не нашла его упоминание.

— Ээ, — он пытался вспомнить, в каком контексте употребил данное слово, чтобы выдумать правдоподобный ответ.

— Не припоминаю такого, — произнес он после небольшой паузы.

Она помолчала.

— Ты знаешь, из какого я отдела? — спросила она.

Алекс чуть не выпалил про отдел тунеядцев, но вовремя остановился, вспомнив, что у них есть и официальное название. Вот только какое?

— Что-то там отдел по связям с... особо важными персонами?

— Да, ты почти прав, — она сделала паузу, — это официальное название для прикрытия. На самом деле, наш отдел называется «Отдел по связям с особо важными персонами, их взаимодействием в структуре миров, нарушением границ, противоправных действий и других преступлений». И под особо важными персонами мы подразумеваем всех тех, кто случайно или преднамеренно пересек Грань своего мира или пытается это сделать без особой на то причины.

Она замолчала, словно давая Алексу обдумать эту мысль.

— Грань своего мира... вы про кого, инопланетян?

— Про души... если точнее. Души, и все те существа, что их имеют, и которые, как ты знаешь, не ограничены только людьми.

Алекс задумался на мгновение.

— Значит, вы все-таки центрил? — спросил он.

— Понятия не имею, что это значит, но видимо, ты один из них, — сказала девушка из отдела тунеядцев.

Алекс покачал головой.

— Слушайте, мне бы не хотелось...

— У них заложники. У них твоя Анна.

— Что? Анна? Откуда вы про нее знаете? — он сразу же вспомнил мужчину с сединой, с которым утром поделился своими переживаниями. «Ах ты старый пес», — подумал он.

— Я видел Анну. Да, она сейчас не в лучшем виде, но она в больнице и с ней все хорошо. Будет хорошо.

— Ты говоришь о ее теле. Оно действительно в больнице. Но ее душа не здесь, а там, — она посмотрела глазами в потолок, — ее похитили. Вместе с душой Кристины, дочерью моего коллеги. И нашим... гм... можно так сказать, бывшим сотрудником, Энией.

Ни Эния, ни какая-то там Кристина Алекса не интересовали.

— Эния — это Фрэнки, Равнодушие Анны. Так его звали, когда он был... человеком, — раздался голос Энти.

Глаза Алекса расширились.

— Что? Фрэнки был человеком? — сказал он вслух и сразу понял, что вырванная из контекста, эта фраза звучит странно.

Но Мара лишь кивнула, что означало, что она тоже слышала слова его эмоции.

За дверью послышались приближающиеся шаги начальника.

— Тебе пора, — сказала Мара, — я не буду тебе предлагать перейти в наш отдел. У тебя просто нет выбора. О переводе не беспокойся. Я все улажу. Завтра утром жду тебя у нас.

Алекс обеспокоенно взглянул на документы по новому делу в своей руке.

— Теперь этот бомж не твоя проблема, — хладнокровно сказала Мара, — твоя проблема, что я люблю кофе с безлактозным молоком: его сложно найти. До завтра, — она открыла дверь и знаками показала ему на выход.

В дверях он встретился с начальником.

— О, Алекс.

— Он уходит, — сказала Мара и Алекс удивился, какую власть имела эта девушка.

Где-то в Раю.

— Ты в коме, — сказал Фрэнки этой девушке.

Я влезла между ними.

— Что значит в коме? Что значит коридор коматозников? Разве это не то место, куда попадают умершие души?

Ая испуганно взглянула на меня, а Фрэнки снова посмотрел на меня, как на сумасшедшую:

— Какие еще умершие души, ты о чем? Нет, конечно. Умершие души попадают в настоящее Озеро Душ, а не в ту лужу, что на нашем лугу, но зовется также. Это совсем другое

измерение, на более высоком уровне!

И вдруг его осенило:

— Подожди, то есть ты все это время думала, что ты умерла? — мне казалось, что он сейчас заржет, как тот коняшка из отдела совпадений. Но к его чести, он сдержался.

— Да! А разве не так? — но, конечно, я уже знала ответ.

— Это коридор коматозников, — еще раз повторил он, — вы обе сейчас находитесь в коме. И ваши души сейчас находятся в подвешенном состоянии. Они не могут отправиться туда, — он указал наверх, — в Озеро душ, но бесхозно шляться по Земле не безопасно. Поэтому, такие души часто ловят и перенаправляют сюда, в это измерение. Это все один большой зал ожидания!

— Так значит, я в коме? — удивленно сказала Ая.

— Как и я... но... Они сказали мне, что я умерла! Они даже заставляли меня выбирать между раем и адом!

Я была просто в бешенстве!

— Тогда почему ты работаешь здесь? Тебя должны были отправить в зал ожидания..., - подлил масла в огонь Фрэнки. В этот момент двери напротив открылись и из них вышли ангелоподобный мужик в очках, Цере из Отдела кадров и парень с накладными рогами. Они прервали свой активный разговор, уставившись на нашу троицу. Но прежде, чем они среагировали, я двинулась вперед:

— Вы сказали, что я умерла! Но я не умерла! Я в коме!

Мужичок в очках кинул злобный взгляд на Фрэнки:

— Зачем ты ей сказал, — прошипел он.

— Откуда мне было знать, что вы ей врете! Я даже не знал, что она коматозная душа! Я думал, она ваш сотрудник!

— За выдачу гос. тайны вас следует арестовать! — продолжал он.

— Я уже арестован! И это не государственная тайна. Наоборот, это вы использовали коматозную душу как бесплатную рабочую силу! Вы были обязаны рассказать ей. Это она может накатать на вас жалобу в трудовую инспекцию...

— Но мы оформили ее как стажера, с предоставлением всех привилегий! В конце концов, это был ее выбор! Она сама выбрала эту дверь! — отмахнулась Цере.

— Ничего я не выбирала! — возмутилась я. И вообще, если это не мир мертвых, то что тогда?

Ох, как мне хотелось ломать и крушить.

Город М.,

Алекс собирал свои небольшие пожитки: выданный блокнот, цветные стикеры, один степлер и другую мелкую канцелярию. А также личную кружку и упаковку с кофе. Он провел за этим рабочим местом так мало времени, что не успел еще толком обжиться.

Коробка была слишком большая и кучка мелких вещей в ней смотрелась нелепо.

— Я думала ты из наших, простых работяг, а ты... Зато теперь понятно, как ты попал к нам. А мы еще гадали, с чего вдруг обычного паренька перевели к нам из захолустного городишки, — ворчала Алекс-девушка.

— Да хороший-то городок у нас, — сказал Алекс. И посмотрел на пустое пространство рядом с девушкой. Вернее, пустое оно было для всех, но он, Алекс, видел там слегка расстроенную Радость. Алекс — девушка хоть и пыталась выражать свое недовольство и

презрение, но ее эмоция передавала всю грусть прощания с коллегой.

— Вот документы по последним делам, — сказал он виновато, протягивая ей бумаги, — и еще там было новое дело с бомжом, как оно?

— Теперь это мой бомж, — сказала она, прервав его, — мы уже там побывали. Не беспокойся. Справлюсь сама. Иди..., слушай музыку, ешь пиццу, в общем усиленно работай на благо общества.

По управлению быстро распространился слухок, что Алекс изначально был переведен в отдел тунейдцев. Но по ошибке начал работу в Отделе раскрытий преступлений.

Терпеть эти укоризненные взгляды было сложно.

— Я там тоже буду работать, — сказал он вместо прощания.

— Да да... челюстью, — Алекс-девушка отвернулась и крикнула стоящему недалеко коллеге:

— Поспорим, сколько килограммов он наберет за следующий месяц от постоянного поедания пиццы?

Алекс неодобрительно покивал головой и пошел в сторону длинного пустынного коридора, в то крыло, где шел вечный ремонт. А вслед ему прилетали голоса, делающие ставки на его будущие кило.

Филиал Небесного Отдела Отделов № 23675 категории А (с залом ожидания) Управления Земли Верхнего Уровня.

Так называлось то место, где я оказалась. Но от этого мне не стало легче красить эту цилиндрическую комнату. В целом, название это было мне знакомо. Я встречала его в уставах, отчетах и других бумагах. Вот только я думала, что это и есть загробная жизнь, а не пристройка к Верхнему уровню, находящаяся где-то между Гранями (что бы это ни было).

Теперь мы красили втроем: я, Фрэнки и эта девушка Ая.

— И быстрее, а то, как видите, — Цере покосилась на Аю, — люди уже появляются. А туннель еще не готов. Вы представляете, что они потом будут рассказывать? Мы видели троих человекоподобных существ, красящих туннель..., - сказала она уходя.

А врать то нехорошо!

Все это был просто спектакль с их стороны, с дешевыми декорациями. Как я могла на это купиться? На их накладные рога и искусственные крылышки? Я чувствовала себя ребенком из детского сада. Ладно, расскажу и вам, чтобы в случае чего, им не удалось и вас обмануть. Зал ожидания находится за той второй дверью, с надписью «Ад». И вовсе нет там никаких плетей. Наоборот, бассейны, парки развлечений, фильмы без тупой рекламы и прочие плюшки. Но так как отделу нужны рабочие руки, они такими фокусами заманивают к себе новых работников. Фишка в том, что я должна была сама, по доброй воле, зайти с ними в белую дверь и дать себя оформить на работу. В вечное рабство. Ну, пока не выйду из комы (вот только будьте внимательны, если вы на самом деле умрете, то постарайтесь не попадать в настоящий Ад).

— Это все равно обман, — говорил Фрэнки. — Ты зашла в дверь, введенная в заблуждение. Они должны аннулировать твой контракт.

Ох. Я настолько смирилась с мыслью, что я умерла, что теперь испытывала даже какое-то... разочарование?

Ая тоже была с нами. Благодаря Фрэнки, им не удалось разыграть перед ней эту комедию, поэтому она была здесь добровольно.

Оказалось, она заболела пневмонией и в тяжелом состоянии была доставлена в больницу.

Но ведь меня сбил поезд.

— Как можно выжить, если тебя сбил поезд? — вопрошала я, лениво выводя полосы на стене. Эх, сейчас бы не помешали уловки Тома Сойера*.

— Может, он тебя аккуратно сбил? — предположил Фрэнки.

— Тебя сбил поезд? — удивилась Ая.

— Да, когда я шла под мостом Иосифа Вечного.

- в последний момент кто-то спас тебя, но вас снесло воздушным потоком: и ты ударилась головой о камни, а тот человек погиб.

— Я читала о тебе в газете, — сказала она. — Там писали, что тебе очень повезло — мало того, что кто-то спас тебя, оттащив от поезда, так еще рядом шла медсестра, сумевшая оказать тебе медицинскую помощь... Правда, вас снесло воздушным потоком и ты ударилась о камни, а тот, кто спас тебя, погиб.

Прекрасно. Значит, из-за меня еще кто-то умер.

Она сказала, что это произошло больше месяца назад, хотя по моим ощущениям, я торчу уже здесь вечность!

Было видно, что ей не терпелось расспросить Фрэнки, и честно сказать, я надеялась, что ей он расскажет гораздо больше. Но конечно же, как только мы расположились для интересного разговора (не забывая попутно красить стены), по классике жанра, пришел этот очкастый дядька и вызвал Фрэнки.

— Важное дело, — сказал он, забирая его с собой.

Мы остались с ней вдвоем.

— Вообще меня зовут Анна, — сказала она.

— Я Крис.

Мы обменялись любезностями и вновь тишина. Стало даже как-то неловко.

— Значит... Ты тоже видишь эмоции? — вдруг спросила она.

— Вижу что, прости?

— Э... Эмоции. Фрэнки — это эмоция. Его не видно на Земле. Но некоторые люди такие как я, могут его видеть.

И этот парень еще говорил, что я сумасшедшая.

— Как это человек может быть эмоцией? — спросила я.

— Он не человек... разве не видно? Тебя что, не смутил его синий цвет?

— Ты серьезно? Да тут в соседнем отделе заправляет кучка говорящих деревьев, а кофе готовит собака бармен, ходящая на двух ногах. И ты говоришь мне про полностью обычного парня, только синего цвета? — удивилась я. Впрочем, Ая или Анна еще не успела погулять по территории этого «чудесного» места и насладиться всеми странностями. Синева Фрэнки — это последнее, что будет меня смущать в этом мире. Может, он в котел с чернилами упал.

Но Анна оказалась еще чудней. Начала мне рассказывать про каких-то там центрилов, про битву с Королевой Депрессией (ЧТО?), и что якобы она и ее друг полицейский остановили серию самоубийств, которая недавно прокатилась по нашему городу.

Она там точно с пневмонией лежит, а не с шизофренией?

Ее бред, сначала казавшийся забавным, стал меня пугать. Я даже перестала насмехаться над ней, а то еще стукнет меня.

— ...А потом Алексу неожиданно предложили место в Главном управлении, в городе

М. Отказываться было глупо, и он уехал. Я тоже решила поехать с ним, но мне нужно было доработать две недели, и тут я еще так некстати заболела..., - говорила она.

— То есть, ты хочешь сказать, что это не тот псих психолог с кучкой мошенников всех убили, а Королева Депрессия, безумная эмоция, расхаживающая по нашему городу? — уточнила я завывающим голосом.

— Ты не видела ее. Она ужасна. Я думаю, она и Лонг Лонга убила, — ответила Анна.

Вдруг повеяло ветром и сзади послышался хлопок. Мы обернулись — в метре от нас стояла маленькая девочка лет шести.

— О, ужас, девочка, возвращайся обратно, — приказала я.

Но девочка продолжала стоять и смотреть на нас.

— Меня сбила машина, — сказала она, как будто хвастаясь.

Хлопок. И девочка исчезла.

Жутко это, скажу я вам.

Докрашивали туннель мы вдвоем. После этого у нас был перерыв. Да-да. После раскрытия преступного сговора Отдела Отделов, мне позволили ходить в комнату ожидания. Четыре часа работы — четыре часа отдыха. Правда, часов здесь не было.

По пути мы встретили Фрэнки.

— Нас переводят отсюда, — сказал он. — В Нижний уровень. Не самое лучшее место.

— Это то место, где вы оказываетесь, когда прыгаете в тень? Но ведь ты постоянно там пропадаешь? — не поняла Анна.

Фрэнки отрицательно покачал головой.

— Представь себе лес с туристическими маршрутами, асфальтированными дорожками и прокатом велосипедов. Ты знаешь, где начало маршрута и где конец. Но если ты уйдешь с маршрута даже на шаг, то сразу заплутаешь и будешь вечно бродить меж сосен, пока тебя не сожрут дикие звери... Нижний уровень — это дремучий лес, где ты просто случайный путник, закинутый в его самую гущу... То, где я брожу — маленькая полянка в джунглях.

Звучит не очень безопасно и пока мы с Анной переваривали эту метафору, он продолжал делиться своими опасениями:

— Мне все это не нравится. — Он задумался, — зал ожидания еще не открылся, но в нем уже появилась ты, — сказал он мне. — Поэтому я и подумать не мог, что ты коматозная душа, а затем, спустя время, появляешься ты, Ая, — он посмотрел на нее, — и меня отправили на исправительные работы именно сюда.

— И вообще, где тогда все остальные люди или мы единственные, кто попал в кому за последний месяц? — подлила я масла в огонь.

Анна поспешила напомнить мне про маленькую девочку, которую мы только что встретили. Надеюсь, с ней все хорошо.

— Конечно, это может быть просто случайность, — предположил Фрэнки, но отправлять всех нас в Нижний уровень? Как будто они специально нас собрали, чтобы..., - он не договорил, перехватив взгляд того Чертяки из Зала ожидания с надписью «Ад». Тот стоял у кулера с водой и ухмылялся, глядя на нас, искажая свое, итак, неприятное лицо.

«Не нравится мне его ухмылка», — сказал Фрэнки и демонстративно взял ведро с водой, которое изначально нес в неизвестном направлении.

— Сегодня в Отделе кадров вечеринка по случаю открытия зала ожидания. Там будут все, кроме нас: меня они отправят вытаскивать всякий хлам из Озера Душ, а вам скорее всего

предложат драить стены в дальних коридорах. Встретимся на тех. этаже, — тихо проговорил он и, звеня ведром, поспешил удалиться в противоположную от нас сторону.

Город М.,

Алекс прошел половину коридора, когда Георгий перехватил его на полпути. В его руках было уже шесть кружек кофе из ближайшего кофе.

— Вообще, у нас в кабинете стоит кофемашина, но недавно эти изверги, — он качнул головой в сторону кофейных стаканчиков, — начали варить такой чудесный кофе... и главное, не говорят, что за марка... или сорт. Приходится покупать, я, кстати, и на тебя взял.

— Спасибо, — сказал Алекс, и мельком глянул на количество бумажных стаканчиков, значит, их в отделе шесть человек. Он ведь даже ни разу не поинтересовался «сколько задниц просиживают за их налоги», — как выразилась Алекс — девушка. И он теперь к этим задницам присоединился.

Когда они подошли к нужной двери оттуда действительно была слышна музыка, что-то из современного рока. Георгий повернулся спиной и пятой точкой несколько раз постучал по двери.

— Открывайте! — крикнул он.

Послышались шаги, поворот ключа и дверь открыла Мара.

— Ну наконец то! — сказала она и, прежде чем Алекс успел поздороваться, она быстро схватила кофе и повернувшись, пошла прочь.

— Добрый де..., - хотел было поздороваться с ней Алекс, но восторженно ахнул, не успев закончить предложение. Это был не кабинет, а огромный просторный зал с высоченными потолками, громадным балконом и сценой.

— Здесь раньше был концертный зал, но что-то не задалось в Главном управлении с концертами, — сказал Георгий, — хотели разделить на кабинеты. Ну мы и забрали себе все целиком.

Алекс прошел внутрь, попутно озираясь на все вокруг.

— Бросай вещи и пойдём пить кофе, — позвал его Георгий.

Алекс так и сделал: поставив коробку на пол, он побрел за Георгием, продолжая осматриваться.

У самого входа стоял музыкальный центр, крутивший самую разнообразную музыку — классику, тяжелый металл, современную попсу. В районе партера вместо сидений — хаотично разбросанные рабочие столы, в данный момент пустующие. И если бы Алекс был более внимателен, то заметил бы, что столов было гораздо больше, чем стаканов с кофе в руках Георгия. Рядом с некоторыми столами стояли стеллажи, принтеры и компьютеры, а вдоль стен висели плакаты с непонятными чертежами и планами.

Как и полагалось концертному залу — впереди была сцена с трибуной. Сейчас там висел огромный проектор и маркерная доска, такая же огромная и исписанная неизвестными иероглифами. Помимо сцены, в напоминание о концертном зале сохранилось несколько кресел — весь первый ряд. Немного левее от сцены стоял мини-бар: кофемашина и небольшой столик, рядом с которым столпились его новые коллеги.

— Знакомьтесь, наш новый сотрудник, Алекс из города С., расследовал то самое дело о самоубийствах, — представил его Георгий, и выложив кофе на стойку пошел по своим делам.

— Центрил, чтобы это не значило, — поддалась вперед Мара, делая глоток кофе.

— Да ладно, Мара, уж тебе то и не знать, кто такие центрилы? — сказала низкая маленькая девушка в очках. Алексу она напомнила Велму из мультсериала «Скуби-дубиду»*. Жаль, что свитер на ней был не оранжевый, а голубой.

Рядом с ней стоял бомжеватого вида парень — заросшая щетина, не выспавшийся вид, одетый в мятую футболку и штаны. Ему бы только собаку и будет Шегги. Прямо целая корпорация «Тайна»*. Он самодовольно подумал, что мог быть Фредом, а красotka Мара сошла бы на роль Дафны (если, конечно, покрасить ее волосы в рыжий). Буйная фантазия Алекса уже начала разгораться, но помимо членов корпорации «Тайна», в отделе еще были Георгий и некий Димитрий, которым Алекс не смог подобрать соответствующих героев-прототипов из мультипликации. Хотя Димитрий напоминал ему вампира — очень уж он был бледный. Вот на кого он не сразу обратил внимание — это сборище эмоций, толпившихся немного поодаль. Они о чем-то шептались, но завидев Георгия с Алексом, присоединились к остальным, принимая участие в общей беседе.

Эмоций было три — Желтая Радость, Голубая Печаль и Бледная Апатия. Непривычно было видеть их полноправными членами коллектива.

Все обменялись формальными рукопожатиями и продолжили пить кофе. Георгий протянул Алексу его порцию горячего напитка.

— Так кто же такие центрилы, умненькая ты наша? — спросила Мара.

— Душевидцы, видящие только эмоции. Подобную терминологию использовал Лонг Лонг и ему подобные, ведь так? — спросила она Алекса, поправляя очки.

— Он называл себя энтрилом, — вспомнил Алекс и, немного подумав, добавил:

— Значит, Лонг Лонг тоже был одним из вас?

— Кто, кто? — не понял Димитрий, единственный из всей компании, одетый в деловой стиль одежды. Про форму, принятую в Главном управлении, они как будто и не слышали.

— Он про того сумасшедшего старика, которого убили эмоции, — сказал «Шегги», потягиваясь.

— Вернее, Королева Депрессия, — сказал Алекс и вдруг понял, что, в целом, это так и не было доказано.

— Кто, кто? — снова не понял Димитрий.

«Он точно из этого отдела?», — подумал Алекс и повернувшись к Маре, повторил:

— Лонг Лонг тоже работал на вас?

— Нет, — она покачала головой. — Лонг Лонг причислял себя к древнему роду сражателей. Та еще заноза в заднице. Просто группа маньяков.

— А ты про этих, сражателей... да чудные были ребята, доставили нам хлопот, но к счастью, все вроде перевелись..., — понял Димитрий.

— Да, Лонг Лонг был последним. Надеюсь. Во всяком случае, насколько мне известно, он активно искал ему подобных, — Мара издала тяжелый вздох, — надеюсь, не нашел.

Тема Лонг Лонга для окружающих была исчерпана, и они продолжили пить кофе.

— Так что там с Анной и той второй девушкой? — вновь обратился Алекс к Маре.

— Та вторая девушка — моя дочь, — сказал Георгий. — К ней была приставлена охрана, дабы оградить ее от опасностей. Но, как показало время, это не сильно помогло. — Он бросил укоризненный взгляд на Мару, который она не заметила.

— Я должен был сам лично озаботиться ее безопасностью, — добавил он.

— Ну не скажи, — протянул «Шегги», — если бы не Степ, то ее бы размазало по шпалам. Да, Степ? — сказал «Шегги» в пустоту.

— Сначала кофе, потом дела. Мы заслужили эти несколько утренних минут в тишине, — сказала Мара и закатила глаза.

Алекс начинал злиться. Он то всю ночь не спал. Сначала звонил в больницу, где подтвердили, что Анну ввели в искусственную кому: «у нас не было выбора, она могла умереть», — говорил врач по телефону, затем преследовал начальство, чтобы выпросить отгул: «это невозможно. Мы, итак, отпустили вас в пятницу, а ведь она вам не родственница! Тем более, вас только что перевели. Отгулы в вашем случае не приняты!», — сказали ему. Затем он пытался докопаться до Энти, но та упорно игнорировала его: «да, есть такой отдел. Их интересуют события, произошедшие с Лонг Лонгом», — вот и все, что ему удалось из нее вытащить. Не пытаться же ее, в конце концов.

Остаток ночи он строчил в голове всевозможные теории, пытаясь объяснить самому себе происходящее вокруг. И теперь он стоит здесь, мучимый вопросами, пока они невозмутимо пьют кофе.

Вдруг раздалось громкое «ку — ку». Алекс повернул голову: высоко на стене висели огромные, в целый метр, деревянные часы с кукушкой.

— Итак, планерка, — сказала Мара и быстро начала раздавать задания сотрудникам:

— Вы двое, — обратилась она к «Шегги» и пустому пространству рядом с ним, — проверьте электрички западного направления. Люди возвращаются из города и падают замертво.

— Может, они просто устали? — развел руками «Шегги» (как его звали на самом деле, Алекс не запомнил).

— Может, а может кто-то под видом нищего или продавца мороженого высасывает у них энергию. Проверьте! Дмитрий, — повернулась она к «вампиру», — на моем столе дело от начальства — кого-то из вышестоящих кругов явно подменили. Надо выяснить — чья душа в его теле. Роза, — она посмотрела на «Велму», — найди уже этот пергамент и поскорее! Вы, — повернулась она к эмоциям, — расползайтесь по городам и продолжайте наблюдение!

Она перевела взгляд на Георгия. Тот уже сидел за столом, уставившись в экран монитора.

— И, наконец, ты, — она взглянула на Алекса, — за мной! — махнув ему рукой, она стала быстро подниматься по узким ступенькам, ведущим на сцену.

Там за шторкой стояли длинные ряды стеллажей, небрежно закиданные книгами и папками с документами.

Они зашли за один из них, и там, меж книжных полок, уютно расположились два кресла и журнальный столик.

Мара жестом указала ему присесть. Сев, Алекс сразу заметил стенд с начальством Главного управления, небрежно лежавшем на полу.

«Как неуважительно», — подумал Алекс, представляя, что бы с ним сделали на прошлом месте работы за такое пренебрежение.

На самом столике стояло пару грязных кофейных кружек и стопка книг.

— Итак, — сказала Мара, сев во второе кресло, — я думаю у тебя есть вопросы...

**Филиал Небесного Отдела Отделов № 23675 категории А (с залом ожидания)
Управления Земли Верхнего Уровня.**

Открытие зала ожидания означало перевод Отдела Отделов из одной категории в

другую, а значит, дополнительные плюшки. Какие именно, Цере не уточнила. Перед назначением этого ответственного задания — драить стены, меня и Анну вызвали в отдел кадров. Уже были видны признаки зарождения будущей вечеринки — по бокам висели шары, а тетка с сигарой накрутила губы. Мне даже стало обидно — ведь я тоже здесь работаю. Но видимо, все на меня в обиде. Заставили работать как раба меня, а обижаться в итоге тоже решили на меня.

«Мы бы пригласили тебя на праздник, — сказала Цере, — но это строго для полноправных сотрудников. Ты же пока числишься как стажер». Они даже придумали причину, чтобы меня не звать. Анне было предложено сидеть в одиночестве в зале ожидания. Но на их счастье, она согласилась мне помогать.

Пока Цере зачитывала нам — какой именно из многочисленных коридоров стоит чистить и где взять моющие средства, я краем глаза изучала на ее столе бумаги. И хотя они были вверх ногами, я смогла разобрать, что на одной бумаге объявлялся розыск особо важных душ, увидеть которых я не могла — они были прикрыты другой бумагой, где кто-то что-то требовал: «Немедленно перенаправить нижеперечисленные души в Нижний уровень третьего координата:

№ 00000121 категории В

№ 001005972 категории D/1...»

Перехватив мой взгляд, Цере схватила бумаги и протянула их женщине — сигаре:

— Отпишись Филину о некоторых затруднениях в этом деле, — сказала она.

Женщина — сигара раскрыла рот, желая что-то сказать, но вместо слов из него выпало пару сигарет и вырвался сдавленный кашель.

— Придумай что-нибудь, — строго сказала Цере, — вы что стоите, скорее идите! — это уже предназначалось нам.

Уходя, я представляла как тетка — сигара оправдывается перед человеко-птицей, в деловом костюме, и гневно размахивающим своими крылышками.

— Нижний уровень — не самое лучшее место для времяпрепровождения, — сказал Фрэнки, когда мы собрались в нашем тайном логове. На тот момент, Цере уже известила меня, что появилась вакансия на другом уровне, а Анне было сказано, что ее переводят в другой зал ожидания, ведь наш еще официально даже не открыт — и наличие коматозной души могло вызвать вопросы у комиссии. В целом, все было логично. Но Фрэнки это казалось подозрительным:

— Залы ожидания и существуют, чтобы души не попали в Нижний уровень, — говорил он, — если бы я был параноиком, решил бы, что нас специально собрали в одном месте, чтобы перенаправить туда.

— Но кому это надо? — спросила Анна.

— Я думаю, когда мы об этом узнаем, уже будет поздно что-то исправлять. Поэтому надо бежать отсюда сейчас, — предложил Фрэнки.

— А разве возможно сбежать отсюда? — удивилась я.

— Конечно, сбежать можно откуда угодно. Кроме Нижнего уровня.

Звучит убедительно.

— И куда мы направимся? — спросила я.

— На Землю..., конечно же.

— Здорово! — обрадовалась я. Перед глазами пробежало сразу тысячи идей веселого

времяпровождения на Земле: можно подглядывать за своими друзьями, смотреть бесплатно фильмы в кинотеатрах, пугать случайных прохожих...

Анна тоже поддержала эту идею.

— Вот только, — Фрэнки посмотрел на меня, — твой контракт. Его желательно бы забрать с собой, а иначе тоже уйдешь под суд.

— Да ну его, этот контракт, когда я выйду из комы, мне будет на него наплевать

— Я бы на твоём месте не был так уверен. Я, помнится, тоже наплевал на одну бумажку, что в итоге аукнулось через семьсот лет. Поэтому подумай хорошенько, если не хочешь провести здесь вечность.

— Ладно — ладно, — сказала я, — подобная перспектива звучала пугающе, — но как мне добыть его обратно? Особенно, когда там вечеринка?

— А может тебе просто пойти и попросить его? — предложила Анна.

Мы с Фрэнки посмотрели на нее, как на сумасшедшую.

— Ага, так они его и отдали, — буркнула я.

— Это может вызвать подозрения, — поддержал меня Фрэнки, — я прокрадусь туда и попробую его вытащить во всеобщей суматохе вечеринки. А вы скажите, что закончили драить стены и попроситесь на праздник, отвлекая народ.

Воодушевившись этим планом, мы выдвинулись в Отдел кадров.

Однако, к нашему удивлению, там было пусто. Фрэнки нахмурился.

— Может, они решили устроить пикник? — предположила Анна.

Пикник? Сомневаюсь.

— Я пойду искать контракт, — сказал он, — а ты, — указал он на Анну, — сторожи вход, а ты, — он перевел взгляд на меня, — сходи проверь ближайшие коридоры.

— Впервые вижу его таким инициативным, — прошептала мне Анна, вставая на позицию. А я пошла бродить по коридорам. Но везде было пусто, словно все испарились. Видимо, специально, перенесли вечеринку, чтобы я не нашла на нее дорогу и не явилась, как золушка, среди бала.

Однако, повернув в очередной коридор, до меня стали доноситься отдаленные голоса. Зал заседаний!

И как мы сразу не догадались! Вот куда они перенесли свою вечеринку! Да и помещение там гораздо просторнее. Но где же музыка и гул всеобщего веселья? Я подошла поближе, заглянув в зазор между стеной и дверью: надо было убедиться, что там собрался весь коллектив. То, что я увидела, мало походило на вечеринку. Скорее собрание. Честно, я не хотела подслушивать, но обрывки дошедших до моих ушей разговоров, заставил меня притаиться и немного задержаться.

— ...Надо найти и убить ту девочку! — говорил тот чертяка из зала ожиданий.

— Это просто ребенок! — возмутилась Цере.

— Она видела их! Она может рассказать...

— ...Своим родителям? И это спишут на детские фантазии!

— Поддерживаю. Не стоит делать из этого трагедию, — согласился Козео.

— Помалкивал бы! — заворчала тетка-сигара, — это твой косяк! Ты должен был убедиться, что программа отключена!

— Она и была отключена! Эта все «Два»! Она там протирала пыль и случайно включила приемку!

Прекрасно, и здесь меня ухитрились в чем-то обвинить.

— Зачем ты вообще собрал их вместе! — продолжали нападать на Козео.

— Вы сами сказали, что скоро проверка! И надо срочно приводить все в порядок! — отнекивался он.

— Нижний уровень... вы уверены, что мы сможем это все безопасно проверить? — тревожился Коняшка, голос которого легко узнавался во всеобщем гуле.

— Главное, что безопасно будет у нас: если их обнаружат проблемы будут серьезные!

— Пускай их уже забирают! Я устала и хочу домой! — возмущался неизвестный женский голос.

— Да! Поддерживаю! Мы торчим здесь безвылазно целый месяц! — вторил ей другой голос.

— Мы не должны позволять им спокойно разгуливать, где им вздумается! — почти одновременно ругался еще кто-то.

— Да кто их может отсюда вытащить? Врачи? Врачи бессильны, пока их души у нас! — а это был голос дядьки в очках.

— А вообще нормально, что они остались там втроем? Без контроля? — спросил тот чертяка, с накладными рогами.

Так, запахло жареным. Я по привычке взглянула на руку, где раньше всегда были часы. Дурацкая привычка. Думаю, Фрэнки уже нашел контракт, а значит, пора делать ноги.

— Держи, — хмурясь, протянул мне Фрэнки желтоватую бумагу, скрученную в трубку. В другой руке он держал ленточку, которой этот контракт был обвязан.

— Что-то не так? — спросила я, засовывая бумагу в карман своей униформы.

— Пытаюсь кое-что вспомнить, не важно, пошлите! — ответил Фрэнки и мы отправились на тех. этаж.

— Может я могу помочь? — спросила Анна.

— Навряд ли ты знаешь буквенные обозначения категорий душ, — отмахнулся он.

Действительно, очень актуальная информация на данный момент. Мы спустились на тех. этаж, а затем еще ниже, но уже по другой лестнице, попав в очень сырое помещение с плесенью. Здесь с потолка капала вода и немного пахло отходами.

«Все Отделы Отделов соединены между собой длинными проходами, а те в свою очередь соединены с другими Отделами и Управлениями. Когда нас схватят, то в первую очередь, пойдут искать туда!», — тихо говорил он, пока мы шли.

«И куда же в таком случае идем мы?», — уточнила я, заходя в очередное сырое помещение.

«Давным-давно, я перерисовывал старые чертежи одного из филиалов Отдела Отделов и обнаружил старые канализационные трубы, которые уже не используются. Они отображены только на очень старых схемах, и я не стал перерисовывать их в новые», — сказал он. Неожиданно он остановился и опустившись на колени, стал внимательно изучать каждый сантиметр пола, попутно ощупывая его. В это время я рассказала о подслушанном разговоре.

— А я говорил, что это подозрительно. Скорее всего, они намеренно включали систему приема, чтобы отловить ваши души, — сказал Фрэнки.

— Может, это темные энтрилы, про которых говорил Лонг Лонг? Это связано с Королевой Депрессией? — пыталась разобраться Анна.

— Пока что я в этом не уверен. Темные энтрилы используют другие методы, — ответил Фрэнки, своими словами подтверждая весь этот бред Анны про некую Королеву Депрессию.

Ладно, допустим после всего увиденного, я готова поверить в безумную эмоцию, убившую толпу студентов. Но тогда возникает другой вопрос.

— Но я тут причем? Вот Фрэнки — уголовник, ты... сумасшедшая. И вы обе утверждаете, что замешаны в том деле с самоубийствами и теперь вас могут искать некие темные энтрилы (на последних двух словах я изобразила кавычки двумя пальцами). Но я чем провинилась? Нанесла вред тому поезду? Я самая обычная девушка. Работаю официанткой. Живу с мамой...

— Может, ты — как та девочка? — предположила Анна, — попала сюда случайно, и они не смогли с тобой ничего поделать. И придумали весь этот маскарад...

В ее словах была доля логики. В конце концов, я мастер попадать в случайные нелепости.

— Да. Но тогда зачем им отправлять и ее в Нижний уровень? Могли бы сразу перевести ее в действующий зал ожидания, — не согласился Фрэнки, продолжая лазить по полу.

— Случайный свидетель, — пожала плечами Анна. — Я ведь тоже никакая не преступница, — продолжала она рассуждать, — во всяком случае, видеть эмоции — это не преступление, а Фрэнки..., — она задумалась, — что ты натворил, Фрэнки?

— Самое время, да? — сказал он, пыхтя у нас под ногами.

— Я все-таки думаю, это связано с темными энтрилами, про которых говорил Лонг Лонг... Они убили Лонг Лонга и нашли нас... Но зачем? — спросила она, глядя на меня. Ну, мне откуда знать. Я вообще чувствую себя так, словно смотрю сериал с середины сезона.

— Нашел, — крикнул Фрэнки. Мы обернулись и увидели, как он зацепил что-то в абсолютно гладком полу. И вдруг это нечто немного оторвалось от пола. Невероятно — там действительно был люк.

— Помогите же мне! — возмутился он.

Мы поспешили к нему и ухватившись за небольшой выступ в полу, стали тянуть его. Тяжело пыхтя, нам удалось его поднять и откинуть. В нос сразу же ударила жуткая вонь.

— Фу! Там кто-то сдох? — спросила я, разглядывая лестницу, уходящую в темноту.

— Видимо, это были очень старые схемы, — морщился Фрэнки, доставая фонарик.

— И куда ведет этот вход? — спросила Анна, прикрыв нос рукой.

— Если все верно, то на Землю, — ответил Фрэнки.

Отлично, даже здешние отходы направляются на Землю. И куда смотрит местный Гринпис*?

Город М.

Души. Все состоит из Душ.

Деревья, животные, растения и даже камни — все это имеет душу. Все наши миры состоят из душ: Даэху Циаб, Земля и Верхний уровень с его управлениями. Они отличаются только структурой и свойствами. Так, земные души состоят из эфира, души мира Даэху из оргона и т. д. Я полагаю, два этих мира у тебя уже были на слуху. Ведь эмоции, что ты видишь — представители мира Даэху.

Когда душа умирает, она попадает в Озеро Душ, где ее ждет Забытье и Очищение. Душа утрачивает память о прежнем своем пребывании в одном из миров и вскоре перерождается, дабы принять новую форму жизни. Душа из одного мира никогда не попадает в другой. Хотя, бывают и исключения. Как и искажения: когда по некоторым причинам душа не попадает в распределительный пункт. В лучшем случае, она становится призраком, но чаще

всего душа теряется, попадает в иные миры, становясь потерянной душой. Последствия этого бывают ужасны.

Душа — изначально существо, не обладающее ни положительной, ни отрицательной силой. Но отпечатки прожитых жизней, их психоэмоциональное окружение, взаимодействие с другими душами и порождениями разума могут оставлять свой след, менять их структуру, сводить их с ума. Так появляются темные души: керы. Они могут группироваться и создавать темные сущности. Сюда же мы относим безумные эмоции, эгрегоры*, массовые психозы и прочие наименования, которых предостаточно. Чаще всего они обитают в Нижнем уровне, особом, невидимом людям, измерении. Но периодически, попадают и в другие миры, снижая качество жизни населяющих их душ. Поэтому, очень важно постоянно отслеживать наличие противоправных действий со стороны иных существ, действующих не в своем мире; выискивать иномирных гостей и следить за деятельностью всех участников мирового процесса великого уклада душ.

Именно с этой целью и существует наш «Отдел по связям с особо важными персонами, их взаимодействием в структуре миров, нарушением границ, противоправных действий и других преступлений». Кратко — Отдел. Мы выявляем нарушения, ищем беглецов, находим потерянные души и далее, перенаправляем наши данные в соответствующие органы: если мы обнаруживаем опасную сущность, мы вызываем «Отдел по отлову безумных эмоций», если видим правонарушение, вызываем «Отдел правонарушений между мирами». Все сущности отлавливаются и отправляются в специальную тюрьму.

— Понятно, — только и смог выпалить Алекс, совершенно не представляя, какое это отношение имеет к его вопросу: «что там с Анной?». Но Мара, сославшись, что сейчас они ждут Розу для уточнения некоторых вопросов, продолжала:

— В зависимости от разных структур, души делятся на разные категории. Многие из них имеют определенные способности. Для того, чтобы работать в нашем отделе существо должно обладать даром душевидения, так называемые душевидцы. Я думаю, тебе известно, что это способность видеть иные души, в любой их форме и проявлении. Только так мы можем выявлять нарушения.

— И зачем тогда вам я? — удивился Алекс, — я вижу только эмоции.

Мара откинулась на спинку кресла и потянулась.

— Увы, чистых адекватных душевидцев осталось не так уж и много. Чаще всего нам приходится работать с разными разновидностями этого дара: кто-то видит призраков, кто-то даэу, ты — эмоции. Конечно, хотелось бы больше «полноценных» борцов. Но, новые души, увы, появляются слишком редко, а вот наши сотрудники имеют способность кончатся: войны с темными сущностями, распри с взбесившимися душами, гражданские войны с душами революционерами... но не переживай, трагические смерти у нас происходят очень редко. Если не считать последней заварушки в соседнем мире, но там сотрудники числятся пропавшими без вести, так что... мы верим, что скоро они вернуться домой, — сказала она, задумавшись о чем-то своем.

Алекса такой ответ не устроил:

— А разве можно убить душу? Я думал, она бессмертна!

— Гм-гм, конечно! Не всем суждено вернуться в круговорот душ, — Мара стала загибать свои тонкие длинные пальцы, что-то бурча себе под нос, — я насчитала, как минимум, три известных мне способа... Возможно, эти души где-то и перерождаются, в ином неизвестном нам мире, но мы этого не знаем... Так что не заморачивай себе голову...,

- она постучала ладонями по подлокотникам кресла.

— В общем, поэтому, нас так мало. Да и в целом, человеческие сотрудники обходятся мне очень дорого: им нужно платить настоящую зарплату. А не так-то легко работать официально. Там наверху, — она небрежно указала вниз, на стенд с портретами начальников Главного управления, стоявший на полу, — полагают, что мы занимаемся внешним шпионажем и вычисляем иностранных шпионов, другие считают, что мы выполняем специальные задания по указу вышестоящих, в общем, приходится как-то вертеться. Что думают рядовые сотрудники — ты в курсе.

Алекс невольно улыбнулся, вспоминая слова Алекс-девушки.

— Это в общих чертах, — сказала Мара.

От разговора их отвлек появившийся Димитрий.

— Почему ты еще здесь? — укоризненно спросила его Мара.

— Там улавливается странная активность, тебе лучше взглянуть, — ответил Димитрий, зазывая ее дальше за стеллажи.

— Ничего не трогай! Я сейчас вернусь, — Мара встала и пошла за Димитрием.

Алекс остался один.

Где-то в Управлении по контролю Земли Верхнего уровня.

Мы шли по длинному пыльному коридору. Казалось, здесь не ступала нога ни одного создания уже сотни тысяч лет.

— Сомневаюсь, что они вспомнят об этих чертежах, — говорил Фрэнки.

Он рассказал нам, как найдя эти чертежи, решил поискать подобные и в других управлениях, узнав о целой системе этих неиспользуемых труб. Спасибо, профессор Фрэнки, за лекцию о старых канализациях. Может, расскажете что-то более интересное?

— Но если они все же вспомнят о них, мы уже уйдем далеко...

— Прямоком на Землю, — весело закончила я его рассказ.

— Не совсем. Нам придется пройти несколько уровней, и в каждом найти свой вход и выход.

— Но ты же сказал..., - хотела упрекнуть его Анна.

— Что этот путь приведет нас на Землю... я не сказал, что это быстрый путь.

Теперь понятно, к чему эта лекция выше.

— Уровни. Как будто мы в компьютерной игре. Главное, чтобы эти уровни не усложнялись, — сказала она. — И в конце нам бы не пришлось сражаться с финальным боссом.

Мне понравилась ее метафора, хоть и я, в отличие от нее, не была компьютерным задротом.

— И что мы будем делать на Земле, — сказала я, вытаскивая из волос очередную паутину.

Фрэнки пожал плечами:

— Пока еще не думал. Но, скорее всего, навестим одного моего друга.

— Надо связаться с Алексом и Энти, — предложила Анна, — может, они тоже в опасности?

Опять это их общее прошлое с непонятными персонажами.

— Думаю, у них все хорошо, — небрежно ответил Фрэнки, — да и тебя они не увидят. Ты же теперь призрак.

— Да, но тебе не нужно тело, чтобы с ними поговорить, — сказала она.

— Но я и не хочу с ними разговаривать! — резко ответил он.

Я даже всхрюкнула. Хотела бы я посмотреть на ее лицо в этот момент, но было темно.

Анна замолчала. А я, наконец, вспомнила, кто такие — эти Алекс и Энти.

— Значит, это правда и ты эмоция? — втиснулась я между ними, — не знала, что такое возможно. Интересно, как выглядит моя эмоция? Наверно, она постоянно угорает с нелепости моей жизни!

— Обычным эмоциям нет дела до вас, — ответил Фрэнки, — они просто выполняют свою работу, сопровождая вас.

— Энти говорила не так, — пробурчала недовольно Анна, — она говорила, что эмоции и люди постоянно влияют друг на друга, меняются и взаимодействуют, что очень важна воля — если она сильная, то человек может управлять своей эмоцией, подчинять ее себе. Она многое успела мне рассказать..., пока тебя не было.

Прямо эмоция маминой подруги. Понятно, почему Фрэнки не хочет с ней видеться.

— Чтобы подчинить эмоцию, для начала надо ее хотя бы видеть, — не согласился Фрэнки, — а эта опция не доступна большому количеству людей... А так, конечно, ты можешь подчинить себе хоть Королеву Депрессию, если твоя воля превзойдет ее энергию, в чем я, конечно же, сомневаюсь..., — продолжал он, — но обычным людям, как Кристине, до этого нет никакого дела! Ведь так? — обратился он ко мне.

Я поддакнула ему. И правда. Я много чем занималась в жизни, но завладеть разумом своей эмоции у меня в планах никогда не стояло.

— Значит, это и есть мир, где живут эмоции и вам подобные? — спросила я, воспользовавшись его обращением к моей персоне.

— Нет, это всего лишь Управление по контролю Земли, — ответил он.

— И ты всегда знал о существовании этих мест? О разных измерениях и уровнях? — вновь вмешалась Анна. Может, нам ее оставить здесь? Надо тихонько предложить Фрэнки такой вариант.

— Ая, мы уже обсуждали это! — он остановился, — я просто эмоция, а не путеводитель! Микробы тоже сопровождают тебя на каждом шагу. Но от них ты не требуешь рассказов о мироустройстве, позволяя им просто жить в микроизмерении под твоими грязными ногтями.

— Но Энти...

— Энти — не проста эмоция! Это была ее работа! Информировать Алекса! Готовить его!

— Готовить? К чему? — не поняла она, — к борьбе с темными энтрилами?

— Да забудь ты про этих энтрилов, Ая! Это все не имеет никакого отношения к происходящему! Это нас, а не Энти, кто-то хочет отправить в Нижний уровень. Это у нас, а не у Энти, неприятности!

Анна не ответила ему, и Фрэнки повернулся ко мне:

— Расскажи о себе, — сказал он мне.

— Что? Рассказать о себе? — немного неожиданно.

— Да, о своей семье, способностях... я пытаюсь кое в чем разобраться...

Я задумалась. Рассказывать о себе в сложившихся обстоятельствах было не интересно. Они спасают мир от безумных эмоций, а я? А я спасаю людей от голодных желудков, принося им еду на подносе. Я рассказала, что нигде не учусь (три раза проваливала

вступительные экзамены), работаю официанткой. Родители мои были в разводе — я жила с мамой, а папа работал в городе М. У него еще было такое дурацкое название отдела, никак не могу вспомнить...

— Тунейдцы, — припомнила я, — не знаю почему, меня это всегда так смешило, — на моем лице появилась улыбка. Эх, папка, папка. Как я скучаю.

— Так и назывался, отдел тунейдцев? — спросила Анна.

— Нет, конечно, это так коллеги их называют, не знаю почему... Но зачем это тебе? Что ты хочешь узнать?

Фрэнки пожал плечами, отчего свет от фонаря дернулся.

— Не знаю. Что-то необычное...

Но ничего не обычного в моей жизни не было. Только череда нелепостей. Я принялась: запах уже настолько осел в носу, что не чувствовался.

— Энти говорила, — вновь Анна припомнила имя этой всезнающей эмоции, — что эмоции могут нарочно цепляться к конкретным людям, вытесняя их эмоции, и точно также они могут уходить от своих людей и что это наказуемо. Ты поэтому отработываешь наказание: потому что покинул меня?

Так вот в чем дело! Да, Анна, с такими претензиями, я бы тоже поскорее сбежала от тебя. Лучше уже накалывать бумажки на полях, чем отвечать на твои глупые вопросы.

— Ты стала более эмоциональной после моего ухода. Это явно не пошло тебе на пользу, — вместо ответа сказал Фрэнки.

— Зато ты стал менее равнодушным... и я не понимаю, хорошо это или плохо, — сказала она.

Фрэнки тяжело вздохнул:

— Я просто забрел куда не следовало... и меня поймала местная полиция.

— Подожди, подожди, ты же говорил про какие-то игры в детективов? — вмешалась я в их разговор. Нет уж нет, так легко ты не отвертишься. Мне было очень любопытно узнать, за что отправляют на исправительные работы в этом мире.

— Да, так и есть. Я ушел с Земли, и поплатился за это. Хотел узнать, кто стоит за этой Королевой Депрессией и как ей удалось выбраться из темницы.

— Что? Но тебе... тебе же было все равно! — не унималась Анна.

— Мне было все равно, пока вы не решили вмешаться! Я говорил тебе не трогать ее, но вам же надо было всех спасти. Меланхолия заприметила вас и просто так не оставила бы в покое.

— Но Лонг Лонг говорил, что это темные энтрилы..., - почти шепотом сказала Анна. Вот уж не давали ей покоя эти темные энтрилы.

— Возможно, он ошибался, — задумчиво произнес Фрэнки.

Город М.

В целом, Алекс не узнал ничего нового: всю эту информацию про души ему рассказывала и Энти. Вот только о самом Отделе эмоция предпочла умолчать. Желая отвлечься от грустных мыслей, Алекс изучал книги, что лежали на столе: «Души: виды, категории, особенности», «Отдел по связям с особо важными персонами, их взаимодействием в структуре миров, нарушением границ, противоправных действий и других преступлений: история и становление», «Краткая история для сотрудников Управления». Между книгами лежали тонкие буклетки, похожие на рекламки. Решив, что

это просто флаеры от промоутеров, он вытащил бумажки. Но при беглом просмотре, буклеты оказались весьма странным чтивом.

От их чтения его отвлекла появившаяся Энти.

Алекс проигнорировал ее, сделав вид, что занят рекламками.

— Алекс, не обижайся, — сказала она, — я правда не могла о них рассказывать.

— Но почему ты не могла попросить их о помощи с Королевой Депрессией! Мы могли погибнуть!

Энти покачала головой:

— Все не так просто... Мы не могли позвать Отдел... потому что... мы...

— Мара! Мара! Ты где? — раздалось снаружи. Алекс узнал голос Георгия.

— Ну что там опять? — Мара в сопровождении Димитрия, вышла из-за стеллажей, и пройдя мимо Алекса, спустилась со сцены. Алекс направился за ними.

В зале стоял возбужденный Георгий, сжимая в руке несколько бумажек. К нему уже подошла Роза.

— Взгляните на это! — он указал на листы бумаги в руке. Это были статьи из местной ежедневной газеты провинциального городка, откуда был родом Алекс. Газета выпускалась и в сети, и в печати.

Первая же статья была озаглавлена по типу желтой прессы:

«Что нас ждет после смерти? Откровения шестилетней девочки».

Алекс поднял брови:

— Я думал, они такую чушь не печатают, — сказал он, — совсем что ли, после окончания серии самоубийств не чем подогреть интерес публики?

— Вот именно, Георгий, зачем нам местные фантазии маленькой девочки? — поддержала его Мара.

— Да вы прочтите! — взревел Георгий, — Алекс, как выглядела Анна?

Пока Алекс пытался вспомнить особые приметы Анны, кроме среднего роста и худощавого телосложения, Роза, она же Велма, стала читать статью вслух:

— Шестилетняя девочка А., впала в кому после ужасной аварии... бла бла бла... так... вот: она поделилась с врачами о том, что пережила в момент клинической смерти. Девочка утверждает, что видела длинный белый туннель, а в нем было две девушки: «одна была очень красивая, высокая, с зелеными глазами и каштановыми волосами, а другая с короткими черными волосами. Они были одеты в костюмы рабочих. Высокая девушка приказала мне возвращаться домой! Я испугалась и очнулась в постели...».

«Я уверена. Это был ее ангел-хранитель», — утверждает мать девочки...»

— И что? — мнение Мары не изменилось.

— А то! Это доказывает мою теорию о заложниках! Они удерживают их там, в одном из залов ожидания. Зеленые глаза и каштановые волосы — это Кристина, а другая...

«Теорию? — внутри Алекс негодовал, — что значит теорию?».

— Может, они просто ошиблись залом ожидания? — предположил Димитрий.

— Мы отправили тысячи запросов, во все залы ожидания. Если перед нами не отчитались, значит намеренно скрыли, — заметила «Велма», поправляя очки. — Предлагаете лично посетить все залы ожидания? — спросила она.

— Ты понимаешь, сколько времени на это уйдет? — сказала Мара, — самое главное, что они нашлись! А не сгнули где-то внизу... Гм, гм... Петро, — сказала она кому-то невидимому, — продублируй запросы и отправляйся наверх, надо выяснить, куда именно

попала эта девочка!

Алекс повернул голову из стороны в сторону, но так и не понял, к кому она обращалась.

— То есть, вы даже не знаете, где и кем удерживается Анна? — возмутился Алекс, — и они сейчас, в этом туннеле, стоят на перепутье, между жизнью и смертью?

— Не драматизируй! Ни какое перепутье их не ждет. Ты что, внимательно не слушал откровения этого ребенка? Они там были в костюмах рабочих, не удивлюсь, что они там просто красят стены! — Мара вскинула руки, — может их просто перепутали с рабочими, оформили как стажеров, потому и мы не можем их найти! И никаких тайных сговоров тут нет! — последнее предложение она сказала, зло косясь на Георгия.

Алекс не мог собраться с мыслями. Сама мысль, что маленькая девочка попала в измерение, где Анна красит стены словно малярный рабочий, потому что кто — то удерживает ее в рабстве, казалось ему до безумия абсурдной.

— Хватит! — теперь уже Алекс потерял терпение, — я хочу, чтобы вы мне все объяснили! Сначала вы, — он указал на Мару, — утверждаете, что Анна в заложниках, теперь оказывается, что вы не уверены и ничего об этом не знаете! Я требую объяснения!

Мара по обыкновению закатила глаза.

— Мы не рассказываем тебе не потому, что нам нравится мучать тебя. Нет! Мы не можем ввести тебя в курс дела, пока ты официально не станешь нашим сотрудником. И я сейчас не имею ввиду документы о переводе. Только договор на эфире... Роза! Ты нашла, наконец, пергамент?

Мара повернулась к девушке, и та, кивнув, бросилась бежать к дальнему углу концертного зала и вдруг испарилась.

— Там у нас погреб, — Георгий поймал удивленный взгляд Алекса. — Я действительно уверен, что это не просто совпадение, а целенаправленное похищение и пока мы здесь..., - добавил он.

— Пока мы здесь, ее тело охраняют лучшие агенты! — закончила за него Мара.

— Знаю я этих ваших агентов. — пробурчал под нос Георгий.

— Но кто и зачем это сделал? — спросил Алекс Георгия.

В это время подошла «Велма» и протянула Маре скрученный в трубку пергамент и прежде, чем Георгий успел ответить на вопрос, Мара влезла между ними:

— Георгий, придержите пока свое расследование при себе. Алекс здесь по делу убийства человека и именно это расследование в первую очередь интересует Совет!

— Убийства человека? О чем вы? Какого человека убили? — Алекс был в замешательстве.

— Пропажа двух душ и нашего сотрудника — это, конечно, важное дело, но вполне рядовое. Куда важнее — вопиющий случай убийства эмоцией своего человека! Мы предполагаем, что эмоции Лонг Лонга убили его, а это первый подобный прецедент за последние несколько тысяч лет. Подобное событие может повлечь за собой снежный ком из негативных последствий, вплоть до бунтов и революций.

Алекс совсем запутался.

— Я думал, его убила Королева Депрессия, — сказал он, — и что из-за нее меня и перевели сюда...

— А я думала, что ты внимательно меня слушаешь и уяснил, в общих чертах, нашу деятельность. Теперь, чтобы полноценно приступить к делу, необходимо поставить свою подпись — это сделает тебя полноправным членом нашего Отдела и мы сможем полностью

посвятить тебя в свои тайны, — сказала она, протягивая ему пергамент.

Алекс с интересом разглядывал скрученную бумагу: он никогда не держал в руках подобного, только смотрел сквозь стекло музея.

— Но зачем это надо? Кому мне рассказывать ваши тайны? Психиатрам? — улыбнулся Алекс, но никто не разделил его веселья.

— Таковы правила, — сказал строго Мара, — или подписывай, или уходи прочь.

Алексу не понравился этот категоричный тон.

— А есть пользовательское соглашение? Я хотел бы все-таки знать, на что подписываюсь, — сказал Алекс. Все это ему не нравилось. Еще после расследований дел о мошенничествах, он знал, что никогда не стоит вот так просто подписывать какие-то ни было бумаги. Особенно, если они сделаны на старом пергаменте. Фильмы ужасов тому подтверждение.

Глаза Мары зловеще блеснули.

— Конечно... Роза!

Роза тут же вытащила где-то все это время припрятанную маленькую дряхлую книжку и отдала ему в руки.

На обложке большими буквами, написанными под старину, было выведено: «Указ об отношениях между входящими в сбор созданий: душевидцев, осознанных перерожденцев, двоедущцев, а также наказания за несоблюдения прав оных».

— Ты тогда поизучай, а мы еще потолкуем, — сказал Мара и увела своих сотрудников в конец зала.

Алекс проводил толпу взглядом и вернулся за сцену, к потертым креслам и пыльным стеллажам. Там по-прежнему сидела Энти и ждала его. Алекс проигнорировал ее и сел напротив.

«Вот зачем они говорили про Анну, сами не зная наверняка: пытались разыграть эмоциями, чтобы я сразу подписал договор», — предположил он. Ему это не понравилось.

Он открыл книгу и первые пару страниц пытался читать ее, но преднамеренно использованный старый стиль письма мешал ему сконцентрироваться.

— Сколько же этой книги лет? — он перевернул ее и обнаружил, что книга переиздана в прошлом году.

— Да они намеренно издеваются! — это его разозлило еще больше.

Он отложил книгу и вытащил пергамент. Развернув его, он посмотрел на список имен и ни смог разобрать почти ничего: большинство надписей было выведено на неизвестных ему письменах, а напротив каждой надписи виднелись хаотично прописанные цифры.

Энти осторожно подошла и подхватив край свертка, потянула вниз, в самое начало свитка.

На удивление, первое имя было сделано на знакомом Алексу языке.

«Морана», — прочел он.

— Вот он, — ткнула Энти на второе имя в списке, написанное иероглифом, — эфир Фрэнки.

— Иероглиф? — удивился Алекс и тут же удивился сильнее.

Рядом стояла дата. 6541 год.

— Он из будущего? — сейчас Алекс бы ни чему не удивился.

— Нет, скорее всего, его народ придерживался другой системы летоисчисления... Как видишь, тут у каждого своя хронология.

— Но как он мог быть их коллегой, если их самих еще не было в помине? (Алекс вспомнил всех сотрудников Отдела — самому старшему, Георгию, явно было не больше пятидесяти).

— Алекс, Алекс... ты путаешь... Они всегда были в этой организации. Всегда. Вечность. Просто, в другом обличье, по праву перерождения. Животным, деревом и даже монадой*.

— Кем, кем?

Но Энти не стала отвечать.

— Отдел существует уже много сотен лет, а его сотрудники, перерождаясь, продолжают числиться в нем. Вот это, например, — она указала на следующие за иероглифом Фрэнки имена, — Димитрий и Роза... Не думаешь же ты, что они бессмертны и вечность живут, как Роза и Димитрий?

— Ничего не понимаю... Но тогда почему Фрэнки не обратился за помощью в Отдел, раз все это время был их сотрудником? — спросил он Энти, забыв про свои обиды.

Энти ответила не сразу. Она осмотрелась по сторонам и тихо произнесла:

— Фрэнки не мог к ним обратиться, он был в розыске...

Где-то в Управлении по контролю Земли Верхнего уровня.

После небольшой перепалки Анны с Фрэнки, некоторое время мы шли молча. Но я не я, если буду так долго пребывать в тишине:

— Раз это не жизнь после смерти, то, что будет, когда я умру? — спросила я.

— Забыть и новая жизнь..., - сказал он, кратко поведав нам об настоящем Озере Душ, а не одноименной луже, что была на лугу Вечной жизни в нашем Отделе Отделов.

— И после смерти я снова вернусь на Землю?

— Да..., дикой свиньей скорее всего.

Я всхрюкнула.

После этого Фрэнки немного рассказал нам о душах, что они имеются даже у камней (в следующий раз буду с ними помягче), вскользь поведал о других мирах — Даэху и Цибат? Циаб? Цибу? Не помню. Но, спасибо вам за экскурс в мир неизведанного, профессор Фрэнки.

— Наверно, у вас есть распределительный пункт, куда попадают души, где их потом мешают и кидают по всяким измерениям, — предположила я. Значит, Будда был прав.

— Нет, душа перерождается только в том мире, откуда родом, — поправил меня профессор Фрэнки.

— Значит, ты никогда не переродишься человеком? — спросила я.

— Да, значит так. — сказал Фрэнки и отчего-то мне показалось, что в его ответе прозвучала вселенская грусть.

Мне захотелось резко перевести тему.

— Получается, ты стал человеческой эмоцией по случайному распределению? — спросила я, вспоминая его лекцию.

Фрэнки ответил не сразу.

— Нет, — сказал он, — я работал в Управлении, здесь наверху, но потом мне понадобилось спуститься на землю... Я там кое-что потерял.

— И нашел? — живо спросила я.

Но вместо ответа Фрэнки резко остановился, отчего я врезалась ему в спину.

— Пришли! — сказал он.

— Но коридор еще продолжается, — сказала я, глядя в темноту.

— Да, он кольцевой, поэтому если вы не хотите идти бесконечность, взгляните наверх.

Там, прямо над нашими головами, виднелся едва уловимый силуэт круглого люка.

— Как ты его нашел? Ты все время смотрел наверх? — спросила я.

— Нет, я считал шаги... А вы своими расспросами несколько раз меня сбивали со счета.

Давай, полезай на плечи и попробуй открыть его.

Я немедленно поспешила выполнить указание.

Всего пару легких движений (ну ладно, не очень-то и легких) и мне удалось откинуть крышку люка. В нас ударил луч яркого свет. Так ярко, что на секунды я ослепла и чуть не упала.

Снаружи светило яркое солнце, а вокруг паслись... козочки? Да, козочки. Это был луг. Очередной Луг Вечной Жизни.

Я помогла подняться Анне, а потом мы вдвоем вытащили Фрэнки.

— Туда, — уверенно сказал он, направляясь к гигантской белоснежной коробке, посреди множества бесконечных зеленых лугов.

По мере приближения эта коробка принимала вид офисного здания, с множеством малюсеньких окошек.

— Следующий вход через технический этаж этого здания, — сказал он.

Мы спокойно вошли в небольшую дверь коробки и оказались внутри такого же белоснежного окружения: вокруг все было белым-бело. Небольшие стеклянные перегородки отделяли небольшие комнатки, но в целом, это было громадное пространство, где тут и там сутились самые разные существа: человекообразные формы, говорящие растения и попросту непонятные субстанции: все они были одеты в одинаковых белоснежных халатах. Даже черная клякса расхаживала в халате, накинув его поверх пятна. Я к такому привыкла, а вот Анна глазела во все стороны.

— Что это за место? — спросила я Фрэнки.

— Отдел управления численности населения, — ответил он. Затем он подошел к Анне, в это время рассматривающий гигантский циферблат, висевший прямо под потолком. На нем было написано девятизначное число, а цифры менялись ежесекундно.

— А это численность земного населения в данный момент, вон видите снизу и сверху два дополнительных набора меняющихся цифр — сверху показывает сколько ежесекундно рождается, а снизу, сколько умирает.

— Они же неправильно показывают. Сейчас в мире около семи миллиардов людей, а тут едва доходит до пяти, — сказала я.

— Ты лично их сама считала? — невозмутимо сказал Фрэнки.

— Ээ, нет, но есть же статистика и прочее.

Анна покивала, выражая согласие с моими словами.

— Статистика врет. Люди вертят цифрами в свою пользу. Семь миллиардов Душ, я может и поверю, но семь миллиардов душ людей? Где их столько взять. Число Душ не бесконечно.

Мы шли вперед, не отставая от Фрэнки, а тот продолжал посмеиваться над моими словами:

— Семь миллиардов человеческих душ, ну что за вздор? Тогда бы весь Отдел контроля численности поувольняли, — он обернулся к нам, — бедняги замучились инициировать

войны и создавать тяжелые болезни для контроля населения.

— О, привет, Махрон, — милая человеко-девушка в очках и с длинными хвостиками на голове помахала Фрэнки и, сменив курс, пошла рядом с нами.

— Тебя снова перевели к нам? — спросила она, широко улыбаясь. Слишком широко.

— Ага, — согласился он и указав на нас, добавил, — вот привел двух новых стажеров.

— Отлично, ну тогда свидимся, — и девушка скрылась среди других белоснежных халатов.

Фрэнки повернулся к нам и прошептал:

— Понятия не имею, кто это...

— Махрон? Что за имечко? — усмехнулась я.

— Это твое настоящее имя? — спросила Анна.

— Одно из, — загадочно ответил он.

— Тогда как тебя зовут на самом деле?

— У душ нет имен, только номера, — коротко ответил он, — туда, — указал он на лифт на противоположной стороне коробки. Там их было штук семь.

Мы зашли в лифт с толпой существ. Сначала они недоверчиво осмотрели наши запыленные костюмы, но после фразы Фрэнки, что мы из технического отдела, переключились на свои дела: одни общались между собой, другие рассматривали важные (наверно) документы. Лифт, не спеша, ехал вниз. И постепенно, мы остались втроем.

Внизу, в самом деле был технический этаж: вентиляционные шахты, извилистые трубы и скромные крысы.

«Везде эти крысы! Ненавижу их!», — пробурчал Фрэнки.

После того, как в лифте нас покинул последний белых халат, Фрэнки решил сделать нам небольшой экскурс в архитектуру здешних мест. Начал он в лифте, и продолжил, когда мы вышли.

— Все эти отделы и управления только кажутся окруженные бесконечными полями, морями и озерами. Но это иллюзии. Они все конечны. Это как большие разрисованные коробки: на потолке лампа, изображающая солнце, а на стенах обои с нарисованными лугами и морями. Если бы вы решили бежать по поверхности, то рано или поздно, просто уткнулись бы в стену.

— Ааа, да это же, как в том фильме, — я запрыгала на месте, — с Джимом Керри*, ну как он там. Забыла!

— Шоу Трумана*, - подсказала Анна.

Фрэнки продолжал:

— И эти коробки плотно прилегают друг к другу. Между ними нет никакого пространства, именно поэтому здесь обширная система труб. До изобретения зеркальных ходов, через подобные трубы отправляли документы, посылки. А сотрудники тратили уйму времени, переходя из одного отдела в другой.

— И долго нам еще идти по этим коробкам? — спросила я.

— Еще три Управления, но мы полностью пройдем его по трубам. А дальше нас ждет старый Отдел управления погодой. Он больше не используется — их перевели сюда и помещение пустует. И именно оттуда — прямой выход на Землю.

Я изобразила, как стреляю себе в голову из вымышленного пистолета: мне уже не терпелось оказаться поскорее на Земле.

Город М.

— Фрэнки в розыске? Да что он, черт возьми, такое натворил? — Алексу уже казалось, что все вокруг идет вверх ногами.

— О, поверь..., у него длинный список..., - сказала Энти, рассматривая потолок, — мне самой одно время хотелось его убить...

Алекс сразу вспомнил ту их первую встречу с Анной и Фрэнки в столовой бизнес-центра.

— Я и забыл, вы же были вместе...

— Да, — нехотя сказала Энти, отвернув взгляд, — мы тогда оба работали в Управлении численности населения. И он, воспользовавшись моими чувствами к нему, влез в мой рабочий компьютер и, нарушив все предписания, отправил себя на Землю в качестве человеческой эмоции..., - сказала она, обнимая себя руками. Ей явно тяжело давались эти воспоминания, — чтобы как-то замять дело перед своим начальством мне тоже пришлось отправиться на Землю и стать твоей эмоцией...

— Что? — Алекс не верил своим ушам, — прости, я не знал! — он встал с кресла и подойдя к Энти, приобнял ее.

Ему стало стыдно, что в тот день, он приструнил Энти, издевавшуюся над Фрэнки.

— Надо было его на куски разорвать... Так подставить тебя! — сказал он, выпуская ее из объятий.

— Да, тогда я действительно была расстроена. Но вскоре, я поняла, что мне очень повезло! Мы стали с тобой одной командой и время, проведенное с тобой потрясающе! Учиться, проводить расследования, смотреть фильмы, читать книги... Жизнь с тобой, это как один большой отпуск, правда, — рассказывала она с присущим ей энтузиазмом. — А представь, как мы теперь заживем! Работая в Отделе, мы сможем, не скрываясь, общаться между собой, и никто не будет показывать на тебя пальцем! — говорила она, взяв Алекса за руки.

Речь Энти так воодушевила Алекса, что он был готов подписать любые бумаги.

— Но для начала наведу здесь порядок! — сказал он и подошел к стенду, стоявшему на полу. — Нехорошо важному начальству пылиться в углу, — сказал он, приподнимая его, — а это что?

Оказалось, за стендом стояла фанера с портретом. Алекс отложил его и поднял портрет. На нем была изображена женщина — длинные черные волосы, развеваемые по ветру, белоснежное платье до пят, с замысловатыми этническими узорами. В одной руке женщина держала не то копье, не то серп, а другой призывала стаю воронов.

Алекс не смог сдержать смех: это была Мара.

Да уж, веселый у них коллектив. В том, что это была шутка-подарок от коллектива, он не сомневался. Видимо злюка — Мара шутку не оценила. А может, наоборот, это сюрприз, который еще не подарили? Он поспешил вернуть его обратно и вдруг вспомнил:

— А ведь я уже видел подобный портрет, — сказал он Энти.

И сразу открыв телефон, стал рыться в телефонной галерее.

— Да, вот, смотри, опись кабинета Лонг Лонга!

Портрет был точной копией увиденного.

«А может, это он и есть?», — промелькнуло в его голове. Единственное отличие было в надписи, сделанной внизу полотна в кабинете покойного психотерапевта и стертой на полотне перед ним.

Пальцами Алекс приблизил маленький уголок внизу портрета.
«Морана, богиня смерти», 1520 г.

Где-то в Управлении по контролю Земли Верхнего уровня.

— И какова длина этого коридора? — спросила я, когда мы в очередной раз нырнули в пыльный коридор, давно ставший обиталищем пауков и крыс.

— О, это мой любимый, самый длинный из всех, сюда бы наушники с хорошей музыкой, и вперед, эй... ты что..., - фонарик в руках Фрэнки начал судорожно мигать и погас. Он еще пару раз хорошо встряхнул его, но фонарь не реагировал: к сожалению, они не предназначены работать вечно.

— Нуу, — протяжно сказал он, — дверь находится в конце коридора, а значит, нам надо просто идти вперед. Не заблудимся! — наверно он даже улыбнулся. Но мы этого не увидели.

Пока мы шли, я напомнила ему об упомянутых им категориях душ.

— Зачем душам категории? — спросила я.

Увы, но о строении зданий ему нравилось говорить гораздо больше, чем о строении душ. Последнее приходилось вытаскивать из него силком.

«За сегодняшний день он уже сказал больше слов, чем за всю жизнь», — шепнула мне Анна и я уже не ожидала от Фрэнки длинных рассказов.

— Категории нужны для удобного разделения душ по особенностям, — все-таки ответил он, — например, способность душевидения...

— Энтрилы, — сказала Анна, — так их называл Лонг Лонг.

Они рассказали мне о центрилах, что видят эмоции, о энтрилах, что видят души и других вариантах этого дара под иными, весьма странными названиями.

— То есть, если я увижу призрака, значит я тоже частично душевидец?

— Ну или тебе попалась очень сильная душа, — сказал Фрэнки. — Человеческие души обладают уникальным навыком — воля. Ее количество делает вас сильнее и мощнее. У нас, эмоций, воли нет. Зато есть энергия. Мы как в игре «Камень, ножницы, бумага»: энергию бьет воля, а волю бьет разум...

— Но у нас тоже есть разум..., - обиженно прозвучала я.

Вместо ответа Фрэнки лишь похлопал меня по плечу, приговаривая: «конечно, конечно, есть».

И после этого мы еще успели обсудить новые фильмы, старые фильмы, любимые фильмы, отвратительные фильмы, индийские фильмы, наши местные фильмы, мультфильмы, а коридор все не кончался. Я уже начала беспокоиться, что мы перейдем к книгам, которые я совсем не читаю, но внезапно Анна задала вопрос, видимо мучивший ее всю дорогу:

— Значит, ты сам спустился на Землю и стал моей эмоцией?

— Не бери в голову. Мне нужен был человек-носитель. Это просто случайный выбор, — отмахнулся Фрэнки, — знал бы, что ты центрил, держался бы подальше.

Шутил он или говорил серьезно, я не поняла.

— Как я уже говорил, отдел, связанный с погодой, упразднили и он сейчас пустует. Там мы спокойно обдумаем наши действия и отправимся на Землю, — перевел тему Фрэнки.

Я думаю, его слова задела Анну и остаток времени она молчала. К счастью, и о книгах никто больше не вспоминал.

Сложившаяся тишина дала Фрэнки время на раздумья:

— Важные персоны, — сказал он, как будто, самому себе, — не так ли назывался отдел твоего отца?

Я пожала плечами.

— Прости, я не помню, — сказала я. Вот же сдался ему мой отец.

— А в той статье, что ты читала про поезд... еще что-либо упоминалось? — это он обращался к Анне.

Она не спешила отвечать, припоминая ту новость.

— Нет. Я запомнила этот случай только потому, что мы обсуждали эту историю с Алексом по телефону, и он сказал: «надеюсь, это не означает череду таинственных смертей от взбесившихся поездов».

— А только меня смутило полное сопровождение из телохранителя и медсестры, следовавших за тобой? — напомнил Фрэнки о погибшем спасителе и медсестре.

— Но в этом не было ничего особенного, в это месте часто много людей, приезжающих домой после работы, — сказала Анна

Я, если честно, тоже не нашла в этом ничего подозрительного. Только чувство сильного стыда за случайную смерть разъедала меня.

Фрэнки не стал отвечать.

— Мы пришли, — сказал он, и шаркнув ногой, приподнял люк. Самый простой люк на нашем пути. Мы посмотрели вниз — оказалось, что люк торчал из потолка, а до пола было метров тридцать.

— Мы же души, — сказал Фрэнки и прыгнул вниз. Обменявшись взглядами с Анной, мы последовали за ним.

Приземлившись, я еще не успела толком осмотреть просторное помещение, воняющее болотом, как увидела обеспокоенное лицо Фрэнки.

— Чувствуете? — спросил он, глядя на нас.

— Как будто мясо протухло? — согласилась я.

— Я не об этом, — серьезно сказал он, оглядываясь по сторонам.

Я почувствовала легкий холодок, чему очень удивилась.

— Мне это не нравится, — вдруг сказала Анна, — ощущение, как тогда... когда...

— Да..., - Фрэнки кивнул.

— О чем это вы? — мне захотелось прижаться к Анне поближе — так было холодно. Я уже и забыла эти ощущения, ведь в Отделе Отделов всегда была идеальная погода.

— Надо поднять вас наверх, — сказал Фрэнки, — потом все проверю, и если все хорошо...

Я хотела спросить, как он намерен это сделать — лестниц здесь не было, а летать мы не умеем, как мой взгляд зацепился за единственную тусклую лампочку, беспорядочно мигающую. Фрэнки с Анной тоже посмотрели на нее и в следующее мгновение дверь в противоположной от нас стене, с силой вылетела из петель и кувыркнувшись, упала недалеко от нас. От неожиданности мы с Анной закричали и утавилились в пустой проем в стене.

Лучше бы мы этого не делали.

Сначала, в проеме показались длинные черно-фиолетовые щупальца. словно сама Урсула, главная злодейка из мультика «Русалочка*», решила навестить нас. И лучше бы так оно и было. То, что я увидела — напугало меня до кончиков пальцев. Вслед за щупальцами появились длинные костлявые руки. Своими острыми когтями они ухватились за стены и

втащили внутрь тело — такое же длинное, изогнутое и худое. Что бы это ни было — оно явно страдало анорексией*.

Подобно телу — голова этого существа была очень вытянутой, изогнутой назад, с большими наростами, напоминающими рога. Глаза были раскосые, без зрачков, а рот у этого существа был еще шире, чем у той девахи из Управления численности, весь усеянный острыми зубами.

— Кккоролева Депрессия, — прошептала Анна.

Значит, эта тварь все-таки существует.

Город М.

— Так что нам делать с этой активностью? — по ступенькам на сцену поднимался Димитрий.

— У меня уже голова пухнет от этого всего! Мне срочно нужно еще кофе! — раздался голос рядом идущей Мары.

Они остановились, увидев застывшего перед ними Алекса.

— Вы — Мара, богиня смерти! — сказал он, — я видел ваш портрет в кабинете Лонг Лонга! Вы похитили его оттуда и стерли надпись! — Алекс не верил, что произносит это вслух.

Но ни один мускул не дрогнул ни на ее лице, ни на лице Димитрия, словно Алекс сказал самый обычный факт: «Сегодня среда».

— И? Ты уже подписал бумаги? — спросила она.

Дальше Алекс не продумал. Он считал, что разгадал всемирный заговор. Такой великий заговор, что богиня смерти даже не удосужилась сменить имя.

— Но как такое возможно? Я не понимаю... Значит, боги — это не выдумка?

— Боги, демоны — все это самоназвание людишек, жаждущих все как-то квалифицировать, разделить и дать названием каждому явлению, — сказала она устало, — а теперь иди в кафе и принеси мне еще кофе... невозможно работать!

— Но..., - хотел было возразить Алекс, но решил не спорить, — пошли, Энти, — угрюмо сказал Алекс.

— Нет, она останется здесь, поможет с документами! — сказала Мара.

Да уж, действительность оказалась не так прекрасна, как рисовала Энти в своих фантазиях.

Стоя в очереди за кофе, Алекс никак не мог прийти в себя. Слишком много странной информации он получил за это утро. Чтобы как-то отвлечься, он решил просмотреть буклеты, что стянул со стола.

Первый буклет гласил:

«Надоело перерождаться? Надоела жизнь на удачу? Пока стоишь в очереди на Озеро Душ заполни нашу анкету (образец ООД № 45771) и получи прекрасную вечность в «Управлении по контролю Земли»: смотри за своими близкими с неба, отправляй им странные сигналы, управляй земными процессами, и работай на общее благо! Отличный коллектив, достойный социальный пакет, отсутствие болезней и масса доступных развлечений! По вашим качествам мы подберем для вас идеальное место работы!».

Всего два действия — заполнение анкеты и душевный тест. И уже скоро ты сможешь получить новую специальность:

«Сновочец», «Читатель божественных писем», «Управленец погодой», «Войнодел»...

Список странных профессий был внушительный.

«Наверно, Энти работала в подобном управлении», — подумал Алекс.

«Мы заботимся о вас» — гласила надпись крупным шрифтом на второй брошюре.

ОАО «По ту сторону» — виднелось под слоганом.

«Комфортные залы ожидания ждут вас! Для привилегированных гостей VIP — залы повышенной комфортности. Специальное VIP предложение: для вас подготовлен фильм с лучшими моментами из вашей жизни».

Внизу более мелким шрифтом была сделана краткая выжимка:

«Ежегодно тысячи людей впадают в кому и проводят там от нескольких часов до десятков лет. Проведите это время с пользой! Мы придумали за вас, как сделать вашу коматозную жизнь разнообразнее.

Раньше, попадая в кому, вы были обречены просто слоняться по земле. По статистике, на каждую тысячу коматозных душ, около сотни, ежегодно становятся жертвами темных сущностей, около двухсот навсегда заблудятся в иных мирах и не смогут найти дорогу обратно. Обезопасьте себя!

Специально для коматозных душ мы создали залы ожидания. Пережди свою кому вместе с нами!

Чем кома твоя длиннее, тем она веселее!

Поверь, ты даже не захочешь возвращаться обратно!»

Далее шло три варианта залов ожидания: стандартный, повышенной комфортности и VIP...

Из тени вышла Энти.

— Мара попросила напомнить, что она пьет безлактозное молоко, — сказала она, вставая с ним рядом.

«Ты знала, что Мара — богиня смерти?» — написал Алекс ей послание через телефон.

Энти виновато улыбнулась.

— А... эм... технически нет, она ведь не богиня, а аннуаки...

Алекс поднял брови — это еще что? Когда-нибудь уже закончится поток новых сведений? Он незаметно протянул ей брошюры, с которыми успел ознакомиться.

— Видимо, кто-то в Отделе решил подыскать себе новое местечко, — сказала она, рассматривая рекламку с вакансиями.

Подошла очередь Алекса и он, сделав заказ, отошел в сторону:

— Значит, Анна там, в одном из залов ожидания? — тихо прошептал он.

— Должна была быть, — сказала Энти, — Управление вливает много средств, чтобы коматозные души попадали именно туда для их же безопасности. На Земле души очень уязвимы — они легко могут угодить в тень и попасть в Нижний уровень. И если для нас, даэу, тень — это значит сократить путь, то для несведущей души — это вечное блуждание по лабиринтам. А такое происходит очень часто. Создаются целые отряды по поиску пропавших душ. И медицина тут не поможет. Тело не очнется без души...

«Как это печально», — подумал Алекс, представляя как бедная Анна блуждает по лабиринтам Нижнего уровня совсем одна.

Он взглянул на третий буклет, который больше подходил для аннотации к компьютерной игре:

«Великая война разрушила мир Аннуаки. Вторая Великая война разрушила мир

Людей. Объединившись, они создали третий мир, со своими заветами и верой в лучшее.

Но новый мир не выдержал: стремления к власти, ограниченность ресурсов.

Так началась Третья Великая Война — не видов, но убеждений.

По итогу был создан Совет наблюдателей. И принято решение.

Мир раскололся, но подчинился великими трем законам. Душепооявление.

Душеподчинение. Душеразделение.

Хотите знать больше? Интересует, кто составляет Совет? Сколько миров и как они функционируют? Вся история от А до Я в нашем коллекционном сборнике «История Единого Мира», со специальным выпуском «История: до — что было до Единого мира».

Спешите — ограниченное издание!»

— Ваш заказ, — девушка бариста, улыбнувшись, протянула Алексу четыре чашки кофе: «Велма» и Дмитрий также попросили о своей порции. Георгию он решил купить за компанию.

— С вас..., - озвучила девушка сумму за напитки.

— Сколько, сколько?

«Ну уж нет, я выясню, что это за кофе тут готовят и будем варить его в кабинете», — решил Алекс. К таким ежедневным тратам он оказался не готов.

— Да кто такие эти анннуаки?! — спросил он Энти, когда они шли обратно.

— Двоедушцы, — сказала Энти, — души — паразиты. У них две души — одна их собственная, другую они порабощают. Высасывая из нее энергию, они получают бессмертие и практически, вечную жизнь, — сказала она как ни в чем не бывало.

Эти слова шокировали Алекса.

— Где же они берут вторую душу? — сказал он. Перед глазами стали появляться ужасные картины, в которых Мара, с особой жестокостью, отнимала душу у младенца. И после этого они называли Лонг Лонга маньяком? А остальные в Отделе вообще в курсе, что рядом с ними такое опасное создание?!

Бабах!

Алекс врезался в свою бывшую коллегу Алекс-девушку.

— Ах ты! Смотри куда прешь! — одна чашка кофе не удержалась и упав, забрызгала все вокруг — в том числе и Алекс-девушку и бумаги, что рассыпались по полу.

— Чтоб тебя, посмотри, что ты наделал! — девушка села на корточки и стала собирать разбросанные бумажки — некоторые были насквозь мокрые, другим повезло больше.

Алекс положил оставшиеся стаканы с кофе на первый попавшийся стол и начал судорожно помогать ей собирать улетевшие бумажки.

— Прости, прости, прости! Как же неудобно, ой, а это что..., — его внимание привлекла фотография убитого мужчины, лежавшего посреди комнаты.

— Не трогай, это теперь мое дело, забыл? — сказала она, гневно выхватив из его рук фотографию.

— Мне кажется, я его знаю, — Алекс напрочь забыл про кофе и досадную ситуацию. Схватив фото обратно, он стал всматриваться в лицо мужчины.

— Что? — Алекс — девушка тоже поднялась, — ты знаешь этого бомжа?

— Кого? — сказал Алекс.

— Бомжа. То дело, которое тебе хотели отдать: труп неизвестного мужчины нашли в чужом доме, без явных признаков насильственной смерти. Судя по его внешнему виду и

запаху, мужчина давно бродяжничал. Но что самое интересное..., - сказала она загадочным тоном, — после попадания в морг тело пропало, не оставив нам никаких зацепок!

Пораженный таинственному исчезновению бомжа, Алекс еще раз внимательно всмотрелся в лицо мертвого мужчины.

— Да, я его точно знаю, сначала он показался мне знакомым, но теперь я понял, где его видел...

Это был Петр Вискорец, Печаль профессора Лонг Лонга.

Бывший Отдел Управления погодой Управления по контролю Земли Верхнего уровня.

В следующее же мгновение щупальца Королевы Депрессии полетели в нашу сторону. Я закричала так, как никогда в жизни. Анна сообразила лучше меня и бросилась в сторону. Мимо пронесся Фрэнки, доставая изнутри себя... меч? Что?

— Бегите! Я задержу ее!

Мы попытались, обогнув ее, сбежать в проем в стене, но ее щупальца ринулись за нами: одно из них схватило меня за ногу, и меня тут же обожгло жгучим холодом. Второе из щупалец обхватило меня крепче вокруг талии и с силой сжало так, что я могла лишь порадоваться, что давно ничего не ела. Мне почудилось, что я провалилась под лед. Как там говорил красавчик Лео* в фильме «Титаник*»? «Словно тысяча ножей колет тебя одновременно». Похожие ощущения. Где — то в глубинах этого ледяного озера мне послышался крик женщины. Гневный крик. Я узнала его. Следом послышался треск мамино любимого серванта, разбивающегося об стену.

«Ненавижу! Ненавижу», — кричала она, — «убирайся! Вон! Пошел вон». Рядом я увидела саму себя, только маленькую. Я редела, глотая слюны. «Мамочка, не надо, прошу, не выгоняй его», — пыталась сказать я-маленькая, но вместо этого из меня вываливались судорожные всхлипы.

«Хочешь с ним? Убирайся со своим непутевым папашей, пошла вон, ненавижу вас, ненавижу!», — женщина, вытолкнув меня маленькую вперед, скрылась в темноте. Я хотела было броситься за ней, но чья-то рука крепко схватила меня. Это был папа. Странно это было. Я стояла и смотрела, как мой отец ласково гладит меня маленькую по голове и нежно приговаривает утешительные слова.

— Нам пора, — прозвучал голос. Мы с маленькой мною одновременно подняли головы — за спиной отца стояла женщина. Она показалась мне враждебной. Высокая. Надменная. И почти полностью увязшая в сером тумане, окружавшем нас. Наконец, папа встал, последний раз поцеловал ту меня в лоб, и вышел за дверь. А маленькая я еще долго стучала по глухой двери и просила его вернуться.

Меня словно выбросило на берег. Я с грохотом ударилась об пол, потирая ушибы.

— Мара — шмара, — сказала я, вспомнив ругательства моей мамы из очень далекого прошлого. Почему-то оно у меня ассоциировалось с той женщиной в тумане.

Надо мною стоял Фрэнки с занесенным мечом над головой.

— Что ты сказала? — удивленно спросил он, помогая мне подняться. Но услышав шорохи за спиной, он схватил меня за руку:

— Бежим, бежим!

Я оглянулась назад — оказалось, что Фрэнки удалось обрушить ржавые трубы и ими засыпало эту Депрессию.

— Но это ненадолго, — сказал он нам и указал на виднеющийся люк. Мы кое-как втроем сдвинули его. Внутри был узкий туннель, утопающий во тьме. Неожиданно, Фрэнки взметнулся вверх — одно из щупалец высвободилось и схватило его.

Анна бросилась к нему на помощь, пытаясь допрыгнуть до него.

И пока Анна нелепо прыгала, мы встретились взглядом с Фрэнки, пытавшемся высвободиться из захвата с помощью своего меча. Он глазами подал мне дальнейшие инструкции, а сам размахивая мечом, старался рубануть по щупальцу.

И прежде, чем Анна успела сообразить, я схватила тощую Анну за талию и толкнула ее прямо в туннель. Она весело покатила вниз во тьму.

— Теперь тыыыы! — прокричал мне Фрэнки прежде, чем щупальце стало бить им об стены. Если бы он не был эмоцией, то сломал бы все кости... надеюсь, у него их нет.

Я, подобно Анне, пыталась схватить и остановить щупальце. Где-то гроыхали трубы — Депрессия пыталась выбраться из завалов.

Бах! Фрэнки упал прямо к моим ногам, а рядом с ним обрубок щупальца: ему удалось проверить задуманный маневр.

— Значит, я не ошибся, — прошептал он, пытаясь подняться.

Что ты там городишь? Быстрее вставай! Я опустилась перед ним, помогая ему встать. Он приподнял голову и посмотрел на меня в упор.

— Но если это она..., то кто ты? — сказал он мне.

Что? Ты повредился умом? Костей может у тебя и нет, а мозг тебе точно сплющило!

Послышался сильный треск и удары тяжелого металла. Депрессия выбралась. Я взвизгнула. Но Фрэнки как будто не замечал этого.

— Ему нужна ты! Он ищет тебя! — прокричал он.

Сразу несколько щупалец обхватило его ноги и дернули назад. Я успела схватить его за руку, а другой крепко держалась за проем в стене. Мы же почти у цели!

— Отпусти меня и беги в туннель. Найди отца! Обеспечь свою безопасность! Скажи ему...что..., - быстро говорил он мне.

Что именно я должна была сказать своему отцу, я толком не поняла — Депрессия дернула его с такой силой, что чуть не вырвала мне руку. Он улетел к ней, а меня отбросило назад. И когда в мою сторону полетело сразу несколько щупалец, я, поддавшись инстинктам, прыгнула в дыру в полу.

Наверно, после того, когда я вернусь к жизни, я навсегда утрачу интерес к аквапаркам и американским горкам. Такой длительной, петляющей и сверх быстрой поездки я уже нигде не встречу! Неожиданно, бесконечная труба закончилась, и я оказалась в свободном полете. На меня сразу обрушился шквал мощного ветра, а глаза ослепил яркий свет, и я увидела, что подобно десанникам, я лечу в небе. Вот только парашюта за моей спиной не было.

Мимо меня пролетел самый настоящий Боинг, затем я пролетела сквозь пушистые и весьма мокрые облака, а далее стали появляться зеленые и желтые квадратики Земли — нашей родной. И только тут я поняла слова Фрэнки про ненатуральность коробок, где мы так долго находились и к которым мои глаза так приноровились: там, в этих Отделах, все было одинаково одноцветно. Если луга, то они просто зеленые, если небо, то оно просто голубое, если озеро, то оно просто синее. словно ребенок разукрашивал раскраску обычными цветными карандашами. На Земле же было буйство красок, самых разных оттенков и, как правило, приглушенных, приятных глазу.

Земля неминуемо приближалась и мне оставалось лишь надеяться, что я не разобьюсь.

В конце концов, тела у меня не было. Оставалось понять, где Анна и что, в конце концов, имел ввиду Фрэнки... Что он там говорил?

Это была ты... что значит я? Когда была? Что я натворила? Кто меня ищет? И что за нездоровый интерес к моему отцу? Мне что-то угрожает? Ах да... и самое главное... надо было что-то передать, но что?

Слишком много вопросов, и на них было очень сложно сконцентрироваться, когда ты летишь с невероятно большой скоростью. Хорошо, что я давно ничего не ела. А иначе из меня бы полилось все содержимое. Впрочем, я же всего лишь призрак.

Город М.,

— Ничего удивительного, — сказала Мара, забирая из рук Алекса фотографию. — Эмоции не могут существовать в этом мире без носителя. Удивительно, что он вообще так долго сохранял человеческую форму после смерти, прежде чем окончательно раствориться в воздухе.

— Да, — согласилась «Велма», заглядывая ей за плечо, — но ты посмотри — множественные ранения, оргоноподтеки, синяки и ушибы... его как будто пытали...

— Что? Вы шутите? — Алекс еще раз взглянул на фото, но ничего сказанного «Велмой» не увидел.

— Теперь ты понимаешь, что в этом деле не все так просто, — сказала Мара, передавая Димитрию фотографию мертвой Эмоции.

— Вы уверены, что он был эмоцией? С виду человек человеком, — сказал Димитрий, мельком бросивший взгляд на мертвеца и вернув фотографию Маре.

— Так говорил Лонг Лонг, — Алекс протирал лицо ватным диском — на нем виднелись свежие царапины оставленные Алекс — девушкой, когда Алекс пытался отнять у нее это фото. После, он без кофе, но с фото вбежал в кабинет, где увидел Димитрия, Мару и «Велму» оживленно что-то обсуждающих и тут же замолчавших, при его появлении.

— Такое бывает, — заметила «Велма», — но очень редко. Если у человека очень сильная воля, то эмоции, подпитавшись ее, могут очеловечиться до такого уровня.

— Да, но люди не обладают такой силой воли, чтобы очеловечить сразу три эмоции, а значит, этот Лонг Лонг ее из кого — то высосал, — сказала Мара, — так что, — она повернулась к Алексу, — твой Лонг Лонг не такой уж жертва обстоятельств, он вполне мог сосать волю из своих пациентов и студентов, делая их легкой добычей этой, как ты говоришь, Королевы Депрессии. Возможно, он даже догадывался, почему именно среди его студентов и пациентов так много жертв.

— То есть, он как энергетический вампир? — сказал Алекс и взглянул на Димитрия. Тот перехватил его взгляд, сузил глаза и стал пристально глядеть на Алекса, отчего тому стало не по себе.

— Ну, если представить волю как некую энергию, чем она, собственно, и является, то можно и так сказать, — согласилась Мара.

Вновь зазвучало громкое: «Ку-Ку». Алекс вздрогнул.

— Обед! — сказала Мара, хлопнув в ладоши, и круто развернувшись, они с Димитрием пошли в сторону подвала.

— Там у нас холодильник, — улыбнулась «Велма».

Но фантазия Алекса уже рисовала картину, как Мара и Димитрий, взяв трубочки и воткнув их в человека, пьют его энергию.

— А где Георгий? — спросил он, пытаясь избавиться от навязчивой картинки.

— Он ушел чуть пораньше, скорее всего обедает в своем любимом кафе на углу. Ты тоже можешь пойти в кафе, буфет или приносить еду с собой.

— Пожалуй, прогуляюсь, — улыбнулся он «Велме» и поспешил убраться отсюда.

Бывший Отдел управления погодой Управления по контролю Земли Верхнего уровня.

Королева Депрессия в плотную приблизилась к Фрэнки, перекрыв ему путь к отступлению. Ее щупальца обволокли его ноги, не давая ему ни одного шанса сбежать.

Равнодушие обхватило двумя руками свой меч и взглянув Депрессии прямо в раскосые глаза, по-доброму произнес:

— Ну, здравствуй, Эви. Давно не виделись...

Город М.

Алекс, едва зайдя в кафе, сразу заметил одиноко сидящего Георгия, угрюмо поедающего бургер. Он ел его с таким взглядом, как будто только что убил существо, из которого была сделана котлета. В обычной жизни Алекс бы за километр обошел этого мужчину. Но не сейчас.

— Георгий, — Алекс присел за столик рядом с ним, — мне надо с вами поговорить. О вашей дочери.

Уже прошла половина рабочего дня, а он так ничего и не узнал. «Вот уж, действительно, тунейдцы», — думал он, твердо решив с этим покончить.

— Вы подписали бумагу, Алекс? — перебил его Георгий, аккуратно вытирая рот салфеткой.

— Я... нет...

— Вы знаете правила. Мы не можем обсуждать детали, пока вашей подписи нет на пергаменте.

— Да к черту детали. Кто похитил вашу дочь, и Анну? Королева Депрессия? Что ей от них надо? Она хочет их сожрать?

— Королева Депрессия? Вы должно быть про Меланхолию... Странная штука... Прошло много лет, как мы потеряли ее, и считали, что навсегда... А теперь она орудие в чьих-то руках...

— В руках темных энтрилов..., я знаю..., - сказал Алекс нетерпеливо, — Лонг Лонг говорил об этом.

Георгий положил салфетку и внимательно посмотрел на Алекса.

— Вы знаете, кого Лонг Лонг называл темными энтрилами? — спросил он.

— Тех, кто выпустил Королеву Депрессию и желал ему смерти..., - Алекс не договорил. Его мозг уловил нестыковку: Энти сказала, что они с Фрэнки упрятали Депрессию много лет назад. Георгий сказал, что они потеряли Депрессию много лет назад...

— Это вы... темные энтрилы..., - ахнул он, — он говорил про вас!

Георгий кивнул.

Мара, пожирающая души для собственного бессмертия! Димитрий, сосущий энергию из пленника в подвале! И Георгий, выпускающий Депрессию! — все эти образы вспыхнули в голове Алекса. Он взглянул на Энти, но та отвела взгляд. Неужели он оказался на темной стороне?

Тем временем, Георгий продолжал:

— Однако, насколько мне известно, Лонг Лонг был уверен, что именно мы выпустили Королеву Депрессию в вашем городе, якобы по его душу. Но это не так. Как я уже сказал, много лет Меланхолия пребывала в хранилище, в надежном месте. Ты должен понимать, что и мы, и сражатели — в целом, делали одну работу. Только Лонг Лонг и ему подобные жестоко убивали таких как Меланхолия, тогда же как мы отлавливали и садили за решетку. Именно так и поступают в современном мире.

— Значит, вам надо укреплять свои решетки! Раз такие опасные сущности спокойно ходят по земле.

— Да, тут ты прав, но тогда мы считали, что она надежно спрятана. Но много лет назад она сбежала из хранилища. И спустя годы появилась в вашем городе...

— Мара сказала, что Лонг Лонга убила эмоция. Его Печаль тоже мертва. Я уверен, это была Меланхолия. Не зря Лонг Лонг остерегался ее, — сказал Алекс.

Георгий покачал головой.

— Меланхолия не совсем эмоция... она сущность другого порядка. И убивает иначе... Тут нечто другое... В конце концов, у Лонг Лонга остается еще две эмоции... Не стоит забывать о них.

— Тогда причем тут Анна, Фрэнки и ваша дочь?

— Кристина. Ее зовут Кристина. Впрочем, мне никогда не нравилось это имя. Его выбрала ее мать. Я позволил это сделать — пусть хоть в чем-то она будет иметь право выбора.

После этих слов Георгий замолчал, погружаясь в мысли, пока Алекс отбивался от официантки, желавшей принять заказ.

— Я всегда говорил Маре, что могла бы и притащить к нам в Отдел хорошего психолога, — неожиданно сказал Георгий, провоя взглядом уходящую официантку, — с ее то связями хоть самого Фрейда... Увы, психологам Главного управления такого не расскажешь... А иногда, знаете ли, так накопится, что нужно кому-то высказаться...

Алекс нахмурился. Что именно беспокоит Георгия?

— Вы знаете, что нам нельзя заводить семью? — продолжил мужчина, осматривая посетителей в кафе. — Так уж вышло, что Кристина была моим заданием. Да, да. Заданием Отдела. В то день, когда исчезла Меланхолия, из хранилища Отдела была похищена особо ценная и важная душа. Спустя много лет эта душа была обнаружена в вашем мире. Она смогла проникнуть в тело одной беременной женщины, вытеснив более слабую душу ее истинного ребенка. У души, я скажу, был отличный вкус — такую красотку выбрала. Та женщина и сама еще не знала, что беременна. Мы смогли это вычислить после того, как душа ее истинного ребенка, ей предназначенного, вернулась обратно, дескать занято.

Я был выбран как самый привлекательный и обаятельный, — впервые на лице Георгия появилась слабое подобие улыбки.

Официантка, случайно услышавшая последние слова, посмотрела на Георгия, одобряя его мысль. Кто знает, что было двадцать лет тому назад?

— Я соблазнил эту девушку очень быстро, а услышав от нее о беременности, сразу предложил ей жениться на мне. Выбора у нее особо не было, и она согласилась. Мы стали ждать рождение ребенка. Она с радостью. Я с тревогой. Ибо душу требовалось вернуть обратно.

— Как это вернуть обратно? — Алекс напрягся.

— Да... именно так, — Георгий быстро осушил стакан с чаем, словно стопку водки, — от меня требовалось убить этого ребенка сразу же после его рождения, пока малышка еще не развила свои способности. Так мы могли вернуть ее обратно, без опасения.

У Алекса округлились глаза. Что за безумие?!

— Да вот только когда я впервые взял ребенка на руки, я понял... что безумно люблю эту девочку. Что я полюбил ее еще за долгие месяцы ожидания. Я был лишен счастья семейного очага. Какое же это было нереальное чувство держать на руках теплый комочек новой жизни. Я не смог сделать этого. Время было упущено и девочку оставили. Конечно, начальство было в бешенстве, но ничего сделать не могло. Меня понизили в должности и требовали глушить ее таланты и все начинания — это могло привести к преждевременному появлению ее дара.

Увлекается рисованием? Отобрать карандаши..., любит кошек? Купить рыбок... Но что я за зверь, который стал бы так измываться над невинным дитем. Я не смог. И был отстранен от работы. Моей жене пустили слух, что у меня любовница, и под шумок пустили в ее жизнь нового агента. На фоне этих сплетен и скандалов, она легко ушла в новые отношения, и мы развелись. Я вернулся в Отдел и больше не мог влиять на дочь. Каждую нашу встречу с ней мне приходится выпрашивать у Совета, собирая по двадцать подписей...

Алекс почувствовал себя неловко — столько интимных подробностей. Кто бы мог подумать, что этот суровый мужчина способен на такие чувства... Ему хотелось сказать, что-то хорошее, подбодрить Георгия.

— Это ужасно, — вот и все, что мог выдать из себя Алекс, — сочувствую.

В поисках помощи он взглянул на Энти, но та лишь развела руками.

— Но ведь, технически эта не ваша дочь?

— Как и все дети мира. Они просто души, отданные нам на воспитание. Никому не принадлежащие. Привязанность не всегда определяется кровной связью тел.

— Вам не понравилось блюдо? — спросила мимо проходящая официантка, указывая на недоеденный бургер Георгия.

— Нет... я просто немного увлекся беседой, а еда как всегда бесподобна, — улыбнулся ей Георгий.

Девушка повернулась к Алексу:

— Может вам все-таки что-нибудь принести? — недовольно спросила она.

Алекс отмахнулся. Он был весь в мыслях: Королева Депрессия сбежала, когда кто-то похитил дочь Георгия из хранилища..., а теперь Депрессия вновь появилась и дочь Георгия снова похищена.

— А известно, кто тогда напал на хранилище, похитив вашу дочь? — спросил он, почти уверенный что услышит нет. Но на удивление, Георгий кивнул.

— Да, это был твой знакомый — Фрэнки, Равнодушие Анны.

Нижний уровень, два месяца назад.

А ведь я всегда хотел просто жить. Пасты коз, вспахивать землю. Осваивать новые профессии. Но может, у моей души есть некое клеймо, постоянно втягивающее меня во всевозможные приключения? Вся жизнь — сплошное сражение и выживание. Да и когда жить? Времена тяжкие никто не отменял: то чума, то война. Только две категории людей могут позволить себе такую роскошь — очень богатые и очень бедные. К первым я никогда не попадал, а вторыми просто не мог себе позволить быть. Добавьте сюда войны, революции, сражения и всевозможные болезни... Но вот, наконец, боги услышали мои молитвы. И только я вкусил все прелести жизни обычной эмоции, как возьмите, распишитесь — Королева Депрессия пришла к вам в гости.

Теперь я иду в длинном неосвещённом туннеле, по колено в грязи, и вся моя компания в эти дни — это вы, да случайно пробегающие мимо крысы. Крысы. Они повсюду. Всегда. Когда-нибудь, когда все миры разрушатся, крысы будут одиноко витать в белоснежном пространстве.

Я остановился. Впереди нас ждало небольшое разветвление. Один проход слегка завалило осыпавшейся землей, второй был заманчиво чист.

Да, я уже был здесь. Много десятков лет назад. Но это не значит, что я должен все помнить. Память вообще интересная штука: она лжет, путает, забывает и помнит совершенно не то, что нужно. Поэтому, подобные мне, осознанные перерожденцы, предпочитают делать записи о важных событиях, вещах и явлениях, дабы держать в голове наиболее значимые события последних несколько тысяч лет.

Поднявшись по насыпи, я заглянул внутрь. Все залито водой. Я опустил руку и сразу же одёрнул. Брр, ледяная.

Спускаясь в холодную воду, я думал, как хорошо, что я — эмоция, и охлаждение мне не грозит. А вот не приятные ощущения никуда не денутся. Зато теперь я был уверен — это и есть та самая дорога. Дорога, ведущая к той, кого я хотел видеть меньше всего — Королеве Депрессии или, как звали мы ее раньше — Амае Меланхолии.

Вы наверно удивитесь. Фрэнки, ну какой из тебя рассказчик? Ты с трудом встаешь с дивана — только когда силуэт Анны уже скрывается за входной дверью. Ты постоянно храпишь на ее рабочем месте, отвлекая от телефонных звонков. И так громко охаешь, когда Анна собирается на прогулку, что если бы тебя слышали соседи, то давно вызвали полицию. Как ты можешь вести рассказ, когда каждое лишнее слово из тебя надо вытаскивать клешнями? Но, не будьте так категоричны. Дорога у меня длинная, времени много, а значит, я вполне могу вам не много рассказать о себе.

Итак, эта история началась не вчера, и ни в тот день, когда в город С. пришла Королева Депрессия. И ни тогда, когда я познакомился с Анной. Нет, моя история берет свое начало несколько тысячелетий назад, когда я был обычным человеком (да-да) и жил в одном из городов древней Месопотамии...

Так получилось, что я родился хромым. Вернее, хромота была следствием того, что одна из моих ног смотрела в противоположную сторону. Ну, бывает. Возможно, в древней Месопотамии хорошо относились к калекам, а может, помогло то, что я родился, скажем

так, не в самой простой семье. Зажиточной. Настолько зажиточной, насколько это возможно в то время. И отец мой был весьма уважаем. Родись я в других условиях, возможно, моя жизнь сложилась бы иначе. Вообще мой отец относился ко мне как к предмету мебели, а старшие братья и младшая сестра любили издеваться надо мной и всячески обижать. Но зато не давали в обиду другим. А уже от них самих меня защищала мама. Вот уж кто любил меня по — настоящему. Прекрасная женщина. Так я и помогал ей по дому вместе с младшей сестрой и первые мои девять лет жизни прошли, в целом, не плохо.

Если вы не в курсе, то каждый город древней Месопотамии почитал одного Бога. Был и у нас свой Бог. Старики рассказывали, что помнят тот день, когда он спустился с небес и решил поселиться в построенном для него храме. Они утверждали, что он был как человек, только гораздо крупнее, в странных одеяниях, сделанных как будто из железа. Чудаки, одним словом.

Тем не менее, Бог обосновался в зиккурате* и даже принимал дары, общаясь с жителями через жрецов.

Мое детство выпало на период затяжных войн между великими городами. Это все отражалось на нашей жизни: всюду слонялись воины, среди которых были и мои старшие братья; женщины часто рыдали, кого-то оплакивая; все усиленно работали, на благо города. Но больше всех отжигали жрецы: почти каждый день они устраивали вечеринки с жертвоприношениями и ритуальными танцами, во славу Нингирсу*, конечно же. Ведь мы верили, что где-то там, наверху, наш Бог дерется с Богом города — противника и чем больше еды мы ему принесем, тем больше шансов на победу у нас будет. Но видимо, недостаточно барашков было убито и мало танцев было станцовано, так как в один из дней по городу прошла весть — наше войско разгромлено! К нам идут вражеские воины. Под плач сотен женщин защитники города отправились на передовую, а местные жители подались в эвакуацию.

Отец быстро запряг лошадей, в первую очередь, отправив старших сыновей, не участвующих в битвах. Затем, собрав повозку, посадил жену и дочь. Мама хотела взять и меня, но отец сказал, что взять мешок риса гораздо полезнее. Что ж, не могу поспорить. Вскоре, они спешно отбыли. Мама плакала, но боялась спорить с отцом, умоляя меня спрятаться в погребе.

Я решил воспользоваться ее предложением и долгое время просидел в погребе. Поспал. Поел. Еще раз проспал. Устав ждать неминуемой смерти, я принял решение вылезти и отправиться в центр города.

Сначала мне попадались пустые улицы с заколоченными окнами; лавки, наполненные фруктами и недопитым вином; пару раз я натыкался на стариков, что решили ускорить свою смерть. Невредимые дома, живые старики и чистота на улицах породили сомнение в моей голове о проходящей здесь битве. До тех пор, пока в нос не ударил сладковато-приторный запах: впереди лежал труп мужчины, а потом еще один, и еще один. Это были воины: и наши, и чужие, легко определяемые по иной одежде. Они лежали целые и невредимые, словно прилегли отдохнуть и сейчас встанут, и продолжат свой бой. Следуя за телами, я вышел к храму. Оказалось, там шло настоящее сражение! Несколько человек: мужчины и даже одна женщина сражались с другим мужчиной. Шестеро против одного! Все они были в неведомых мне одеждах, что я даже не мог понять, на чей я стороне! В руках людей были копья, толстые цепи, а у обороняющегося мужчины не было ничего. Но тем не менее, он отбивался чем-то невидимым, словно в одной руке у него был меч, а в другой щит.

Периодически, он вставлял два пальца в рот и издавал свист — действие странное и явно ни к месту. Но несмотря на отсутствие явного оружия, он легко лавировал между нападающими, и раскидав их в стороны, продолжал сражаться с пустым пространством, словно умалишенный. Постепенно силы стали покидать его и тогда женщина ловко взметнулась вперед и проткнула его чем-то острым. Брызнула кровь. Но кровь необычная — желтовато-прозрачная, словно яичная масса. Это вызвало ликование у нападавших.

Неожиданно, мужчина схватил ранившую его женщину за горло и отшвырнул так сильно, что она пролетела несколько метров и, ударившись об стену дома, упала к моим ногам. «Нечеловеческая сила», — подумал я и стал догадываться, что происходит.

Они сражались с Богом. Нашим Богом!

Я отвлекся на звучащие рядом хрипы. Звуки исходили от женщины — она была еще жива. Лежа на животе, она принялась копать рукой лунку, пытаясь засунуть в нее нож, пронзивший Бога. Дело закончить она не успела — жизнь покинула ее раньше, чем нож скрылся под слоем песка.

Вдруг раздался нечеловеческий крик. Подняв взгляд, я увидел, что тело Бога было проткнуто насквозь длинным копьём. Но битва продолжалась. Остальные выжившие продолжали наступление. Издав вопль, Бог вытащил копьё из себя и взмахом руки, отшвырнул воинов. Но силы покинули его — упав на колени, он стал медленно ползти к ступеням зиккурат, надеясь подняться вверх и скрыться внутри храма.

Я вытащил нож из песка и хромя, зашагал к нему.

— Нингирсу! — закричал я.

Бог поднял голову и посмотрел на меня. Я замахнулся и бросил нож — он пролетел несколько метров, ударился об ступени и скатился вниз, к его рукам.

И как раз вовремя: один из мужчин поднялся и побежал к Нингирсу. Но тот, заполучив оружие, воткнул ему нож глубоко в грудь. Мужчина упал.

Остальные тоже встали и с криками бросились вперед. Я отчаянно зашагал к нему, понимая, что не успею, не смогу помочь ему. Да и давайте честно, что я мог сделать? Но вдруг произошло что-то одновременно удивительное и ужасающее: невидимый вихрь пронесся вокруг них, снося всех нападающих. Их подкидывало вверх, неестественно выворачивало и раскидывало во все стороны. Они кричали — отчаянно и с ужасом. И вскоре все тела их бездыханно попадали вниз, на землю.

Я стоял как вкопанный, боясь пошевелиться.

— Нет! — вдруг раздался властный голос Бога и дальше, он заговорил на неизвестно мне языке.

Я вышел от оцепенения и посмотрел на него. С кем он вёл разговор? К кому обращался? На секунду наши глаза встретились, он протянул мне свою руку и тут же отдернул ее. Затем он приподнялся и пошел прочь — медленно карабкаясь по ступеням наверх. А я продолжал стоять и заворуженно смотреть ему вслед.

Только, когда Бог взобрался достаточно высоко, что уже терялся на общем фоне храма, я вышел из своего укрытия и приблизился к убитым. Их тела были подобны тем, что я встречал в городе — без единой царапины и следов крови: убитые невидимой силой Богов. Поодаль лежало тело, проткнутое острием.

Оно торчало из груди, но вместо крови из раны сочилась желтовато- маслянистая жидкость.

«Как у Бога?», — удивился я и вытащил нож. Теперь я мог рассмотреть его лучше.

Это был необработанный заточенный металл, одна часть которого была перемотана толстым слоем белой ткани. На самом деле, это даже нельзя было назвать ножом. Так, острое.

— Он мертв? — раздался голос за моей спиной.

От неожиданности я вздрогнул, почти уронив острое и в попытках поймать его, укололся. Но вместо привычной красной крови и из моего пальца выделилась капля желтовато-маслянистой жидкости.

Я обернулся — за моей спиной стояла маленькая девочка.

— А ты еще кто? Откуда взялась? — спросил я.

— Я Эви, я пришла оттуда, — она указала на вершину храма. — А тебя как зовут?

— Эния, — ответил я, — ты маленькая жрица? — пытался я понять.

Она замотала головой.

— Пошли играть? — спросила она так обыденно, словно для нее не существовало всей этой горы трупов вокруг нас.

Не дожидаясь ответа, она уверенно схватила меня за руку и повела в противоположную сторону.

Мне стало не по себе. Я не знал, что делать дальше, я не знал, кто она, возможно ли ей верить.

А девочка продолжала вести меня в город, попутно рассказывая какие игры она для нас придумала.

И пока мы шли, меня не покидало чувство, что кто — то, там наверху, скрытый в лучах закатного солнца, продолжает смотреть на нас свысока. Возможно, это был Бог.

Вскоре жители стали возвращаться. Девочка, спустившаяся с зиккурат, была объявлена божественным дитя, дарованным свыше, а жрецы обещали, что теперь наш город ждет процветание и множественные победы. Эви так сильно успела привязаться ко мне, что так и осталась жить в нашей семье. А отцу за это приносили дары. И в целом, жизнь моя наладилась. Ведь я стал кем-то вроде доверенного лица при Божественном дитя. Эх, золотое началось время...

Вот только тогда я не знал одного — случайно укол себе руку тем острием, я поставил печать и навсегда вписал себя в историю древнего ордена сражателей...

Досудебный Зал Совета Верхнего уровня Высших руководящих Сил, 1711 год по земному летоисчислению.

Махмед открыла глаза — вокруг было темно. Она попыталась пошевелиться — но ее руки были крепко связаны за спиной. «Что за чертовщина?» — подумала она. Только что она сидела в своем шатре, среди грязных потных воинов, окруженная гамом несмолкаемых солдатских разговоров, а теперь оказалась здесь. Вдруг раздался щелчок и лицо Махмед озарила яркая вспышка света, освещающая ее доспехи. Она была бравым воином. Конечно, никто бы в здравом уме не послал женщину на поле боя. Но Махмед имела большой опыт мужских перерождений и без труда выдавала себя за мужчину.

Неожиданно раздался голос:

«Душа под номером 00075409 категории «D» объекта 3. Вам представлены следующие обвинения:

1. Обвинение по статье 18 раздела 1: сотрудничество с группой лиц, помышляющих душеубийство.

2. Обвинение по статье 28 раздела 1: соучастие в душеубийстве и раздела 2: посягательство на душеубийство души категории А.

И наконец, 3. Обвинение по статье 331 раздела 3: Намеренное искажение очередности душепоявления, повлекшее за собой нарушения в работе великого порядка душепоявления.

Скоро Вы будете представлены перед судом Совета, где будет решаться дальнейшая судьба вашей души».

Голос замолк. Яркий свет, направленный прямо ей в лицо, выключился. Махмед вновь погрузилась во тьму.

Так она просидела какое-то время, пытаясь понять и объяснить происходящее.

Вдруг яркий свет озарил все помещение. На мгновение Махмед ослепла. Казалось, само солнце вошло к ней. Через пару минут глаза стали привыкать к свету, и женщина смогла осмотреться: она находилась в небольшой комнате. Прямо напротив Махмед стояли самый простой стол и стул. Посмотрев налево, она вскрикнула — прямо перед ней сидел грозный мужчина с большим шрамом на лице. Не сразу Махмед поняла, что испугалась собственного отражения в большом зеркале.

Новый звук отвлек ее внимание от созерцания себя — справа оказалась дверь, которую кто-то открывал.

— И снова здравствуй, — раздался голос.

Махмед удивленно смотрела на вошедшую.

— Мара..., - с трудом произнесла она, чувствуя, как сильно пересохло ее горло.

— Давно не виделись, Эния, — сказала Мара, улыбаясь во весь рот.

1809 г., Париж, Франция.

— Печать острия находит тебя не сразу. Да и детский мозг просто не подготовлен к такому объему информации. Первые лет десять, а то и пятнадцать, ты живешь своей размеренной жизнью, выпавшей тебе, словно жребий. Конечно, ты можешь быть ей недоволен: родиться в обеспеченной семье, с любящими родителями — это как выиграть главный приз в лотерее. Как бы там ни было, ты живешь, строишь планы, видя во снах странные образы, обрывки непонятных воспоминаний, принимая их за буйные ночные фантазии, ища толкование в очередном соннике. Но однажды, печати прошлых перерождений, поставленные острием, начинают находить тебя. По мере их приближения и слияния с твоей душой тебя постепенно ошарашивает ворохом бесконечных воспоминаний о твоих прошлых перерождениях. И ты понимаешь, что не будет прежней спокойной жизни, не будет покорности судьбе и мирного течения твоего времени. Кем бы ты ни был: пастухом в Исландии, крепостным крестьянином в Российской империи, чернокожим рабом, которого переправляют через океан в Новый Свет, аристократом в собственном графстве или рыцарем Круглого стола — твой дальнейший план жизни требует перестройки. Теперь, отныне и навсегда, ты должен сражаться с темными силами, с опасными сущностями, и с двоедушцами, возомнившими себя древними Богами...

— Например, с Зевсом? Я люблю греческую мифологию, — сказал мальчик, с жадным вниманием впитывая каждое слово, сказанное Марко, молодым преподавателем живописи, приехавшим из Италии несколько лет назад и теперь вальяжно сидевшим прямо на рабочем столе.

— Да, в том числе и с Зевсом, — преподаватель одобрительно кивнул.

— Но ведь Боги не плохие, в большинстве случаев они...

— ...Поработили людей и подчинили их своей воле. Боги или демоны. Суть одна. Только Боги — это занявшие первые места, а демоны — проигравшие эту битву за внимание людей.

— Очень интересно, профессор, — саркастично сказала юная девушка, входя в комнату с кипой книг, — спасибо за эту познавательную лекцию, напомните, пожалуйста, какой предмет вы у нас преподаете? Демонологию? Душеведение?

— Да бросьте. Я лишь пытаюсь быть с вами откровенным. Вы сами меня об этом попросили, — отмахнулся учитель живописи.

— Робер лишь спросил, зачем вы так много читаете книг о древней культуре? А вы начали набивать его молодую голову всякой антирелигиозной чушью и сказками о неких сражателях, что борются с богами. Отцу это очень не понравится, — она подошла к Марко и выложила перед ним стопку книг из отцовской библиотеки.

Учитель взял одну из них, настолько старую, что она была обмотана нитью, удерживающей выпадающие страницы. Развязав узел, он раскрыл ее.

— Вот в этой книге как раз упоминается о разных керах*, темных душах. Возможно, в убийстве некоторых я даже принимал участие, — добавил он.

— Значит, вы тоже сражатель? — у мальчика заблестели глаза.

Девушка бросила на брата укоризненный взгляд.

— Скорее, просто обладающий печатями, — с улыбкой ответил Марко. Увидев осуждающий взгляд Эдит, сестры Робера, он дополнил:

— В конце концов, если это не правда, то как бы я мог так блистательно писать ваши работы по истории? — сказал преподаватель живописи.

— Здесь я бы с вами поспорила, — ответила девушка, — профессор Лефевр с вами явно не согласится.

— Ну, еще бы, ведь не он, а я присутствовал при сожжении Орлеанской девы.

— Зачем же вы тогда даёте нам уроки живописи. Идите работать в Академию. Отцу как раз нужны грамотные историки.

— Я преподаю живопись, потому что в вашем доме требовался учитель живописи, — загадочно произнес Марко.

— Тогда и давайте нам уроки живописи, а не рассказывайте сказки, — нахмурилась девушка.

— Заткнись, Эдит! — крикнул мальчик, — ты такая скучная! Может, он мне рассказывает об этом, потому что я тоже сражатель, просто мой мозг еще не созрел для принятия печатей!

— Боюсь, Робер, твой мозг никогда не созреет, — ответила Эдит.

Мальчик проигнорировал это оскорбление и вновь обратился к обожаемому преподавателю:

— А как выглядят печати? Вдруг я их не увижу... и они пройдут мимо!

Марко улыбнулся:

— Для тех, кто их видит, они представляют собой тень, гуляющую саму по себе. Одна жизнь — одна тень. Не переживай, если печати поставлены, то рано или поздно они сами найдут тебя, — сказал он.

— Какая же чушь! — закатила глаза Эдит.

Их разговор закончил раздавшийся в коридоре сдавленный кашель. Следом за кашлем, в дверях показался пожилой мужчина. Тяжело дыша, он с трудом передвигался, переваливаясь с ноги на ногу и опираясь на толстую трость.

— Папа! — воскликнула Эдит. Марко сразу же спрыгнул со стола и взял первую попавшуюся книгу из окружавших мальчика.

— Мне сказали, у нас гость, — произнес вошедший, даже не взглянув на дочь. — Я поспешил в кабинет, и наконец, могу воочию встретиться с наделавшим так много шума в моем доме, преподавателем живописи.

— Я тоже очень рад нашей встречи. Вы часто находитесь в разъездах, как я заметил, — сказал Марко, протягивая ему руку.

— А я заметил, что вы даже не пытаетесь изображать уроки живописи..., - сказал мужчина, указывая взглядом на перевернутую вверх ногами книгу в руках молодого учителя.

Затем он обернулся к детям:

— Эдит, Робер, вы свободны. Я хотел бы потолковать с вашим преподавателем наедине.

Марко тоже бросил взгляд на мальчика. И на секунду ему показалось, что вместо десятилетнего ребенка на него смотрела взрослая румынская женщина, со строгим, укоряющим взглядом, но доброй улыбкой.

— Ну, папа! — Робер был явно не доволен, но увидев сдвинутые тяжелые брови отца, подчинился и пошел вслед за сестрой.

Уходя, мальчик показал Марко язык и скрылся из комнаты, закрыв за собой дверь.

Они остались вдвоем.

— А теперь, прошу вас, скажите, что вы просто обычный мошенник, который решил охмурить мою глупую дочь и сбежать со всем имуществом моей маменьки, — умоляюще произнес вошедший.

— Боюсь, вы знаете, что это не так, профессор, — ответил Марко.

— Следовательно, мои самые ужасные опасения подтвердились...

Профессор медленно подошел к столу, где недавно сидел его младший сын, и водрузился на его место, отодвигая от себя книги. Затем поднял голову и глядя прямо в глаза Марко произнес:

— Ну, здравствуй, Эния.

— И я рад видеть вас... профессор Филипп Мартинес. Так, кажется, вас зовут сейчас. Или вам больше нравится Филин, на старый лад?

— Ну и зачем вы преследуете меня? — вместо ответа спросил профессор Мартинес.

Если бы в этот момент Марко, он же Эния, пил бы чай, он бы поперхнулся.

— Простите? Это я преследую вас? Вам прекрасно известно, что Робер — это душа, которую я ищу каждое свое перерождение! А вы... мало того, что перестали выходить на связь и оставлять мне послания, просто похитили эту душу и скрылись.

Профессор Мартинес хотел было возразить, но Марко продолжал:

— Я уже давно заметил ваш нездоровый интерес к этой душе. Но внушал себе, что заблуждаюсь. И все-таки я был прав — вы похитили ее и скрылись в моей самой нелюбимой стране.

— Это ваша самая нелюбимая страна — моя родина в этой жизни. Я тут родился и привез сюда Робера, спасая мальчика от тяжелой жизни русского крепостного, если бы, конечно, он бы вообще дожил до юности.

— Ох уж эти прогулки по России, так и хочется, проезжая очередную деревеньку,

усыновить крестьянского ребенка. Что вам от него надо? Вы хотите шантажировать меня? Хотите, чтобы я выполнил для вас услугу?

— Нет, Эния... Вы мне совершенно не нужны. Но... Раз уж вы заговорили об услугах Вы не говорили мне, что раньше, до меня, вы работали с Отделом.

— Какое это имеет значение?

— Какое значение? Неужели вечность не научила вас проводить причинно — следственные связи? Обратившись ко мне, вы подвергли свою душу и душу Робера опасности. Вы подставили всех нас! Отдел этого так не оставит!

— Все обошлось. Совет уже судил меня. Робер их не интересуется.

— Неужели? Увы, но его душа так или иначе стала соучастником совершенного вами преступления! — воскликнул профессор.

— С вашей помощью, замечу. — спокойно ответил Марко, пытаясь контролировать свои эмоции.

— Молчите, Марко или как вас там зовут. Молчите! Вытащив мальчика из России, я не просто спас тело этого ребенка. Я спас его душу. И во имя его блага, прошу и вас оставить его в покое. Если вы думаете, что дело улажено, вы ошибаетесь.

— Я уже сказал вам — ему ничего не угрожает!

— Оттого, что вы стали одним из псов Отдела, не гарантирует ему безопасность! Уходите. Ради Робера, прошу вас!

— Я не уйду, пока вы не дадите мне ответа. Зачем вам эта душа? Вы хотите причинить ей вред? — Марко сделал шаг вперед, надвигаясь на профессора.

— Большого вреда, чем вы, ей уже не принесут. Если бы я знал, что ранее вы работали с Отделом, я бы никогда не предложил вам помощи. И держался бы от вас подальше, как от прокаженного.

Марко одним прыжком оказался возле Мартинеса и, схватив его за грудки, приподнял со стула.

— Говорите! — сказал он.

— Не надо агрессии, — Мартинес выкинул руки вперед, освобождаясь от Марко, — я не желаю ей зла. Я лишь хочу разгадать ее тайну! И найти либо подтверждение, либо опровержение моих мыслей. После этого, я обещаю, что отдам душу в ваше полное распоряжение. Она будет только ваша. Во всяком случае, настолько, насколько позволяет свобода воли.

Марко отошел от профессора, взял себе стул и сел напротив.

— Я весь во внимании, Филин, — сказал он.

Профессор не торопился. Он отряхнулся, поправил рубашку и только после этого начал свои объяснения:

— У меня есть предположение, основанное на личном опыте и наблюдении, что душа Робера — это очень редкая и древняя душа. Я бы даже сказал, что это — одна из первых душ, населяющих наши миры. Их называли детьми Богов, посредниками между Богами и людьми, психопомпами*. Считалось, что они приносят в мир чистые души. А что такое чистая душа? Это душа, пришедшая к нам из иного мира, колыбели жизни, дарованная Источником — местом рождения всех ныне живущих душ. Она еще не обременена бесконечными перерождениями и потому наделенная неиссякаемой энергией и силой. Мы все когда-то были такими, но рождаясь вновь и вновь, утратили свою энергию и силу. Я давно заметил,

что с каждым перерождением мы все больше чувствуем в себе усталость. Что за вздор — ты только родился, а уже чувствуешь себя старцем. И воля твоя иссякла. Поэтому не удивительно, что от психопомпов рождались великие — Александр Македонский ярый тому пример. Да и все мы когда-то пришли в этот мир впервые, сопровождаемые подобными душами. Именно поэтому нас так тянет к ним: они обладают особой, первородной притягательностью, собирая вокруг себя толпы людей и последователей.

Вы наверняка замечали, во время ваших перерождений, что не только вы тяготеете к этой душе. Если эта девушка, не важно, красива она или изувечена оспой — у нее всегда толпа поклонников. Если это юноша — у него всегда полно друзей и девицы так и выются вокруг него. Если это ребенок — то каждый норовит угостить его печеньем и погладить по макушке. Если это почтенный старец, то каждый просит у него совета. Все тянутся к этой душе. И вы — один из них. Ваше знание о перерождениях — преимущество в борьбе за ее внимание. Первородная притягательность: души видят в ней нечто очень близкое, родное. Запечатление* образа психопомпов находится внутри каждого из нас на каком-то неподдающемся разуму уровне, вызывая реакцию следования* за ней. Нам хочется объединиться с ней. Слиться в единой душе. А может... и вернуться обратно..., - Мартинес сделал паузу, замерев на мгновение, погруженный в свои мысли.

— Выдумали какое-то дурацкое слово и хотите, чтобы я вам поверил? — усмехнулся Марко.

Профессор Мартинес покачал головой, снял очки и протер переносицу.

Надев очки обратно, он сказал:

— Вы так давно живете в этом мире, Эния. Неужели вы не заметили, что то, что для других миф... для вас история? И точно также, что-то, во что не верите вы, могло быть частью жизни других, описанных нам в мифах и легендах. Сказки — это прямое отражение давно утраченных знаний.

И пока вы носились по миру и убивали древних богов, я изучал эти знания, общался с мудрецами, читал древние свитки и сказания. Все основы уже давно изложены в их трудах. Знания прошлого не примитивны. Примитивно, когда наши современники так считают. Не зря пирамиды стоят тысячелетия, а мой дом уже трещит по швам. Упоминание о психопомпах вы найдёте в истории любого народа.

Но Марко не сдавался:

— Допустим, вы правы и такие души существуют. Но с чего вы взяли, что душа Робера — психо...помп? — с трудом произнес он последнее слово.

Профессор вздохнул. Даже среди его студентов нет таких глупцов — а ведь они обладают знаниями лишь последних двадцати лет.

— Увы, бесконечная жизнь не делает вас умнее, — с этими словами он встал и не много прошелся. Как оказалось, он вполне может обходиться без трости. — Ваше месопотамское прошлое и рассказы сражателей напомнили мне историю, что я прочел на глиняной табличке во время археологических раскопок: божественное дитя спустилось с зиккурат и поселилось среди смертных, обещая городу процветание. Но вскоре, Бог потребовал плату за свой ценный подарок. И люди отказали ему. История окончилась кровопролитием, и вскоре разгневанный бог оставил свой город.

— Никого он не оставлял. Сражатели убили его, — сказал Марко.

Мартинес в ответ развел руками:

— И это не удивительно! Он был ослаблен, ведь чистая душа, что была ему

предназначена, так и не родилась...

— К чему вы клоните? — спросил Марко, крепко хватаясь за спинку стула. Ему резко подурнело: к горлу подступила тошнота, а правая нога стала предательски трястись, выдавая его волнение.

«Не дай ему забрать его душу». Он не помнил ее лица, не помнил ее голоса. Но сквозь столетия он пронес этот крик, раздирающий душу и теперь вновь раздавшийся в голове Марко.

Теперь он начал понимать смысл тех слов.

— Аннунаки часто держали подле себя душу-психопмпа, — продолжил профессор, внимательно следя за Марко, — чувствуя угасание второй души внутри себя, они выпускали психопомпа и ждали, когда тот вырастет и принесёт в мир чистую душу, силы и энергии которой хватало на долгие годы. Официально, подобная деятельность была под запретом Совета. Но это не мешало земным богам разыскивать психопомпов, данные о которых считались секретными, и выращивать душу под свои нужды.

— Как скот на убой, — прошептал Марко. Он схватил со стола книгу и стал махать перед собой.

Мартинес подошел к окну и открыл ставни, впуская в комнату гул городских улиц и свежий воздух.

— Ваша история и последующий поиск этой души подтверждают мои подозрения... Был лишь один шанс проверить мою теорию — получить чистую душу.

— Что?! — глаза Марко расширились, он резко встал, отчего его шатнуло в сторону. — Так вот почему вы помогали мне?! Опыты свои проводили? — он хотел было наброситься на профессора, но тот вскинул руку вперед, призывая Марко остановиться.

— Я не собирался пожирать душу вашего ребенка, присядьте, пожалуйста, — спокойно сказал он, — я лишь хотел удостовериться, что та душа породит чистую душу. Но, кто же знал, что в прошлой жизни она будет бесплодной. А в этой вообще родится женщиной?

Марко откинулся на спинку стула. Тяжелые воспоминания высосали из него все силы. Он потер голову и посмотрел на профессора:

— Но зачем вам все это? Ради чего?

Профессор Мартинес смотрел в окно на беззаботно гуляющих горожан.

— Это общество, — сказал он, — уже прожило свои лучшие годы. Дальше человечество ждет упадок...

Он обернулся, подошел к одной из полок и взяв книгу, бросил ее в руки Марко. Тот едва успел ее поймать. Это была «Божественная комедия» Данте.

— Один из ее героев, Вергилий — был психопомпом... Вот только он не приводил, а уводил души в загробный мир. И это касается всей известной мне мифологии. И когда я говорю о загробном мире, то не имею ввиду распределительный пункт Верхнего уровня. Я говорю об истинном возвращении. К Источнику.

Марко недоумевал:

— Вы говорите о..., - он сделал паузу, — о Боге?

— Смотря во что вы верите... Аннунаки называют это Источником..., люди — Богом или Творцом... Что я знаю точно — мы все заложники в руках двоедушцев, играющих в местный пантеон. И на деле мы сидим в гигантской коробке из вечного круговорота старых душ. Найти выход — вот что важно. Вы понимаете меня?

Но Марко не понимал.

— Ничего не понимаю. Вы только что утверждали, что Робер может привести в мир чистую душу, а теперь говорите о загробном мире. Вы уже определитесь!

— Дуальность*! — перебил его профессор, — еще до того, как Аристотель написал свой знаменитый трактат «О душе», другой не известный философ написал «Беседы о душе с душой», где описал свои диалоги с душой-психопомпом. Возвращенные богами, они впитывали в себя их историю, знания и опыт. Были там рассуждения и о двойственной природе подобных душ. Рождение и смерть. Тот, кто привёл душу — тот и уведет ее обратно. Надо лишь пробудить силы, что дремлет в них. Как в сказках — расколдовать. У меня есть некие соображения, как это сделать. Мифы, легенды и сказки — все это служит на моем пути к выходу отсюда.

— Но если этого выхода нет, если вы ошибаетесь?

— Выход есть всегда, Эния. Другое дело — куда он приведет нас...

Марко встал, положив книгу на стол. Его утомили эти разговоры, а воспоминания вызвали приступы головной боли.

— Бессмысленная ерунда, — сказал он.

— Вы воин, а не философ, Марко. Проникновение в лоно Источника — это ответы на все вопросы, что задает себе человечество ни одно тысячелетие.

— Наука ради науки?

— А вас я вижу, интересуется только практический аспект. Поиск Источника — это конец круговорота душ, выход за его пределы и начало новой, неизвестной ступени жизни. Неужели вам не опостылел этот мир, с иссохшими душами, его населяющих? Глоток свежего воздуха и истинная свобода, вот что я ищу...

Видимо, этот разговор утомил и профессора, и он поспешил закончить его:

— Послушайте, вы только недавно избежали страшного суда, не думаю, что вам нужны проблемы. Просто дайте же мне возможность наблюдать за этой душой. А я обещаю ей полную безопасность и достойную жизнь, — закончил свой рассказ профессор и взглянул на преподавателя живописи.

Марко ответил не сразу. Весь этот рассказ выглядел как бред сумасшедшего. Но в чем-то профессор Мартинес был прав. Марко действительно лучше временно быть подальше от этой души, пока Совет помнит его дело. В тем более, у него была работенка от Мары. А значит, ему следовало посетить еще одно место.

— Я подумаю над вашим предложением, — наконец сказал Марко и взяв шляпу, пошел на выход.

Нижний уровень, два месяца назад.

Фрэнки в последний момент схватился за каменный выступ в стене, едва не упав в скопление темных вод. С водной глади на него глядел совсем юный мальчишка, до боли знакомый. Фрэнки не сразу понял, что это был он сам — его последний человеческий облик прошлой жизни. «Правильное ли решение я принял тогда?» — крутилось в его голове. Он не знал, но был уверен, что теперь Эви, где бы она ни была, могла им гордиться.

— Эта лужа выглядит весьма небезопасно! Кто знает, что за тварь живет там дне! — раздался голос за спиной Фрэнки.

Фрэнки пожал плечами. Проверять не хотелось.

— Так ну и что же дальше? — путник отряхнулся от пыли. Опасный участок пути был пройден. Фрэнки не спешил. Слишком личной была эта история.

— После того, как божественное дитя поселилось в нашей семье, я и Эви стали

неразлучными друзьями. Она, как дитя Богов, пользовалась просто бешеной популярностью: была почитаема, уважаема и всеми любима, — Фрэнки остановился, вспоминая слова профессора Мартинеса. — Первородная притягательность. К ней приходили брать благословения, пожелания на охотничью удачу, спрашивали совета. Все это выглядело нелепо. Представьте, Эви, в очередной раз поучает пришедшую старушку, а потом идет со мной в лес сражаться с кустами. И это при том, что я не мог ни залезть с ней на дерево, ни бежать на перегонки. Зато я был прекрасным слушателем. А рассказывать сказки, поведенные ей самим Богом, она любила больше всего, собирая целую деревню слушателей. Она рассказывала нам о других мирах, волшебных созданиях, небывалых изобретениях... Она говорила о мире наблюдателей наверху, и мире чудовищ внизу, о богах, что пришли из другого измерения. И о титанах, что победили они в битве за Землю и теперь покоившихся в глубинах земных недр. Послушать ее истории собирались и дети и старики... И когда пришел расцвет ее юности, все свободные мужчины города мечтали связать с ней жизнь. Но она отказывала им всем. Я долго не решался на этот шаг. Я был калекой, а она по статусу была выше царей... Но, когда я, наконец, собрался с духом, она дишь вопросительно спросила: «почему я так долго...».

Он вновь замолчал. Не самые приятные воспоминания стали просачиваться в его голову. Говорить не хотелось и дальше они шли молча.

1806 г., Париж, Франция.

На углу одной из старинных улиц Парижа располагалось семейное кафе с очень странным названием. Это служило их визитной карточкой, привлекая нужных людей. Менять название строжайше запрещалось, но хозяева были не против — за это, раз в несколько лет, некто платил им внушительную сумму денег. Благодаря этому пожертвованию, кафе выживало даже в самые тяжелые времена, периодически меняя место дислокации. Была у хозяев еще одна обязанность — «Старинная книга встреч». Это была толстая увесистая книга, местами протертая, местами выцветшая. Она была недоступна простым посетителям, но бывало, что раз в несколько лет, да и зайдет случайный путник, попросит книгу, внимательно изучит и оставит в ней кое какие письма. Что это за книга — никто не знал. Заглядывать в книгу было строжайше запрещено, но если кто-то все-же подвергнется соблазну и открывал ее, то натыкался на непонятные закорючки неизвестной письменности. Зато каждый хозяин знал, что именно этой книге они обязаны своему процветанию и семейному достатку.

Поэтому, когда сегодня в кафе вошел посетитель и попросил эту книгу, хозяин кафе пребывал в сильном возбуждении.

Марко взял тяжелую книгу из дрожащих рук хозяина, и быстро поблагодарив, сел за ближайший столик. Ему были предложены кофе и горячая выпечка за счет заведения.

Марко кивнул и открыл книгу.

Касситский язык. Давно утерянный. Но именно на нем общались и переписывались в книге сражатели, когда хотели закодировать свои послания.

Марко быстро пролистал до последней страницы:

«1725 год. Жду вас в месте последней встречи и в месте старинной книги».

«1748 год. Жду вас в месте последней встречи и в месте старинной книги».

«1778 год. Жду вас в месте последней встречи и в месте старинной книги».

Последняя дата была оставлена за два года до рождения Марко. Им самим. Три раза он

перерожден, не пройдя Озеро душ, и три раза его ждала неудача: все три его послания оставались не услышанными. Казалось, он в этом мире один. И только в этом перерождении, плюнув на все и отправившись на поиски Эви, он смог напасть на след Мартинеса, бывшего сражателя Филина, как называл он сам себя и который покинул орден, дабы посвятить жизнь науке.

«Простите, сэр, — к нему подошел хозяин кафе, — я заранее извиняюсь за свой вопрос, но последние пожертвования от имени ваших представителей за хранение книги еще помнит наш прадед. Скажите, вы больше не намерены пользоваться услугами нашего скромного заведения или все-таки нам стоит ждать благосклонности в связи с вашей новой заинтересованностью...».

Марко нахмурился — это «новая заинтересованность» выражалась в его лице. Он отложил книгу и ничего не говоря, направился к выходу. Он сам не знал ответа.

Досудебный Зал Совета Верхнего уровня Высших руководящих Сил, 1711 год по земному летоисчислению.

Мара села за стол и разложила свои вещи — с одной стороны папка с выпирающими из нее бумагами, с другой — свиток из папируса, до боли знакомый Махмед. Затем Мара взяла папку и стала изучать содержимое.

— Как ты нашла меня? — спросила Махмед.

Мара не ответила, продолжая перебирать бумаги.

Найдя интересующий ее документ, она положила его перед собой и сказала:

— Твой след, — она указала кивком на свиток папируса, — пергамент работает по принципу Острия Геккаты, которое ты обещал мне добыть.

— А ты обещала убрать мое имя из списка! — выкрикнула Махмед.

— Это невозможно. Имя навсегда запечатывается в свитке, как и твоя печать в Острие, — спокойно ответила Мара, — я обещала забыть про тебя и больше не беспокоить. Но как видишь, дальнейшие события развернулись не в твою пользу.

— Я пытался добыть его, — сказала Махмед, привыкшая говорить о себе в мужском роде, — но после того, как вы схватили Изусу, сражатели стали осторожнее.

Мара посмотрела на женщину с сожалением, словно ей самой было неловко за эту ситуацию.

— Я верю тебе... Да и это не важно, Эния. То, что ты не смог добыть острие и продолжил жить своей жизнью, не является преступлением. А вот это..., — она протянула ему бумажку, что недавно вытащила из папки, — преступление наивысшей категории.

Махмед взглянула на бумагу и увидела ранее озвученный текст:

«Душа под номером 00075409 категории «D» объекта 3. Обвиняется по статье 331 раздела 3: Намеренное искажение очередности душепооявления, повлекшее за собой нарушения в работе великого порядка душепооявления.»

Пока Махмед вчитывалась в строки, Мара, взяв свиток, стала медленно обходить комнату. Остановившись у большого зеркала, она принялась внимательно изучать свое лицо.

— После небольшого инцидента в мире Циаб, у нас образовался дефицит кадров, — сказала она, высматривая небольшую морщинку на лице, — пришлось обратиться к свитку и прошерстить всех наших сотрудников, даже таких древних, что воевали с мамонтами.

«Великая мамонтовая война», — вспомнила Махмед рассказы одного из сражателей.

— И вот что я вижу, — Мара подошла к Махмед и встала за ее спиной, — твоя душа не

появлялась в Озере душ уже несколько столетий. Тогда я обратилась к архивам и обнаружила, что твое имя отсутствует в «Книге учета душ». Только благодаря свитку мне удалось найти тебя и узнать, что помимо всего вышесказанного ты еще и влияешь на другие жизни и вносишь смуту в мироустройство. Я не знаю, как тебе это удалось, но я знаю точно, что за эти деяния тебе грозит пребывание в самых отдаленных камерах Нижнего уровня, где ты будешь вечно пребывать в полном одиночестве, пока твой рассудок не сойдет с ума.

Она помолчала, давая Махмед осознать сказанное. Вечность одиночного заключения пугала, но Мара ведь не просто так все это говорит.

— И что ты предлагаешь? — спросила Махмед.

— Это, — Мара потрясла свитком перед женщиной, — ты все еще мой сотрудник. И мне, как никогда, нужно острие. Отдел нуждается в работниках, но вместо того, чтобы вновь обучать их, я могу просто пробудить их воспоминания. Все-таки, ты был сражателем! Достань мне его, и я попробую смягчить гнев Совета.

— Ты снимешь с меня все обвинения?

Мара усмехнулась и покачала головой:

— Нет, Эния, нет. Ты вляпался слишком глубоко. И затянул в это болото и те души, что связаны с тобой.

— Ты говоришь про Эви? — Махмед напряглась.

— Эви в той жизни, Розанна в другой... Да, Эния, да. Но если ты будешь сотрудничать со мной, то вместо вечного заключения, Совет отправит тебя в Отдел 5189, где ты будешь отрабатывать наказание, гм-гм, всего то несколько сотен лет. Будешь красить траву в отделах, рисовать облачка, приклеивать цветы, — Мара рассказывала это с таким энтузиазмом, словно речь шла о парке аттракционов, — и сам не заметишь, как время пролетит.

— А что будет с Эви?

Она задумалась:

— Думаю, Совет проверит ее душу на наличие правонарушений и если их нет, то отправит в Озеро душ и забудет об этом инциденте. В конце концов, она лишь жертва твоих интересов... Конечно, при условии, что ты сделаешь правильный выбор...

1806 г. Париж, Франция.

Перед его мысленным взором проплывали нечеткие картины его прошлых существований: вот он и его друг — обычные матросы в числе личного состава великого мореплавателя Магеллана*. Что может быть прекрасней — новые неведомые дали и плечо преданного товарища рядом. Тогда никто еще не знал, что это путешествие ознаменует собой эпоху великих географических открытий*.

А вот она — молодая девушка, влюбленная в храброго воина, павшего в столетней войне. Вскоре она заболеет и отправится вслед за ним. Он найдет ее уже овдовевшей, больной, в полном отчаянии — на ее руках ребенок, совсем еще кроха. Им отведено всего пару месяцев, за которые он успеет подарить ей надежду.

«Вас послал мне сам Бог», — скажет она ему на смертном одре, целуя его грубые руки, — «позаботьтесь о моем сыне».

Умирая, она будет искренне верить, что этого почтенного мужчину к ней послали высшие силы за ее праведные молитвы. «Значит, этот мальчик, ее сын, был чистой душой?», — подумал Марко, вспоминая слова Мартинеса. Тогда он дал ей обещание и

сдержал его — впервые покинул этот мир дряхлым стариком, оставив мальчику приличное наследство. После смерти его душа и душа этого выросшего ребенка никогда не пересекутся. Останется лишь горькое послевкусие странного ощущения: «неужели этот ребенок был для нее важнее, чем я? Это ведь просто случайная душа, отданная тебе на воспитание». Были и другие жизни. Так, в одной из жизни она была наложницей восточного царя, в другой, если верить документам, дворовой собакой и жизнь ее, в целом, прошла быстро. Между его и ее жизнью проходили столетия — преграды, которые было невозможно преодолеть.

И наконец, одна из его лучших жизней. Тогда он еще не знал, что за эту жизнь он будет тяжело расплачиваться. Но это потом, а пока он обычный парень, родившийся в Княжестве Валахия*, а она его соседка. Впереди много горестных событий и тяжелых войн. Но зачем им это переживать? В конце концов, он знает одно место в лесу, где уже лет сто его ждет сундучок с золотыми монетами...

Все эти воспоминания о ней — теперь сидящей перед ним в виде маленького мальчика, увлеченно слушающего его истории и рисующего сцену морского боя.

— Это подмога революционерам с моря, — показал он свой рисунок Марко.

— Вот только мы рисовали натюрморт, дурачок, — сказала Эдит и посмотрела на учителя, ожидая одобрение. Но к ее разочарованию, он поддержал ее брата.

— Фантазия — наш лучший друг. Все начинается с вымысла. Поверьте, иногда лучше придумать что-то свое, чем копировать очередную картину известного художника.

Он взял рисунок Робера и обнаружил на изображении корабля двух нарисованных человечков.

— А это друзья моряки. Они мореплаватели, — сказал мальчик.

— Ты уж определись, моряки или революционеры, — продолжала к нему цепляться сестра. Ее явно обижало, что Марко больше заинтересован глупым сражением кораблей, чем ее вазой с фруктами.

— Одно другому не мешает, — улыбнулся Марко и, поднявшись, взял плащ.

— Ну что ж, урок окончен. Желаю вам приятного ужина, а меня еще ждут дела, — сказал он и направился к выходу.

— Как жаль, что не вы мой брат, — крикнул ему мальчик вслед, — я бы с удовольствием променял Эдит на вас.

Марко улыбнулся. Как эти слова грели душу.

Он почти уже дошел до парадной двери, по пути столкнувшись с дряхлой женщиной, матерью профессора Мартинеса. Бедняжка с трудом передвигалась, согнувшись в три погибели и даже не замечала мимо пробежавшего Марко. Но вдруг, за его спиной послышалось кряхтение и следом за ним сдавленный голос:

— Я просил вас больше не беспокоить нас! Я думал, мы поняли друг друга! И что я узнаю? Пока меня не было дома, вы снова приходили сюда и давали моим детям уроки живописи! — сказал профессор Мартинес, торопливо вставая с кожаного кресла, расположенного в углу главного холла.

— Какой кошмар, — произнес Марко, нарочито изображая ужасную актерскую игру и прикрывая рот рукой, — незаконные уроки живописи! Зовите жандармов!

— Смешно вам? — профессор подошел к Марко вплотную, и ткнул его пальцем в грудь, — посмотрю я, как вы посмеетесь, когда по душу Робера придут агенты Отдела!

Марко не стал отвечать на эти слова, аккуратно отведя палец профессора в сторону.

— Увы, мне нужна ваша помощь, профессор. Помогите мне, и я оставлю вас в покое, —

сказал он, — во всяком случае, в этой жизни.

Наступило молчание.

— Хорошо, поднимайтесь в мой кабинет, — недовольно произнес Мартинес.

Кабинет профессора Мартинеса выходил на солнечную сторону, ярко освещая все вокруг. Марко не любил солнце. Будь его воля, он подобно вампирам, выходил бы на улицы только в ночное время суток. Солнечный свет напоминал ему о той, самой первой его жизни.

— Сражатели, — начал Марко, как только они вошли в кабинет, — они больше не оставляют записей в книге. Я уже много лет не могу найти их следы. Скажите, они выходили с вами на связь?

— Я сам нахожу их, когда мне это нужно, — ответил Мартинес, — но вы правы. Их ряды поредели. И жалкие остатки ушли в подполье.

— И где мне теперь их искать?

Мартинес развел руками:

— Вы же были сражателем!

— Как и вы! — напомнил Марко, услышанное много столетий назад.

— Я оставил это дело еще за долго до вашего появления, Марко! Острие показало мне иной путь развития.

Марко усмехнулся:

— Вам прекрасно известно, что сражатели всегда относились ко мне с пренебрежением, из-за моих особенностей, — сказал он.

— Вернее, из-за отсутствия этих особенностей, — поправил его профессор и тут же добавил, — почему, собственно, я должен вам помогать?

— Вы мой должник, Мартинес. Я не выдал вас Отделу! Хотя это могло стоить мне вечному заключению в Нижнем уровне!

— Вы не выдали меня Отделу только потому, что я нужен вам!

Однако, это предположение не застало Марко врасплох.

— Между вашей помощью и вечным тяготением в Нижнем уровне, весы склонялись не в вашу сторону! — сказал он и уставился профессору в глаза.

Так они смотрели друг на друга несколько секунд, пока Мартинес не отвел взгляда:

— Хорошо, — вскинул он руки, — дайте подумать... Есть только одно место, где можно пребывать в относительной безопасности, когда тебя ищет Отдел. И это, как это ни парадоксально, Нижний уровень.

— Что? Нет, вы ошибаетесь, — не поверил Марко, — только безумец ползет туда! Одну половину его контролирует Совет, а другая наполнена ужасными тварями!

— Да, — снова согласился профессор Мартинес, — некоторая часть действительно используется Советом для темниц и хранилищ. А по поводу тварей, что ж, лабиринта не существует без минотавра. Но вы забываете и о третьей стороне — неизвестность.

Сейчас Мартинес напоминал лектора в университете. Он читал лекцию своему единственному слушателю:

— Нижний уровень — место весьма специфичное. Это целый мир со своими подземельями, лабиринтами и городами. Легенды гласят, что фундамент его заложили десятки разных архитекторов, эдакая Вавилонская башня. Как вселенная, он постоянно расширяется, вбирая в себя все зло человечества, всю его боль и пороки. Это мир,

создаваемый ежедневно душевными кошмарами и недобрыми помыслами. Сомневаюсь, что есть те, кому подвластны все его тайны.

— Но Нижний уровень — место совсем не безопасное... Попасть туда — значит умереть...

— Увы, иногда есть вещи гораздо хуже смерти...

Марко мысленно согласился с ним. Но не понимал, что именно имеет в виду профессор.

— О чем вы? — спросил он.

— После того, как вы постепенно отошли от дел, у сражателей начался не легкий период. Большинство, в том числе и великих, переловил Отдел. Что стало с их душами мне неизвестно. Но я знаю, что Изуса, как особо отличившийся, был приговорен к смерти.

Марко ахнул. Они схватили Изусу? Но как? Это душа никогда не относилась к великим сражателям, но это была самая сильная душа из всех, что была ему известна. Это был его наставник и верный товарищ, который одновременно и восхищал, и внушал страх.

— Я не знал..., - прошептал он, задумавшись. — Но смерть — это просто начало нового перерождения...

— Обычная смерть... Но Изуса был приговорен к пожиранию Аамат... Да. Той самой Аамат Меланхолии, что с древних времен никак не оставит в покое бедных грешников!

— Либо грешников стало слишком много, либо эта Аамат, как вы говорите, любит лакомиться не только лишь грешниками, — сказал Марко, вспоминая мертвые тела, без единой капли крови, раскиданные среди пустынного города.

— Все мы грешны, — ответил профессор, — не давать же ей, в конце концов, сдохнуть с голоду? Аамат Меланхолия — это последнее оставшееся оружие Совета, и она очень нужна им. — усмехнулся он, прохаживаясь вдоль книжных полок. — Оказалось, очень удобно скармливать ей темные сущности и души, которым нет места ни в одном из миров. Я думаю, вы знаете, что смерть от Аамат...

— Это конец вечности, — закончил за него Марко.

Мартинес кивнул.

— Да, вы правы. Как минимум, конец вечности на Земле... Во всяком случае, ни одна известная нам душа не вернулась на землю после пожирания. Вы, кстати, читали Египетскую мифологию?

— Значит, Изусы больше нет? — спросил Марко, совершенно не слушая профессора.

— Нет, ему удалось сбежать...

Словно тяжелый груз упал с его плеч и Марко почувствовал внезапную легкость во всем теле. Профессор продолжал:

— Изуса — единственная известная мне душа, которой удалось сбежать из тюрьмы Совета. После побега, он понял, что Земля место не безопасное. И решил основать тайник в Нижнем уровне. Меня они решили не посвящать в свои тайны, но у меня есть основания подозревать, что этим местом стала темница титанов, бывших владельцев Земли. Считается, что лишь часть богов знала месторасположение этого места. И они все, включая Нингирсу, на данный момент, мертвы... Как и сами титаны, я полагаю... Но если хотите знать мое мнение...

— Да говорите уже! — Марко и пришел сюда узнать его мнение.

— Лучше спросите его самого... может к вам сражатели будут более благосклонны...

— ???

— Изуса был здесь. Он передал мне след эфира одного сражателя, Киарина, чтобы я

помог с его поиском. Есть подозрения, что из-за долгого пребывания в Озере душ, тому удалось избежать преследования и сейчас он где-то скрывается на Земле.

— И вы все это время молчали?! — Марко бросился к Мартинесу, желая растерзать его.

— ... сегодня Изуса отбывает в Новый Свет. Поторопитесь, если хотите застать его! — остановил его профессор. И Марко пришлось отказаться от идеи разбить профессору нос. Он быстро спустился по ступенькам вниз, и на выходе чуть не сбил невысокого Робера с ног.

— Учитель, я нарисовал вам..., - мальчик дотронулся до него рукой, но Марко сразу отдернул ее, отстраняя от себя ребенка. Он был не готов снова чувствовать то глубокое чувство единения, что ощущал каждый раз, соприкасаясь с душой Эви.

— Прости, не сейчас..., - Марко успел бросить на Робера мимолетный взгляд и вышел за дверь на улицу.

«Я вернусь за тобой, Робер! Обязательно вернусь!» — сказал он сам себе, идя по мостовой.

В порту кипела жизнь — тут и там толпами шагали моряки, рабочие грузили тяжелые ящики, и просто куча людей сновали в разные стороны. Марко почти бежал, привлекая к себе взгляды случайных прохожих.

— Изуса! Изуса! — кричал он.

Выглядел он нелепо. Но, черт возьми, он не душевидец. Изуса мог быть и женщиной, и стариком... и даже дикой лошастью!

— Эния, — окликнул голос за спиной. Марко обернулся.

Позади, в старых потрёпанных одеждах, с ящиком в руках стоял пацан лет тринадцати.

Марко сразу распознал его самодовольную ухмылку, не покидающую лицо Изусы в любом обличье.

— Как ты узнал меня? — Марко подошел к Изусе, продолжая его разглядывать.

— Я вижу твои печати, если ты вдруг забыл... Честно сказать, даже не знаю, рад тебя видеть или нет. Хромой сражатель... так себе находка. Что тебе надо? Я уже думал, что ты навсегда сгинул в круговороте перерождений.

— Эй, пацан, не отвлекайся, — приказал второй грузчик, крупный мужчина, грузивший сразу по два ящика.

— Да пошел ты! — огрызнулся Изуса и повернулся к Марко, — так что тебе?

— Острие..., - Марко не стал скрывать своих намерений, — оно хранит печать, которой нет на земле. Мне надо ее вытащить!

— И ты думаешь, что я настолько глуп, чтобы таскать столь ценный предмет с собой? — ответил Изуса, бросая очередной ящик.

Марко чувствовал себя глупо. Изуса явно не испытывал интереса к его персоне.

— Я хотел бы поговорить, о многом. — сказал Марко, — то, что я узнал о вас, об ордене... Мне очень жаль...

Изуса поднял голову, посмотрел на ящики, а затем на второго грузчика, и сказал:

— В любом случае, я сейчас немного занят... Времени нет.

— И когда оно будет? — спросил Марко.

Подросток забросил очередной ящик, перевел взгляд на Марко, а затем на корабль.

— В пути, я думаю, смогу выкроить для тебя пару свободных минут...

Было поздно. Пассажиры давно разбрелись по каютам и Марко одиноко стоял на

пустынной палубе. Он смотрел на бескрайний горизонт и понимал, что теперь не скоро встретится с Робером.

— Я вижу стену равнодушия, что ты выставил против меня..., - сказал внезапно подошедший Изуса. От него дурно пахло потом, а лицо и руки были в черных пятнах от работы с углем, — но за ней все равно проскакивает тревожность... Ты боишься меня?

— От тебя ничего не скроешь, — попытался отшутиться Марко, но внутри разгоралась досада. Сколько лет упорных тренировок, волевых усилий, участия в походах и военных действиях, с целью закалить себя. И все равно сражатели видят его насквозь.

— Да брось ты. Это же я учил тебя строить эту стену, не моя вина, что ты оказался плохим учеником, — Изуса подошел к фальшборту и оперся об него.

— Сложно контролировать что-то, что ты не можешь видеть, — ответил Марко.

— Именно! — подхватил Изуса, — поэтому и удалось сбежать одной нашей эмоции. Она была с вами в той экспедиции, в лесах Русьи... Оставить тебя в сражателях... с самого начала была плохая идея, — покачал он головой. — Так зачем ты здесь? — он повернулся и посмотрел на Марко, — или ты думаешь, раз нас теперь мало, мы примем тебя обратно с распростёртыми объёмами?

Марко не выдержал тяжелого взгляда бывшего товарища и отвернулся.

— Времена богов давно прошли..., - сказал он. — Они покинули Землю... Сражатели больше не нужны...

Он ожидал гневной реакции от Изусы, но вместо этого, тот рассмеялся:

— Власть — это опиум! Заполучив ее однажды, они будут вновь и вновь стремиться к этому. И если бы ты по-прежнему был с нами, то знал, что теперь эти боги прячутся среди королей, богачей — тех, кто имеет вес в этом мире! Внешне они изменили свои притязания, но внутри такие же тщеславные убудки, падкие до чужих душ...

— Кто-то должен управлять этим миром, — сказал Марко, — а убивать за жажду власти...

— А что следует из этой жажды? Войны! Смерти! Голод! Ненависть! Они готовы грызть глотки не только людям, но и друг другу! Они поубавили свой пыл только благодаря нам, или ты забыл, что творилось раньше? Чем меньше их, тем цивилизованнее мир!

Марко не согласился. Теперь он видел это иначе. Но понимал, как сложно будет переубедить старых убеждения сражателей.

— Это привело вас к упадку, — сказал он. В его голове формировалась красивая мысль, но он не мог подобрать слов для ее выражения, — если бы вы поменяли...

— Это привело нас к упадку? — перебил его Изуса, — это?! — он вновь засмеялся. Но это был другой, зловещий смех, не предвещавший ничего хорошего. — А я-то думал, что к упадку нас привело твое предательство! Твоя связь с богиней смерти!

Марко замер и перестал дышать, а Изуса мгновенно считал его.

— Он был прав! Это ты! Ты предал нас! Ты сдал нас всех! — он бросился на Марко и принялся душить его.

— Что ты... несешь..., - пытался произнести Марко, схватившись за руки Изусы, но из гортани вылетали лишь сдавленные хрипы.

«Это всего лишь истощённый ребенок» — промелькнула мысль в его голове. Он пнул мальчишку и смог вырваться из захвата.

— Я уничтожу твои печати и сотру твое имя из истории! — взревел Изуса и бросился вперед.

Между ними завязалась драка. Марко ошибался — в этом худом мальчишеском теле скрывалась воля такой силы, что одолеть его было не просто. Но и он тренировал свои силы не впустую. Ему удалось приподнять мальчишку, и почти перекинуть его через борт корабля.

И тогда что — то блеснуло. Марко почувствовал жгущую боль в груди и отступил, выпустив подростка. С его белой рубашки стекала желтоватая жидкость: эфир его души. Воспользовавшийся этой заминкой, Изуса схватил Марко за бока и не смотря на свою внешнюю хлипкость, поднял преподавателя живописи и почти перекинул его на ту сторону. Марко едва успел схватиться за фальшборт.

Изуса не давал ему подняться, проводя странные манипуляции с пустым пространством: размахивая острием вокруг Марко, он уничтожал его печати. Покончив с ними, он наклонился к Марко:

— Больше не попадайся мне на глаза, слышишь? Я убью тебя, даже если ты будешь немощной слепой старухой! — сказал ему Изуса и с силой ударил по его рукам. Марко отцепился и полетел вниз.

Проваливаясь в обжигающе холодное море, последнее, о чем он думал — это таинственное жестокое убийство немощной слепой старухи, не разгаданное лучшими сыщиками.

Досудебный Зал Совета Верхнего уровня Высших руководящих Сил, 1711 год по земному летоисчислению.

Мара покинула комнату, оставив Махмед подумать. Руки женщины по-прежнему были связаны, ноги затекли, шея болела. Только бы выбраться отсюда, найти Филина... узнать, что там с Эви...

Вновь и вновь осматривая помещение, взгляд Махмед невольно задерживался на злосчастном свитке, оставленный Марой на столе. Нужно всего лишь дотянуться до него, сжечь, разорвать, уничтожить этот кусок папируса. Но дергаясь всем телом, Махмед ни могла ни на нокту* приблизиться к столу. Все что ей оставалось — это вспоминать тот день, когда ее имя было внесено в список Отдела.

Тогда на дворе был 1020 г.

К этому времени Эния уже много месяцев прочесывал леса Русьи: местные приняли христианство, а значит, старые боги ушли в небытие. Из большой экспедиции сражателей он остался один: избалованные солнцем, они не пережили холодных морозов, долгой дороги, плохого питания и других неблагоприятных факторов. Но Эния был воодушевлен. Его глаза горели, ноги сами несли его, а все трудности казались ему глупостями. Даже оставшись один, он продолжал петь себе под нос песни, пускаться в пляс, находить еду и не терять надежды. Никогда в жизни, он не чувствовал себя таким наполненным, не зная, что испытывает самый настоящий энтузиазм. И вот удача улыбнулась ему: спустя долгое время усердных поисков он нашел нужное место.

Это была небольшая поляна, на которую сквозь тяжелые густые ветви деревьев едва падал солнечный свет. В ее центре, наполовину уходя в землю, скошенная набок, стояла деревянная статуя женщины.

«Успел», — подумал он и сел рядом.

Еще оставалось немного времени. Он пытался перевести дух, и немного отдохнуть. Но он был слишком возбужден, чтобы расслабиться.

Наконец, солнечный луч дошел до статуи. Солнце осветило, вырезанные на дереве,

черты лица. Время пришло.

Эния взял нож, сделал надрез ладони, и дотронулся до деревянного лица статуи, нежно проведя по ее щеке, оставляя кровавый след.

— О, великая Мара, Богиня смерти, я принес тебе дары, дабы попросить тебя с помощи, — сказал он, складывая руки домиком перед собой.

Затем он выложил тушку убитого зайца, пойманного накануне, и положил перед статуей.

Ничего не происходило.

«Глупости. Я так и знал, столько времени потратил!» — расстроился он.

Какое-то время он еще посидел, не в силах подняться. Разочарование тяжелым грузом тянуло его вниз. Но перспектива оставаться тут ночевать его не радовала и вскоре ему пришлось встать. Он потянулся к тушке зайца, не пропадать же добру. Но как только он сделал пару шагов, статуя начала трястись. Эния упал от неожиданности и немного отполз. Статуя начала крутиться по своей оси, выходя из Земли. Кусочки дерева рассыпались во все стороны, обнажая человеческое лицо. И чем больше древесины падало на землю, тем больше проявлялось тело живого человека. Когда последняя щепка упала на землю, женщина открыла глаза. Черные глаза яростно смотрели на него.

— Ты кто такой? Этими порталами уже давно не пользуются! — женщина сделала шаг вперед, отряхивая от себя сучки, — ох уж эти люди! Когда уже Совет отменит предписание прибывать на ваши просьбы! Что такого могло произойти, что меня вдруг понадобилось вызвать спустя столько лет?

— Я..., - он вдруг понял, что не может вымолвить ни слова.

— Фу, что это за мерзость, — богиня споткнулась об тушку зайца, — кто так безжалостно мог расправиться с невинным животным? Наверно, волк..., но волк бы сожрал его..., -она перевела взгляд на Энию, — только не говори, что это сделал ты.

— Ээээто дар... Я думал..., - Эния по-прежнему не мог взять себя в руки.

— Что меня порадует труп бедного животного? А своим дамам ты тоже даришь трупы? Ты вообще видел, что девушки пищат от радости, видя это? Или сейчас первобытные времена? Тогда да. Возможно. Но все-таки для себя я бы попросила цветов... как минимум. И почему ты один? Где десятки людей на коленях, приветствующих меня ритуальными танцами и задорными песнями? — она осмотрела всю поляну, словно надеясь, где-то в кустах мог спрятаться целый хоровод. — Ладно, говори, что тебе надо? Закончим с этим побыстрому!

— Вы Мара? Богиня смерти? Это правда, что вы ведаете всеми перерождениями? — наконец, Эния смог собраться с духом и даже подняться.

— Оу...гм-гм. У тебя устаревшая информация. Я занималась всем этим, когда работала в Управлении численности населения Земли. Тогда это был такой малюсенький отдел, — с этими словами она сложила указательный и большой палец, оставив между ними небольшую прорезь, — но сейчас я работаю в другом Отделе... вот как раз собираю персонал. Может, нужна работенка?

Эния не понял и половины ее слов.

— Значит... вы не поможете мне?

Видимо его лицо приобрело такой несчастный вид, что богине смерти стало жаль его.

— Оу..., а что ты хотел? Если передать послание, то я могу помочь, а если оживить чей-то труп, то тут, прости, — она развела руками.

— Я ишу душу..., - сказал он, — мне нужно узнать о ее перерождениях...

Его просьба ничем не удивила Мару, и она лениво произнесла:

— Перерождение не быстрый процесс, могут пройти годы, а то и столетия... Когда умерла твоя душа?

— Несколько тысячелетий назад...

На несколько секунд богиня смерти зависла, переосмысливая его слова.

— Это будет сложнее... А откуда ты, собственно, узнал обо мне?

— Я прочел о вас в свитках, в Александрийской библиотеке!

— Гм-гм... А ее разве не уничтожили сотни лет назад?

— Да... но я успел...

Мара с подозрением взглянула на него.

— Но как такое возможно, или ты не человек?

— Я..., - Эния понял, что он сболтнул лишнего и вся его подготовленная речь рассыпалась в пух и прах. Он попытался вернуться в свою подготовленную легенду. Но Мара замерла. Он не слушала его оправдание про случайный укол острием и спасение бога Нингирсу. Она словно впала в транс и какое — то время молчала, глядя сквозь него. Неожиданно, она вышла из оцепенения и уставилась на него. Эния вздрогнул.

Не говоря ни слова, она схватила его, повернула к себе спиной и заломила ему руки. Эния даже не смог понять, что произошло, только вскрикнув от боли.

— Именем Совета, вы арестованы! Таким жестоким убийцам место в самых темных отделах Нижнего уровня!

— Что? Но почему? — Эния отчаянно закричал, — я ничего не сделал!

— Значит, это правда и вы один из тех, кто охотится за богами! Вы убиваете все живое на своем пути!

— О чем вы? Сражатели уничтожают демонов и злую сущность!

Но Мара не слушала его.

— Где остальные? — спросила она.

— Я не знаю, те кто были со мной, погибли!

— Не ври! А иначе я сделаю исключение и убью тебя прямо здесь!

Эния не сомневался, что так она и поступит и весь сжался в комок.

— Я...но я не убивал никого! Никогда! У меня даже нет способностей. Никаких. Это правда! Я стал сражателем случайно, спасая Нингирсу, укололся тем острием, ...

— Острием говоришь? Острием Геккаты? Я была права! Права! Это было убийство! — завопила Мара и вновь погрузилась в астрал, замерев. С полминуты она молчала, крепко удерживая Марко.

— Острие у них? — спросила она вдруг отчужденно, откинув его. Эния упал на землю, уткнувшись лицом в мох.

— Я не знаю, что это за острие, но оно делает нам печати и оставляет память о прошлых жизнях, — сказал Эния, переворачиваясь на спину.

— Это острие принадлежало Геккате, она была посредником между мирами. Заведовала распределительным пунктом для душ. Ее выследили и жестоко убили твои сражатели во время ее путешествия на землю. Я встала на ее должность. И теперь острие принадлежит мне. Где оно?

— Без понятия, — Эния выставил вперед ладони, демонстрируя свою незащитность... Все-таки искать богиню было плохой идеей.

Мара не надолго замерла в третий раз. Затем, она вновь взглянула на Энию, но уже менее яростно.

— Нингирсу говоришь... Да помню-помню... Подлец еще тот. Не могу даже сказать, что расстроилась, узнав о его смерти.

Эния не мог не отметить, что после непродолжительного транса Мара поменяла тон. Ему казалось, что богиня смотрит на него теперь иначе. Изучающе. И явно проявляла интерес к его истории.

— Так что это за душа, которую ты ищешь?

Эния не мог поверить своим ушам.

— Мне нужно знать год и место рождения, дату и место смерти. Я попробую навести справки, всполошу старые связи, дам пару взяток и добуду информацию о той душе. Но ты должен мне помощь. Услуга за услугу.

— Все что угодно! — Эния бросился к ней.

Махмед открыла глаза. В тот день она подписала пергамент. Мара сказала ей, что это гарантия их сотрудничества и легкий путь для поиска Энии.

Тогда же Мара и показала ему другую сторону медали:

«Даже у вашего дикого общества существуют суды, — говорила она, — когда как твои сражатели просто жестокие убийцы!».

«Я согласна, Нингирсу был та еще мразь, но это не значит, что мы все достойны смерти...», — говорила она.

Спустя два дня, Мара вновь навестила его, выдав ему бумагу на старом папирусе, с числами и координатами.

— Ты должен понимать, что это примерные цифры. Они следуют великому закону душепооявления, проще сказать, специальной очередности, что подготовлена и рассчитана специальной комиссией. Мы даем душам даты рождения, но мы никогда не знаем даты их смерти. Смерть любой из душ может сместить или ускорить очередность. А значит, могут быть небольшие погрешности. Именно поэтому список обновляется каждые пятьсот лет, а посему я советую уточнять данные у меня в дальнейшем, — говорила она, протягивая заветные списки.

И когда Эния, взяв список, был готов бежать на все четыре стороны, хваткая рука Мары схватила его за воротник:

— Подожди, ты забыл это, — с этими словами она вручила ему тяжелую стопку папирусов. От неожиданности тонкие руки Энии прижало к земле.

— А это еще что? — спросил он.

— Условия нашей сделки. Это список душ, которые ты должен найти для меня. Похищение острия вызвало трудности в формировании сотрудников наших отделов, приходится искать тех, кто работал на нас тысячи лет назад!

— Но здесь сотни имен! На это уйдут годы! — Эния с ужасом осмотрел стопку бумаги весом в несколько килограмм.

— О, нет, внешность обманчива. Полагаю, что это всего несколько душ, постоянно перерождающихся! Но есть и другой способ — принеси мне острие, что похитили сражатели! И тогда я убегу твое имя из своего папируса... а пока, будь добр ищи моих агентов! — сказала Мара, оставив Энию с тремя килограммами бумаги.

— И как мне это донести? — задумался он, почёсывая голову...

Годы спустя, его снова принесло в древнюю Русь, в стены монастыря, где бывший сражатель Филин изучал остатки некогда знаменитой библиотеки русского князя.

Впервые они встретились в Эдфу, в «Доме Папируса»*.

Изуса познакомил их.

«Это древний сражатель, — сказал Изуса Энии. — Он мог стать Великим, но предпочел роль писаря... Как успехи? — обратился Изуса к Филину, — не жалеете, что променяли вкус кровавых побед на пыль старых книг?»

«А вы значитесь, Эния? — пропустил насмешку Филин, — человек, что бросил вызов богу? Похвально, похвально...»

Еще пару раз они имели беседу в Карнаки, и пересекались в Александрийской библиотеке, где Эния вел анналы сражателей.

И теперь, Эния целенаправленно искал встречи с этим мудрейшим человеком.

Темную палату освещал едва слабый огарок свечи. В полутьме отчетливо угадывался силуэт мужчины в теплом кафтане и меховой шапке. Он с нежностью перебирал книги, складывая их в несколько стопок: что-то откладывал в сундук, а что-то клал обратно на полки.

— Выходите, я знаю, что вы тут, — вдруг сказал мужчина, даже не поднимая головы от очередной книги.

Из-за темного угла появилась фигура, облаченная в длинную рясу монаха.

Мужчина посмотрел по сторонам, не скрывается ли кто-то еще?

— Кто вы? — сказал он.

— Эния. Хромой сражатель, — сказала фигура, откидывая капюшон. — А вы... Филин? Мне нужна ваша помощь!

Мужчина потерял всякий интерес и повернулся обратно, к своим книгам:

— Я общаюсь только с великими, — сказал он, — простые работники вроде вас не должны беспокоить меня. Это не безопасно.

— Я пришел один...

— Вы никогда не приходите одни! От того, что вы их не видите, не значит, что их нет! Пора бы уже уяснить это! — мужчина явно был не доволен.

Энии пришлось напомнить о их прошлых встречах.

— ...Мы встречались с вами ранее, много беседовали. И вы сами тогда сказали, что я могу обратиться к вам за помощью...

— Неужели? — с минуту мужчина молчал, силясь вспомнить...

— Да. Мы обсуждали с вами природу Апат Меланхолии. Вы говорили, что, возможно, структура ее души гораздо сложнее, чем у простой эмоции... Вы считали, что там есть что-то еще...

— Хм, — мужчина отложил книги. — Великие не посвящали простых сражателей в свои тайны. Значит, я сам рассказал вам это. Сложно, знаете ли, хранить в памяти тысячи воспоминаний, так что вам надо?

Эния изложил ему свою просьбу:

— Я знаю, когда и где родится душа, что дорога мне. Но как я могу контролировать собственное рождение?

— Хм..., - лишь издал Филин, не отрываясь от своих книг.

— Я знаю, что великие пользуются иными методами, но нас они не посвящают в свои тайны, — продолжал настаивать Эния.

Филин открыл одну из книг, вчитываясь в ее страницы. Прошло несколько минут, прежде чем он выругался и бросил книгу на пол.

— Сколько раз вы умирали? — спросил он сердито, — Неужели сам процесс смерти для вас не стал обыденностью? Люди, простые смертные, теряются и покорно следуют своему зову наверх. И то среди них находятся упрямы. Но вы... Вы, Эния! Вы можете противиться этому!

— И стать призраком? — ужаснулся Эния, вспоминая страшные истории про армию духов, рассказанные сражателями.

— Вы бы стали призраком, если бы были самым обычным человеком. Но вы осмысленный перерожденец. Забудьте про острие. Все, что вам нужно — не поддаваться зову и найти новый сосуд для своей души. Ищите! Ищите бездушных людей, ищите умирающих, ищите ослабленных!

— И так просто? Просто найти тело?

— Конечно же не просто! Или вы видели упырей среди сражателей? Подбор тела весьма непростое занятие. Душа еще должна быть внутри. Ослабленная, умирающая, но внутри!

— Паразитизм какой-то..., - сказал Эния.

— А вы что хотели? Такова цена вечной жизни, — еще две книги полетели на пол.

— Все равно звучит слишком просто...

— Конечно... все всегда звучит слишком просто. На деле всегда есть куча нюансов. Или вы думаете, почему сражатели носятся со своим острием? Пока вы, в виде души бродите по земле, вас могут сожрать темные сущности, вы можете заблудиться, упав за Грань, в конце концов, вас может схватить охрана Управления, отслеживающая не вернувшиеся души. И если они узнают, что вы сражатель... к чему такие риски? Надеяться на разгильдяйства работников там, наверху, — он кивком указал в потолок, — так себе идея. Конечно, ежели вы хотите обезопасить себя от надзора сверху, то и такой способ имеется...

Эния подошел к мужчине максимально ближе, готовый выслушать его.

— Надо просто исключить свою имя из книги учета душ..., - произнес Филин.

— Из чего? — не понял Эния.

— Из Книги мертвых... Древний манускрипт со списком всех ныне существующих душ. Стираете свое имя и все... вас не существует. А ежели вас не существует... Кто же вас будет искать? — и с этими словами мужчина посмотрел на Энию таким взглядом, словно объяснял ребенку сущую ерунду.

— И где же мне искать эту книгу? — жалобно спросил Эния.

Мужчина вздохнул.

— Все приходится делать за вас. Я помогу вам. Может, вы слышали от других сражателей, что благодаря моим знаниям и опыту, я обзавелся системой агентов по всему уровням... Но имейте в виду, мои услуги не безвозмездны. Сейчас мне сложно придумать, чем мне может помочь голодный обессиленный мужчина, умирающий от неизлечимой болезни, — сказал он, бросая надменный взгляд на Энию.

Эния не верил своим ушам.

— Я сам найду вас. Позже. Уведомите меня через книгу встреч, где мы сможем встретиться, — подытожил мужчина, — а теперь уходите. Скоро рассвет, а я еще не разобрал

и половины этих книг.

Эния поклонился и пошел на выход.

— Напомните, — крикнул ему вслед мужчина, — ваша первая жизнь... кажется, это была Месопотамия?

— Да, город Гирсу, — ответил Эния.

Мужчина кивнул.

— Идите, Эния... идите...

Через пару дней Энию затоптали лошади. Воспользоваться помощью Филина он смог только через сто пятьдесят лет. И только через почти шестьсот лет, он узнает, почему тот был так добр к нему...

— Так как же исчезло твое имя из книги учета? — Мара отстегивала наручники, сковывающие руки Махмед. — Среди сотрудников Управления шпионы? Это эмоции, поработанные разумом сражателей?

— Даже не представляю, о чем ты..., - сказала Махмед, потирая руки, — я не знаю, что из себя представляют эмоции и как ими можно управлять... Этим заведовали великие...

— Тогда спросим у великих, — ухмыльнулась Мара, — пошли, тебя ждет перерождение. И они вышли из тесного помещения.

1806 г. Париж, Франция.

Вырезки из местной газеты парижских ведомостей.

«Происшествие на корабле», «Последний рейс», «Смерть на борту».

«Некая дама М., пожелавшая остаться не известной, путешествующая на корабле из Парижа в Новый Свет, стала свидетельницей вопиющего происшествия! Прогуливаясь поздно вечером в компании некой Д., она заметила поодаль двух молодых людей, стоящих у фальшборта: добро почтенного опрятного молодого мужчины и невежественного грязного мальчишки- подростка. Между ними завязался сильный спор, переросший в драку. Мальчишка выхватил нож и несколько раз ударил мужчину, а затем выбросил тело за борт.

Офицерами судна преступник был схвачен и передан в руки полиции. Им оказался тринадцатилетний кочегар, поступивший на корабль в обход инструкциям (обстоятельства выясняются). Личность погибшего мужчины также была установлена. Им оказался учитель живописи из Италии Марко Лоунс....».

«Как выяснили детективы, малолетний убийца был сиротой. Его происхождение не известно. Что связывало его с молодым преподавателем живописи выясняется. Возможно, имеет место ситуативный скандал».

«Может, он отказался давать ему уроки живописи?» — предположил один из пассажиров.

«Наверно, он давал ему плохие уроки», — сказал второй.

«Может, он еще успел кого-нибудь скинуть за борт? Вы делали перерасчет всех пассажиров?» — обеспокоен один из пассажиров.

Расследование продолжается. Подросток-убийца доставлен обратно в Париж, где предстанет перед судом. Напомним, что во время путешествия на корабле, между рабочим и пассажиром первого класса завязалась драка, в результате которой мужчина был убит и сброшен за борт. При подростке нашли нож, который теперь изъят и передан, как основная улика, в полицию Парижа. О причинах происшествия пока не известно».

1844 г., Дрезден, Германия.

«Ну сколько можно?».

Эта женщина буквально преследовала его. Гоззо уже давно заметил ее нездоровый интерес: сначала она стояла за ним в очереди к булочнику, но как только он сделал заказ и вышел, она тут же пошла следом за ним, забыв про свои «булочные» дела. Вчера она следила за ним, пока он рассматривал осеннюю листву в парке, неумело скрываясь за деревьями, словно влюбленная девица. А сегодня она подглядывает за ним сквозь книжные полки городской библиотеки. Пора вызвать врача. Или полицию. Может она угрожает его жизни и сейчас набросится на него, воткнув ему нож в брюхо.

Наконец, его терпение лопнуло.

— Зачем вы следите за мной? — он резко повернулся, уставившись ей в лицо. Женщина была в возрасте. Для молодого Гоззо считай, что старушка, поэтому мысли о тайном воздыхании с ее стороны он даже не рассматривал.

— Вы видите только меня? — спросила женщина, подбегая к нему и хватая его за руки.

— Что вы делаете, отпустите, — он сделал шаг назад, освобождаясь от ее хватки.

— Флегм, он не видит тебя. Только меня!

— С кем вы говорите, — Гоззо повернул голову из стороны в сторону. Лучше бы он ее не трогал. Теперь она точно его зарежет.

— И вы никого не видите рядом с собой? — продолжала женщина, осматривая Гоззо широко раскрытыми глазами.

— Что? Вы о чем? Конечно, я вижу! Вас, людей, окружение, книги! — все это время Гоззо пятился назад, пока не натолкнулся на очередную книжную полку. Женщина остановилась. Она резко выкинула правую руку в бок и от этого неожиданного жеста Гоззо издал вопль:

— АА! Не убивайте, — крикнул он, присев и прикрыв голову руками.

— Вы напуганы, простите. Я не хотела. Я только попросила Флегма прекратить бить в барабаны, — сказала она, — значит, вы их не видите. — Женщина резко утратила всякий интерес к нему. После этого она развернулась в бок и начала разговаривать с пустым пространством.

— Я же говорю. Он тебя не видит, и его, — она вскинула палец и показала на пустое пространство рядом с собой. — Тоже не видит!

— ...

— Откуда же мне знать? Может, это ошибка? — продолжала свой сумасшедший диалог женщина.

— ...

— Ну, значит, бывает!

Гоззо с ужасом смотрел на безумства этой женщины.

«Она сумасшедшая! Она разговаривает сама с собой!» — думал он, боясь потревожить ее, дабы она лишней раз не обратила на него внимание. Шанс выйти из библиотеки живым он еще не терял.

— Думаешь, это он? Seriously? Сражатель? Это смешно! Если только..., — женщина медленно повернула к Гоззо голову.

— Есть только один шанс проверить, — сказала она и вынула из внутреннего кармана кофты нож.

— Я так и знал, так и знал, — с Гоззо было достаточно. На кону была его жизнь. Он резким движением толкнул женщину и бросился бежать вон из библиотеки. Вон из этого города. Хватит, хватит! Не так уж и сильно он хочет изучать живопись, к которой с раннего детства проявлял талант!

Уже битый час он сидел на полу, в своей комнате, обнимая ноги руками.

Сестра говорила ему, что большой город полон опасностей, но что они будут скрываться в лице сумасшедшей тетки? Если даже женщины несут угрозу, то, что же думать о других?!

В дверь постучали. От этого стука Гоззо вздрогнул. Он решил проигнорировать стук в дверь, но тот усиливался.

— Господин Шефир, я видел, как вы пробрались в свою комнату! — раздался голос хозяина многоквартирного дома.

Услышав знакомый голос, Гоззо подбежал к двери.

— Да? Что вам надо? — спросил он.

— К вам посетитель, — раздался голос.

— Нет, нет, вызовите полицию, эта женщина хочет убить меня!

— Женщина? Но там мужчина.

Послышался звук отпирания двери. Вскоре высунулся сам Гоззо — он заглянул за плечо мужчины, осмотрев пустой коридор.

— Точно не сумасшедшая женщина? — спросил он.

— Уверю, — хозяину гостевого дома явно не нравилось странное поведение гостя.

Гоззо спустился вниз. И правда — внизу сидел опрятный мужчина. Лет так пятидесяти, с бакенбардами и не большими усами. Весьма приличного вида. Но кто он и что ему надо от него? У Гоззо в этом городе не было никого.

— Вы искали меня? — подошел Гоззо.

— Да. Прошу, садитесь. Меня зовут Джозеф Голстберг..., а вас?

Обратный вопрос удивил Гоззо. «Пришел ко мне, но не знает, кто я?».

— Гоззо Шефир, — представился Гоззо и сел напротив. Седовласый мужчина сразу приступил к делу:

— Прошу вас, выслушайте меня. Дело весьма серьезное. Вам довелось встретиться с одной моей знакомой, — начал он.

— О нет, — Гоззо поспешил выйти из-за стола.

«Эта женщина нашла меня! И прислала за мной этого старика», — подумал он.

Мужчина схватил его за рукав:

— Прошу вас. Это очень важно. Она не сумасшедшая, как вам могло показаться. Наоборот, весьма образованная и умная дама, что в наше время удивительная редкость. Кстати, ее зовут Мэри. И она готовит прекрасные булочки с маком. Но, впрочем, это не важно. Послушайте. Каким-то образом, к вам ведут следы нашего расследования. И мы сами не понимаем, почему. Ведь вы... самый обычный человек.

Эта фраза прозвучала для Гоззо как самое настоящее оскорбление.

— Что вам надо от меня?

— Позвольте просто взглянуть на вашу руку. Всего пару секунд и я уверю, что вы больше не увидите ни меня, ни ту женщину.

«Цыгане что ли?», — подумал Гоззо. Впрочем, протянутая ладонь малая цена, чтобы эти двое оставили его в покое.

Он протянул руку и в ту же секунду мужчина одной рукой крепко ухватил ее, а в другой блеснуло лезвие. Гоззо попытался отдернуть руку, но хватка у мужчины была сильной. В следующую секунду острый металл коснулся ладони парня и из нее полилась желтовато-белая жидкость.

Гоззо отшатнулся и упал со стула, придерживая раненую руку другой рукой. Он попытался отползти от мужчины, но вдруг его пронзила острая боль — словно по голове нанесли удар молотом. Из носа ручьями хлынула кровь. Он схватился за голову и стал крутиться из стороны в сторону: боль не прекращалась. Казалось, что внутри его черепной коробки что-то быстро растет и пытается вырваться наружу. Его голову разрывал гигантский поток нескончаемых воспоминаний. Один за другим, они проникали в его разум, заглушив крики седовласого мужчины за столом.

— Что вы видите, что вы видите? — кричал он.

Но Гоззо лишь сильнее погружался в вихри воспоминаний, пока его мозг, не справившись с такой нагрузкой, не отключился.

Когда он открыл глаза, голова по-прежнему болела. Все вокруг расплывалось. Гоззо приподнялся и вскрикнул: на секунду ему показалось, что перед ними снова сидит та безумная женщина.

— Воды? — произнес женский голос. «Нет, это не она». Голос был мягче и тоньше. Он увидел свою руку, принимающую бокал с водой и вскоре очертания прояснились: перед ним сидела молодая девушка.

— Мама, он просыпается, — крикнула она. — Тихо-тихо, — это уже она обращалась к нему. — Кто такая Эви? Вы только о ней и говорили, — улыбнулась девушка.

— Я ... не знаю...

В эту секунду он действительно не знал. И этот миг был так прекрасен. Был только он и эта чудесная девушка. И никакой боли (кроме головной), никакой Эви.

— Вы так долго спали! Мы уже думали звать доктора! — в дверях появилась та самая безумная женщина из библиотеки, с подносом в руке.

Гоззо вскрикнул и начал инстинктивно натягивать на себя одеяло.

— Тише-тише, — девушка схватила его за руку, — это моя мама.

— Простите, что напугала вас, — женщина сама издала тяжелый вздох и села на стул рядом с дочерью.

— Простите. Это все так странно. Нам пришлось применить острое. Мы не хотели. Но ваша печать есть на кинжале — она и привел вас к нам. Но у вас нет дара сражателя?

Гоззо сел. В его голове пазлами собирались мысли. Сражатели... Дар... Эви...

— Да, — сказал он, — я не вижу духовных существ, ни души, ни керов, ничего. Но так сложилось, что часть моей души запечатлена здесь.

— Вы хромой сражатель, — ахнула девушка, — мама, это хромой сражатель, — и с этими словами она стала хлопать в ладоши.

— Ну слава Богу! Значит, мы не ошиблись, и вы тот, кто нам нужен! — обрадовалась женщина.

Гоззо выпрямился. Теперь он больше не походил на того затюканного скромного мальчика, что недавно приехал в город. Его дыхание стало ровным, исчезла сутулость, ушла резкость и суетливость. Он взял булку с подноса и откусил небольшой кусок.

— Действительно, вкусные булочки, — сказал он, — а вы кто?

— Мы новое поколение сражателей, — радостно сказала девушка, хлопая в ладоши, — среди нас только папа «старик», он нам и говорил, что есть такой, как вы! Значит, вы поможете нам!

— Помогу? — Гоззо улыбнулся, доедая пирожок и пытаясь встать с кровати. Но тело отказывалось его слушать, а голова предательски болела.

— Мне надо уходить, дела ждут меня..., - вторая попытка встать увенчалась успехом и Гоззо, пошатываясь, направился к выходу.

— Но вы не можете так просто уйти! — сказала «сумасшедшая» женщина, — вы нам нужны.

Своим телом она перегородила ему путь.

— Простите, но я нечем не смогу вам помочь. Сражатели остались так далеко в прошлом, что вы даже не найдете их упоминаний в книгах. А новых нам не поставляют, — он аккуратно отодвинул женщину вбок.

— Я новый сражатель, — вдруг раздался голос девушки за его спиной, — я тоже вижу, правда, только эмоции. Но острие не содержит моих печатей. Может, мутация души? Моя мать и отец душевидцы.

Гоззо взглянул на девушку: мутация души?

«Никогда не слышал, — впрочем, почему бы и нет», — подумал он — «Раз существует наследственность телесного характера, почему и не быть душевного? Интересно, что об этом думает Филин?... Филин!!!»

На этой мысли его руки сжались в кулаки.

— Конечно, это просто эмоции... но это потрясающе, — продолжала говорить девушка.

Гоззо постарался взять себя в руки.

— Я не вижу ничего, так что в некотором роде, вы даже больше сражатель, чем я, — сказал он ей.

И быстрым движением, отталкивая женщину, метнулся к выходу. Он сбежал по длинной лестнице и увидев дверь, бросился к ней.

— Уже уходите, — окликнул его голос за спиной.

Гоззо обернулся: недалеко от него, с чашкой чая в руке и в домашнем халате, стоял тот мужчина, как его там, Джозеф Голстберг.

— Простите за мою невоспитанность, но я не тот, кто вам нужен, со мной вам не возродить сражателей, — сказал Гоззо и схватил ручку входной двери.

— Но мы не хотим их возродить, мы хотим их уничтожить... И вы именно тот, кто нам нужен, Эния.

Гоззо обернулся.

— Уничтожить?

— Разрушить память о них, истребить все печати, прервать этот род навсегда, — мужчина подходил к нему все ближе и ближе. — А самое главное, вернуть острие его законным владельцам, — с этими словами мужчина вытащил из внутреннего кармана перевязанное тканью острие, — так что, задержитесь с нами ненадолго, нам есть о чем потолковать...

Гоззо сидел за столом и пил чай. Его рука немного тряслась, слегка расплескивая воду: последствия удара острием. Обычно, печати находят его по очереди, давая мозгу спокойно усвоить информацию. Сейчас же на него обрушился поток такой информации, что до сих

пор все не могло уложиться в его голове.

«Я мог погибнуть», — думал он, глядя на трясущиеся руки.

Рядом сидел Джозеф Голстберг и курил трубку. Его жена и дочь гревели посудой в столовой, накрывая на стол.

— Через свои связи я легко смог забрать острие из вещдоков Изусы. У нас была назначена с ним встреча. Как вы знаете, сражатели больше не пользуются книгой встреч и приходится строить планы встреч на годы вперед. Но Изуса не явился. Тогда я стал изучать новостные сводки — не зря про нас говорят, если произошло что-то странное — ищи рядом сражателей, — улыбнулся мужчина.

Гоззо не смог выдавить из себя улыбку для приличия.

— Значит, вы не кололи ее острием, — спросил Гоззо, указывая на дочь мужчины, хлопотавшую с расстановкой обеденных принадлежностей.

— Ни в коем случае, — сказал мужчина, — печати калечат душу. Я подробно изучал этот вопрос: мы оставляем частичку своей души в острие, лишая ее отдыха и восстановления. Душа Изусы уже вся порвана в клочья, и он держится на земле, питаясь силой существ мира Даэху. Он душа паразит, как и другие сражатели.

Из года в год я нахожу чужие печати и уничтожаю их, желая покончить с этим. Знать — это проклятие. Я убедился в этом на своем примере. Есть вещи в мире, которые противоестественны, и они не должны существовать. Сражатели вмешались в великий порядок мира, в волю Богов, в план Творца...

— Да вы прямо антисражатели, — усмехнулся Гоззо. За свои жизни он видел много разветвлений сражателей, от самых кровожадных до безобидных. Но такие ему встречались впервые. «Сектанты», — подумал он.

— Новое поколение подобных нам, должно своим даром приносить пользу человечеству, только так мы можем искупить вину за кровопролитие и жестокость. Я мечтал уничтожить острие, — продолжал мужчина, — похоронить его там, где ни одна живая душа не найдет его. Но это невозможно. Дно тихого океана, жерло вулкана... рано или поздно, оно будет найдено. Поэтому, я просто хочу, чтобы оно вернулось домой. И я знаю, что вы можете отнести его нужному адресату...

Ранним утром Гоззо собрал свои вещи.

— Сколько до освобождения Изусы? — спросил он.

— Полгода, — ответил Джозеф, — он бы уже давно вышел, если бы не попытки побега. Но я нанял ему лучшую охрану. Персональную.

«Этот дядька хоть представляет какого врага он себе нажил?», — думал Гоззо.

— Прощайте, — говорил ему «чудаковатый» сражатель. — Знайте, что когда я вас встречу в следующий раз, я уничтожу вашу вновь обретенную печать, — предупредил его Джозеф, — и тогда наступит мир...

«Если Изуса не уничтожит вас раньше», — мысленно усмехнулся про себя Гоззо. Но вместо обещанных лесов Российской Империи, где скрывалась статуя древней богини Мораны, Гоззо держал путь во Францию.

У него были свои планы на ближайшее время.

Нижний уровень, два месяца тому назад.

— Представьте, что несколько столетий подряд вы пишете историю древнего ордена.

Раз за разом, по крупицам собираете и уточняете информацию, берете интервью, опрашиваете свидетелей. Аккуратно, день за днем, вы переписываете свою работу, составляете список примечаний, оформляете обложки... И одним днем вся ваша многовековая деятельность просто сгорает у вас на глазах...

А мне и представлять не надо.

Разочарование вселенского масштаба свалилось на меня, когда я стоял там и смотрел как пылала Александрийская библиотека, а вместе с ней и труды целого тысячелетия...

То, что сделало меня отшельником, то, что приглушало мою боль долгие годы... все это теперь не имело смысла...

В последний раз я ощущал подобную боль сотни лет назад, когда потерял Эви...

«Я же говорил нанять рабов для копирования...», — рассуждал один из великих, стоя за моей спиной.

«Это бы нарушило нашу тайну», — вторил другой.

«Сколько тебе понадобится лет, чтобы восстановить историю?» — обратились они ко мне.

Нет уж, увольте... я решил взять отпуск и заняться собственной жизнью. Теперь, когда сгорел смысл моего существования, пришлось искать новый. На тот момент я точно знал, чем займусь. Вот только и сражатели, узнав о цели моей новой миссии, снарядили со мной целую экспедицию.

«Они пойдут с тобой...», — собирал меня в дорогу лично Изуса, выдавая мне в спутники лучших воинов. Сам он охотился за другим богом, Гермесом. Так что остальной частью плана делились мои новые товарищи по будущему путешествию: «ты призовешь эту богиню смерти, расскажешь ей слезливую историю... А потом, когда она принесет тебе сведения, мы нападём на нее и выпытаем все!», — радостно рассказывали они. Я не разделял их веселья, но и перечить им не мог. В поиске богине смерти я искал новый смысл, а мои путники — путь в логово богов, так называемый Верхний уровень. И мне оставалось лишь удивляться тому, что спустя ни одно тысячелетие, я так отчетливо помнил ту самую, первую, мою осознанную жизнь...

...В то время, любовь Эви изменила меня и мое окружение. Даже отец, под властью божественного дитя, принял меня как сына и включил в свое дело.

Мы поженились, Эви ждала ребенка, город процветал, жизнь кипела, и я считал себя самым счастливым человеком на земле.

А потом пришли жрецы с зиккурат.

— Бог просит вашего первенца. Роды должны пройти в храме, где священное дитя отдаст долг за свою жизнь на Земле. Только первое дитя.

— Всего один ребенок не такая уж большая цена за мир и спокойствие, — сказал отец.

— Кто мы такие, чтобы противиться Богам! — со слезами на глазах сказала мать.

— Я не отдам им его! — сказала Эви, — он пожрет его душу! Его бессмертную душу!

«Мы уйдем отсюда. Из этого города. Навсегда!» — шепнула она мне.

Калека и беременная женщина — не лучшая пара для побега. Нас схватили, еще когда крыша нашего дома не исчезла с горизонта. Воины вернули нас домой, посадив под домашний арест. Поставили охрану и запретили ей покидать дом. Время шло и когда наступил девятый месяц ожидания, я проснулся среди ночи от дурного сна и не увидел ее рядом с собой.

Поспешив на ее поиски, я нашел ее на полу — она вонзила острие себе прямо в живот.

Слабая жизнь еще теплилась в ней.

— Зачем? Ну зачем, Эви?

— Душа бесценна, — прохрипела она, — я подарю ему новую жизнь, но... потом...

Я пытался прикрыть ее рану, остановить кровь, но она схватила меня за руку и прижав к своей груди, прошептала:

— Когда-нибудь мы обязательно встретимся, Эния...

Глаза ее закрылись и душа покинула тело.

Только годы спустя я понял, что одна земная жизнь ничего по сравнению с вечностью, что даруется душе.

Франция, Париж, 1845 г.

— Профессор Мартинес? Кто его спрашивает? Здесь таких нет..., уходите...

Девушка попыталась закрыть дверь, но Гоззо просунул руку, помешав этому.

— Вы дочь Эдит, так? Вы очень похожи на мать, я знал ее, я преподавал у нее живопись.

Девушка с подозрением взглянула на него. Даже с накладными усами и бородой, в большой шляпе, Гоззо выглядел слишком молодо для того, кто мог учить ее мать.

— Я просто хорошо сохранился, — поспешно добавил он, уловив ее взгляд. — Скажите, могу я увидеться с Эдит?

— Мама умерла... уже давно, — девушка замешкалась.

— Простите, мне так жаль... Гоззо, меня зовут Гоззо, — представился он.

— Адель, — ответила она, и еще раз окинув его взглядом, освободила дверной прием, — проходите...

— Несколько лет мама страдала болезнями души: сильно хандрила, и, в конце концов, наложила на себя руки, — говорила она, пока они проходили знакомую Гоззо парадную.

— Какой кошмар, примите мои соболезнования... Честно сказать, вы меня удивили, ведь насколько я помню, она была такой жизнерадостной девушкой.

— Мой отец также считает. Врачи говорили — это наследственное. Вы разве не слышали про мою семью? Об этом писали в газетах...

— Нет, я долгое время жил за границей, а что произошло?

— Дедушка убил свою пожилую мать и сына. А сам пропал без вести. Просто вышел из дома и исчез. Психоз*. Это сильно подкосило мою мать, она тогда была совсем молода.

— Что? Робер мертв? Не может быть! — Гоззо опешил, — профессор Мартинес выглядел вполне здоровым человеком... с чего вдруг он так поступил? Немыслимо, я совершенно за ним не замечал такого. А ведь я знал его много лет...

Девушка снова странно взглянула на него.

— Я же говорю, я выгляжу гораздо моложе своих лет, — понял ход ее мыслей Гоззо.

— Присаживайтесь, я налью вам чаю, — девушка отошла, давая возможность гостю оправиться после ее слов.

Гоззо присел на старенький диван, на котором часто сидел в облике Марко.

«Проклятье! Что им двигало? Совсем из ума выжил! И где теперь искать его?», — думал он, осматриваясь вокруг. Повсюду лежали разные вещи, коробки, книги.

В коридоре послышались шаги — дочь Эдит возвращалась.

— Пожалуйста, — девушка разложила перед Гоззо поднос с чашками.

— Вы переезжаете? — спросил Гоззо, указывая на бардак вокруг.

— Нет, просто освобождаемся от хлама, — сказала она, — дом долгое время пустовал, пока я жила у родственников. Но теперь я вернулась и первым делом хочу избавиться от дедушкиного присутствия.

— Вы позволите? — Гоззо подошел к книгам, — я бы взял себе на память пару вещей.

— Пожалуйста, можете забрать все!

Она замолчала, наблюдая как Гоззо роется в книгах. Он перебирал одну за другой, пока меж книг ему не встретился смятый детский рисунок.

Судя по нарисованным сверху сталагмитам, на рисунке была изображена пещера. Вокруг было прорисовано множество зажжённых красно-желтых факелов, а в центре стояла гигантская коробка, судя по отрисованным бликам, стеклянная.

— О, это рисунок Робера, маминого брата. Он нарисовал его своему учителю, некоему Марко. Там приписано.

Марко посмотрел в угол листа: «Пещера с сокровищами пиратов. На долгую память Марко, лучшему учителю...».

Тот рисунок, что хотел передать ему Робер, в день их последний встречи.

— Позвольте, я заберу его, — сказал Гоззо.

Адель, удивленная его просьбе, не стала возражать.

— Мама тоже любила рисовать в детстве. Но после того случая, она забросила живопись. Она всегда была для отца просто мебелью. А ведь мама всю жизнь желала одобрения. Но ни от него, ни даже от учителей, она его так и не получила. Все восторгалась Робером, ее младшим братом..., - в голосе Адель слышалась сильная горечь за мать.

«Все тянутся к этой душе, — вспомнил Гоззо слова профессора. — Да, у малышки Эдит не было ни шанса противостоять внутренней притягательности Робера».

— ...Поэтому я не понимаю, зачем было удочерять ребенка и не любить его, — продолжала возмущаться Адель.

— Эдит тоже была не родной дочерью профессора? — удивился Гоззо, убирая рисунок к себе во внутренний карман.

— Да, поговаривали, что он привез ее аж из Южной Америки. Как и других своих детей.

— Других детей? — не понял Гоззо, — у него были еще и другие дети?

Адель кивнула.

— Да. До Робера и Эдит у него было еще двое детей, но они умерли задолго до появления моей мамы. Мне встречались их документы при уборке дома...

«Маленькие дети, умирающие в профессорском доме. И куда смотрит полиция? И если Робер был психопомпом, то кем были другие? Неудачные попытки найти нужную душу?», — думал Гоззо, уходя из дома Адель.

Недалеко от Парижа, среди лесного массива, Гоззо выкопал небольшую ямку. Жизнь научила его делать копии своих пометок и теперь их можно было найти в старинных библиотеках мира, в читальных залах, на страницах чужих книг... И даже закопанными на дальних островах... Сейчас, он делал очередной клад из своих воспоминаний: на почетном месте был прощальный подарок Робера. Затем следовал список перерождений Эви,

последняя дата которого был 1797 год. Были здесь и газетные заметки из архивов периодики о происшествии на корабле; вырванные страницы из читального зала, с собственными пометками; книга, которую он забрал из личной библиотеки покойного Мартинеса и личный сборник его (Гоззо) хаотичных воспоминаний, продублированный несколько раз. Вернется ли он к ним вновь, Гоззо не знал. Но что-то ему подсказывало, что он прощается с ними навсегда. В этом мире его больше ничего не держало.

Через пару часов Гоззо был мертв. Его сестра еще много лет будет искать его по всей Германии, не зная, что его тело похоронено в безымянной могиле во Франции...

Отдел управления численности населения Управления по контролю Земли Верхнего уровня, 40-е гг.

«Мир Земля вступает в эпоху глобальных перемен... Научно-техническая революция дошла и до них...», — вещал диктор по большому экрану, установленному во всю стену.

— Возрадуемся. Скоро люди изобретут глобальную сеть и работать с архивами станет гораздо легче! Аллилуйя! — большая Оранжевая сущность подбросила кипу бумаг вверх и тут же впитала их, поймав бумаги в себя.

Душа молодого парня с нескрываемым отвращением посмотрела, как Оранжевая сущность вытащила из себя бумаги, заляпанные полупрозрачной жидкостью, и вновь вернулся к разговору с фиолетовой эмоцией:

— ...Вообще, я раньше в Отделе на Земле служил. Да, тот самый, что со злокой-Марой расследующей убийства богов! И именно я вернул ей Острие... Потом, правда в должности понизили. Но это временно... Подумаешь, отработаю одну вечность и снова в круговорот жизни...

— Это, конечно, очень интересно, — сказала эмоция уставшим голосом, — но пока вы не покажете мне свой пропуск, я не могу допустить вас в архив.

— Да бросьте, — махнула рукой душа Гоззо, — я уже облазил все Управление вдоль и поперек. Был в каждом уголке. Менял лампочки во всех секретных архивах, даже в Совете! Да я лучший лампочник месяца! Но завтра, когда члены Совета отправятся в архив и столкнутся с крошечной тьмой, меня лишат этого статуса, премии и ... присудят еще одну вечность здесь! А это сведет меня с ума! И все почему? Потому что я забыл свой пропуск в Нижнем уровне!

— Да, Энти, не будь так строга к нему., — подплыла к ним Оранжевая сущность, сотрудница канцелярии, — это же Гоззо, такой пусечка... Сколько лампочек он поменял у нас — не перечить... Я лично подшивала его дело — это правда что он числится за Отделом... Уверена, что как только он закончит коротать свой срок в Отделе 5189, Мара тут же заберет этого красавчика обратно. Нет причин ему не доверять, — и Оранжевая сущность схватила душу Гоззо за щеку и слегка потрепала своим сгустком.

Душа Гоззо высвободилась от сгустков Оранжевой сущности, сдерживая рвотные позывы. Он привык ко многому, но эти не оформленные эмоции до сих пор вызывали у него отвращение.

В ответ на это фиолетовая эмоция лишь отрицательно покачала головой.

— Только через официальную бумагу с разрешением, — сказала она.

— Не видать мне премии, — удручающе развел руками Гоззо и отвернувшись, взял свою стремянку и напевая песенку, понес ее в противоположную сторону коридора, рядом с кабинетом местного начальника. Поставив лестницу, он полез выкручивать очередную

лампочку. Делая вид, что занят работой, он время от времени бросал любопытные взгляды на фиолетовую эмоцию, отмечая, что для существа мира Даэху она весьма симпатична.

Тем временем, фиолетовая эмоция собрала вокруг себя кучу бумажек с разноцветными графиками, сложила их в красивую папочку и направилась в кабинет своего начальника.

— Можно? — спросила она, слегка постукивая в приоткрытую дверь.

— Да, проходи, — раздался голос Осириса, начальника Отдела управления по численности населения.

— Вот последние графики и отчеты, что вы просили..., - послышался голос эмоции.

Воцарилась тишина, было слышно лишь шуршание бумаги.

— Отлично! Хорошая работа, Энти, что-то еще? — вновь раздался голос Осириса после небольшой паузы.

— Да... я тут проводила подсчеты, — неуверенно произнесла эмоция, — после того, как были созданы залы ожидания, предполагалось, что количество исчезнувших душ резко сократится. Но, смотрите, души продолжают исчезать в большом количестве по странной периодичности... Например, недавно, исчезло сразу...

— Энти, Энти, Энти... остановись, — приказал ей Осирис, — я поощряю твою эмоциональность, но убавь свой энтузиазм. Я не помню, чтобы давал тебе подобное задание.

— Но мое дело вести учет душ..., в том числе и пропавших...

— Энти, в мире миллионы живых душ, желающих, чтобы ты их подсчитала... Зачем же заниматься теми, которых нет... Я надеюсь, мы поняли друг друга.

— Но... должна же быть причина...

— И ее обязательно найдут, Энти! Тебе что, больше всех надо? Послушай, я вижу тебя это беспокоит... Хорошо, давай поступим так. Оставь все графики у меня, перешли все остальные данные, а со своего компьютера уничтожь. Я перенаправлю твой запрос нужному отделу, и они займутся этим вопросом... Что-то еще?

— Нннет... хорошо, я перешлю все данные...

— Вот и славно, тогда иди... и закрой за собой дверь!

Энти направилась к выходу, цокая каблуками, как вдруг начальник ее окликнул:

— И еще, Энти... Прошу, можешь сегодня забрать отчеты с Земли... я никак не успеваю.

Эмоция замешкалась с ответом.

— Я дам тебе свое зеркало, Энти, это всего на пару минут. Ничего не случится. Но если ты не хочешь, я попрошу кого-нибудь другого...

— Нет, нет, я схожу... конечно..., - раздался голос эмоции. После этого послышался скрип двери и Энти, закрыв дверь, направилась к своему рабочему месту.

Гоззо, все это время стоявший на лестнице и слышавший весь разговор, быстро спустился, схватил стремянку и помчался за эмоцией.

Приблизившись к Энти, Гоззо прошептал:

— Тебе правда интересно, куда пропадают души?

— Ты что, подслушивал? — возмутилась Энти.

— Не специально, всему виной плохая вентиляция, — улыбнулся он, — а я всего то менял лампочку. Хотя бы здесь. Раз ты не пустила меня в секретный архив.

— Прости. Такие правила. Нет пропуска — нет допуска, — сказала она, и оглядевшись по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, прошептала:

— Так что там с душами?

— Знавал я одну тварь, — сказал он, ложа руку на плечо Энти, — за один присест могла сожрать целое войско душ: сам видел горы трупов без единой царапины.

Энти недоверчиво взглянула на него:

— Ты говоришь о Амаг Меланхолии? Нет, ее деятельность на Земле под запретом Совета. Нет, нет, там что-то другое..., — сказала она, убирая его руку с плеч.

— Как знаешь, как знаешь, — Гоззо остановился у очередной лампочки, — я лично видел эту тварь — такую накормить не легко, — сказал он заговорчески, вновь ставя стремянку, — а учитывая, что сражатели истребили много темных существ, то кормить тварь нечем...

— Лучше бы кто-нибудь истребил сражателей, — сказала Энти сурово.

— Мы все имеем право на искупление, — сказал Гоззо, вспоминая слова «нового поколения» сражателей.

Энти не ответила. Она молча стояла рядом, глядя как Гоззо меняет лампочку.

— Я правда не могу выдать тебе пропуск, это нарушение правил, — сказала она с сожалением, — но... я могу дать тебе ключ. Ты говорил, что уже был там, а значит, сможешь им воспользоваться... Будет нехорошо, если архив погрузится во тьму... Но! Когда я вернусь, он должен ждать меня на столе!

— Слушаю и повинуюсь, — Гоззо спустился на пару ступенек, взял ключ из руки Энти и подмигнул ей. Это был один из трех ключей покойной Гекаты, открывающий любые двери тому, кто знает их месторасположение.

«Так даже лучше! — подумал он, — успею до обеда и смогу выкроить пару часов для безделья».

В архиве стояла тишина. Из-за вечного шума в Отделах, она ощущалась как нечто инородное и не привычное. Гоззо поставил стремянку, поднялся и осмотрелся. Пустота. Один длинный коридор и сотни дверей с многовековой документацией. Здесь, в отличие от Земли, она могла храниться вечно, не опасаясь рассыпаться в прах. Поменяв лампочку, он начал спускаться и с удивлением обнаружил, что на нижней ступеньке лестницы его ждали какие-то бумаги: скрученный лист и стандартная архивная папка. Он взял их в руки и огляделся — никого.

— Кто здесь? Что это? — крикнул он в пустоту. Не дождавшись ответа, он развернул скрученную бумажку и ахнул. То был давно забытый им рисунок Робера — пещера с зажжёнными факелами. Только теперь она не казалась ему просто странной фантазией мальчика, решившего нарисовать стеклянную коробку внутри пещеры. Теперь он знал, что перед ним Хранилище Отдела, где он однажды менял лампочки под наблюдением сотрудников. «Вот почему, когда я пришел менять туда лампочку, это место показалось мне знакомым», — подумал он. «Но откуда рисунку взяться здесь, в архивах Верхнего уровня?», — размышляя об этом, он поскорее потянулся к папке и раскрыл ее:

«Личное дело: Душа № 0234 категории А3».

Его руки задрожали. Эти цифры он выучил наизусть и не сомневался — это была она. Душа Эви.

Первым документом в папке была «Хронология событий на объекте Земля». Информация была схожа с той, что давала ему Мара, но помимо известных дат добавились и новые («уточненные данные», — догадался Гоззо). Но все они были перечеркнуты наклейкой с ярко-красным текстом: «Данные отсутствуют. Душа не найдена».

«Что это значит?», — не понял Гоззо и спешно перелистнул страницы. Вторым документом оказался пергамент с фирменной печатью Совета. Гоззо сразу узнал его — именно такая печать стояла на всех важных документах, встречающихся ему за годы работы.

«Решение суда Совета по делу №ВТЕ 000000910

За участие в нарушениях великого распорядка душеположения (душеприхождения) на объекте «Земля», Душа № 0234 категории АЗ подлежит полному уничтожению.

Решение принято от 24.5.7.», — прочел он. Дату разобрать он не мог, но он не сомневался... Это был тот самый день, когда Мара заключила с ним повторную сделку. Значит, она обманула его!

Ноги его подкосило, и он сел на пол, опершись на стремянку.

— К счастью, подобно судебным процессам на Земле, могут пройти годы, прежде чем решение суда будет приведено в силу, — неожиданно раздался голос.

— Кто здесь? — крикнул Гоззо, подпрыгнув, он огляделся по сторонам.

— Я говорил вам, что бы вы держались от нее подальше... Ваши перемещения, связь с Отделом... все это привело к тому, что сущность ее души была раскрыта! Теперь, чтобы избежать конфликтов среди богов, что изголодались по чистым душам, они вынуждены уничтожить ее!

Гоззо понял, кем был его собеседник.

— Филин! — сказал он разъярённо, — ты обманул меня! Где ты?! — Гоззо начал оббегать все стеллажи, заглядывать под полки, но нигде не было и намека на присутствие чужой души.

— Я пытался помочь этой душе, оберечь ее. Но теперь она станет очередным кормом для Аамат Меланхолии! И все по твоей воле!

Гоззо остановился. Он уже не силился понять, откуда доносились слова. Он пытался осознать их суть.

— Кормом для Аамат? Но в ее личном деле значится «Душа не найдена», — Гоззо пытался уловить хоть каплю надежды, что все обойдется.

— Архивариусы пишут так, когда душу изымают из круговорота душ и они не могут ее найти... Мне жаль, но приговор скоро будет исполнен...

Гоззо схватился за голову, погружаясь в пучину отчаяния...

И вдруг его осенило.

«Приговор скоро будет исполнен... Значит, еще есть время?»

— Но где они хранят ее? В темницах Совета? Где? — закричал он в пустоту.

После небольшой паузы, показавшейся Гоззо вечностью, голос Филина раздался вновь:

— Хранилища Совета... Вам знакомо это место, не так ли?

Гоззо тут же схватил рисунок Робера и уставился в стеклянный короб, кивая головой.

— Я менял там лампочки, — сказал он, неуверенный, что Филин видел его кивок, — Факелы, что горят вокруг короба — это просто декоративные элементы. Внутри обыкновенные лампы. Вы хотите сказать, что она все время была там?

Филин молчал.

Гоззо с тоской еще раз взглянул на рисунок.

— Но Хранилище охраняется Аамат. Я лично видел, как Анубис удерживал ее своей волей... Я там чуть со страха не умер, пока все факелы заменил... Она просто сожрёт меня! Да даже если бы я попытался проскочить..., - он вновь взглянул на рисунок и ткнул в короб пальцем. — Хранилище закрыто, а доступ в него имеют...

— ...Только сотрудники Отдела, которым вы по-прежнему являетесь. Сегодня хранилище будет вскрыто. Амаг, что охраняет его, будет убита. За вас все сделают. Вам останется лишь спуститься туда и забрать ее душу. У вас даже есть ключ, который вам так любезно одолжила эмоция и который существенно поможет сократить путь!

— Но Мара найдет нас... Она не даст нам спокойно жить! Где бы я ни был... она найдет меня, — сказал Гоззо, озираясь по сторонам.

— Вы сомневаетесь в себе, Эния. Но не сомневайтесь во мне. Это не жест доброй воли: я обещал, что отдам эту душу в ваше полное распоряжение... И всегда выполняю свои обещания... Отправляйтесь в хранилище и принесите душу мне и я сделаю так, что никто и никогда не сможет вас найти... Поверьте мне...

Сейчас или никогда.

Город С., два месяца назад.

«...Почему я стал психотерапевтом? Согласитесь, с наукой о душе лучше справится тот, кто видит души.

— Вы утверждаете, что видите души?

— Насквозь...

— Тогда расскажите о моей, пожалуйста.

— Ваша душа относительно молода. Она пока не утратила свои мечты и идеалы, стремления и надежды. Вы еще надеетесь совершать открытия и менять этот мир. Но. Преследуемая постоянными неудачами, вы находитесь на перепутье. Если вы продолжите гробить свои мечты, идти против своих желаний в угоду общества, семьи, редакции... увы... ваша душа вскоре истлеет, не реализовав свой потенциал. И всего пару поколений и вы станете призраком, влачимым жалкое существование. Вашей энергии будет хватать всего на маленькое мгновение жизни, кусочек детства... Став постарше, вы будете смотреть на свое отражение в зеркало и оплакивать жизнерадостного ребенка, которым вы были в детстве. Можно ли будет что-то изменить? Сомневаюсь... Поэтому... Бегите! Бегите прочь от чужих желаний и наставлений. Я вижу, вижу, что вы не хотите брать это интервью, вы чихали на все это местное телевидение, вам осточертел этот город! Бросайте все и идите туда, куда уже который год зовет ваша душа!

Достигните ли вы успеха? Не знаю... но знаю точно, что жизнь ваша будет в гармонии сама с собой и если не сейчас, то в другой жизни, у вас все получится!

Пауза.

— Спасибо за ваши ответы, — девушка-репортер, пытаясь выдавить из себя улыбку, переводит свой взгляд прямо в камеру, — итак, сегодня мы были в гостях у психотерапевта Карла Л. Лонг Лонга, который совсем недавно открыл кабинет психологической помощи, — она вновь поворачивается к нему, — большое вам спасибо, что уделили нам время и рассказали, как важно следить и за психологическим здоровьем».

Взгляд и голос ее не проницаемы, но внимательный зритель заметил бы, как намокли ее красивые голубые глаза.

Видео остановилось. Кассета вышла из видеоманитона.

«... У этой девчонки был шанс... Но она его упустила, обрекая свою душу на вечное занятие ерундой... как впрочем, и все ее поколение... Ни воли, ни эмоций, ни разума. Боятся выйти за порог собственного дома! Общество слабаков! Спят спокойно, живут, наслаждаются благами жизни... Пока мои братья отдавали жизнь за них. И ради чего?».

Ответа Лонг Лонг не знал. Да, когда-то сражатели были могущественны: они владели знаниями и богатствами, которые и не снились Ордену Тамплиеров*. Но и на них нашелся свой Филипп Красивый*. Отдел уничтожил их. Теперь, даже там сотрудники получают зарплату, имеют социальный пакет и пенсию. А он, великий сражатель, должен осваивать людские профессии, чтобы прокормить себя. Да что уж говорить, если даже человек, просто державший у себя старинную книгу встреч, смог обеспечить богатством множество поколений своей семьи... Его потомки владеют сетью респектабельных гостиниц и даже не знают, кому они обязаны таким успехом.

Лонг Лонг вытащил кассету из видеоплеера.

— Вам уже давно пора оцифровать эти записи, если хотите сохранить их, — сказала Гнев, стоя за спиной Лонг Лонга.

— Заткнись! Я не спрашивал твоего мнения. Лучше иди, и узнай мое расписание! — с этими словами Лонг Лонг подошел к шкафу и водрузил кассету на один ряд с книгами. «Все не то, все не то!», — сетовал он. Постояв рядом со шкафом, он вытащил сразу три книги, отложив их в сторону. Затем провел рукой по стене и остановившись у затейливого узора, нажал на стену. Тайник открылся. Он вынул оттуда большую деревянную шкатулку и вернулся на свое рабочее место. Сдув с нее пыль и открыв ее, он аккуратно извлек потрёпанную книгу, что лежала на поверхности. Это был сборник эссе: «Современный человек в поисках души» Карла Густава Юнга*. На внутренней стороне обложки была небольшая приписка: «моему дорогому другу, Хуберу. Давайте искать вместе...».

Лонг Лонг провел пальцами по надписи. Как ему снова хотелось перенестись в тот день, когда они с Юнгом обсуждали природу сновидений. Тогда его поражало, какими знаниями о невидимом для них мире обладают психоаналитики, обычные люди. Юнг рассказывал о природе коллективного сознания, а Лонг Лонг сражался с их порождениями; Фрейд* описывал Я-концепцию*, а Лонг Лонг жил в ней, путешествуя по ее уровням; Райх* изучал оргоническую энергию*, а Лонг Лонг управлял ею, используя как оружие.

«Возможно, — думал тогда Лонг Лонг, которого звали Хубер, — есть целая категория подобных душ. Интуиты». Так Юнг изучал бессознательное, Лонг Лонг изучал Юнга.

Тогда он и решил, что будет осваивать новую профессию. Ах, если бы можно было вернуться в прошлое и задать великому психологу сотни вопросов. Впрочем, если бы Лонг Лонг мог вернуться в прошлое... все было бы иначе. От Юнга хоть осталась горстка книг... А от сражателей...

Лонг Лонг отложил книгу и уставился в открытый экран ноутбука.

Книги увековечили Юнга. А теперь он, Лонг Лонг, увековечит сражателей...

«Ради чего вы пишете книгу?», — гласил первый абзац статьи «Как написать книгу» на популярном интерне- портале.

Ради чего? Раньше сражатели оставляли печати... Книга тоже может оставить след, который не исчезнет. А интернет поведает ее всему миру. Он сам переведет ее на десятки языков, чтобы донести эту историю без искажений.

Для большинства людей она будет всего лишь глупым художественным вымыслом. Но для тех, кто подобен ему, она станет ориентиром, укажет им путь, как когда-то указывало острие... Возрождение — вот была его цель.

Дверь приоткрылась и в ней показалась голова Гнева:

— К вам посетитель.

— Кто там?

— Некая Анна Д., по льготному месту.

— Снова эти халявщики... надоела эта благотворительность. Надеюсь, это будет быстро, пусть заходит.

После неудачной консультации, он провожал ее долгим взглядом, пока молодая девушка не скрылась за углом.

— Вижу, ваши саженцы взошли, — в дверь вошла Эйфория, пропуская уходящий Гнев.

— Без меня! А потому они бесполезны! — он повернулся к Эйфории, — они всего-навсего центрилы, и без должной подготовки и яйца выеденного не стоят.

«Неужели это все, что достанется моему будущему поколению», — думал он. — Да, их рвение в борьбе с Меланхолией весьма похвально, но я не могу выдать себя ради этих щенков. Скорее всего, они состоят на службе Отдела», — с этими мыслями он отошел от окна и сел за стол.

— Тебе не найти меня! — сказал он вслух, глядя на портрет славянской богини Мары. Много лет назад он вынес его из тайника сражателей, чтобы знать главного врага в лицо. Когда-нибудь, он доберется до нее... Но не сейчас.

Книга. Вот что важно. Это давало ему энергию и жизнь.

Но с чего начать? С самого себя? Просмотрев все свои записи, заметки и даже видео, он понял, что там копать бессмысленно. Надо поведать об идеи, о той миссии, что была дарована им.

Мы, энтрилы. Наделены великой силой душевидения не для того чтобы подглядывать в чужие миры. Но чтобы истреблять все то...

Эта история началась...

Однажды, в мире появился один человек и понял...

И спустились Боги с небес...

Темные энтрилы никогда

Слова не клеились. Лонг Лонг пытался припомнить подсказки из прочитанной статьи:

«Начните вашу книгу с яркого события. Заинтересуйте читателя с первых страниц. Начните ее с конца, с самого захватывающего момента. С первых страниц закиньте героев в самую беспощадную и безысходную ситуацию и помогите им выбраться...».

На лице Лонг Лонга отразилась печальная улыбка. Ах, если бы действительно существовал автор, сумевший найти выход из безвыходной ситуации: силой разума создать плот и отправиться в чрево гигантской рыбы*, вытащив товарищей из недр Меланхолии.

«Если вы не готовы рассказать мне то, что чувствуете, напишите об этом на бумаге. Выразите свою боль физически, дайте ей стать буквами на белом листе. Вытащите ее из себя. Осознайте ее. Да, это не поможет излечить душу, но поверьте, вам станет значительно лучше...», — говорил Лонг Лонг одной своей пациентке.

Нет, это книга не для возрождения сражателей. Это книга — его личный психотерапевт. Книга, которая облегчит его боль и поведаст миру о его трагедии.

Теперь он знал, с чего начать первую главу.

Он отложил книгу и вновь заглянул в шкапулку — там он нашел кусок пергамента с маслянистым пятном: кусочек его души. Почти полвека минуло с того дня, как этот кусок пергамента вернулся к нему.

Это и было начало конца.

Воспоминания Лонг Лонга, 1940-е гг.

Хубер делал небольшие пометки, обставив себя книгами, рекомендованными его новыми знакомыми — членами психологического клуба, основанного Юнгом.

«Вы на правильном пути, мой будущий коллега, но знания, что дает нам университет, ничтожно малы. Самообразование — вот ключ к успеху!», — говорил кто-то из клуба, чье имя Хубер даже не запомнил.

В дверь постучали. Хубер недовольно взглянул на часы — десять утра, наивысший пик его продуктивности. В это время его никто не смеет беспокоить.

— Один мистер хочет вас видеть, — сказала вошедшая старенькая Дойджилис, его

домработница.

— Я никого не принимаю, если вы забыли, — сказал Хубер, сильно напрягшись, словно был готов в ту же секунду напасть на Дойджилис и вцепиться ей в горло.

— Он сказал, что вы будете ему рады. И что-то там про птиц..., - продолжала старушка.

— Про птиц? Что за вздор? У меня нет друзей орнитологов, — Хубер сдвинул брови.

— Извините, — старушка попятилась назад, но остановившись, сунула руку в карман фартука, — совсем забыла... Он просил передать вам это, — и с этими словами она протянула ему кусок пергамента.

Лицо Хубера побледнело. Он вскочил, выхватил бумажку из рук женщины и выбежал вон из комнаты.

Внизу, на мягком диванчике, опираясь двумя руками на трость, сидел пожилой мужчина с густой белой бородой, дорогим костюмом и старомодной шляпе.

— Как видите, Киарин, я выполнил просьбу вашего друга, хоть и с большим опозданием, — сказал мужчина, указывая на клочок пергамента в руках Хубера. От упоминания своего настоящего, «первого» имени, Хубер вздрогнул и это разозлило его.

— Филин, — прошипел он, — что вам надо? Снова пришли выпытывать о темницах титанов?

— А почему бы и нет? Хранилища такого рода весьма ценны, и я бы имел за честь пользоваться им вместе с вами, учитывая какую неоценимую помощь я вам оказываю.

— И мы за это платим. Всегда, — резко ответил Хубер, прогоняя рукой спускавшуюся с лестницы миссис Дойджилис. Та сразу поняла намек и поспешила убраться наверх.

— ...И сейчас я готов заплатить вам весьма ценной информацией, — сказал гость.

Хубер категорично покачал головой.

— В этом мире больше нет ничего, что сможет привлечь наше внимание..., - ответил он.

— Даже если это касается потерянных сражателей?

Ни один мускул ни дрогнул на лице Хубера.

— Они мертвы, убиты, уничтожены или гниют в темницах Совета, — сухо сказал Хубер, продолжая нависать над Филином, — на то они и потерянные.

— А что, если я скажу вам, что вы ошибаетесь...

— Тогда Гнев нашел бы их. Он был эмоцией многих сражателей, а как вы знаете, они те еще ищейки...

— Пренебрежительно к эмоциям, не считаете, — заметил Филин, — вам давно стоило отпустить эту эмоцию. Удерживая Гнев при себе так долго, вы медленно убиваете его.

Хубер лишь усмехнулся:

— Эмоции не друзья нам. А служители людям и нашему делу. Несколько их смертей не большая утрата в масштабах времени, — он сделал паузу, взглянув на свой Гнев. Тот кивнул в знак согласия. — Если у вас есть какая-то информация, говорите, — поторопил его Хубер.

Филин, казалось, хотел возразить словам Лонг Лонга. Но остановился.

— Речь пойдет о Нижнем уровне. Я называю его большой кладовкой. Совет держит там особо опасных грешников, вы — свои побрякушки, люди — страхи и фантазии. У темных энтрилов тоже есть свое место хранения. Раньше это было тайником Совета, но позже было решено отдать часть земель под нужды Отдела...

— Что еще за Отдел? — не понял Хубер.

— Простите. Темные энтрилы. Отдел — это их официальное название, там, наверху.

Хубер покачал головой. Зло имеет имя.

— И что там может хранить этот ваш... Отдел? — спросил Хубер, весьма равнодушным тоном.

— Все что угодно, я предполагаю: культурные артефакты, произведения искусства, священный Грааль*, золотые кони Батгья*, библиотека Ивана Грозного*... Все то, что они, по тем или иным причинам, изъяли с Земли. Есть отсек и для хранения душ: чистые души, души с особенностями, души ваших сражателей... После побега Изусы, я полагаю, было решено не держать особо опасных сражателей в темницах Совета, а перепрятать их в Хранилище, дабы вы не могли вытащить их оттуда.

Сердце Хубера предательски замерло. Насколько ему было известно — Изуса действительно вновь и вновь перерисовывал чертежи Темниц Совета, с надеждой спасти остатки своей армии, что удерживали там. Хубер огляделся по сторонам — не подслушивает ли его старушка Дойджилис. Нет, вокруг было пусто, только в углу комнаты верной стражей стоял его Гнев.

— Откуда такая информированность? — Хубер с подозрением посмотрел на Филина.

— У меня есть доверенное лицо, там наверху... Не велика должность, но лицо весьма неприметное и лично видящее бумаги о переводе сражателей в новое хранилище Отдела... или, как вам угодно, темных энтрилов... А недавно ко мне в руки попали некие чертежи, предположительно, координаты хранилища...

— Тогда что вы не отправите туда ваше доверенное лицо? Я думаю, мы были бы более сговорчивы, принеси вы нам хотя бы один артефакт с того места.

Филин улыбнулся.

— Если бы все было так просто, то я бы не сидел здесь, перед вами. Как вы уже поняли, есть одно, но... Хранилище сторожит чудовище Совета: Аамат — вида Меланхолия.

Сердце Хубера забилося сильнее.

— Вы говорите про ту самую Аамат?

Филин кивнул.

— Но тварь невозможно уничтожить! — отрезал Хубер, — за свои жизни я убивал много жутких существ: эгрегоры человеческой боли, чистый гнев сотен разъяренных людей, апатию мира... Но эта, она другая, она словно...

— ... Существо иного мира, — продолжил за него Филин, — так и есть. Это не просто эмоция из мира Даэху. Это существо подобно аннуаки, имеющая в своей основе две души. И очевидно, что раз аннуаки состоят из души основания и души человека, то — Аамат — душа основание и душа даэху. Ошибкой было полагать, что перед нами обычная усиленная эмоция. Пока вы уничтожали одну ее часть, она питалась другой.

— Нашими солдатами она питалась! — взвизгнул Хубер. На его лбу выступил пот.

— И вам выпадает прекрасный шанс отомстить... Более того, тварь сидит на цепи, что ограничивает ее маневры... Все что вам надо, это привести эмоции, что по своей силе ослабят эмоциональную часть ее природы... я слышал, Изуса как раз обзавелся такой. А после, просто уничтожить две ее души.

Наступила пауза.

— А вам? Что вам с того? Только не говорите, что вспомнили свое сражательское прошлое и решили помочь из благородных побуждений.

— Мои цели гораздо масштабнее, чем вы можете представить, — сказал Филин, приподнимаясь с дивана, — уничтожение пожирателя душ — награда для всего мира и меня

в том числе... Но, впрочем, я бы не отказался от тела этого чудовища: с удовольствием бы по изучал столь ценный экземпляр, — Филин протянул руку.

Хубер не стал отвечать на рукопожатие. Он не верил этому порыву внезапного благородства, но и не мог объяснить для себя причину такого поведения. «Возможно, ему что-то надо из хранилища», — подумал Хубер.

— Мне надо обсудить это с Изусой, — сказал Хубер и кивнул Гневу, покорно стоявшему в углу. Тот кивнул ему в ответ и прыгнул в тень.

— Конечно, конечно, — покивал Филин и пошел на выход.

Но несмотря на высказанное сомнение, Хубер уже видел себя внутри пещеры хранилища, как он своим волевым мечом пронзает Амаг Меланхолию насквозь.

Филин нашел своего Тесея, который победит Минотавра.

— Возрождение, — сказал Хубер самому себе, когда остался один, — возрождение, — повторил он, и его хмурое лицо, впервые за много лет, осветила улыбка.

Город С. Два месяца назад.

От удара ноги дверь распахнулась, и профессор Лонг Лонг вошел в кабинет, держа в руках несколько увесистых томов недавно приобретенных книг из букинистического магазина.

Вывалив все на ближайшую полку, он принялся их сортировать, внимательно просматривая каждую. В этот момент распахнутая дверь закрипела и закрылась.

Лонг Лонг обернулся.

Облокачиваясь к стене, ранее прикрытой дверью, и сложа руки перед собой, стояла эмоция. Лонг Лонг узнал ее — это было Равнодушие его несостоявшейся пациентки, Анны Д.

— И снова добрый вечер, — сказала эмоция.

— Что тебе надо? Я не консультирую эмоции! — грубо сказал Лонг Лонг, поражаясь наглости эмоции.

— Да я лучше свихнусь, чем стану вашим пациентом, — нахально ответила эмоция, отрываясь от стены и делая шаги в его сторону.

Такая грубость возмутила Лонг Лонга.

— Повежливее ты, кусок сферы! Если не хочешь лишиться круговорота душ.

— Почему вы не сказали Анне, что вы энтрил? — спросило Равнодушие, не обращая внимание на слова профессора, — вы ведь поняли, что она видит эмоции?

— Я не обязан ни перед кем отчитываться, убирайся отсюда! — приказал психотерапевт, теряя терпение.

Эмоция сделала пару шагов и остановилась, делая вид, что с интересом рассматривает содержимое книжных полок.

— Им нужна ваша помощь, — сказала Равнодушие, не обращая внимание на разъяренного психотерапевта, — сегодня вечером Анна собирается навестить студенческое общежитие. И наверняка, потащит с собой того полицейского, тоже центрила. Я подозреваю, что там их будет ждать Меланхолия, с которой они не смогут справиться.

— Так и скажи им об этом..., - Лонг Лонг выхватил из-под носа Равнодушия книги, что оно рассматривало и отвернувшись, желая разложить их по полкам, — я-то тут причем?

— Но ведь это из-за вас они оказались в это мире. Так уж позаботьтесь о них! — сказала эмоция.

— Что?! Откуда ты...? — Лонг Лонг в спешке обернулся, но эмоция уже канула в тень и исчезла.

Воспоминания Лонг Лонга, 1940-е гг.

В эти дни Хубер чувствовал себя ребенком, который получит долгожданную игрушку, если съест мешок сладостей. Он оповестил товарищей и ждал их в назначенное время.

Первым прибыл Изуса, один из древнейших, чья душа, судя по ощущениям, начала свой круг перерождений еще с первобытных времен. Именно его группа сражателей смогла добыть острие Гекаты, ознаменовавшую эпоху печатей и изменивших все их мироустройство.

Его сопровождало две эмоции. Первой была Эйфория, на которую и делал ставки Филин. Это была молодая сильная эмоция, которую Изуса отобрал у случайного прохожего. Как ни странно, но с ней воин обходился снисходительно, выделяя ее на фоне других подчиненных. Второй эмоцией был Гнев. Это был другой Гнев, нежели у Хубера. Женский Гнев. Сильнейший воин, властный, сильный. Это была очеловеченная эмоция женского пола и при виде неё люди отводили глаза — не могли выдержать тяжелый взгляд эмоции.

Хубер знал, что очеловечивание эмоций требует много условий: долгое пребывание эмоции на земле, тонны волевых усилий хозяина, высокая энергичность и сила духа. Изуса обладал всем. А еще он, подобно Хуберу, уже долгое время не возвращался в Озеро Душ. После утери острия — это грозило им забвением последних несколько сотен лет.

«У нас словно ретроградная амнезия, — писал Хубер в своих письмах Мелии, — прошлые печати находят нас и даруют воспоминания, но мы не в силах вспомнить, что делали свои предпоследние жизни».

Мелия, еще один из сражателей, не знал, что такое ретроградная амнезия, и потому предпочитал не отвечать на письма Хубера, продолжая изучать звездное небо. Он приехал вторым. Несмотря на женское имя, его носителем был худощавый мужчина с миловидным личиком и тонкими чертами лица. Такова была особенность сражателей: дабы не запутаться в круговороте имен, они называли себя тем именем, что навсегда отразилось в первой печати.

При виде Мелии, Хубер с улыбкой вспоминал, какой же красивейшей женщиной был этот воин пару тысяч лет тому назад. Да и в целом, все женские перерождения Мелии обладали неземной красотой, что часто служило на пользу делу — однажды, они даже заманили и убили бога, что покусился на ее красоту. Рядом с Мелией тоже стояло сразу две эмоции. Первой была Радость. Красивая эмоция, даже в виде пятна выражала очарование. Но чаще это пятно принимало очертания прекрасной девушки. Она была невидима этому миру, в отличии от Гнева Изусы, хотя сопровождала Мелию много веков, время от времени цепляясь к другим людям. Вторым была Печаль: грузная, тяжелая на вид, она, тем не менее, была сильным воином, его дополнительным щитом и источником энергии. Недостаток воли и силы духа Мелии не давал им полностью очеловечиться, а потому, Хубер, обладавший всего одной эмоцией, ставил себя на уровень выше Мелии.

«Очеловечивание эмоций — жалкая трата энергии и воли, не имеющая практического смысла», — писал он в своем пособии для юных сражателей. Впрочем, читать это пособие было некому.

Еще двое сражателей, прибывших в тот день, были Хуберу не знакомы.

В последний раз, перед потерей острия, он провел в Озере Душ несколько столетий. Это

помогло ему избежать инквизиции темных энтрилов, но полностью дезадаптировало его в сражательском мире. Вместо армии его встречал потрепанный жизнью отряд.

Поэтому, глядя на этих новых сражателей-слабаков, не имеющих ни сильных эмоций, ни десятков печатей, он был уверен, что они появились в его отсутствие. Но зато у них была Энергия и Воля, еще не растраченные в долгих перерождениях.

Помимо эмоций, сражателей окружали и другие сущности: печати перерождений накрывали их словно щиты, архетипы обеспечивали им дополнительные источники энергии, темпераменты окружали их как защитные поля. Самыми крепкими они были у него, Хубера: флегматическая броня спокойствия, ровной силы, и уравновешенности. Лишь присутствие сильного Гнева рядом выводило его из равновесия.

— Все собрались, — сказал Гнев Хубера и покорно встал за его спину.

Еще два сражателя ждали своего перерождения и сейчас отсутствовали.

Итого: пять живых и два в резерве — все что осталось от тысячного войска древних воинов.

Хубер подался вперед:

— Есть новости, — сказал он...

Город С., два месяца назад.

Поздно вечером, по пустынной улице города, с быстрой скоростью неслась маленькая синяя машина. Резко затормозив, она остановилась у бизнес-центра. Дверца открылась и из нее выскочил мужчина. Несмотря на не молодой возраст, он резво поднялся по ступеням, показал пропуск сонному охраннику и бросился вызывать лифт.

Битва была проиграна. Амаг Меланхолия сбежала. Он выдал себя темным энтрилам. И даже если эти детишки-центрилы в самом деле ни при чем, темные энтрилы придут за ним. Отдел победил.

Психотерапевт Лонг Лонг только с третьего раза открыл дверь кабинета дрожащими руками. Его эмоции не нашли след Меланхолии в городе. А значит, она покинула его, дабы доложить темным энтрилам, что последний из сражателей найден. Пока эмоции прочесывают границы города, он должен собрать все самое необходимое.

Вбежав в кабинет, он остановился. Прямо за его столом сидел Фрэнки, Равнодушие Анны, да еще и сложив свои синие ноги на его стол.

— Ты что творишь?! — взревел Лонг Лонг, — убирайся отсюда!

Это уже было слишком. Лонг Лонг вытащил из своей души волевой меч и приготовился к удару.

— А вы были плохим парнем в молодости, не так ли? — невозмутимо спросил Фрэнки, не испугавшись грозного оружия, — потом авария, клиническая смерть и вас словно подменили! Занялись наукой, выучились на престижную профессию.... Прямо переосмыслили жизнь... или..., - он снизил голос до шепота, — просто забрали чужую? — с этими словами он убрал ноги со стола, встал, и не дав Лонг Лонгу вымолвить ни слова, громко продолжал:

— И как раз в тот момент, когда вы занялись наукой и поступили в университет, в нашем городе, с разницей в несколько лет, появилось несколько весьма необычных душ... Совпадение, Киарин? — при упоминании его древнего имени, внутри Лонг Лонга похолодело.

— Кто вы?! Кто вас послал?! — Лонг Лонг выставил меч вперед, показывая серьезность

своих намерений.

Фрэнки взглянул на острие меча, почти упирающего ему в грудь, а затем перевел взгляд на психотерапевта.

— Впрочем, меня не интересует ваше прошлое. Меня интересует, где та душа, что вы отняли у меня, оставив умирать в темницах титанов!

Малая доля секунды потребовалась Лонг Лонгу, чтобы до него дошла вся суть услышанного.

— Хромой сражатель! Эния! — ахнул психотерапевт, — вы его эмоция!

— Я не его эмоция, Киарин. Я и есть Эния! — сказал Фрэнки, глядя прямо в глаза Лонг Лонгу.

— Но это невозможно! — шептал про себя Лонг Лонг. Он опустил меч и несколько раз обошел вокруг эмоции, дотронувшись до нее рукой.

Фрэнки брезгливо сморщился.

— Поаккуратнее, — сказал он.

— Но как? Неужели, после пожирания Аамат, мы перерождаемся существами даэжу? — удивлялся Лонг Лонг.

— А с чего вы взяли, что меня кто-то сожрал? — нахмурился Фрэнки.

Лонг Лонг не мог поверить ни единому слову. Он хотел задать хромому сражателю десятки вопросов, но Фрэнки опередил его:

— Где душа, что я вытащил из хранилища?

— Вы сами мне ее отдали, — напомнил Лонг Лонг, — а мне было некогда искать ее среди других... Увы, я разочарую вас, но ни одной души у меня больше нет...

— Что? Где они? Куда вы их дели?! — несмотря на волевым меч, что Лонг Лонг по-прежнему держал в руке, Фрэнки набросился на него.

— Я выпустил их, — спокойно сказал Лонг Лонг, отталкивая эмоцию, — все души, что были у меня...

Он неспеша прошел к своему столу и сел, глядя в пустоту.

— Сначала в одном городе я выпустил несколько душ, возвращая их, наблюдая за ними. Но все было впустую — если эти души и обладали какими-нибудь талантами, я не разглядел их. Пришлось менять тело и переезжать в другое место. И снова попытки вырастить сражателей. Очередной провал. И мой переезд. Выпуская души, я не всегда мог отследить их траектории, все что мне оставалось — надежда. Я понимал, что они могут вернуться назад и тогда я снова пушусь в бегство, что они могут сгинуть в Нижнем уровне, что они могут не обладать нужными мне способностями. И я всегда был крайне осторожен, понимая, что за мной по пятам могут идти темные энтрилы... - устало рассказал он.

— Но это глупо! Не все важные души обладают нужными вам талантами! — сказал Фрэнки, вскидывая руки.

Но Лонг Лонг не обращал внимания на его слова и продолжал:

— В этом городе я выпустил три последние души... и сделал все, чтобы найти их. Работал в детских садах. Потов в школах. Терпел этих мелких засранцев. И все время продолжал практику в психиатрии: вдруг чья-то мама заметит, что ее ребенок разговаривает сам с собой? Даже устраивал дурацкие конкурсы: «Нарисуй свою эмоцию! Дай ей имя!»... И так каждый раз, три поколения подряд. Сколько городов оставил я за спиной, столько времени потрачено зря..., - он не договорил. Его внимание привлек вскрытый ящик тумбочки, что стояла под столом.

— Вы рылись в моих вещах?! — мгновенно вскипел он.

— Я искал острое..., - ответил Фрэнки.

Лонг Лонг сощурил глаза.

— Вас послали темные энтрилы! — Лонг Лонг резко соскочил со стула и в один прыжок долетел до Фрэнки, замахиваясь волевым мечом.

Прогремел выстрел.

Лонг Лонг попятился назад, схватившись за грудь, в которой зияла кровоточащая рана. Рухнув на свой стул, он с удивлением смотрел на руку Фрэнки, державшего настоящее человеческое оружие.

— Я искал острое. Но нашел револьвер, — сказал Фрэнки...

Воспоминания Лонг Лонга, 1940-е гг.

Они прибыли в город С., где если верить словам Филина, находились Грани.

«Если он всегда знал, где находится *эта* Грань, ему не поздоровится!», — плевался Изуса, вспоминая недобрым словом Филина.

«Покончим с тварью и отправимся убивать богов!», — поддакивали ему «молодые» сражатели.

Мелия и Хубер молчали. Последний бросил взгляд на Грани. Одна, привычная, уходила под землю, высвеченная тенью. То был вход в Нижний уровень. Вторую, отраженную в лучах яркого солнца, ему довелось видеть впервые. Там, где для простых людей было просто небо, он и ему подобные лицезрели лестницу, идущую вдоль радуги. Это был вход на Верхний уровень.

Хубер слышал, как однажды Филин назвал такое место Летавией — место, где грани разных миров пересекаются. И Филин прекрасно знал, как жаждут сражатели найти подобное место, чтобы наконец, попасть в логово богов...

Рядом со сражателями шагало еще трое обычных парней. Их руки были связаны, а на головах надеты мешки. Они пытались вырваться, но крепко удерживались двумя «молодыми» сражателями. Их отыскивали в ближайшем питейном заведении, когда те напились и уснули под кустом.

«Пьяницы конечно, но в целом, крепкие малыши», — изрек Мелия, когда подбирал новые тела.

«Воля алкоголиков слаба, но тела их часто весьма выносливы», — согласился Изуса, шедший впереди.

Они остановились на краю Грани, что указывала путь в Нижний уровень.

— Ты будешь ждать здесь! — вдруг резко обернулся Изуса к Мелии.

— С чего это вдруг? Мы обсудили, что останутся молодые! — Мелия махнул рукой в сторону двух сражателей.

Те быстро закивали.

— Мы не умеем вселяться в тела... и сопротивляться силе зова...

— Значит, пришло время учиться! — ответил Изуса, — боевое крещение будет опасным, но это сразу продвинет вас на вашем пути!

Глаза молодых сражателей наполнились ужасом.

— Это безрассудно! — воспротивился Мелия, — их имена в книге. Теперь другие времена... если их души не вернутся, у нас будут проблемы. А потерять сейчас двух сражателей...

— Кто сказал, что мы их потеряем? По версии Филина, все должно пройти гладко! — метнул Изуса на товарища прищуренный взгляд.

— Путешествовать в тенях тоже надо уметь. Один неверный шаг и их души навечно заплутают в Нижнем уровне! — невозмутимо ответил Мелия.

Хубер стоял и не понимал, что происходит. С чего вдруг, в последний момент, Изуса меняет план.

— Хорошо... пусть будет так..., - все-таки согласился Изуса, — мы с Мелией займемся Меланхолией, а ты... Киарин, — обратился он к Хуберу, — проникнешь в хранилище и принесешь нам души наших товарищей! Вы, — он повернулся к «молодым», — охраняйте живых и ждите нас. Ни одной ногой отсюда! И, наконец, вы, — он повернулся к существам Даэху, — вы все идете с нами. Кроме тебя, Гнев, — повернулся он к своей эмоции, — тебе лучше остаться здесь. Эйфория... сегодня ты будешь нужна нам больше всех!

Эйфория улыбнулась. Первое правило сражателей в отношении даэху гласило: молчать, пока к вам не обратятся. Это правило касалось и старших эмоций-надзирателей. И конечно, исключением не стала и эйфория, взбудораживающая умы молодых сражателей, выглядевшая как самая настоящая женщина, но видимая только душевидцам.

Спустя пару минут раздались выстрелы, напугавшие заложников.

Три бездыханных тела упали на землю.

— Готовы? — спросил Изуса своих товарищей, когда его призрачная душа смогла воспротивиться зову свыше и встать наряду с другими воспротивившимися — Киарином и Мелией.

Хубер молча кивнул. Они вошли в Нижний уровень.

Они шли по бесконечному лабиринту, все цело доверившись памяти Хубера, воспроизводившего в голове координаты, данные Филином. Один из сотен тысяч бесконечных лабиринтов Нижнего уровня. Как всегда холодный, мрачный и сырой. Вечно со всех сторон капает вода, слабый свет проникает сквозь расщелины, создавая полутень, а холодный ветер, время от времени, продувает до глубины души.

«Откуда здесь вечно капает?» — выругался Изуса, когда крупная капля холодной воды упала ему на голову.

— Меня больше поражает свет из расщелин. Ему просто неоткуда взяться и тем не менее, он присутствует, — ответил Хубер, готовя волевой меч.

Периодически до них долетали завывания голодного зверя. Но Амаг ли это? Или просто сбежавшая с земли очередная агрессивная грусть?

В какой-то момент Изуса и Хубер сровнялись.

— Киарин, — тихо прошептал Изуса, — ты должен знать...

Неожиданно раздался страшный вой. Души остановились, крепко зажимая мечи в руках.

— Не рановато ли мы услышали ее крик? — раздался позади голос Мелии.

— Уходим! — приказал Изуса, — поворачивайте назад! Скорее!

— Ты о чем? — не понял Хубер, — мы почти на месте! — сказал он подходя ближе.

— Дальше идти нельзя! Это ловушка! Назад! — почти визгом закричал Изуса, направляя свой меч на Хубера, — я ее чувствую, нам не справиться!

Хубер пораженный глядел на товарища. Изуса струсил?

— Отойдите от него, — вдруг сказала Эйфория, нарушив правило молчания, и взглядом указала Хуберу на ноги Изусы.

Он перевел взгляд и ахнул: ногу Изусы обвил фиолетовое щупальце... Эйфория своей

энергией зажгла факел, и они увидели десятки шупалец, растянутых вдоль стен.

— Это все ты! — Изуса посмотрел безумными глазами на Хубера, — это ты виноват! Ты завел нас сюда! — и с этими словами он набросился на Хубера. Тот едва успел отскочить от тяжелого удара волевого меча.

Мелия бросился рубить щупальце, что удерживало Изусу, но другое, подобное, схватило его самого.

— Ты должна была ослабить ее силу! — кричал Хубер Эйфории, отбиваясь от Изусы. Тот был гораздо сильнее и в очередной раз легко отбросил Хубера от себя.

«Что-то не так..., - проносилось в его голове, — Филин говорил, что она будет ослаблена и на цепи! Мы еще далеко от хранилища! Она свободна... и очень сильна!». Факел с огнем выпал из рук Эйфории и погас. Раздался резкий звук — что-то между рычанием, криком и завыванием ветра и в следующее мгновение, в один прыжок тварь оказалась прямо перед ними, заполонив собой весь узкий туннель.

Хубер в ужасе сжался в стену — тварь раскрыла гигантский рот и потянув свои щупальца на себя, мгновенно закинула в рот Изусу. Мелия в последний момент успел отрубить щупальце, удерживающее его, и упав на землю, бросился бежать в сторону выхода. За ним следом побежали эмоции, темпераменты, характеры. Меланхолия издала протяжный вопль, схватив длинными щупальцами некоторых даэху, мгновенно поглотив их и быстро поползла в сторону бегущих.

Звуки протяжного воя постепенно затихли.

Хубер остался один.

Город С., два месяца назад.

Лонг Лонг воспротивился зову наверх и теперь, пораженный, смотрел как эмоция Равнодушия вкладывает пистолет мертвому психотерапевту в руку, вспоминая щуплую девушку Анну, хозяйина этой эмоции.

Девушка казалась ему слабой и обессиленной.

«Откуда в ней взяться сильной воли и энергии, что позволяет Равнодушию держать предметы этого мира...», — задумался он.

Тем временем, Фрэнки закончил возиться с телом психотерапевта и отошел подальше, чтобы взглянуть на общую картину произошедшего.

Подводила только кровь на полу.

«Ни один эксперт ни найдет следы оргона на оружие. Все решат, что я убил сам себя...», — думал Лонг Лонг, глядя на работу эмоции.

С играми в психотерапевта было покончено.

— Я не собирался вас убивать, — вдруг сказала эмоция, глядя прямо перед собой. В это мире она не могла видеть душу Лонг Лонга, но знала, что она где-то рядом. — Но я не жалею об этом. Ваша смерть решает дилемму, над которой я бился. Мне надо покинуть этот город, но я не мог оставить Анну в опасности. Теперь же, когда я совершил немыслимое убийство эмоцией человека, сюда придут агенты Отдела. Если, как вы считаете, Меланхолия их рук дело, и она действительно охотится за вами, ища украденные души, все будет кончено. Если вы ошибаетесь и Отдел ни при чем, они остановят ее, защитив город, Анну и Алекса..., - он еще постоял немного, смотря перед собой.

— Отправляйтесь за мной, — предложила эмоция и с этими словами Фрэнки прыгнул в тень, отправившись в Нижний уровень.

Лонг Лонг, осмотрев свой кабинет в последний раз, вытащил острое из тайника, дабы запечатлеть печать своей души в этой жизни и отправился вслед за эмоцией.

Воспоминания Лонг Лонга, 1940-е гг.

До хранилища оставалось недолго. Как только Хубер повернул за ближайший угол, то смог разглядеть слабое свечение. Но чем ближе он подходил, тем ярче становился свет, давая его глазам возможность адаптироваться. Подойдя ближе, Хубер увидел два зажжённых факела, освещающие гигантских размеров арку. Он прошел внутрь и наткнулся на длинную тонкую цепь, конец которой лежал у самого входа в арку. Конец цепи образовывал круг, напоминающий собачий ошейник. Но внимание Хубера тут же переключилось на просторную пещерную залу, подсвеченную сотней факелов. А в центре, отражая оранжево-красное пламя огней, стояла огромная стеклянная коробка.

Хубер осторожно, озираясь по сторонам, подошел к ней и рассмотрел ее поближе.

«Это и есть хранилище?», — подумал он. Он представлял его в виде библиотеки, или архива, с разными коробками, шкапами и сейфами. На деле это оказался полностью стеклянный короб в четыре метра высотой, и в несколько десятков шириной. И ровно посередине, на одной из стен, вырисовывался силуэт двери. Без ручек, замочных скважин и замков. Хубер подошел к ней и аккуратно дотронулся до нее рукой. Ничего. Он прислонился к двери лицом — она была такой же прозрачной, как и вся стена. Внутри он разглядел витрины — такие же абсолютно прозрачные стеклянные полки, на которых стояли сферы: белоснежные, голубые, желтые, прозрачные. Хубер не сомневался — то были души.

Его взгляд начал лихорадочно осматривать дверь — как же открыть ее? Он стучал, давил, кидался камнями, махал волевым мечом, обжигал огнем, приказывал, требовал... Несколько раз он оббегал всю коробку, ища другие двери; пытался залезть наверх, соскальзывая вниз; думал сделать подкоп, но не мог пробить твердую землю. И с каждой минутой нарастала растерянность. Он кричал, ругался. Усилием воли он остановил себя и стал медленно ощупывать каждый сантиметр стеклянных стен. Но никак ни мог разгадать тайну этой стеклянной коробки. Устав, он сел на землю, облокотившись спиной на стену и запрокинул голову. Все напрасно!

— Вижу — не у меня сегодня одного плохой день, — раздался голос рядом. Хубер поднял глаза: прямо перед ним стояла душа молодого парня.

«Умер в расцвете сил», — сразу же промелькнуло в его голове.

— Гоззо, — протянул ему руку незнакомец, — это вы выпустили Аमत из хранилища?

— А ты кто? — вместо приветствия Хубер отскочил в сторону, поднялся и выставил вперед волевой меч, — темный энтрил?

— Спокойно, спокойно... Вы сражатель? Я не причиню вам зла... Ваше имя? Сражательское, конечно же, — уточнил парень, вытягивая руки вперед.

Хубер недоверчиво смотрел на него.

— Киарин, — сказал он, внимательно следя за каждым движением этой души.

— Киарин... Киарин..., - проговорил несколько раз юноша, смакуя это имя, — нет, не слышал. Наверное, мы с вами не знакомы. Я — Эния, — еще раз представился он.

Только услышав это имя, кулаки Хубера сжались, глаза вытаращились и даже на шеи вздулись невидимые жилы.

— Ты! Ты..., - он бросился на Энию, но тот успел отпрыгнуть в сторону.

— Если вы меня тронете, то остаток жизни проведете в вечной тюрьме, — прокричал юноша, — послушайте, вы мне совершенно не интересны...

— Ты предал нас. Всех нас! Сдал темным энтрилам! Выдал Совету! Как ты мог! — Хубер хотел заколоть душу своим мечом, но та упорно не желала быть заколотой. Парень наворачивал круги вокруг коробки, убегая от разъярённого сражателя, потратившего все силы.

— С чего вы это взяли! — кричал ему Эния, — я не предавал вас!

В какой-то момент Хубер, так и не сумевший догнать душу, остановился, чтобы перевести дыхание и восстановить силы.

— Это ты выпустил Меланхолию? — Хубер взглядом указал на цепь, что лежала на земле у арочного входа.

— Я похож на безумца? — воскликнул Эния, — я думал, это ваших рук дело!

Хубер видел, что юноша не лжет.

— Послушай, Киа...рин..., - Эния сделал небольшой шаг вперед, выставив перед собой безоружные руки, — я пришел сюда по своим делам. Я тихонечко зайду сюда, — он указал на стеклянную коробку, — возьму кое-что свое, а потом, мы можем вместе покинуть это место. Но если тебе так надо, то можешь конечно и остаться. Я не настаиваю. Но не советую, рано или поздно сюда придут сотрудники Отдела и будет лучше, если они нас не встретят.

— Тебе все равно не попасть внутрь, — буркнул Хубер, слегка разжав меч.

— Как знать, как знать, — Эния осторожно, следя за Хубером, подошел к стене и протянув свою руку, приставил ее к стеклянной двери.

И вдруг, в стене проявилась картина с надписями и не весть откуда взявшийся женский голос проговорил:

«Душа под номером 00075409 категории «С» объекта 3. Допуск разрешен».

— Что, кто здесь? Ты меня обманул? — взревел Хубер и бросился на Энию. Последний успел открыть поддавшуюся дверь и закрыться изнутри.

— Не бойтесь, это просто система безопасности. Здесь только вы и я, — он помолчал, наблюдая за Хубером, — я сейчас открою эту дверь, но постарайтесь не убивать меня! И избавьтесь от этого, — он указал на волевой меч. Хубер неспешно вернул меч в душу и после этого раздался щелчок — стеклянная дверь открылась.

— Что за магия? — проговорил удивленный Хубер.

— Технологии Циаб. Думаю, что когда-нибудь подобное будет и на Земле, — сказал Эния, раскрывая широко дверь.

— Но как ты попал внутрь? — продолжал удивляться Хубер, переступая стеклянный порог.

— Я вхожу в число лиц, допущенных внутрь, — туманно ответил Эния, — плохая служба безопасности у Отдела, — и он, подмигнув Хуберу, и надев на глаза солнечные очки, направился в глубь стеллажей.

Хубер хотел ответить ему, поворачивая голову, но его тут же ослепило блеском сотен белоснежных сфер, покоившихся среди длинных стеллажей. Прикрыв глаза рукой, он громко прорычал:

— Эй, а где сражатели? Мне нужны их души!

— Что? Не слышу, — раздался отдалённый голос Энии.

Хубер, закрыв глаза руками и глядя сквозь небольшие зазоры между пальцами, пошел в

сторону голоса.

— Мне нужны души сражателей, — сказал он, осторожно разжимая руки. Глаза постепенно привыкали к яркому свету.

Эния повернулся к Хуберу.

— Сражатели... что за бред... С чего вы решили, что они здесь? Они работают на благо Управления... я даже встречал парочку, — закатил он глаза, — хорошо, что они меня не узнали: они прошли Озеро душ, затем их вырастили в центре Выращивания и теперь они обитают здесь, подальше от печатей.

— Что? Не может быть... Но тогда что это за души вокруг?

— Да самые разные, мм, например, эти, — Эния указал на один из стеллажей, — Чистые души, а здесь, — он указал на другую полку, — души с особенностями. Тут написано...

Внизу, под каждым стеллажом, в самом деле, виднелась небольшая табличка на непонятном для Хубера языке.

— Но..., - Хубер застыл на месте, его трясло.

— Ну вы не расстраивайтесь... если вам нужны сражатели, вы вполне можете поискать в отсеке с особенностями. Мало ли — какие там особенности. Я слышал, среди них тоже встречаются душевидцы.

Но Хубер его едва слышал... Вселенская тяжесть его горя нависла над ним.

Он глядел на стеклянные витрины вокруг и ничего не чувствовал... В иной ситуации он бы уже разрушил полки, разбил все души...

«Мой Гнев мертв», — понял он и эта мысль хладнокровно распространилась по всему телу, отрезвляя разум. Неожиданно, его взгляд привлек предмет, явно выбивающийся на фоне стеклянных сфер. Хубер подошел ближе: круглый поднос с серебряной стойкой, а на ней...

— Острие..., - выдохнул пораженный Хубер. Он поддел его ладонью и поднес к лицу. Все сомнения рассеялись — это было именно оно! Он узнавал знакомые царапины и старые осечки.

В его глазах вспыхнул огонь. Что там говорил Эния? Души с особенностями? Теперь... имея острие... Он сможет воссоздать новую армию храбрых воинов. Теперь он, а не великие, возглавит новую эру в истории сражателей...

И пока он пребывал в мечтах, Эния давно скрылся среди стеллажей.

«Что ищет этот мальчишка?» — вспомнил о нем Хубер, направляясь в глубь помещения.

Зайдя за очередной стеллаж, он попал в небольшое свободное помещение, где в центре стояло несколько постаментов: деревянный, железный, из чистого золота и серебряный. Они были скрыты внутри стеллажей и не видны снаружи. На каждом из них одиноко сияла сфера.

— А это еще что такое? — спросил он.

Эния, стоявший на против деревянной сферы, оглянулся.

— Я думаю, это души — психопомпы. Они приносят в мир Чистые души, — сказал он и вновь отвернулся, зачарованно глядя на сферу, — они прекрасны, не правда ли? — добавил он.

Хубер взглянул на сферы. По его мнению, они ничем не отличались от других, может только оттенок был немного другой. Но если они так важны, почему бы не забрать и их?

Тем временем, Эния подошел к одной из сфер и аккуратно снял ее с пьедестала,

преподнося к лицу. Внимательно осмотрев ее, он повернулся и пошел прочь.

«Всего одну? Ничего страшного, я заберу остальные», — подумал Хубер.

— Острие? — увидел Эния у него в руках острый предмет, — пропажу острия заметят сразу. Отдел будет вас искать.

— Пусть попробуют, — усмехнулся Хубер. Воровство ценных душ приободрило его, — к тому времени я создам свою непобедимую армию, начну все с нуля.

— Как знаете, — снисходительно ответил Эния.

Хубер вернулся к началу стеллажей и стал лихо забрасывать к себе и другие души: чистые души, души с особенностями, не забыв и про психопомпов.

— Не много ли? — удивился Эния, подхитившей к выходу. В его руках по-прежнему была всего одна душа с едва различимым изумрудным оттенком.

— Мне нужно больше, больше талантливых, волевых и энергичных!

— Будьте осторожны, — напомнил Эния, — Отдел так просто вам этого не спустит. Они отправят за вами Агат Меланхолию.

При упоминании чудовища Хубер остановился. Он и забыл про эту тварь. Пожиратель душ!

— Надо уничтожить эту тварь! — сказал он. — Только она представляет угрозу моему будущему поколению!

Эния усмехнулся.

— Попробуйте... Это невозможно!

— Мы нашли способ убивать аннуаки! Филин считал, что в ее основе тоже две души... Нужно только подумать план! Неужели темные энтрилы не посвящали тебя в свои тайны?

Эния покачал головой.

— Секретов нет. Она не убиваема! На вашем месте, я бы осел в тихом городке, подальше от всех этих чудовищ, уровней и богов и спокойно бы доживал свою жизнь...

— Ты же был сражателем! — вскрикнул Хубер, — ты давал клятву на Острие! Неужели ты забыл наши ценности? Неужели ты забыл Эви?

При этом имени Эния изменился в лице. Оно в мгновение стало грубее, серьезнее, взрослее.

— Откуда вы знаете ее имя?

— Я слышал твою историю: твоя жена умерла, спасая бессмертную душу вашего ребенка. А знаешь, сколько сражателей навсегда погибло, спасая бессмертные души всех людей на земле? Мы вместе с тобой оплакивали каждую душу, отобранную этими псевдобогами. А твари, подобные Меланхолии, за секунды сжирают десятки таких душ.

Уничтожение бессмертия..., - продолжал Хубер, — самое ужасное и не прощительное! Вот ради чего появились сражатели. Мы сражались против поработителей, против Богов, использующих нас как подножный корм. Мы решили стать хищниками, чтоб перестать быть едой. Пожирателям душ нет места в наших мирах... Ты думаешь, это не касается тебя... Но это уже коснулось тебя тысячу лет назад. И может коснуться вновь... Если мы не остановим ее.

Эния молчал. Веселая улыбка стерлась с его лица. Он как будто постарел, постарел на пять тысяч лет.

— Боги использовали Агат как оружие против людей, как оружие против нас, сражателей... Ничего не помешает им воспользоваться ей вновь..., - продолжал говорить Хубер.

— Это бессмысленно, — сказал Эния, разводя руками, — ее невозможно уничтожить. Даже если заковать ее цепями и скинуть в жерло вулкана, рано или поздно Совет найдет ее! Нет такого места, где можно было бы запрятать ее на сотни лет! Ничего не способно удержать подобное существо!

— Должно быть! Если есть место, что удержало титанов..., - начал ругаться Хубер и вдруг осекся...

Эния внимательно посмотрел на него.

— Та цепь, что лежит у хранилища... Металл, аналогов которому не существует в мире. Я видел его только в одном месте — клетка темницы титанов сделана из подобного материала...

— Боги не знали, с кем столкнутся на Земле и создали темницу из самого прочного материала, что был им знаком, — предположил Эния.

Хубер кивнул.

Он силился вспомнить все то, что знал об этой клетке, и то, что могло помочь им.

— Это гигантская клетка, в несколько гектаров. Единственный вход, он и же и выход, представляет собой конструкцию времен средневековья — рычаг давления снаружи открывает и закрывает ворота... Если мы сможем заманить ее туда, то выбраться она не сможет..., - его вдохновила и одновременно расстроила эта мысль. — Но как заманить ее туда... Это же в иной части Нижнего уровня..., - сказал он сам себе.

Нет, идея была абсурдной. Он повернулся спиной к Энии и медленно побрел на выход.

— Постойте. — неожиданно позвал его Эния, — может и получится...

Хубер оглянулся — Эния демонстрировал ему ключ в своей руке. Самый обыкновенный ключ.

— Это ключ Гекаты, — сказал Эния, — так я и попал сюда...

Хубер ахнул. Он никогда не видел его, но слышал историю, рассказанную Изусой, как он, Мелия и Филин, который в то время был сражателем, выследили богиню Гекату и убили ее. При ней они нашли острие и ключ, открывающий силой разума любые двери, если открывающий знает координаты нужного места.

— Я думал, он утерян, — сказал Хубер.

— Утерян тот, что вы отобрали у Гекаты. А два из них, по-прежнему, используются там, наверху, — пояснил Эния. — А что касается приманки, то, — он протянул руку и указал на полки вокруг, — мы в прямом смысле находимся среди десерта... Не только аннуаки падки до Чистых душ...

Нижний уровень. Два месяца назад.

Как только душа Лонг Лонг нырнула в Нижний уровень, то сразу встретила Фрэнки. В этом месте все души видели друг друга.

Между ними началась небольшая перепалка, и Лонг Лонг чуть не убил эмоцию, только что убившую его.

— Признавайся, ты работаешь на темных энтрилов? Они приказали тебе убить меня? — кричал он, вновь и вновь гоняясь за эмоцией.

— Я скрываюсь от Отдела, как и вы! Иначе, я бы давно сдал вас! — отмахивалась эмоция.

Лонг Лонг остановился.

— Вы все равно планировали покинуть город... а все мы знаем, как это происходит,

считайте, я просто ускорил ваш процесс, — сказал Фрэнки, держась на безопасном расстоянии от Лонг Лонга.

— Но теперь темные энтрилы найдут мое тело, — не успокаивался Лонг Лонг.

— И будут искать эмоцию, что убила вас... Откуда им знать, что вы сражатель...

— Но Меланхолия..., - хотел было возразить Лонг Лонг, но Фрэнки перебил его:

— С чего вы взяли, что это *та самая* Меланхолия..., - сказал он и продолжил, — возможно, вы правы и это происки Отдела, ищущим вас и украденные души, но тогда найдя вас мертвым, они останутся ни с чем и отзовут Меланхолию... Но если это другая Меланхолия... то мы должны выяснить ее природу.

— Думаете, у Совета есть и другие подобные твари? — предположил Лонг Лонг.

Фрэнки покачал головой:

— Не слышал о таком...

— Но тогда откуда еще одной Амаг Меланхолии взяться в нашем мире? Это не те твари, что появляются на наших улицах каждый день, — не понимал Лонг Лонг, осматриваясь вокруг.

— Это мы и должны выяснить... и потому, для начала, я предлагаю совершить небольшое путешествие и отправиться в темницы титанов, где нас будет ждать... или не ждать та самая Меланхолия... Вы со мной, Киарин?

— Не думаю, что в сложившихся условиях найду занятие поинтереснее, — ответил Лонг Лонг.

Воспоминания Лонг Лонга, 1940-е гг.

Страшные опасения Хубера подтвердились. Перед ним на земле лежало пять бездыханных тел — трое не виновных мужчин и двое «молодых» сражателей. Душ внутри них не было. Рядом стояло две выжившие эмоции Изусы — Гнев и Эйфория.

— Увидев ее, они пытались сражаться, — сказала Эйфория, — она убила их, как и всех тех, кто вставал на ее пути. Мелия, скорее всего, остался в лабиринтах. Там же погибли и другие даэу. Нам удалось спастись только потому, что мы не стали бросать ей вызов, а спрятались в скалах.

— Трусливые безмозглые создания! — рявкнул Хубер, — особенно ты! — указал он на нее пальцем, — абсолютно бесполезная! А ты? Ты пыталась с ней сражаться? — обратился он к Гневу Изусы и замер. Слишком строго смотрела эта женщина на него.

— Я почувствовала его смерть и направилась к вам на помощь. Мы разминулись с Меланхолией, — сказала Гнев, стойко вынося все оскорбления.

В это время из Нижнего уровня выползла Печаль Мелии, подтвердившая его смерть.

— Куда она направилась? — спросил Хубер Эйфорию.

Эмоция указала на длинную дорожку, связывающую Верхний уровень с Землей. Радуги уже не было, но видимо, тварь в ней не нуждалась.

— Мы были ей не интересны, — добавила она, — я думаю, у нее своя цель.

Хубер обернулся к Энии, все это время стоявший рядом с ним.

— Эмоции говорят, что Меланхолия направилась туда. — указал он на дорогу в небо.

— Хм... Этот путь ведет в бывший Отдела управления погодой, и старый вход на Верхний уровень, — сказал Эния, задумавшись.

— Тварь возвращается домой, — прошипел Хубер.

Эния не слушал его: он достал из кармана ключ, что недавно демонстрировал Хуберу.

— Я бывал там, — сказал он, — этот отдел закрыли в связи с неисправностью грозовых туч — они там все залили. Теперь там сыро и воняет болотом. Из-за этого трубы покрыты коррозией и вот-вот развалятся. Мы можем это использовать! — с этими словами он закрыл глаза, сжимая постепенно накаляющийся ключ. Ключ раскраснелся так сильно, что, если бы у Энии были руки из плоти и крови, их прожгло бы до костей. Взяв раскаленный ключ, он стал рисовать им очертания двери. В проявившемся прямоугольнике они увидели белую стену в черных плесневелых пятнах. А в нос ударил протухший запах застоявшейся воды.

Ни произнося ни слова, Эния и Хубер шагнули в очертания прохода. Эмоции пошли следом. Они оказались прямо над трубами, под потолком, где открывался отличный вид на весь Отдел.

— Вон там, — сразу указал Эния в дальний угол, прямо над входом, — прорвало тучу и трубы разъело. Они могут обрушиться в любой момент, отчего здесь стало не безопасно находиться. Меланхолия появится оттуда, — он указал на проход под трубами, — мы поможем этой тонне железа упасть на нее и пока она будет выбираться, откроем дверь в темницы. Она отправится за нами и останется там навсегда!

— Тогда нужно открыть дверь ближе к выходу из темницы, если мы не хотим остаться с ней! — сказал Хубер, выхватывая ключ из рук Энии. — Как работает ключ? — спросил он.

— Принцип работы похож на блуждания в Нижнем уровне, — ответил Эния, — необходимо знать координаты и воспроизвести их в своей голове.

Хубер напряг мозг, вспоминая очертания местности темниц титанов. Ключ в его руке раскалился, и он нарисовал проход.

— Идите туда, — сказал он эмоциям, — проверьте механизм темницы и унесите все самое ценное за ее пределы!

Нижний уровень, два месяца назад.

— Как вам это удалось? — продолжал выяснять Лонг Лонг, немного остыв, — как вам удалось убить меня оружием мира людей? Я считал, что на такое способны только очеловеченные эмоции. Насколько я знаю, обычные эмоции способны прикасаться только к эфирам предметов. В любом случае, тут нужна сильная воля носителя, которой я не увидел у вашего хозяина.

— Я недавно сам был человеком, если вы не забыли. Моя энергия питается из воли, что некогда была у меня, вернее, ее остатков. Это как рудимент, который вскоре отпадет, — пояснил Фрэнки, шагая вперед и прикидывая в голове координаты нужного места.

— Хм, — задумался психотерапевт, представляя, какой силой обладала бы эта эмоция, будь у нее более волевой хозяин.

Получив ответ на беспокоящий его вопрос, Лонг Лонг вновь напомнил о Меланхолии:

— Но с чего вы взяли, что это две разные Меланхолии?

Фрэнки не торопился с ответом. Он остановился и задумчиво произнес:

— Там, на Земле, когда Меланхолия напала на нас... я кое-что ощутил. Странное чувство, — он с трудом подобрал нужное слово, — единения...

— Единения? С Меланхолией? — профессор ужаснулся, — вы точно Эния? Может, вы сошедшее с ума Равнодушие, убившее сначала его, а теперь меня?! — на всякий случай Лонг Лонг засунул руку в душу, готовый в следующее мгновение вытащить волевой меч.

— Успокойтесь, Киарин! — сказал Фрэнки, следя за его рукой, — да, все верно. Единение. Я чувствовал такое лишь однажды, с душой психопомпом. С Эви.

— Но это безумие! Когда Меланхолия касается нас, она вызывает в нас самые ужасные воспоминания, — сказал психотерапевт.

— Именно! Но у меня иначе! Я всегда думал, что из той, первой жизни, помню лишь ее крик. Но оказалось, что и это чувство, — Эния активно жестикулировал перед собой, помогая руками собрать свои мысли. — Я не понимал, почему я не могу забыть ее... что мешает жить дальше. Теперь я знаю — я все время искал это чувство единения и умиротворённого спокойствия, что ощутил рядом с ней.

— Хм хм, — Лонг Лонг задумался, включая в себе режим психотерапевта, — вы думаете, это чувство и есть ваш самый страшный кошмар, или вы считаете, что это чудовище каким-то образом связано с душой психопомпом?

— Какая сложная мысль, я и не думал об этом, — сказал Фрэнки.

— А о чем же вы думали? — спросил Лонг Лонг.

Фрэнки развел руками.

— Я просто вспоминал... ту жизнь, Эви, ее последние слова ... Пытался найти что-то, что могло дать подсказку...

— Подсказку к чему? — не понимал Лонг Лонг.

— К моим самым страшным предположениям...

Душа Лонг Лонг встряхнула головой:

— Что вы морочите мне голову! Я ничего не понимаю! Расскажите мне все, что вас беспокоит и будем разбираться вместе!

— Но тогда мне придется рассказать с самого начала, поверьте, это надолго..., - отнекивался Фрэнки.

Лонг Лонг всмотрелся в темноту, что шла впереди них.

— А мы никуда и не торопимся, — сказал он...

Фрэнки рассказал все, что помнил. История близилась к концу.

— После смерти Эви, моя злость перешла на Бога. Я не мог злиться на Эви, и считал что если и винить кого в ее смерти, то Бога Нингирсу.

И я направился к храму. Меня не хотели пускать, воины преградили мне путь: они отправляли меня домой, отталкивали, отбрасывали в сторону, насмехались надо мною, но я упорно продолжал подниматься вверх, крича проклятия Богу, желая ему смерти. Не стерпев такого богохульства, стража спустила меня с лестницы и я сломал себе шею.

— И вы умерли?... Простите.

— Да, хромой калека пошел бросать вызов Богу... и погиб, даже не пройдя пол пути.

Лонг Лонг усмехнулся.

— Вы хотя бы попытались. Именно это в вас и ценили сражатели. В конце концов, вы были не единственный смертный, уколотивший себя острием. Но печати других простых людей бесщадно уничтожались... Вас же Изуса решил оставить.

Фрэнки выдавил из себя слабую улыбку:

— Думаю, я был для него чем-то вроде домашнего животного...

Лонг Лонг не смог сдержать смеха. Ему показалось это определение весьма точным.

— Дальше можете не рассказывать, — сказал он, — я знаю, что вы переродились, печать вас настигла и вы всё вспомнили...

— Да. Мне потребовалось много времени, но я вернулся в свой родной город и даже нашел наши с Эви могилы... На радость сражателей, я похоронил острие вместе с ней — она

убила себя им, и я больше не мог держать его при себе.

— Убила себя им? Значит, в момент своей смерти, она поставила Печать...

— Я думал об этом постоянно... Но ее Печать ни разу не настигла ее. Думаю, Изуса уничтожил ее. Он бы уничтожил и мою. Но только я знал, где было спрятано острие. К счастью, к тому времени археологов еще не существовало, и они не осквернили ее могилу.

— Ненавижу археологов. — буркнул Лонг Лонг.

— Да, согласен, — кивнул Эния.

— Они украли мой горшок с сокровищем... и поместили его в британский музей. Представляете? Я каждый день приходил туда, смотрел на него и страдал...

— Я вас прекрасно понимаю...

Воспоминания Лонг Лонг, 1940-е гг.

— Вы думаете, они успеют выбраться оттуда прежде, чем мы отправим туда Меланхолию? — спросил Эния, глядя как Хубер своим мечом подпиливает трубу.

— Если не успеют, это малая потеря в борьбе с Агат!

Эния неодобрительно покачал головой, продолжая наблюдение.

И тут его внимание привлек странный звук, быстро приближающийся к ним.

— Что за странное цоканье? — Эния взглянул на Хубера.

— Похоже на каблуки моей домработницы, — ответил сражатель и подошел к краю наблюдательного пункта, — думаешь, Меланхолия принарядилась?

Вслед за звуком цоканья, появился женский силуэт, а за ним из коридора вышла фиолетовая эмоция.

— Энти? — удивился Эния, узнавая эмоцию из Отдела численности населения, — а она что здесь делает?

— Дурацкое зеркало, почему ты не работаешь! Может здесь ты включишься? — говорила эмоция, активно размахивая средством телепортации из мира Циаб.

— Ты ее знаешь? По мне это отлично, приманка для твари, — потер руки Хубер, — давай, лезь на трубы, скоро тварь появится!

— Что? — Эния вытаращил глаза, — нельзя! Энти может не выдержать такого удара!

— Это всего лишь эмоция, — развел руками Хубер.

— Все души важны, вы же сами мне это говорили!

— Это просто бездушные куски сферы! — договорить Хубер не успел, по его телу пробежал холодок.

Они переглянулись с Энией.

— Она приближается..., - прошептал сражатель.

Эмоция Энтузиазма тоже почувствовала приближение существа — она стала крутиться вокруг и озираться по сторонам. Но вместо того, чтобы поскорее уйти, она подошла к стене, где висело нечто, напоминающее телефонную трубку, и попыталась куда-то дозвониться.

— Скорее на трубу! — бросился Хубер вперед, но Эния перехватил его.

— Там Энти! — твердо сказал он.

По телу Хубера прошла дрожь — перед его мысленным взором вновь возникли ужасные сцены недавней встречи с Меланхолией.

Он отступил назад и начал рисовать ключом силуэт двери.

— Я не собираюсь рисковать жизнью ради эмоции! — он закинул ногу в появившийся проход, — ты со мной?

— Надо помощь ей! — ответил Эния — заберем ее с собой!

— Нам не успеть..., - Хубер полностью вошел в портал, повернувшись к Энии и протянул ему ключ.

— Прощай, хромой...

— Стой! — Эния вытащил сферу с украденной из хранилища душой, — возьми ее и жди меня...

— Но как ты откроешь портал? — не поверил Хубер, беря сферу.

Внизу раздался крик.

— Это же я рассказал Изусе о темницах титаноооов, — крикнул Эния, прыгая вниз.

— Глупец! — крикнул ему вслед Хубер и скрылся в темницах.

Нижний уровень, 2 месяца назад.

— Я выдал им острие и рассказал все, что знаю про Нингирсу. Даже спустя много лет после моей смерти, он продолжал править городом. Тут помогли и сказки, рассказанные Эви..., оказавшиеся вовсе не сказками... Так что, наверно, именно это сохранило мою печать..., - продолжал свой рассказ Фрэнки.

— Думаете, Изуса был любителем сказок? — хмыкнул Лонг Лонг, поеживаясь: темницы титанов располагались в самых глубоких подземельях Нижнего уровня. — Хотя, если бы эти сказки рассказывали об аннунаки, о темницах титанов, о катакомбах Нижнего уровня с грудями золота и драгоценностей, то я бы и сам с удовольствием послушал бы такие сказочки... И где сейчас душа этой девушки? Вам удалось ее найти? Вы же ради этого покинули сражателей?

— Это я и хотел вас спросить..., - ответил Фрэнки.

— Хотите сказать, что это и была та душа, что вы стащили из хранилища? — догадался Лонг Лонг, — но зачем темным энтрилам хранить там обычную душу?

— Эви была не обычной душой, она была психопомпом... Во всяком случае, так мне сказал Филин, который и направил меня туда.

— Что? — Лонг Лонг остановился, — вы были там по наводке Филина?

— Да, а что? — Фрэнки, ушедший немного вперед, повернулся назад и подошел к Лонг Лонгу.

— И нас направил Филин, — сказал он, задумавшись, — заманил душами сражателей...

От разговора их отвлекли огонечки, внезапно появившиеся на стене.

— А это еще что такое? — указал на них Лонг Лонг.

— Похоже на свет от фонариков, но откуда им здесь взяться? — Фрэнки подался назад.

Они замерли, прислонившись к стене и стали прислушиваться.

— Я слышу голоса, — прошептал Фрэнки, — может, это полиция по отлову эмоций? — предположил он.

— Кто? — не понял Лонг Лонг.

— Полиция... я самовольно покинул Землю... Так что либо это за мной, либо патруль помощи потерянным.

— Нельзя, чтобы они нашли темницы! — прошипел Лонг Лонг.

— Вы правы. Идите дальше без меня, я попробую их отвлечь и завести в другую сторону. Если все будет хорошо, я найду вас и сам приду к темницам! — сказал Фрэнки и двинулся вперед, а затем резко завернул в один из коридоров, намеренно издавая громкие звуки.

— Стоять! — послышался голос, — именем Совета, стоять! — голосов было несколько. Лонг Лонг качнулся назад и стал медленно отползать в темноту, прижимаясь к стене. Послышались глухие удары, крики и суматоха.

— Душа 00075409, вы обвиняетесь в беспричинном оставлении своего человека на Земле, а также незаконном пребывании на запретных зонах Нижнего уровня, — долетали до ушей Лонг Лонга громкие голоса.

«Как все стало строго, вот в наше время...», — подумал Лонг Лонг и тяжело вздохнул. Дальше ему следовало идти в одиночестве.

Воспоминания Лонг Лонга, 1940-е гг.

Портал закрылся и Хубер оказался в темнице титанов, среди множества костей гигантских существ, что ранее населяли землю.

«Безумец», — подумал Хубер об Энии и осмотрел знакомые места, пытаюсь сориентироваться. Темница представляла собой скалистую местность с многочисленными пещерами, ямами и пропастями. Ее единственное отличие от других подобных мест в Нижнем уровне была большая сеть, раскиданная по всему периметру и сделанная из неизвестного на Земле, прочного металла.

Мимо быстрым шагом семенила Печаль, неся в руках портрет неизвестной женщины.

— Где Гнев? — спросил Хубер и тут же обратил внимание на портрет.

— Зачем ты тащишь это барахло! Неси золото!

— Мелия утверждал, что на картине изображена одна из земных аннунаки, — не согласилась Печаль.

— Ты смеешь спорить со мной! — взревел Хубер, но не стал отказываться от портрета, — неси скорее! И возвращайся за золотом!

Он прошел через единственный выход из клетки, где Печаль отгружала найденное.

— Это все, что хранил Мелия, большего у него не было, — сказала она, указывая на картину и несколько безделушек.

— Не густо... ищи тайники других сражателей, они все равно ими больше не воспользуются, — приказал он и подошел к Эйфории, проверяющую исправность механизма ворот.

— Где Гнев?

— Когда я видела его в последний раз, он разводил костер в пещерах, — ответила она.

— Что? — Хубер бросился в темницы и сразу приметил кучу дыма, валившую из одной пещеры. Там он увидел Гнев, стоявшую над кучей вещей, охваченных огнем.

— В случае своей смерти хозяин просил уничтожить содержимое его тайника, — сказала Гнев, завидя Хубера.

— Нет! — Хубер бросился к огню, пытаясь вытащить хоть что-то. «У такой души, как Иуса явно было, чем поживиться», — думал он. По пещере пронесся вой.

— Уходим! — Хубер кинул Гневу спасенный из огня небольшой ящик и побежал к воротам.

По телу сражателя прошел холодок. Апат Меланхолия была близко.

Едва они вбежали на безопасную сторону, Эйфория опустила рычаг и тяжелые ворота рухнули с потолка, вонзив копыя в твердую землю.

Хубер отошел на большое расстояние и вскрыл ящик, спасенный из огня. Но к его разочарованию, там лежали только рукописи, опаленные огнем.

«Я мог погибнуть за грудой бумаги», — разочарованно подумал он, перебирая в руках бумаги в надежде, что под ними все таки затаилось что-то ценное.

— Собирайте все остальное, мы уходим! — приказал он эмоциям.

— Откройте ворота! — неожиданно раздался крик за их спинами. Хубер оглянулся и увидел Энию, прижимающегося лицом к прутьям решетки.

— Открывай! Скорее!

— Он смог, — удивился Хубер.

— Дверь! Открой дверь! Открой эту чертову дверь! — кричал Эния, дергая руками клетку.

— Вы все собрали? — спросил Хубер эмоции, игнорируя крики о помощи.

Эмоции ответили утвердительно.

Хубер откинул от себя бумажки Изусы.

— Мы уходим! — приказал он.

— Что? Нет! Выпусти меня! Выпусти! — кричала душа за воротами.

— Прости, — Хубер повернулся к Энии, — механизму доверять нельзя. Слишком опасно вновь открывать ворота ради преступника: даже если не ты виновен в крахе сражателей, служить темным энтрилам было весьма плохим решением. — Ах да..., — он повернулся, запуская руку в мешок. — Какая же из них была твоя? Вроде эта, — с этими словами он вытащил одну из сфер с душой и кинул к ногам Энии.

— Прощай, хромой сражатель! — сказал Хубер и вместе с эмоциями направился по узкому коридору, вдаль от навсегда потерянных для сражателей, темниц Титанов.

Нижний уровень, два месяца назад.

Чем ближе подходил Лонг Лонг к темницам, тем сильнее его охватывала дрожь, природу которой он не мог разгадать.

«Или это признаки перенесённого ПТСР*, усиливающиеся при приближении, или же мальчишка был прав, и Меланхолия по-прежнему там и воздействует на мою душу», — думал он. Периодически, до его ушей доносился протяжный вой, женские крики и странный смех. Но он знал, что так туманит разум Нижний уровень.

«Можешь не шутить со мной, я не поддамся тебе», — кричал Лонг Лонг в пустоту, думая о том, что теперь будет с Фрэнки:

«И какое же наказание ждет сбежавшие с Земли эмоции? Эх, раньше было гораздо проще...».

Узкий коридор закончился, и он вышел к небольшой поляне, сразу завидев старый ящик с рукописями, брошенный много лет назад. Рядом с ним небрежно валялись и другие древние сокровища: старинные украшения и денежные монеты разных эпох.

Он остановился и посмотрел на ворота. Дальше идти было опасно. Лонг Лонг не верил в версию Энии, но меры предосторожности никогда не помешают.

«Тварь, если она там, унюхает меня и придет на запах», — решил он и сел рядом с ящиком, глядя на ворота темницы. Дабы скоротать время ожидания, он протянулся к книгам Изусы. Огонь уничтожил многие из них, но некоторые были вполне читабельны. Бегло пробежав по ним, он понял, что это были заметки с мыслями самого Изусы, его дневник.

«Вот почему Гнев сжигал их. Никому бы не хотелось, чтобы копались в его голове», — подумал Лонг Лонг, — «но мертвым все-равно», — решил он и смело открыл одну из рукописей:

«Хираклеидес. Три печати. Первая печать — 202 год... Вступление 230 г.? Через Великого Акару». Далее шли упоминания основных характеристик покойного Хираклеидеса и разного рода информация, связанная с ним. Лонг Лонг просмотрел все присутствующие имена в этом сборнике: Шахлар, Филин, Эния, Юаристос, Яшар...

«Да это же досье на сражателей, — удивился Хубер, — почитаю на досуге», — решил он, пряча рукопись.

— Вы пришли спасти меня? — неожиданно раздался голос, отчего Лонг Лонг чуть не выронил книгу. Он поднялся и уставился вперед — на противоположной стороне клетки, держась за прутья ворот, на него смотрела обнаженная девушка с печальным взглядом.

— Меня заперли здесь злые люди. — сказала она, — помогите мне... я голодна... я обессилена.

Пораженный Лонг Лонг глядел на скелет девушки, обтянутый кожей, на ее белоснежное лицо и длинные волосы.

Ему захотелось подбежать к ней, обнять ее, согреть и накормить. Спасти ее.

— Кто это сделал с тобой? Кто посмел посадить тебя за решетку? — говорил он, приближаясь к ней.

Как манила и привлекала его эта девушка, словно он знал ее сотни, тысячи лет, словно видел ее во снах, звал по имени, просыпаясь среди ночи. Как хотелось ему слиться с ней в танце, в долгих объятиях, склонив голову ей на грудь...

Но не зря, он, Лонг Лонг, очеловечил сразу три эмоции.

«Это ненормально», — сказал он сам себе и усилием воли заставил себя остановиться. Мгновение он глядел на девушку, а та на него.

— Это ты..., - прошептал он и резко развернувшись, бросился бежать.

Сзади раздался вой и несколько щупалец полетело вслед сражателю, но тот успел отскочить на безопасное расстояние и теперь смотрел как чудовище истошно кричит, упустив свою жертву.

— Но если ты здесь, тогда кто там? — говорил он сам себе, пытаясь восстановить дыхание.

Бывший Отдел управления погодой Управления по контролю Земли, наши дни.

Лонг Лонг стоял посреди бывшего Отдела управления погодой, осматривая заплесневелые стены отдела.

«Теперь я знаю, кто испортил мне вечер с самой прекрасной девушкой на земле», — вспоминал он сцены из давно минувшего прошлого, когда девушка его мечты так и не пришла на встречу из-за сильного проливного дождя.

Поток мыслей прервали внезапные голоса, доносившиеся из отдаленных галерей.

Лонг Лонг напрягся и на всякий случай вытащил волевой меч, осторожно идя на голос. Но как только он прошел в большую галерею, мимо него промчалась девушка, и внезапно исчезла, провалившись в дыру в полу. Он перевел взгляд в противоположную сторону и не поверил своим глазам: там стоял Фрэнки, а напротив него Меланхолия.

Теперь же, когда он своими глазами совсем недавно видел другую Меланхолию, он понял, что эти Меланхолии отличались точно также как схожие эмоции отличаются друг от друга.

— Ну здравствуй, Эви, — улыбнулся Фрэнки и тут же отпрыгнул в сторону.

Большое щупальце тяжелой волной обрушилось прямо туда, где несколько секунд назад

стоял эмоция.

— Оп-Оп, поосторожнее, так и убить можно... кстати, о возрождении... тебе бы сейчас понравилось на Земле... Столько возможностей. Девушки и юноши из любых сословий могут спокойно учиться и заниматься, чем душа пожелает. Не об этом ли мы мечтали? — говорил Фрэнки, лавируя между тяжелыми ударами. Но щупалец было гораздо больше — одно из них крепко схватило эмоцию и потянуло прямо в пасть.

Фрэнки зажмурился, приготовившись к смерти, и в этот момент Лонг Лонг выскочил из своего укрытия и одним ударом волевого меча обрубил щупалец. Тварь издала пронзительный вопль, отчего ушам Лонг Лонга стало физически больно.

— Вставай! — крикнул Лонг Лонг Фрэнку, — некогда лежать!

Он продолжал наносить сильные и точные удары. Меланхолия, не готовая к внезапному отпору, стала отступать. Лонг Лонг собрал в себе все силы и последним рывком набросился на чудовище, отчего то колыхнулось и упало в черную дыру в полу.

— Нет! — закричал Фрэнки, бросившись к дыре.

Но Лонг Лонг уже закинул люк над ее головой, потирая руки.

— Анна! Вы отправили ее прямо за ними! — Фрэнки пытался открыть люк, но Лонг Лонг оттащил его.

— Мы пойдем короткой дорогой и перехватим ее..., - сказал он.

— Это и была короткая дорога! — закричал Фрэнки и вновь бросился к люку. Но тот больше не поддавался, намертво прилепившись к полу.

— Вставай, пойдем тем путем, что я пришел сюда, — Лонг Лонг потащил его в противоположную сторону.

— Ты был прав, это другая Меланхолия! Та Амаг по-прежнему сидит в темнице! Я и не знал, что она тоже очеловечивается...

— О чем вы? — не понял Фрэнки.

— Та Амаг... она была в виде девушки, да еще и пыталась вздурить мне мозг, затуманить разум, приманить к себе..., - Лонг Лонг замолчал. Та яркая вспышка нахлынувших чувств к этой женщине теперь казалась ему постыдной. — Если даже простые эмоции при наличии воли хозяина могут принимать вид людей, то что уже говорить об Амаг... в ней столько энергии...

— Но тогда ей нужен носитель, — не согласился Фрэнки.

— Она сама себе носитель! — воскликнул Лонг Лонг, таща Фрэнки за собой, — Филин считал, что она подобно аннуаки, только вторая ее душа даэху.

Фрэнки высвободился от рук Лонг Лонга.

— Филин! И вы ему верите! После того, как он обманывал нас и меня! Я понял, что Эви никогда не было в том хранилище! Я вытащил оттуда совершенно другую душу! А Эви все это время была у него! Я уверен, он сделал с ней нечто подобное, что сделал со мной! Он сделал ее монстром!

— Вы считаете, что Амаг, что стояла перед нами и есть ваша Эви? Только основываясь на ваших ощущениях? — скептически спросил Лонг Лонг.

Эмоция кивнула.

— Он сделал меня эмоцией! Или как, по-вашему, я стал таким? Этот старикан обещал, что спрячет меня там, где меня никогда не найдёт Отдел! Спрячет нас с Эви! И он упрятал меня прямиком в Даэху! Как?! Я не знаю. Но раз он сделал меня эмоцией, то он мог сделать и Эви — Меланхолией... я убью его, как только найду! — и Фрэнки поспешил вперед с

такой скоростью, словно Филин ждал его за поворотом.

— Искать психопомпа, чтобы создать Амаг? — удивился Лонг Лонг, — план длиной в тысячи лет?

Фрэнки затормозил.

— О чем это вы?

— Неужели он искал психопомпа несколько тысяч лет, чтобы превратить его в Амаг? — задал сам себе вопрос Лонг Лонг. Увидев вопросительный взгляд, Фрэнки, он поспешил с объяснениями:

— Возле темниц титанов я нашел дневники Изусы, где он вел досье на сражателей, начиная с времен появления остря. Он писал, что Филин искал психопомпа с тех самые времен, как присоединился к сражателям вместе с Мелией и двумя полудохлыми эмоциями.

Вскоре, на их отряд напала богиня Геката и это нападение стоило жизни Изусе. Но сражателям удалось схватить богиню, и Филин лично уколол умирающего Изусу острием, рассказав секрет странного оружия богини. При следующей их встречи Филин решил покинуть сражателей, заявив что его больше прельщает наука, нежели убийства, но взамен за его вклад, он попросил Изусу и сражателей помощь ему с поиском души психопомпа, что удерживался аннуаки Нингирсу.

Это вылазка стоила Изусе десятки воинов, погибших в пасте Амаг. Мелия — единственная, кому удалось выжить. И именно поэтому твоя Печать была не уничтожена. Его интересовали не твои сказки, а сказочник... После того, как ты рассказал все что знал, великие решили, что тебя можно оставить при библиотеке писарем. Должен же был кто-то не участвовать в битвах, а писать о них?

И именно поэтому тебя отпустили с небольшим сопровождением к той богине Маре, в леса Русьи... Филину очень понравилась твоя идея о поиске души, и они решили, что этим походом убьют сразу двух зайцев — поймают очередного бога и найдут психопомпа...

Фрэнки закатил глаза:

— Не моя вина, что отряд погиб в дороге. Могли бы дать воинов и посильнее. Он там случайно не написал, с чего он взял, что я предал вас?

Лонг Лонг кивнул.

— Долгое время Изуса не верил в твое предательство, подозревая одну сбежавшую эмоцию, что сопровождала вас. Я вспомнил ее — это была та фиолетовая эмоция, что ты пытался спасти от Амаг.

— Что? Вы про Энти?

— Не знаю ее имени, но она еще сопровождала того парня — центрила. Я еще тогда подумал, что она мне знакома — не так часто на Земле встречаются фиолетовые оформленные эмоции, умеющие управлять оргонным мечом.

До Грани оставалось несколько метров.

— Но Филин показал Изусе документ о твоём вступлении к темным энтрилам, — продолжал говорить Лонг Лонг, подходя к краю, где кончался Верхний уровень, — а за день до вашей последней встречи на корабле, Филин рассказал, что вы лично приходили к нему и допытывали его о месторасположении последних сражателей...

Лонг Лонг стоял на обрыве, где ему открывался прекрасный вид на Землю.

— Вы слушаете меня? — он оглянулся и увидел ошеломленного Фрэнки, стоявшего и опустошенно глядя перед собой.

— Ложь! Одна сплошная ложь! Все врал! Все! Изуса... Мара! Филин! Да даже Энти

Все вокруг ввали мне!

— Некогда предаваться эмоциям! — сказал ему Лонг Лонг.

Но Фрэнки со злостью посмотрел на него:

— Вы тоже обманули меня! Решили убить меня! Бросили в темнице! И все ради чего? Где ваша армия, Киарин? Недополицейский и аморфная девица? — говорил он, подходя и толкая Лонг Лонга.

— Когда все закончится, настоятельно рекомендую вам пройти у меня курс психотерапии... Гнев, знаете ли, сильная и опасная эмоция, и столкнувшись с ней...

Но Фрэнки не слушал его, он выхватил оргонный меч из себя и направил его на психотерапевта.

Лонг Лонг выхватил свой в ответ.

— Мой меч заряжен энергией недавно убитых эмоций... или как я, по — вашему, так легко справился с Меланхолией? — сказал он, глядя прямо в глаза Фрэнки, — вы умрете, едва сделав шаг, не глупите. Подышите, приведите себя в спокойное состояние, и присоединяйтесь ко мне. И не забывайте — сегодня я искупил свою вину, спасая вас от Меланхолии, — и с этими словами Лонг Лонг убрал меч и спрыгнув с обрыва, полетел на Землю.

Ударившись о глухую землю, Лонг Лонг быстро встал на ноги. «Главное, вновь обретя тело, не повторять такие подвиги», — подумал он и тут же, рядом с ним, с грохотом приземлился Фрэнки.

Он упал на землю тяжелым камнем. Хотел было подняться, но схватился за живот и повалился обратно на землю. Извиваясь и крутясь в разные стороны, Фрэнки вопил, словно неведомая боль распирала его изнутри. Лонг Лонг подошел поближе и увидел красное пятно в центре тела эмоции. Оно начинало распирать, накаливаться и словно прожигало кожу изнутри. Красное пятно увеличивалось, поглощая все новые и новые участки души. И чем дальше оно это делало, тем сильнее кричал Фрэнки. Как только горящее пламя достигло кончиков пальцев и верхушки головы, боль, судя по всему, стала утихать, и Фрэнки замолк, тихо лежа в позе эмбриона, жалобно поскуливая.

— И даже не кому рассказать, что я стал свидетелем редчайшего явления — трансформации эмоции в земном мире, — сказал Лонг Лонг самому себе, продолжая наблюдать за душой.

Наконец, Фрэнки стал подниматься. Сначала на четвереньки, потом на корточки, и наконец, оттолкнувшись руками от земли, эмоция поднялась. Его до сих пор потряхивало, но он встал и огляделся в поисках психотерапевта, которого больше не мог видеть.

— Я иду в больницу, к Анне, — громко произнес он и медленно поплелся в сторону города.

«Ну почему мы не упали в центре города?», — думал Лонг Лонг, глядя на Фрэнки, едва волочившего ноги. «Протянет ли он до больницы?», — думал Лонг Лонг. Без человека эмоция не могла долго находиться на Земле, отчего Фрэнки постоянно приходилось цепляться к случайным прохожим.

Кое-как, им удалось дойти до городской больницы. За это время новорожденной эмоции гнева приходилось несколько раз цепляться к случайным прохожим, дабы не раствориться в воздухе бесследно. В результате, он стал причиной нескольких ссор, одного

скандала, размолвки и даже серьезной драки.

Найти Анну в больнице было нелегко — ее койко-место стояло в большой общей палате, прикрытое небольшой ширмой. Рядом с ней на стуле сидела Печаль. Увидев Фрэнки, она побледнела и испуганно сжалась в стул.

— Пошла прочь! — прикрикнул Фрэнки. Печаль вскочила и отбежала на безопасное расстояние. Но не уходила.

В её поддержку, из-за ширм стали выползать эмоции соседей — всякие радости, печали, и даже удивление. Был с ними и даже один внушительный гнев, на которого и сделала ставку Печаль Анны.

Но одного взгляда Фрэнки им хватило понять, что лучше уйти. Печаль горестно вздохнула и скрылась.

— Я снова здесь, Ая, — сказал он, — я снова с тобой.

И повалился на стул накапливать силы. Воцарилась тишина. Лишь были слышны звуки плачущей аппаратуры, да где-то рядом скрипнуло колесико вращающегося кресла — на нем сидел невидимый миру призрак Лонг Лонга.

Психотерапевт посмотрел на набирающего силы Фрэнки и отправился на поиски идеального сосуда для своей души, ведь больница — это лучшее место для поиска свежего тела.

Он прошел несколько ширм, прежде чем за его спиной послышались крики:

— Это призрак! Призрак того свихнувшегося психолога! Он прямо здесь! — Лонг Лонг обернулся: мужчина — пациент, приподнявшись с кушетки, указывал на него пальцем, — он явился за мной! Черета самоубийств снова возродится!

— Успокоительного! — подбежала медсестра, — срочно!

Лонг Лонг хмыкнул:

— Душевидец категории «умершие души»... Впрочем, ничего удивительного, это самая распространенная категория на земле... Такими криками вы и людей из комы призовете..., - сказал он и поспешил с выбором тела.

Спустя пару часов, мужчина средних лет, с небольшой щетиной, зашел за ширму, где сидела эмоция уже не равнодушная, но гнева.

Фрэнки уже выглядел получше: обожжённые участки тела приобрели ровный спокойный цвет и в целом, он стал походить на себя прежнего, только красного оттенка.

— Вы как змея, сбросившая старую кожу, — вместо приветствия сказал ему Лонг Лонг.

— Кто вы? — Фрэнки моментально встал со стула.

— Это я, Киарин, — успокоил его психотерапевт, — нашел новое тело. Вижу, Анне досталось VIP- место, — улыбнулся профессор, указывая на окно с приоткрытой форточкой и телевизор, висевший на стене.

— Вы сказали, что ваш меч заряжен кровью убитых эмоций... кого вы успели убить по пути сюда? — спросил Фрэнки.

— Свои эмоции, конечно же... Вернее, только Печаль. Насчет остальных я не уверен. Из-за вашей истерики я не все вам успел рассказать, — сказал Лонг Лонг, присаживаясь на кушетку рядом с бледной Анной. — В последние столетия перед смертью, Изуса начал подозревать, что Филин — эмоция, меняющая свои облики путем очеловечивания, а не перерождения. Повелитель эмоций. Это бы объясняло, откуда у Филина такая мощная агентура по всем Уровням.

— Король эмоций? — усмехнулся Фрэнки, — интересная теория. Но не думаю, что это

так. Я встречался с Филином много раз, в самых разных местах... Нигде и намека не было на человека-носителя, от которого он мог бы очеловечиваться... В последнюю нашу встречу его окружали дети и престарелая мать...

Лонг Лонг развел руками.

— Вы правы. Это просто были его размышления, с которыми Изуса ни с кем не делился. Что нам с того, что Филин — эмоция? Мы вместе бились над общим делом... Но я сотни раз, вновь и вновь, прокручивал в голове тот день битвы с Агат Меланхолией. Филин послал нас в хранилище за сражателями. А вас он отправил за душой Эви. Он воспользовался нашими триггерами, нажав на наши болевые точки, когда как на деле, мы были для него пушечным мясом и все ради того, чтобы выгадать вам время вытащить ту душу...

— Да, — протянул Фрэнки, — что же это за душа такая? — задумался он.

— Это была душа Привратника!

— Кого? — не понял Фрэнки.

— Не знаю! — Лонг Лонг развел руками, случайно ударив Анну по лицу, — ой, простите... Печаль, умирая, не успела мне все рассказать...

— Вы правда убили ее? Но зачем? Как связан Филин и ваша эмоция? — Фрэнки ошеломленно смотрела на Лонг Лонга.

— Моя Печаль и есть та самая полудохлая эмоция, которая пришла вместе с Мелией и Филином... человеческая жизнь слишком коротка и эмоции часто шли по рукам. После ухода Филина из сражателей, он отдал свою обученную эмоцию Мелии, а после ее смерти, я забрал ее себе... Подозреваю, что и другие эмоции в сговоре. Это бы объяснило, откуда Филин постоянно был в курсе всех наших дел и находил нужных ему сражателей по щелчку пальца...

Лонг Лонг отвел взгляд, отрешенно глядя в окно. Он не хотел убивать Печаль, но ложь, исходившая от нее, выбила его из колеи.

«Меланхолию прислал не Отдел. Ты знал об этом?», — спросил он ее, после того, как отыскал Печаль по следу ее оргона.

«Кто же еще на такое способен?»

«Что за душу ищет Филин?»

«...Что? О чем вы?»

Но секундное замешательство в глазах Печали подтвердило его подозрения. Вновь и вновь он пронзал ее волевым мечом, пока Печаль не сдалась.

«Привратник! Это душа Привратника!».

Увы, это были ее последние слова.

Вскоре он нашел Гнев и Эйфорию. Но они все отрицали, клялись ему в верности. Он пытался убить их, но смог только ранить — они сбежали в тень.

— Тогда я, вспомнив нашу битву с первой Меланхолией, отправился на поиски тебя в Верхний уровень, — закончил свою историю Лонг Лонг.

— Вы хотели сказать, мою битву? Или вы забыли, как благополучно бросили меня в темнице титанов? — напомнил ему Фрэнки, — но, если ваши эмоции были в сговоре с Филином, почему просто не забрали у вас душу и не отнесли ему.

— Откуда же им было знать, что душа у меня! Я не посвящаю эмоции в свои дела. Полагаю, Филин считал, что вы умышленно спрятали ту душу и подсунули ему другую. Он переоценил вас! — это мысль сместила Лонг Лонг.

— Теперь понятно, зачем ему и Анна, и Крис..., - сказал Фрэнки, поднимаясь со стула и подходя к Анне. — Он не знает, какая именно из них двоих, украденная мною душа. Раз я верил, что украл Эви, то логично, что ее я и сопровождал все эти годы... А за Кристиной наблюдал целый Отдел...

Осталась лишь понять, что за свойствами обладает та душа..., - он посмотрел на Лонг Лонга, — я чувствую себя хорошо. Надо отправляться на поиски Анны! И Кристины. И еще было бы неплохо навестить Энти... подозреваю, что и она была не до конца честна с нами...

— Вы правы, — Лонг Лонг тоже пошел к выходу. Но Фрэнки остановил его.

— Вы должны остаться с Анной. Кто-то должен быть рядом, если она вдруг проснется или ... Амаг придет за ней...

— Да, конечно, — нехотя признал правоту эмоции Лонг Лонг, — я присмотрю за ней.

Фрэнки кивнул ему и со словами: «Я скоро вернусь» канул в тень.

Лонг Лонг подошел к окну, проверил улицу и заглянул за чужую ширму, и убедившись, что все спокойно, сел на стул и включил телевизор.

«В рамках проекта по укрепления международных связей в сфере медицины, уже второй месяц, в нашем городе работает знаменитый нейрохирург международного уровня, доктор Франческо Гомини, со своей прекрасной ассистенткой, врачом анестезиологом-реаниматологом Марией Кетель. Доктор Гомини работает с очень сложными случаями, имеет опыт выведения из комы очень тяжелых состояний. Не врач, а просто волшебник. Скажите, доктор, ваши исследование..., - вещал телевизор».

Но дослушать Лонг Лонг не успел.

За его спиной резко распахнулась ширма и куча самых разных людей одновременно ввалились за ширму и потянулись к нему:

— Вот вы где! Мы чуть с ума не сошли, когда вы исчезли! — воскликнул врач.

— Старый кобель, не успел выйти из комы как сразу побежал молоденьких девочек окучивать..., — закричала женщина и стала бить Лонг Лонга сумкой по голове.

— Папа, папа! — завопило двое детей, обхватив его за ноги.

— Немедленно в коляску, — потребовала медсестра.

— Сынок! — пожилая женщина обхватила его и крепко сжала в своих объятиях, засыпая поцелуями.

Врач, отталкивая их всех, усадив Лонг Лонга в кресло-каталку, а медсестра схватила его за руку, нащупывая пульс. Вся это большая процессия покатила его прочь от палаты Анны, не обращая внимание на его протесты.

— Но я не ваш муж, я не твой отец... отпустите меня... я должен охранять Анну! — пытался он вырваться, но врач, медсестра и две женщины насильно удерживали его.

— Повредился умом, я так и знала, так и знала, что твои опыты до беды доведут! — вздыхала женщина.

Врач вкатил ему дозу успокоительного.

— Плохо, все очень плохо, — причитал Лонг Лонг и в отчаянии стал звать на помощь:

— Эния! Эния!

— Папа! Папа! — в ответ кричали не его дети.

Наши дни, Город М.

Алекс по-прежнему сидел в кафе с Георгием и пытался собраться с мыслями. Он только что узнал, что...

— Фрэнки, являясь агентом Отдела, ворует из хранилища весьма ценную душу и спустя много лет, просто выпускает ее на Землю. При этом он каким-то образом становится эмоцией и долгие годы скрывается на Земле.

— Да, все верно, только не одну, а несколько душ, если быть точнее. Несколько весьма ценных душ. Но особо важная это, безусловно, моя дочь, — поправил его Георгий.

— Но зачем? Он пытался вам насолить? — предположил Алекс.

Георгий отрицательно покачал головой.

— Первоначально наша версия была связана с возрождением сражателей. В конце концов, до работы в Отделе, Фрэнки был сражателем и...

— Что? — картина мира Алекса была нарушена, — он еще был и сражателем? Мы точно про одного и того же парня говорим? Кем он еще успел поработать? Сотрудником КГБ*? Агентом ЦРУ*? — произнес Алекс, в растерянности смотря то на Георгия, то на Энти. — И ты знала об этом? — спросил он ее.

Энти кивнула, потупив глаза.

— Поверить не могу...

Георгий неторопливо размешал сахар в чае и продолжал:

— Долгое время мы считали, что всех участников того преступления и похищенные души сожрала Меланхолия, стерегущая хранилище.

Но спустя годы, с периодичностью в несколько лет, было обнаружено несколько похищенных душ, среди которых и моя дочь. Дело возобновилось, но зацепок не было. Казалось, на этом история закончена, души взяты под наблюдение и в целом, все идет своим чередом. Но внезапно пропадает душа Кристины. И эмоции убивают человека, который оказывается сражателем (Лонг Лонг). Тут мы и узнаем про существование нашего агента Энии в виде эмоции Фрэнки и про некоего Филина, судя по всему, надоумившего их на это похищение. И это все в одном городе, где по улицам бродит сбежавшая Меланхолия, убивающая людей под носом Отдела! После, патруль полиции Отлова находит Фрэнки, бродившего по запретной части Нижнего уровня. Но по невесть откуда взявшейся бумажке под липовыми печатями, его переводят из распределительного пункта в неизвестное место, и он бесследно исчезает. Как пропадает и его душа-носитель, Анна. Тут мы и подключаем к этому расследованию тебя, Алекс! Ведь ты лично допрашивал Лонг Лонга и его эмоции.

«Тогда я не знал, что они его эмоции», — подумал Алекс, в своей голове распутывающий этой клубок.

— Девушка, можно воды, — позвал он официантку. Его внезапно начало мутить и подташнивать, но причину он найти не мог: «может, это от голода?». Но и есть ему не хотелось. Когда по телу пробежал холодок, он догадался: «Энти! Но почему? Что ее так беспокоит?», — взглянул он на эмоцию. Но та безучастно сидела с мелькающим взглядом, осматривая все вокруг.

— На основе всех данных, мнения в Отделе разделились. Мара считает, что похищение моей дочери всего лишь случайность и сражатели, вместе с Фрэнки, просто искали души

своих товарищей. Я же полагаю, что этот некто Филин целенаправленно похищал именно мою дочь, используя интересы своих сообщников: например, наш свидетель утверждает, что Фрэнки искал душу Эви, своей возлюбленной из прошлой жизни. Что бы там ни было, я подозреваю, что по какой-то причине эта душа не дошла до адресата и теперь Филин не знает, какая из похищенных душ — моя дочь, а потому похитил и Кристину и твою Анну, и своего сообщника Фрэнки, чтобы тот указал ему на нужную душу.

— Значит, Анна тоже душа, украденная из хранилища? — спросил Алекс, мысленно приговаривая про себя все сказанное.

Георгий начал подниматься.

— Так считает похититель, — сказал он, похлопывая себя по карманам, — но до всего этого мы и знать не знали про эту Анну. Может, она и та, может и нет. Но на учете у нас ее не стояло. Что я знаю наверняка — ты, Алекс, точно одна из тех похищенных душ, переведенная к нам из соображений безопасности. И именно поэтому у тебя такая прекрасная Энтузиазм..., - и с этими словами Георгий бросил ехидный взгляд на Энти, — только благодаря ей мне удалось сложить этот пазл и выйти на этого вашего Фрэнки, — усмехнулся он, — ну что за имечко, и чем ему Эния не угодил...

На мгновение Алекс перестал дышать. Открыв рот, он не мог произнести ни слова.

— Ладно, мне еще надо успеть заскочить за сигаретами и выкурить пару штук, пока обед не закончился... давай, не задерживайся. Мара не любит опозднунов, — с этими словами Георгий встал, похлопал Алекса по плечу, и пошел на выход.

— ...Э...Ээенти! — вскрикнул Алекс, чем обратил на себя взоры многочисленных посетителей кафе. Теперь он знал, кому обязан странными ощущениям жжения в груди и кома в горле.

Алекс пулей выскочил из заведения и уверенно шел в неизвестном направлении под отчаянные мольбы Энти.

— Алекс! Алекс! Стой! Подожди! — кричала она.

— Поверить не могу! Все эти годы ты была шпионом! А я думал, что мы лучшие друзья! — говорил он громко, привлекая внимание случайных прохожих.

Энтузиазм перегородила ему путь. И как раз вовремя — на пешеходном переходе загорелся красный свет.

— Послушай меня, Алекс! Все не так! Георгий преувеличивает! Я не сотрудник Отдела! Ни шпион! Я присматривала за тобой, ограждала тебя от возможного влияния сражателей. Знаешь, что было бы, если бы не я?

Алекс не ответил. Рядом толпились люди, ожидающие зеленый свет.

— Ты бы попал в психушку! А там тебя бы нашел этот Лонг Лонг. Он внушил бы тебе весь этот бред о сражателях, о их величии и готовил бы из тебя воина!

Загорелся зеленый.

— Мы не интересны ему, — тихо буркнул Алекс, переходя дорогу, — он сам так сказал.

— Это сейчас вы ему не интересны, потому что вы уже взрослые, сформировавшиеся личности, а не маленькие дети с внушаемым разумом! Но не будь меня, все было бы иначе! Я помогала тебе адаптироваться в этом невидимом мире, давала знания о нем. Вспомни, как многое ты знаешь, по сравнению с Анной!

Напоминание о подруге вывело Алекса из себя еще сильнее.

— Тогда почему Анна не сошла с ума? Что-то я не помню в ее личном деле упоминания

о психбольницах!

— У нее был Фрэнки! Как ты понял, тоже весьма непростая эмоция.

Упоминание о Фрэнки остановило Алекса. Он вспомнил эмоцию Анны и не мог поверить, что этот синий паренек заварил всю эту кашу.

— Не могу поверить! Ты все это знала! Всегда! С самого начала! — говорил Алекс, оглядываясь по сторонам: где он, черт возьми, оказался? Сквер, дороги, магазины? Неподалеку стояла пустующая скамейка, он подошел к ней и сел.

— Ты смотрела со мной «Семнадцать мгновений весны»*, неужели ни один мускул на тебе не дрогнул? — сказал он, глядя перед собой в пустоту.

— Я хотела тебе рассказать, честное слово. Но... тогда бы мне пришлось рассказать гораздо больше, чем я могла себе позволить. — Эмоция подошла к Алексу и села рядом с ним. — Прости, но одни тайны были связаны с другими, которые я не могла разглашать.

— И что именно ты делала? Играла роль няньки? — спросил он, продолжая смотреть вдаль.

Энти медлила с ответом.

— Писала отчеты о твоей жизни, знакомила тебя с мироустройством, следила за оценками, помогала поддерживать хорошую физическую форму...

— Что? — Алекс удивленно взглянул на Энти, — так вот куда исчезали все мои пончики? А я всегда подозревал отца... Но зачем ты лишала меня вкусной еды?

— Как душа с особенностями, ты был в резерве Отдела, — ответила она, глядя под ноги, — когда ты спросил меня — кем тебе лучше стать: зрителем зоопарка, актером или акробатом, я подкинула тебе листовки о наборе в полицейскую академию, попутно предлагая классные фильмы о полицейских.

У Алекса округлились глаза.

— Ты еще и влияла на меня! Немыслимо! Забудь о перемирии! Ты ужасна! — он встал, — довольно. Я увольняюсь и уезжаю домой!

— Эмоции так или иначе влияют на ваши поступки! — выкрикнула Энти.

— Да я мог стать танцором! Выступать с балетом! Есть хоть что-то, в чем ты мне не врала?

Алекс взглянул на часы. Время обеда заканчивалось и следовало немедленно вернуться в Отдел. Даже если он решил уволиться.

— Я не врала, когда говорила, что ... мне очень повезло с тобой. И время, проведенное здесь, на Земле, для меня сродни отпуску. Я действительно была счастлива. И еще я не врала... что именно из-за Фрэнки я оказалась здесь, на Земле.

— Впрочем, как и я..., - сказал Алекс смягчившись, — черт возьми, да этот синий паренек в прямом смысле подарил мне жизнь! — эта мысль его позабавила. — Ты говорила, что он подставил тебя. Это правда? Ты ненавидишь его за то, что он выпустил меня на Землю? — спросил Алекс.

— О Боги, нет Алекс, конечно, нет! Просто... он... он... Это не рассказать в двух словах!

Алекс достал телефон и открыв карты, построил маршрут до Главного управления.

— Ну... на работу мы уже опоздали..., - сказал он, — так что пошли, я куплю Маре ее любимое кофе, а по пути ты расскажешь мне все, что скрывала от меня долгие годы!

Энти обняла себя руками и медленно поплелась следом за Алексом.

Она никак не могла подобрать слова, чтобы начать свою историю.

— Лонг Лонг, — начала она, — искал себе подобных, людей с душевидением, желая возродить сражателей. Раньше они были могущественной и многочисленной структурой. Их отряды насчитывали сотни последователей. Но с каждым столетием их становилось все меньше — кто-то погибал в боях, кого-то схватили темные энтрилы.

— Вернее, Отдел, — поправил ее Алекс, — Георгий сказал, что Лонг Лонг называл Отдел темными энтрилами.

— Да... Но больше всех в своем падении они обвиняли хромого сражателя — Фрэнки. Его называли хромым за отсутствие способностей к душевидению. Они считали, что он перешел на сторону врага и разрушил их многовековую империю, сдав их всех аннуаки. Но...

Это был не он.

А я...

Алекс остановился и посмотрел назад, на Энти.

— Ты?

— Да. — сказала она очень тихо, — я стала участником и главным обвинителем одного из самых громких дел юридической практики Совета, так называемое «Дело сражателей: эмоции против сражателей».

— Но зачем? Они ведь... спасали мир? — нахмурился Алекс. Он уже не знал, кто здесь хороший, а кто плохой. Меланхолия была чудовищем Отдела, во главе которого сидела паразит Мара, а Лонг Лонг искоренял эти сущности. Так кто здесь зло? Но Энти не поддерживала его взглядов:

— Спасали мир? — усмехнулся она, — сражатели?! Они убийцы! Рабовладельцы! Беспринципные и жестокие! Вся их деятельность противоправна. Они подчиняли своей воли существ Даэху, делали из нас рабов! Насильно удерживали нас на земле! Истощали наши ресурсы! Отбирали нас у других людей, делали из нас живой щит! Размазывали наш оргон по своему оружию! Упивались нашей кровью! Я ведь была там! В тот день, когда Лонг Лонг и Фрэнки поймали Меланхолию! Я была с ними десятки, сотни лет! Он неоднократно видел меня, этот Лонг Лонг, видел меня в этом же обличье. Я была такой же, как и тысячу лет назад. И он вновь и вновь встречал меня на своем пути! Но узнал ли он меня? Нет, ведь я и такие как я, мы для них никто, пустое место! Второсортные души, призванные служить им!

Да, они убивали темные сущности, вырвавшиеся из Нижнего уровня, уничтожали человеческие эгрегоры, но разве вы, в своем мире, убиваете умалишенных? Нет, вы отправляете их в дома сумасшедших. А преступников сажаете в тюрьмы! А их охота за аннуаки? Беспричинная и жестокая! Сражатели находили их по одиночке и жестоко расправляясь с ними!

Алекс стоял, как вкопанный, и молча глядел на Энти, слушая ее.

Он поражался тому грузу, что несла в себе его эмоция столько лет.

— Именно тогда я впервые увидела Фрэнки, — продолжала она, — Его звали... Эния, по первому имени, запечатленному в острие.

Увидев недоумевающий взгляд Алекса, Энти поспешила с объяснениями:

— Одной из первых, кого они убили — была богиня Геката. Она заведовала перемещениями душ между мирами и управляла распределительным пунктом. Для удобства, у нее были ключи, открывающие двери-порталы, а для извлечения и хранения знаний, она использовала острие. Уколовшись им, душа оставляла печать текущей жизни. Это как сохраниться в видеоигре. В следующей жизни печати находили хозяина, и тот вспоминал все

перерождения, где ставил их. Это острие оказалось в лапах сражателей, а уже от них, им случайно завладел Эния (Фрэнки), когда все сражатели были убиты богом Нингирсу. Уколовшись острием, он запечатал свою жизнь и годы спустя, вновь переродившись, печать нашла его. Вспомнив прошлое перерождение, он вернулся в место первой жизни, преследуя целью убить того бога. Там он познакомился с новым отрядом сражателей, и не смотря на отсутствие способностей к душевидению, они приняли его в свои ряды.

Когда мы встретились с ним в следующий раз, сражатели уже были могущественной тайной организацией. На то момент, они истребили многих земных богов. Аннунаки были напуганы — половина ушла на Верхний уровень, другие стали скрывать свое иноземное происхождение. Вычислить жестоких убийц не удавалось: несмотря на многочисленность, у сражателей была хорошо сформированная структура, иерархия и контроль. Помимо богов и темных существ, от рук сражателей погибло много и простых существ Даэху: они не отпускали нас домой, истощая наши силы. Когда энергия покидала Даэху и те умирали от истощения, они просто отбирали новых у простых людей.

Те эмоции, что первыми пополнили ряды их слуг, стали эмоциями — надзирателями. Сражатели кормили их своей волей и энергией, давая высокие звания и приемлемые условия. Лучше быть жестоким надзирателем, чем слабым рабом. Эмоции с радостью переходили на их сторону и угнетали собственных товарищей...

Вскоре, поняв, что на Земле ловить нечего, сражатели задумались о нападении на Верхний уровень и собрали отряд на поиски Мары, в то время занимавшей должность покойной Гекаты.

— Что? — Алекс схватился за голову, — той самой Мары, которой я иду покупать безлактозное кофе?!

Энти кивнула.

Они как раз остановились у случайного кафетерия, и Алекс потянул ручку двери. В кафе было пустынно — обеденный перерыв кончался и люди спешили на работу.

Пошарив по карманам, Алекс понял, что в спешке оставил кошелек в Главном управлении.

— Она точно меня убьет, — вздохнул он и они направились на выход. Энти продолжала:

— Был собран отряд, куда включили и хромого сражателя, Энию (Фрэнки). Поговаривали, что именно он вычитал о существовании богини, что является проводницей между мирами и заведует тайнами перерождениями. Мой хозяин, как он себя называл, Изуса, сказал, что Эния не вызовет подозрений со своей легендой о поиски возлюбленной души, умерший много лет назад. Но его душа была слаба и Изуса назначил меня его эмоцией.

«Твой Интерес (да, тогда я была такой) должен помочь преодолеть ему долгий путь», — сказал он, предупредив, что будет со мной, если я не вернусь обратно. Все сражатели хранили органы своих эмоций на специальном папирусе или по-другому, частички нашей души, по которым могли найти нас, подобно компасам.

Но став эмоцией Энии, я поняла, что легенда Изусы — это правда. Эния искал богиню не с целью кровожадной расправы. Он правда мечтал отыскать душу своей возлюбленной, пронеся эту любовь сквозь тысячелетия.

И тогда я поняла, что у меня впервые появился шанс на спасение.

В диких краях стояли жуткие холода и постепенно вся наша группа погибла. Мой же интерес, перешедший в энтузиазм, помогал Энии преодолевать трудности, пересекать горы,

проходить леса... В те моменты, когда он был истощен, я заряжала его своей энергией, питала его, поддерживала в нем силу. Истопившись сама, я подпитывалась его желаниями и целью. Другие эмоции, лишившись носителей, либо возвращались к сражателям, боясь последствий, либо бежали домой, в Даэху. Но я знала, что рано или поздно, им придется вернуться на Землю и там их вновь найдут сражатели. Это был не выход. Я выжала из себя все, дабы Эния дошел до конца пути.

Я ненавидела сражателей. Каждой частичкой своей души. И Эния, хоть и не обладавший способностями, был не исключением. Пусть он никого не убивал. Но он служил им по своим возможностям! — продолжала рассказывать Энти. Но больше в ее словах не чувствовалась та злость и гнев, что так поразили Алекса.

— Когда погиб последний сражатель, Эния часто обращался ко мне, хоть и не мог видеть меня. Но он знал, что я существую, что сопровождаю его. Извинялся, что впутывает меня в эту историю: по его мнению, сидеть с Изусой в засаде на старых богов было бы гораздо интереснее, чем мерзнуть с ним в заснеженных лесах! Рассказывал мне истории про себя, свои перерождения, про Эви и про свои планы на жизнь... В какой-то момент, мне даже показалось, что я желаю его смерти чуточку меньше, чем другим сражателям... А потом произошло мое перерождение. Его порывы были столь сильны, и так подпитывали меня изнутри, что в какой-то момент я поняла, что больше нет интереса, есть энтузиазм... Да, снаружи я не изменилась, но внутри все стало иначе. И мое перерождение дало Энии силы преодолеть остаток пути, и мы вышли к древнему алтарю, что служил порталом для связи с богами...

Когда мы встретили Мару, я рассказала ей всё! О сражателях! Об их убийствах! О планах и целях! Сейчас я понимаю, как мне повезло: будь Мара обычным аннунаки, могла бы испугаться, убить Энию и исчезнуть. Но, оказалось, в это время Мара уже работала в Отделе, занимающейся поиском таинственных убийц.

Когда Мара узнала, кто такой Эния, она хотела немедленно отправить его в самые дальние темницы Нижнего уровня, а то и растерзать на месте, скормить Аамат. И я, честно сказать, была с ней солидарна. Но, я понимала, что его арест — это не выход. Это не было проявлением милосердия, это был просчет и четкий план, который я разработала:

«Заковывание его в кандалы вам не поможет. Проблема сражателей более масштабна. Вам нужны великие... Их командующие, полемархи*. Но если весь отряд пропадет, они могут почувствовать неладное и залечь на дно. Они очень осторожны... Я смогу вам помочь...»

Мара не знала, как ей поступить.

Она боялась упустить Фрэнки, как первую зацепку в деле таинственных убийц, но и боялась спугнуть подозреваемого, как предрекла я.

«Острие у них?», — спросила она.

«Это основа их могущества!», — ответила я.

Тогда Мара решила перестраховаться. Она предложила Энии незатейливую сделку — она выполняет его просьбу. А он отыщет и принесет для нее острие, ведь, в конце концов, оно принадлежит ей, а не укравшим его сражателям. Это сделка усыпила бдительность Энии, не задумавшегося над тем, почему после раскрытия его личности, его так спокойно отпускают. И на радостях, он даже подписал пергамент о вступлении в Отдел, оставив эфир своей души, по которому его могли легко отыскать. Мара свою часть сделки выполнила, а

Эния просто ушел в небытие, считая, что смог всех обхитрить...

Меня же Мара забрала с собой. Я была эмоцией Изусы почти с самого основания сражателей и лишь мои личные принципы не позволили мне стать эмоцией — надзирателем. Поэтому, я обладала знаниями о их структуре, знала в лицо великих и начальников. И я сдала их всех, не забыв упомянуть эмоции, что они эксплуатировали. Их находили и те давали свои показания. Снежный ком, тянувшийся несколько столетий. Было переловлено тысячи этих убийц. И вскоре от них не осталось и следа. Эпоха сражателей канула в лето.

А я осталась в Управлении, дабы никогда больше не возвращалась на Землю. Со временем я стала расти на службе, продвигаться по карьерной лестнице. И жизнь моя, в целом, наладилась..., - Энти замолчала.

— И после этого ты говоришь, что Фрэнки не простая эмоция, да у тебя самой биография похлеще будет! Так ты вообще очень древняя..., - удивился Алекс. Они стояли на улице возле кафе, и Алекс пытался сконцентрироваться на картах, но вслушиваясь в рассказ своей эмоции, не мог собраться с мыслями.

— Девушкам не принято напоминать о возрасте, — Энти выдавила из себя улыбку.

— Тогда объясни, как так получилось, что ты, Фрэнки и этот психотерапевт схватили Королеву Депрессию? Так себе компания. Ты знала, что Лонг Лонг — сражатель?

Энти отрицательно покачала головой:

— Когда мы впервые пришли к Лонг Лонгу я и подумать не могла, что это он. Я не изменилась. Как была Энтузиазмом сто лет назад, так им и осталась. А он... Он был другим человеком. Потому их и сложно отследить. Великие и им приближенные научились не подчиняться зову наверх. Они подыскивали новые тела, чьи души должны были их покинуть, но пока еще находились внутри. Именно так поступила твоя душа. Она заселила тело ребенка, чей душе был отмерен короткий срок и ослабленная, она собиралась покидать свое тело.

— Что? — Алекс чуть не выронил телефон из своих рук, — я занял тело чужого ребенка? — ему резко поплохело и начало тошнить. Он стал с отвращением разглядывать свое тело.

— Да, подбор тела вещь сложная. Поэтому души могут годами блуждать по земле, подыскивая сосуд, — невозмутимо продолжала Энти, — чистая душа, выпущенная Лонг Лонгом, вытеснила неокрепшую душу и та вернулась наверх, сообщив тем самым о занятом теле. Отдел начал расследование, проверяя все души детей, рожденных в определённый временной промежуток в вашей местности. Так и вычислили тебя. Следом, душа Кристины, будущей дочери Георгия, первой проникла в момент зарождения жизни, не впуская туда душу ей предназначенную. Каждая душа стремится к жизни. Не нужно воспринимать это так болезненно. Тело всего лишь сосуд.

— Отвратительный мертвый сосуд! Энти! Зачем ты мне это сказала... как мне теперь жить с этим, — Алекс ощупывал себя, свое тело и руки. Вернее, чужое тело, чужие ноги и руки.

— И моя мама чужая женщина! Она была предназначена другому младенцу... я забрал его жизнь!

Энти посмотрела на Алекса немного с жалостью: не каждый день делаешь столько открытий о своей жизни.

Вдруг у Алекса зазвонил телефон. От неожиданности он вздрогнул.

— Где, черт возьми, тебя носит?!!!!! — Мара кричала неистовым голосом.

— Я... я..., - Алекс не мог подобрать слов. Ему хотелось высказать ей все, что он только что узнал. Хотя пока еще не знал, какое к его чужому телу имеет отношение лично Мара.

— Скорей неси свою жопу сюда! — послышались короткие гудки.

Звонок привел его в чувство. Он огляделся. И понял, что по-прежнему не знает, где он.

— До Главного управления двадцать минут! Мы все это время шли в другую сторону! — сказал он в панике, наконец, выстроив маршрут в картах телефона, — поспешим! Это просто безумие! Ты должна быть эмоцией безумия!

Он ускорил шаг и даже Энти, которая могла проскочить сквозь тени, поспешила следом за ним.

— Что еще важного ты мне не рассказала? — сказал Алекс, лихорадочно глядя глазами на угасающий заряд батареи телефона, — хотя важнее того, что я живу не свою жизнь, уже ничего не может быть!

Но постепенно, Алекс снизил шаг и полностью остановился.

— Телефон сдох, — сказал Алекс. Он глядел на снующих туда-сюда прохожих и завидовал их безмятежности. Как легко жить на земле, зная, что ты не занял тело чужого младенца! — И как так получилось, что из ненавистного сражателя, Фрэнки стал твоим парнем? А потом вновь злейшим врагом? — спросил он, потирая лоб от капелек пота. В этот момент его больше не пугала вселенская кара злюки Мары. Все что он хотел — пойти домой и хорошенько выспаться.

— Это долгая история, — сказал Энти виновато.

Алекс повертел в руках разряженный телефон.

— Нам больше некуда торопиться...

Город С.

Упав на Землю, мы оказались в северной части города, где уже не одну вечность стоял заброшенный завод и водились дикие собаки и местные, не очень дружелюбные жители. Но в нынешнем состоянии нам были не страшны ни собаки, ни местные жители, а потому, постояв долгое время в ожидании Фрэнки, мы выдвинулись в центр города, а именно в гости к Кристине, надеясь, что каким-то образом, попав к ней домой, мы узнаем, где живет и работает ее отец в городе М.

«Одна моя подруга рылась в документах и узнала, что она приемная! Думаю, если и мы пороемся в маминых бумажках, то сможем отыскать намеки о папе», — рассуждала она.

Блуждание по городу оказалось не таким веселым, как мы себе это представляли. Город казался чужим: его краски померкли, стали тусклыми и серыми, а голоса прохожих были отдаленными, словно между нами и всем миром тонны воды.

«Нормальный мир! Ты чего! — говорила Крис, — в Отделе отделов все было приторно ярко, как куча мармелада. А это реальный мир!» — трещала она, строя рожи мимо проходящим людям и искренне радуясь, когда они ее не замечали.

Надо было решить, как мы доберемся до города М., когда выясним месторасположение отца Кристины.

«Поедем зайцами на поезде! Ууу, будем пугать пассажиров!», — предложила Крис и неожиданно затормозила. Я, идущая за ней по пятам, врезалась ей в спину.

— Ты чего? — хотела бы спросить я, но замерла — прямо перед нами маячила огромная дыра. В центре города!

Несколько камешков, задетых Крис при торможении, посыпались в бездну.

Мы протянули головы, наблюдая как камешки проваливаются в бесконечную темноту, пахнущую застойной водой и сыростью.

— Что еще за дыра в центре города? — возмутилась Крис, — куда смотрят коммунальные службы? Эй, эй! Не идите туда, — она бросилась вперед к прохожим, преграждая им путь. Но те прошли ее насквозь и невозмутимо ступили напрямик в пропасть, пройдя по ней и не упав вниз.

Удивленная Крис сама опустила одну ногу в пропасть и она, подобно камешкам, опускалась вниз.

— Брр, — отдернула она ее, — что это? Призрак плохой работы коммунальных служб? — сказала Крис, обходя дыру.

— Это тень, — начала догадываться я, глядя на небольшой магазинчик, что маячил перед нами. — Этот магазин, — я указала на него, — отбрасывает тень. Для обычных людей тень. А для нас портал в Нижний уровень. Эмоции часто блуждают в тенях, используя как порталы. Фрэнки там часто зависал, — вспоминала я.

— Бррр, как же там холодно, — сказала Крис, снова погружая ногу, — но если твои «эмоции», — она соединила два пальца и покивала ими, — там блуждают, то значит, можем и мы? — договорила она, отскакивая от идущих сквозь нас людей.

Я недоверчиво посмотрела на дыру:

— Сомневаюсь... Помнишь, что говорил Фрэнки: надо знать маршруты и...

Договорить я не успела. Большой грузовик свернул с дороги, прямо к магазину. Тень от него моментально достигла наших ног и не прошло и мгновения, как земля под нами исчезла, и мы провалились во тьму.

Второе воспоминание Энти.

— На дворе были 40-е годы по вашему календарю. В то время я возглавляла одно из направлений Отдела по численности населения, — продолжала Энти, дабы отвлечь Алекса от экзистенциального кризиса*, - моя работа заключалась в постоянных отчетах, подсчётах и составлении графиков о численности населения. Для этого мы собирали данные с наших сотрудников на земле. Обычно этим занимался мой начальник — аннуаки Осирис. Но в тот день он попросил меня отправиться на землю вместо него, дав мне зеркало-портал. Пребывание на земле без человека для эмоций невозможно. Без обмена энергией с носителем, мы просто теряем ее и вскоре умираем. Поэтому наше нахождение в одиночном состоянии там весьма ограничено.

В тот день ко мне пришел Фрэнки и одолжил ключ Гекаты.

— Почему Фрэнки появляется в каждой твоей истории? Он вездесущ!!! Все! Молчи! — Алекс подошел к одинокой бабушке на остановке и стал спрашивать дорогу до Главного управления. Но та отскочила в сторону, что-то причитая. Алексу даже показалось, что он слышал слова: наркоман, маньяк, обкурился.

— Я слишком измотан..., и выгляжу соответственно, — сказал он и сел на очередную скамейку. — Да. Кофе мне бы сейчас не помешал, — и с этими словами Алекс принялся растирать свое лицо энергичными движениями ладоней.

Энти села рядом:

— Многие из сражателей после суда прошли процедуру Забвения и стали работать на благо управления. Первое время я сильно пугалась, встречая знакомые души в коридорах, но,

постепенно привыкла к ним. Фрэнки же избежал суда — поговаривали, что он все-таки вернул острие Отделу. За это ему присудили вечность исправительных работ и избавили от необходимости Забытья. На тот момент, он уже сто лет отработывал свое наказание разнорабочим Управления...

Ты меня вообще слушаешь, Алекс?

Алекс усмехнулся:

— Сто лет разнорабочим? — он встал и пошел в сторону парка, — теперь понятно, почему Фрэнки сбежал на землю и стал аморфной эмоцией! Он просто отдыхал. Все, дело закрыто!

Но оказалось, что это был не парк, а небольшое кладбище.

Улыбка вновь слетела с лица Алекса, и он впал в ступор, глядя на могильные плиты.

Энти сразу поняла, что настроения захватили Алекса и поспешила ему на помощь:

— Алекс, послушай, — Энти обошла его, — не ты убил того ребенка! Его жизненный срок был короток! Считай, что просто одолжил его тело! Чем очень осчастливил его мать! Прости! Твою! Твою мать! Ох, — Энти отвернулась, — прости, что не рассказала тебе раньше. Ты сам видишь, что это нелегко!

— Да-да, ты права, — Алекс пришел в себя, и подошел к мимо проходящему мужчине: случайные прохожие в этой районе встречались редко. Пару минут они оживленно поговорили, и Алекс вернулся к Энти.

— Вроде туда, — указал он взглядом дорогу и попросил эмоцию продолжить рассказ.

— Я одолжила Фрэнки ключ Гекаты, что открывает двери-порталы между отделами, для замены лампочки в архивах. И хоть на тот момент, я это сделала без письменных разрешений, в этом не было большого преступления: лампочки он менял даже в судебных залах Совета, да и ключом пользовался неоднократно. А я, по заданию начальника, отправилась на Землю. Знаешь, когда оказываешься там, без человека... очень неприятные ощущения, как будто тебя скрутили в тряпку и выжили... чувствуешь себя отвратительно...

— Прямо как я сейчас? — недовольно пробурчал Алекс.

Энти не стала отвечать на его недовольства и продолжала свой рассказ:

— Я забрала документы и направилась наверх. Но зеркало-портал, что выдал мне начальник, перестало работать (в отличие от ключей Гекаты, это просто технология, работающая на заряде). Не слушалось меня. Пришлось подниматься вручную, через бывший отдел контроля погоды...

Зайдя туда. Я поспешила к внутренним телефонам, желая связаться с начальством. Но внезапно, мне стало холодно и тревожно. По душе пробежали мурашки. И ощущения одновременно гнетущей пустоты внутри... и тяжести, тянущей тебя к земле. Я сразу узнала это чувство... Встретившись с ним однажды, ты запоминаешь его на всю жизнь.

Я даже не успела обернуться, как длинное щупальце схватило меня, обжигая холодом. Но даже вверх ногами я смогла разглядеть это существо. Это была Меланхолия. Она подкинула меня над своей пастью с сотней сверкающих зубов. Я вся сжалась, зажмурив глаза и готовая к неминуемой гибели, как вдруг, что-то теплое перехватило меня, и я упала, ударившись об землю.

Открыв глаза, я увидела душу Фрэнки, поднимающуюся вместе со мной.

— Ты? — удивилась я.

— Беги, Энти! — прокричал он, несясь в глубь отдела.

Я поспешила за ним, но меня вновь схватило щупальце, как и Фрэнки — она сжала нас

так сильно, что я не могла дышать. Я была уверена, что теперь нам конец. Но Фрэнки смог выдернуть из ее объятий одну руку. В ней был полупрозрачный круглый шар. Он замахнулся и бросил его прямиком в мешок, что стоял на трубе. Мешок покосился и рухнул на пол, а из него посыпались десятки белоснежных сфер, раскатившихся по всему помещению, в разные стороны.

Завидев сферы, Меланхолия мгновенно утратила к нам интерес. Отбросив нас, она принялась собирать их — все ее щупальца растянулись в десятки направлений, хватая эти полупрозрачные шары и закидывая их в свою бездонную пасть.

О том, что это были чистые души, я узнала лишь годы спустя. А тогда я очень радовалась тому, как она заглатывает эти шарики, забыв про нас.

— Беги! Что ты стоишь? — вновь закричал Фрэнки.

Я увидела, как он моим ключом открыл портал и заходя в него, бросил ключ мне.

— Сваливай куда угодно! — приказал он, при этом продолжая забрасывать души из своих карманов в портал, заманивая ее.

Но либо Меланхолия вспомнила о нас, либо она уже собрала все свои шарики, но не успела я открыть свою дверь как увидела ее, мчавшуюся в нашу сторону.

Мне ничего не оставалось, как прыгнуть в портал за Фрэнки.

Мы оказались в каком-то скалистом помещении, напоминавшим пещеру, лишённую света — только слабые лучи прорывались сквозь небольшие щели в стенах.

— Где мы? — кричала я, пока мы бежали меж скал.

— Темница титанов, слышала о таких?

Ответить я не успела. Он резко затормозил: под нашими ногами сияла пропасть.

— Туда! — указал он мне на скалистые стены, окружавшие нас с двух сторон.

Мы стали взбираться наверх, надеясь, что горные выступы помешают Меланхолии схватить нас.

Поднявшись до небольшого плато, Фрэнки остановился.

— Рисуй дверь! — приказал он, а сам принялся хватать большие булыжники и кидать их вниз, на ползущую за нами Меланхолию.

— А Меланхолия? — спросила я.

— Ей не выбраться... отсюда нет выхода...

— Мне нужно время..., - я начала концентрироваться, вспоминая координаты своего кабинета.

— Ау! — щупальце схватило Фрэнки и потянуло его вниз, он едва успел схватиться за скалистый выступ.

Моя реакция сработала рефлекторно: я вытащила из себя оргонный меч и быстрым движением обрубил щупальце.

Я не пользовалась этим мечом сотни лет... этому нас обучали сражатели: искусству работы с мечом из собственной энергии. Никогда бы не подумала, что это поможет мне в мирной жизни.

— Ого, — восхитился Фрэнки, — вот как оказывается выглядит волевой меч...

Щупальца вновь и вновь стали подлетать в наши стороны, а я молниеносно рубила их. В это время Фрэнки заметил большой булыжник чуть выше нас. Он быстро вскарабкался наверх, стараясь расшатать его.

— Берегись! — закричал он. Я еле успела отскочить, как гигантская глыба промчалась мимо меня и попав в Меланхолию, унесла ее в пропасть.

— Научишь и меня вытаскивать из себя такой вот меч? — улыбнулся он, изображая махи невидимым мечом.

— Надолго это ее не удержит..., - сказала я, всматриваясь в пропасть.

— Но даст нам немного времени, — ответил он, спускаясь вниз, с противоположной стороны.

— Куда ты? — крикнула я, — пошли домой, дверь открыта, — я указала на портал, ведущий в мой кабинет.

— Прости, у меня дела, — отмахнулся Фрэнки, спрыгивая на землю.

— Но ты сам сказал: отсюда нет выхода...

— Там сражатели — они помогут мне..., - сказал он и скрылся за очередными скалами.

Я вошла в портал и закрыв его, оказалась в своем родном любимом кабинете. Было сложно успокоиться и осознать, что это действительно произошло со мной. Я могла умереть, если бы ни Фрэнки... Сражатель спас мне жизнь! Это было невысказано! Он мог умереть из-за меня... А теперь он там... надеется, что другие сражатели помогут ему. И это не давало мне покоя.

— Эния... Сражатели не спасают жизни, а только отнимают их! — сказала я сама себе и поняла, что должна вернуться!

С трудом я воспроизвела координаты, припоминая эти ужасные скалы и землю, где мы попрощались с ним. Вновь оказавшись там, я отправилась на поиски Фрэнки, надеясь, что Меланхолия еще не настигла его.

Увы, я оказалась права. Они не открыли ему двери, перекрыв выход. Я встретила его, когда он отчаянно бился в стены. И как раз вовремя — за нашими спинами раздался оглушительный крик — Меланхолия выбралась из пропасти.

От волнения, я забыла все на свете и Фрэнки, выхватил у меня ключ, сам нарисовал портал. Мы буквально влетели в бывший отдел контроля погоды, прокатившись несколько метров по холодному гладкому полу. И так и остались там лежать, не в силах подняться.

— Ты пришла за мной? — с трудом, тяжело дыша, произнес Фрэнки.

— А ты... спас меня... от Меланхолии..., - сказала я урывками, переводя дыхание.

— Но как ты поняла, что..., - он не смог закончить свою фразу.

— Ты сказал, что сражатели помогут тебе... но это не так. — я приподнялась. — Они никогда не помогают! Никогда!

— Но ведь я же помог тебе, — улыбнулся он, посмотрев на меня.

Я ничего не ответила. С трудом поднявшись, я вновь поспешила к телефону.

— Мы должны обо всем сообщить начальству...

— Что? Нет! — он подскочил, преградив мне путь, — ни в коем случае! Нельзя, чтобы они знали, где мы спрятали Меланхолию! Вспомни, что я говорил тебе — о сотнях трупов, что погибают беспричинно! Может, поэтому твоему начальству нет никакого дела о пропавших душах из твоего отчета?... Они все знают, кто за этим стоит! Если ты расскажешь им про Меланхолию, они вернут ее и вновь и вновь будут выпускать ее на Землю, кормя душами простых людей...и даэу, что живут там.

Я не хотела верить тому, что казалось правдой.

— Думаешь, они знают... все знают?

— Может все. Может только Отдел, может только Совет, — пожал плечами Фрэнки. — Но тварь им нужна и кормить ее чем-то тоже нужно.

Я ничего на это не ответила.

— Нелегко признать, что не только сражатели злодеи в этой истории, — подмигнул он мне, попутно вытаскивая из кармана небесно-голубую сферу, на подобие тех, что недавно мы скормили Амаг Меланхолии.

— А что это за..., - хотела спросить я про эти шарики, но не смогла договорить, напуганная тем Фрэнки, что стоял передо мною. За какие-то доли секунды его выражение лица с умиротворенно — спокойного стало безумно- беспокойным. Он лихорадочно начал крутить сферу в своих руках, затем просто уронил ее на пол и начал суетливо обыскивать свое тело.

— Это не та сфера! Не та..., - он замер, глядя в одну точку на полу и что-то совсем тихо шепча себе под нос.

— Киарин! — резко закричал он, обзывая это имя всеми неприличными словами на свете. Затем он подскочил ко мне и затряс меня:

— Она у него! Скорее, Энти! Верни мне ключ! Я должен вернуться!

Я оттолкнула его.

— Там Меланхолия! Возвращаться туда опасно!

Но он не слушал меня, вновь и вновь пытаюсь отобрать ключ. В какой-то момент, устав отбиваться, я сильно толкнула его, он упал и больше не поднимался.

— Гоззо, — подошла я к нему (так звали тогда его душу).

— Уходи! — сказал он, — прощу! Уходи!

И я ушла. И никому, до событий этих дней, не рассказывала, что произошло тогда и как мы упрятали Королеву Депрессию в темницу Титанов.

Нижний уровень.

Провалившись в тень, мы очутились в глубоком ущелье. Высоко наверху предательски светил солнечный свет, но добраться до него возможности не было. Подобно эмоциям, мы решили искать другой выход, и окончательно заблудились.

— Понятно, почему Фрэнки решил свалить из Отдела Отделов, узнав про Нижний уровень, — говорила Крис.

Мы шли рядом, прижимаясь бок о бок. Но это не согревало. Внезапный ветер, выходящий из всех щелей, пронизывал нас до несуществующих костей. Мы пытались заглядывать в эти щели, попутно вспоминая все просмотренные хорроры, но видели одни и те же скалистые очертания.

— Мы станем заблудшими душами, — ныла Кристина. Она то приободрялась, то грустила, то что-то рассказывала, то верила, что нас спасут.

И пока мы шли, рот Кристины не смолкал ни на секунду:

«Как думаешь, если мы не найдем выхода, мы будем вечно блуждать здесь... или пока наши тела не умрут от старости?».

«Думаешь, поэтому сотни людей не могут выйти из комы? Застряли, как и мы, в Нижнем уровне?»

«А вдруг они сошли с ума от вечного блуждания и нападут на нас?»

«А может ли одна душа убить другую?»

«Мы умеем летать? Как в осознанных сновидениях*?! Так что нам надо было просто взять и полететь к солнцу...»

«Мы были бы как эти... Икар и Дедал*!»

«А Фрэнки? Думаешь, он... жив? Ему удалось сбежать?»

«Хотя он столько знает, я уверена, он нашёл выход, сидит сейчас кино смотрит, что там показывали в кинотеатрах?», — говорила, и говорила Крис.

— Тихо! Прекрати! Замолкни! Сколько можно трещать! Я не слышу собственных мыслей! — не выдержала я и тут же остановилась, прикрыв рот рукой.

Кристина тоже замерла.

— Ты чего, Анна? — спросила она.

— Прости... я сама не поняла. Просто на меня вдруг нашла такая злость... прямо ненависть! Как будто внутри меня разгорелся огонь ярости.

— И ты решила обрушить его на меня?

— Я пытаюсь сконцентрироваться, а ты говоришь, говоришь, говоришь... прости, — извинилась я.

— Это помогает мне справиться с тревогой..., - тихо сказала она, — знаешь ли, жутко здесь...

Я потеряла глаза и села прямо на холодный пол.

— Может, это место так влияет. Меня так это все злит... Фрэнки ушел... Я заболела... Алекс уехал... И ничего не понятно. А теперь мы здесь застряли. Возможно, навсегда...

Кристина подошла и села рядом со мной.

— Мой папа говорил, что всегда спасет меня, что бы со мной ни случилось. И Фрэнки сказал мне найти его... Так что, рано или поздно, мой папаня найдет нас и в прямом смысле достанет из-под земли.

Она положила одну руку мне на плечо, а другой слегка приобняла меня. И впервые за то время, что мы здесь, я почувствовала тепло. Так мы сидели некоторое время.

— Кто же тогда твой отец, если Фрэнки направил тебя к нему? — спросила я ее и вдруг, словно откуда-то сверху, донесся знакомый голос.

— Ая... Я здесь. Я с тобой.

— Ты слышала? Ты это слышала? — я сразу же поднялась.

— Слышала что? — сонно спросила Крис, — завывания ветра?

— Нет, — я огляделась по сторонам, — Фрэнки, его голос, как будто из громкоговорителя.

— У меня было такое! — Крис моментально приободрилась, — я слышала маму, когда была там наверху!

— Прости Ая..., - голос продолжал говорить, — я так и не извинился за то, что бросил тебя. Но если тебе станет легче, то из — за этого меня направили на исправительные работы...

— Что он говорит? — мелькала передо мной Крис.

— Голос как будто идет оттуда, — указала я на небольшое скалистое углубление, игнорируя ее вопросы. «Прямо из скал?», — недоверчиво спросила Крис и поспешила проверить, подбежав к ним поближе. И вдруг радостно закричала: «Тут есть проход!». Я поспешила к ней и увидела туннель, ранее скрытый от наших глаз темнотой и рельефностью. Прямо оттуда раздался голос:

— Прости за то, что стал твоей эмоцией..., за то, что прогнал остатки твоей радости... но, если честно, она бы и так скоро сдохла...

Завернув в скрытый проход, мы побежали по длинному туннелю.

— Ты хотела знать, почему я ушел? Почему покинул тебя?

«Говори, Фрэнки, говори» — мысленно умоляла я, петляя в бесконечных коридорах.

— Анна... Я ушел, потому что... ты дорога мне... Ты человек, рядом с которым я впервые за много лет обрел покой и... Возможность просто жить, тихо и спокойно, плывя по течению этой жизни... И все это я мог потерять...

Ваше внимание к Меланхолии могло обернуться для вас смертельной опасностью! Теперь она не оставила бы вас в покое. Мне пришлось уйти, чтобы спасти тебя и разгадать загадку этой сущности... Мне надо было уйти...

Я остановилась. Перед нами стояло несколько туннелей, ведущих в противоположные стороны.

Фрэнки молчал.

— Нет! Нет! Говори! Прощу! — кричала я, ударяя по каменным стенам.

— Эния..., - вдруг вновь раздался голос, — мое настоящее имя Эния...

— Туда! — я бросилась в один из проходов, и как только мы завернули за угол, нас встретили лучи грязно-желтого солнца. Мы подошли ближе — в полуметре над нами виднелись очертания родного города. Мы нашли выход.

Третье воспоминание Энти.

Мне потребовались все свои эмоциональные силы, чтобы вернуться на Верхний уровень и вести себя так, словно я просто совершила незатейливую прогулку Земля-Верхний уровень. А мое легкое смятение я объясняла тем, что зеркало-портал перестало работать и весь длинный путь до Управления мне пришлось совершить пешком. «Вымоталась ужасно», — рассказывала я своей знакомой Оранжевой сущности. Управление продолжало работать. Никто не говорил ни про хранилище, ни про сбежавшую Меланхолию. Меня вызвали на допрос только за нарушение техники безопасности, впоследствии уволив за это моего начальника.

Я сидела в небольшой комнате с двумя стульями и столом, отражаясь в большом зеркале напротив. Допрашивал меня лично начальник службы безопасности Управления, но ощущения были такими, словно там, за стеклом, за мной наблюдает еще пара глаз.

— Знали ли вы, что эмоциям запрещено находиться на земле без человеческого носителя из-за угрозы смерти? — спрашивал он меня. В целом. Все вопросы были стандартны и не вызывали беспокойства, кроме последнего:

— Во время вашего путешествия с Земли до Верхнего уровня, встречалось ли вам что-то подозрительное, не укладывающееся в стандарты или что-то могло показаться вам странным? Может, вам встречались некие души, которых там быть не должно и не только души?

— Что вы имеете в виду под не только душами? — безучастно интересовалась я, отвечая отрицательно на эти вопросы.

Мне так и не ответили на этот вопрос, ссылаясь на стандартный протокол опроса.

Вскоре, нам дали нового начальника, строгого и требовательного темперамента, из-за которого многие сотрудники уволились, а я пошла по карьерной лестнице...

На дворе стояли 60–70 гг., по земному летоисчислению.

После очередной планерки я зашла в свой кабинет и обомлела.

За моим столом сидела оформленная эмоция Равнодушия и самым важным видом рылась в моем компьютере.

— Что вы себе позволяете? Немедленно покиньте мое рабочее место! — приказала я.

Но он продолжал игнорировать меня, попутно рассматривая и трогая предметы с моего

стола.

— Представляешь, живу я живу, лечу, кручу, витаю в Даэху, питаюсь плазмой, пересекаю облака, кружусь в черном свечении и вдруг... За мной начинается охота! — сказал он, поднимаясь из-за моего стола. — Сначала было странное ощущение, как будто, знаешь, когда хочешь вспомнить слово, а не можешь... Оглядевшись по сторонам, я увидел, что по моим пятам летит черная тень! Вот я испугался: неужели керы проникли в Даэху? Начал убегать от нее, туда-сюда! Туда — сюда! А она за мной! Загнала меня в угол, покружилась вокруг меня, а потом бац! И слилась со мной в одно целое! — рассказывала эта эмоция, подходя все ближе и ближе ко мне...

— Что за бред вы несете! Я вызываю охрану, — потянувшись ручкой к телефону, что висел у двери, я стала нажимать кнопки Отдела по безопасности.

Эмоция подалась вперед и перехватила мою руку.

— ...И я вдруг понимаю, — продолжало говорить Равнодушие, — что я был человеком! Я не просто эмоция, я человек!

— Вы сумасшедший, — взвизгнула я.

Но он только крепче сжал мою руку.

— Нет, я Эния. Гоззо. Хромой сражатель... Марко... Сутулая собака... Это все я... Как и Махххххрон, эмоция Равнодушия, — сказал он и вынул трубку из моей руки, положив ее на место.

— Но..., - я выхватила свою руку — это невозможно! Души миров...

...Не пересекаются! Да-да... бла-бла... И, тем не менее, я стою тут перед тобой и это не маскарадный костюм, — с этими словами он стал оттягивать свою синеватую оболочку с разных участков души, — видишь?

Но я не могла так легко принять то, что казалось невозможным.

— Что с тобой случилось тогда, после того как я ушла? Как это произошло? — засыпала я его вопросами.

Он пожал плечами.

— Я не знаю. Все что я помню... я лежал грустный и уставший на полу и страдал, а потом вдруг услышал этот скрипучий голос, показавшейся мне знакомым... Последнее, что я увидел — это было гигантское оранжевое пятно, погрузившее меня в себя и потащившее в неизвестном направлении. Мне стало так тепло, уютно..., - мечтательно произнес он, вновь погружаясь в эти воспоминания, — я сразу уснул, а потом... проснулся синим облачком в мире Даэху...

— Гигантское оранжевое пятно со скрипучим голосом? — это описание напоминало одну мою знакомую, спешно ушедшую в отпуск после тех событий... Но Равнодушие перебило меня:

— Послушай, Энти. Это не важно. Важно то, что я потерял очень дорогую мне душу, спасая тебя, — он ткнул в меня пальцем, — и теперь ты должна мне помощь найти ее.

Он сжал мои плечи и провел меня к компьютеру, усадил на мое рабочее место.

— Я видел табличку на твоей двери. Ты теперь большая шишка, а значит, сможешь мне найти того сражателя, Киарина... Я уверен, душа у него.

— Это так не работает! Если бы все было так просто, Отдел давно бы переловил остатки сражателей. А если его имя, как у многих других сражателей, отсутствует в книге учета душ, то фактически, его не существует.

— И что ты предлагаешь? — наклонился он ко мне.

Я залезла во внутреннюю полку моего стола и вытащила белый лист бумаги, попутно протягивая ему ручку из своего кармана:

— Анкету, — сказала я, положив перед ним листок.

— Анкету? — переспросил он.

— Да, анкету, заполни ее и я подберу тебе новое место работы.

— Я не буду здесь работать — усмехнулся Эния, — я пойду на Землю.

— И умрешь, — сказала я, — эмоции не могут долго находиться на Земле без человеческого носителя.

— Ну тогда я стану чей-нибудь эмоцией...

— Ты опоздал. Такое можно было проверить лет триста тому назад. Но теперь существует Отдел по контролю эмоций, которые не допускают самостоятельного отсоединения и присоединения.

— И что тогда?

— Почему бы тебе не обратиться в Отдел? — предложила я.

— Отдел?

— Да, тот Отдел, что со злокой Маркой, как ты сам говорил, ты же числился их сотрудником?

— Если ты не забыла, то они меня сослали в Отдел 5189 разнорабочим. Что может быть хуже этого? Сто лет менять лампочки! Нет, в Отдел мне никак нельзя, — он сложил руки перед собой и стал осматривать мой кабинет, как будто выискивал скрытые камеры. — Я уверен, они ищут меня, — сказал он тихо, — и лучше бы им не знать, что я теперь эмоция. Пообещай, что не расскажешь никому...

Он вновь схватил меня за руку.

— Да, да, только отпусти... конечно, я не скажу... В конце концов, я помогла тебе избавиться от Меланхолии и теперь, я соучастник твоих преступлений!

— Общие тайны сближают, — улыбнулся он, — чувствуй, неужели ты не можешь взять и прицепить меня к случайному человеку?

— Теоретически могла бы... После получения всех важных допусков. Но чем тебе поможет проживание жизни с обычным человеком? Нарваться на нужного сражателя при современной загруженности Земли очень маловероятно, а если я буду менять тебя в системе слишком часто — это вызовет подозрение контроля и может натолкнуть Отдел на тебя.

— Но что мне тогда делать... Я не знаю. Это так странно, что печать прошлой жизни смогла найти меня в Даэху, — говорил он сам с собой.

Он помолчал пару секунд, а потом решительно произнес:

— Я все равно отправлюсь на землю... буду искать ее.

— Но ты умрешь...

— Ну умру и умру... заново возрожусь, и может, вновь стану человеком..., - махнул он и пошел на выход.

— Нет, это так не работает, — остановила я его, — у нас нет физического тела. Мы — это голая душа иной структуры. Если ты умрешь на Земле — ты умрешь навсегда. Никакого перерождения не будет. Другой вечности нам не дано.

Эти слова ошеломили его.

— Значит, я навсегда останусь эмоцией? Я больше не буду человеком?

— Мне жаль... но да..., - я кивнула.

В этот момент мне было искренне жаль его.

— Я потерял ее душу. Я потерял себя. Кто я теперь? — он сел на свободный стул, стоявший у стены.

— Ты эмоция Маххххрон, наш новый сотрудник, — я воодушевленно протянула ему анкету с ручкой, — с чем тебя и поздравляю! — и загудела в приготовленную для таких случаев дудку. — А значит вечером нас ждет вечеринка.... По случаю нового сотрудника... Я как раз искала... такую очеловеченную эмоцию..., - сказала я, глядя на его очеловеченные руки и ноги — следствие полученных им воспоминаний...

Так, Махрон стал моим коллегой. Первое время его захлестнула апатия и печаль. Не поверив моим словам, выполняя дела новой работы, он перепроверял сказанное мною и продолжал искать иные способы поиска души. Но лишь убеждался в моей правоте: даже став эмоцией случайного человека, понадобится много энергии и воли носителя для подобного поиска. И постепенно, его равнодушная эмоциональность брала вверх, а человеческое покрывалось толстым слоем пыли. Мы сдружились. Потом сблизились... Но одного я не учла... Глубоко внутри него, по-прежнему сидела печать человека. И рано или поздно, она должна была вырваться наружу.

Город С., наши дни.

Первое время мы не могли не нарадоваться уходящему солнцу.

«После Нижнего уровня Земля не кажется такой уж мрачной, согласись», — смеялась Крис.

Все познается в сравнении.

Теперь мы смотрели под ноги и были очень внимательны.

— Но здесь нет излома, — говорила Крис, заглядывая в очередную тень.

— Возможно, не все тени являются порталами. Они лишь указывают на его наличие, — предположила я.

— Так что он тебе говорил? — вновь спросила Крис, попутно всматриваясь себе под ноги.

И действительно. А что? Мне вдруг стало обидно. Впервые за много лет Фрэнки говорил со мной. Нет, не так. Он ГОВОРИЛ! И даже извинялся.

— Он извинялся, — сказала я, сама не веря своим словам, — извинился, что ушел... Но я толком и не слушала... мы же искали выход..., - я вспоминала, — ...он назвал мне свое настоящее имя.

— Оо, и какое же..., - обернулась Крис.

— Э...Эн... Энакин? — пыталась вспомнить я.

— Скайуокер?* — Кристина засмеялась. — А он случайно не добавил: «Анна, я твой отец», — попыталась она изобразить акцент Дарта Вейдера*.

— Да, — улыбнулась я, — а я уж подумала, что Фрэнки решил хоть что-то рассказать о себе...

И вдруг я почувствовала странное покалывание, как будто стая ежей атаковала мои конечности.

— Что с тобой, тебя это так расстроило? — спросила Крис, вглядываясь в мое лицо.

— Нет... но что-то происходит...

Мои ноги вдруг стали тяжелеть...

— Твои ноги, — закричала Крис, указывая на меня.

Я посмотрела вниз. Ног не было. Как и рук.

— Ты исчезаешь? Нет! Нет! Анна, не оставляй меня тут одну! — Крис пыталась схватить меня, удержать, но я как вода, растворялась в ее руках. Тяжесть наполняла меня, и вскоре, последнее что от меня осталось — доносящиеся крики Кристины.

Мои глаза закрылись под тяжестью век.

Усилием воли я вновь их открыла. Белые обшарпанные стены, белый потолок, зеленая ширма.

Я вышла из комы.

Четвертое воспоминание Энти.

На Земле были девяностые. Высокие технологии, наконец, достигли разума землян, что значительно упрощало работу Управления.

В один из дней меня вызвал к себе начальник.

Зайдя в его кабинет, я сразу обратила внимание на сидевшего за столом человека. Физического. Такое могло быть только в одном случае — передо мной сидел аннуаки.

— А вот собственно, и моя дорогая Энти, — указал на меня начальник, стоявший рядом, — и по совместительству, лучший сотрудник Управления численности населения вот уже пару сотен лет!

— Гермес, — протянул руку сидящий мужчина, немного привстав, — Отдел по связям с особо важными персонами, их взаимодействием в структуре миров, нарушением границ, противоправных действий и других преступлений, сокращенно Отдел, — представился он.

При упоминании Отдела внутри меня все похолодело.

— Ну что ж, — начальник встал, — я пошел... проверю, как там другие наши сотрудники. А вы тут побеседуйте, — сказал он и направился к выходу. Дверь захлопнулась. Мы остались одни.

— Присаживайся, — улыбнулся Гермес, указывая на свободный стул, а сам вернулся на место начальника. — Энти, — сразу перешел он к делу, — вы помните тот день, когда вас вызвали на допрос, в связи с разбирательством из-за нарушения техники безопасности?

— Конечно, — ответила я, пытаясь держать себя непринужденно, — я тогда получила свой единственный, за всю карьеру, выговор.

— И правильно, ведь вы могли погибнуть.

— Да, но я уже писала в объяснительной, что Осирис, мой бывший начальник, заверил меня в безопасности.

— И был уволен за это, — строго сказал он, — не зря техника безопасности написана оргоном! Впрочем, я вызвал вас для беседы не для того, чтобы напомнить старые оплошности. Сейчас я покажу вам одно видео, о котором попрошу особо не распространяться. Договорились?

Я кивнула, сглотнув тяжелый комок в горле.

Внутри меня все сжалось. Я была уверена, что сейчас на экране увижу нас с Фрэнки в тот день, и вся моя карьера пойдёт прахом.

Гермес развернул стоящий перед ним ноутбук экраном ко мне.

Вопреки ожиданиям, на видео был кабинет начальника, где мы сейчас находились. Только вместо темперамента за креслом сидел Осирис.

— Это запись скрытой камеры. После того, как было выявлено, что сражатели исключали свое имя из учета душ, наш Отдел стал тщательно проверять сотрудников и установил в разных местах скрытые камеры, в том числе, в кабинетах начальников. Мы

считали, что среди нас есть те, кто помогают сражателям, — прокомментировал Гермес и включил запись.

Сначала я увидела себя и Осириса, беседующих о графиках. Затем я вышла, а он, подождав несколько минут, поднял телефон и стал кому-то звонить.

Вначале разговор было не разобрать, но чем дальше, тем Осирис сильнее выходил из себя, повышая голос и до нас стали доноситься отдельные слова:

— ... Это не просто эмоция. Это та эмоция, что открыла «Дело сражателей». Думаете, она не начнет дело «Орден духа»? Зачем мне такие риски? ... Да, я понимаю, что это опасно... Но это может угрожать всем нам! Всему ордену! ... Да. Она отправится туда. ... Да. Выпусти пожирателя, я дам вводные...

Гермес выключил запись.

Я ни могла произнести ни слова.

— В тот день на вас собирались совершить покушение. По вашему следу из хранилища была выпущена Амаг вида Меланхолия.

Я была шокирована — теперь я поняла, почему не работало зеркало-портал.

— Энти, — посмотрел он на меня, — вас уже допрашивали по обстоятельствам того дня. Но скажите мне еще раз — вы точно не встречались с Меланхолией? ... Не бойтесь, камер больше нет. Их демонтировали по новому указу. Будьте честны со мной.

Я прикрыла лицо руками и покачала головой. Мне было ужасно стыдно, но я не могла сказать правду.

— Я верю, вам Энти, верю. Если бы вы с ней действительно встретились, то сейчас вас бы здесь не было. Но вашему начальнику Осирису не повезло. Возможно, в любой другой день, Меланхолия бы просто сожрала вас и вернулась в хранилище. И никто бы ничего не узнал. Но в тот день, некие злоумышленники решили напасть на хранилище. И Меланхолия не только не дошла до вас, но и вовсе исчезла. Испарилась. Как и испарилось несколько весьма ценных душ из хранилища Отдела, охраняемые Амаг. Кто-то украл их.

— Но зачем Осирису было убивать меня? — из моих глаз потекли слезы.

— Возьмите, — Гермес протянул мне салфетку, — Ваше открытие о статистике исчезновения душ пролиvalo свет на его незаконную деятельность по контрабанде душ в мир Циаб. Вместо того, чтобы скормливать Амаг одну грешную душу с сильной энергией, Осирис и его сообщники перенаправляли душу на сторону повстанцев Циаб. А чтобы не вызывать подозрения — они выпускали голодную Меланхолию на Землю, подгадывая под ужасные события. К их счастью, на Земле постоянно идут то войны, то пандемии... Кто там будет разбираться, отчего на самом деле погибло несколько сотен человек, когда число погибших превышает миллионы. Да и к чему вам это рассказывать — вы и сами видели это на своих графиках... Впрочем, мы отвлеклись... Взгляните, — он протянул мне две карточки — портреты ручной работы.

На них обеих был нарисован Фрэнки. Только первая была сделана, когда я была его эмоцией, а другая, когда он работал в Управлении под именем Гоззо.

— Главный подозреваемый в похищении — душа № 00075409 категории D. Та самая, благодаря которой вы начали свое знаменитое «Дело сражателей» и которая, в последствии, была сослана в отдел 5189, где он долгое время работал на благо Управления. Может, накануне преступления, он говорил с вами о чем-то, вел себя странно? Или, может, вы можете поделиться с нами иной информацией об этой личности?

Я вытерла слезы на лице, всматриваясь в оба портрета.

— Это было почти полвека тому назад! Вы правда думаете, что я могу вспомнить что-либо о рядовом сотруднике? — сказала я возмущенно. Но внутри меня все сжималось от страха.

— Да. Но одна из камер видела, как вы шли рядом в коридоре бок о бок, я предположил...

— Мара, ваш сотрудник, как никто другой знает, какого мое личное отношение к сражателям... Я бы никогда не стала с ними сотрудничать... если вы об этом, — резко ответила я, маскируя тревогу за гневом. — Я помню, он просил пропустить его в архив. Но я отказала ему на основании отсутствия допуска. На этом наше общение закончилось!

— Простите, Энти. Не хотел вас обидеть. Просто уточнил. Перейдем к сути.

«К сути?» — я была удивлена. А о чем мы говорили до этого?

— Вы спросите, почему я рассказываю вам это все? И даже больше?

Я кивнула.

— Недавно, на Земле было обнаружено несколько пропавших душ. Мы считаем, что души были похищены с целью возрождения сражателей, а значит, есть вероятность, что за этими душами наблюдают похитители — сражатели, с целью своего влияния на их неокрепшие умы.

И вы, Энти, как никто другой, понимаете, как важно оградить души от этого влияния! Более того, вы прожили много веков на земле и работали много лет в Управлении, накопив колоссальный опыт!

— К чему вы клоните? — аккуратно спросила я, поглядывая на часы.

— Я не зря рассказал вам об Осирисе — наши сотрудники выполняют важные миссии в иных мирах, в том числе и расследуют дело «Ордена духа» в Циаб. Наш Отдел остро нуждается в кадрах, и мы не можем позволить себе выделить сотрудников для пожизненного контроля за найденными душами. В связи с этим мы подбираем внештатных сотрудников из числа высококвалифицированных работников Управления. И вы вошли в число претендентов. Более того, на данный момент, вы идеальный кандидат.

— Я могу отказаться? — сразу же спросила я, как он закончил свою речь.

— Конечно. Но подумайте хорошенько. Ваше согласие благоприятно скажется на карьере, и перспективы будут весьма благоприятные, — с этими словами, он взял папку, что лежала на краю стола и протянул мне.

— Здесь пакет документов, краткая выжимка должностных обязанностей и прочая дополнительная информация по этой должности. Посмотрите на досуге, почитайте... И дайте мне знать в течении трех дней.

— Я работала на людей, — сказала я, глядя на папку, — это рабство... невыносимое бремя!

— То были сражатели... а это... маленький ребенок... И каким он вырастет, во многом будет зависеть от нас с вами. Энти, у вас есть шанс оградить детский разум от вмешательства этих монстров. Вы, как никто другой, знаете, как они опасны для общества и как важно предотвратить их возрождение! Душа маленького мальчика не виновна в зверствах сражателей...

— Вы правы, — сказала я, беря папку, — но я не та, кто готова нянчиться с младенцем.

— Воспринимайте это как отпуск... Я бы многое отдал за такое времяпрепровождение..., - мечтательно произнес он.

— Я могу идти?

— Конечно, — кивнул Гермес.

Я вернулась в свой кабинет и закинула документы в стол, не собираясь их изучать — знала, что откажусь. Променять высокую должность в Управлении на няньку человеческого младенца? Я в своем уме.

— Это немного обидно, — сказал Алекс, слушая ее историю и неторопливо шагая на место работы. Обед закончился почти час назад, но из-за деревьев уже виднелся корпус Главного управления.

— Прости. Но тогда я думала иначе, — сказала Энти. — А на следующий день, зайдя в кабинет, я увидела Махххрона, как всегда вальяжно сидящего в моем кресле и рассматривающего документы.

Наши глаза встретились.

— Что это, Энти? — спросил он меня, указывая на вскрытую папку.

Я подбежала к нему, пытаюсь выхватить бумаги из его рук.

— Я хотел спрятать тебе подарок в стол, а нашел это... Я правильно понимаю, что сотрудники Отдела нашли похищенные души и пришли к тебе с предложением стать наблюдателем? — спросил он, отдергивая руку с папкой назад, — почему ты не сказала мне?

— Это не важно, — я выхватила бумаги, — я откажусь. Наше место здесь!

— Мое место там! — вдруг крикнул он..., - на Земле!

— Это в тебе говорит не эмоция, а человек, — сказала я.

— Потому что я и есть человек! И сердце у меня человеческое! — он направился к выходу.

— Ну формально, у тебя нет сердца, — сказала я.

— Как ты не понимаешь... может, они нашли... Эви!

Эви? Меня как ножом пронзили... он не вспоминал это имя десятки лет.

...Эви? ... А как же я?... Махххрон... Как же мы...? Как наша жизнь? — папка выпала из моих рук, рассыпавшись белыми листочками по полу.

— Это не жизнь, Энти, — сказал он, — это не жизнь, — и с этими словами он вышел из кабинета.

Домой он не вернулся. Я была встревожена, напугана. Мне представлялось, как он спускается на Землю, ищет ее и не найдя, растворяется в воздухе.

После нескольких беспокойных часов, на следующее утро, я пришла в кабинет и вновь встретила там Фрэнки. Он сидел за моим компьютером и работал.

Улыбка от встречи сразу заменилась тревогой.

— Что ты там делаешь? — я подошла к нему, успев заметить, что он вышел из системы «Распределение».

Конечно, на тот момент, он знал пароль от моего компьютера.

— Я был на Земле, — сказал он, поднимаясь, — как ты и говорила, чуть не умер. Но встретил там кое-кого и решил присоединиться к этому человеку. Как ты там говорила? Только к одному... Я сделал выбор. Прощай, Энти, — сказал он и закрыл за собой дверь.

Прошло несколько минут, как он ушел, а я так и стояла в замешательстве, пытаюсь все осознать. Из ступора меня вывел звонок внутреннего телефона.

— Энти! — кричал мой начальник, — немедленно ко мне!

— Немыслимо! Вы понимаете, что нельзя просто так взять и присоединить эмоцию к

человеку! Сначала вы должны были составить обоснованное письмо, получить подписи Отдела по контролю, затем Главного по архивам, затем мое одобрение! Такое нарушение карается до трех лет колонии — поселения Нижнего уровня!

— Простите..., - я пыталась найти оправдание «своему» поступку. — До меня дошел слух, что Отдел уже утвердил мою кандидатуру на наблюдателя. Гермес говорил, что я главный претендент на эту должность и в любой момент я отправлюсь на Землю. Вы же знаете про наши отношения с Маххххроном... Я хочу, чтобы он был там, со мной. Боялась, что, если не успею все сама оформить, еще не скоро мы с ним увидимся.

— Но вы же даже не дали согласие...

— Среди сотрудников Управления нет никого с таким уникальным опытом как у меня. Я знаю, что только я способна выполнить эту работу... Да и Гермес прав: отпуск мне не мешает! — я пыталась выглядеть максимально самоуверенной.

— Ох, Энти, — лицо начальника смягчилось, — но все же весьма поспешно... можно было и обойтись без нарушения предписаний... Ладно, только ради вас. И с учетом вашего ранее идеального послужного списка! Я подпишу все разрешения задним числом, пока наверху о них не узнали. Земля действительно прекрасное место, когда попадешь к хорошему человеку. Надеюсь, вы не разочаруетесь и лет через семьдесят, а то и раньше, — он задорно подмигнул мне, — мы увидим вас еще более жизнерадостную и наполненную энтузиазмом!

— Спасибо, — улыбнулась я и поспешила на выход, скорее в свой кабинет, где могла спокойно дать волю своим слезам...

Я оказалась права и уже через несколько дней Гермес давал мне последние инструкции.

Так я потеряла любимую работу, спустилась с любимого Верхнего уровня, где оставила свое любимое жилье, своих любимых друзей и свою любимую жизнь..., - закончила эмоция свой рассказ.

— Прости, Энти... Я и не знал, что разрушил твою жизнь, — раздался голос за их спинами.

Энти и Алекс обернулись.

Прямо за ними стоял Фрэнки.

Город М.

— Я пытался с тобой поговорить и извиниться, — сказал Фрэнки, — и давай без драмы. Мне потом другие даэу рассказывали, как ты восхищалась музеями, комедиями, театрами и называла это самым лучшим временем в твоей жизни, — сказал он.

— Где Анна? Ты ее видел? Вас правда похитили? Где ты был? — засыпал его вопросами Алекс, но сразу притих — они поднимались по ступеням Главного управления и всюду слонялись его сотрудники. «Еще отправят на медицинскую комиссию», — подумал Алекс, перехватывая взгляды коллег.

— Похитили? — задумался Фрэнки, — значит, мне не показалось и это все таки было похищение? Ну тогда это объясняет странное поведение сотрудников Отдела Отделов..., - задумался он о чем-то своем и тут же добавил, — Анна где-то на Земле... надеюсь, она вскоре доберется до своего тела и проснется.

Они прошли по коридору со строительным мусором и зашли в большой зал Отдела Главного управления, в котором было пусто. На часах было полчетвертого.

— А где все? — Алекс посмотрел вокруг — в зале стояла тишина. Через стену кипит

рабочий процесс, а здесь никого. Даже музыка не играла.

Алекс подошел к своим вещам, которые так и не разобрал, и нашел зарядное устройство.

— Даже боюсь его включать, — сказал он, указывая на отключенный телефон. —

Почему теперь ты красного цвета? — добавил он, рассматривая новый оттенок эмоции.

— А почему ты теперь выглядишь как высохший труп? — съязвил Фрэнки, отмечая не свойственную Алексу бледность и темные круги под глазами.

— Ты не боишься заявляться сюда? — спросила Энти, — Отдел знает, что это ты.

— И как, интересно, они это узнали? — ехидно спросил Фрэнки, — не с твоей ли помощью?

Энти развела руками.

— Нет, эти лавры передавай Лонг Лонгу. Его убила какая-то эмоция...

— Это был я...

— Что? — Алекс и Энти одновременно уставились на Фрэнки.

— Я убил Лонг Лонга. Так получилось...

— Поверить не могу! — воскликнула Энти.

— А я уже могу! — сказал Алекс, включая телефон и что-то напевая.

— Да брось, ты никогда не любила сражателей, — сказал Фрэнки под одобрительные кивки Алекса, — зато Отдел должен был явиться на место преступления и защитить вас, — кивнул он Алексу, — от Меланхолии.

— И чем ты руководствовался?! Небольшое изучение кабинета Лонг Лонга и они поняли, кто перед ними! — сказала Энти, — ты этого добивался?

Фрэнки развел руками:

— Я собирался убрать портрет Мары. Но совсем забыл о нем..., - сказал он с досадой, стукая себя по голове, — я надеялся, что они заберут свою Меланхолию... или схватят ту, если это не другая Ама... Я же не мог лично им позвонить!

— Портрет Мара оценила и даже забрала с собой..., - заметил с улыбкой Алекс и тут же погрузился — в телефон посыпалось кучу голосовых сообщений от Мары. — Упс..., - на лице появилась угрюмая гримаса.

— Это бы все равно не помогло, — сказала Энти. — Твой Лонг Лонг писал книгу! КНИГУ! О сражателях... Видимо, он считал, что пароль на ноутбуке остановит Отдел! Там он подробно описал как встретил в хранилище Хромого сражателя, то есть тебя! Как вы упрятали Меланхолию в темницы и даже упомянул бестолковую эмоцию, из-за которой чуть не нарушились все планы.

— И этой эмоцией была ты...

— Да... Отдел, в отличие от сражателей, сразу понял, что это была за эмоция... Меня вызвали на допрос. Уператься было бессмысленно. Я до последнего покрывала тебя, хоть ты этого и не был достоин! — сказала она Фрэнки, — но им не составило труда вскоре понять, что той эмоцией Равнодушия в Управлении был ты.

— Ты ужасен! — сказал Алекс Фрэнки, а затем повернулся к Энти, — и что теперь? Тебе грозит Нижний уровень за укрывательство преступника?

— Ну... пока ты жив... я буду здесь с тобой... там как знать, как знать..., - ответила эмоция.

— О Энти... я обещаю, что никогда не умру... я не отдам тебя им! — Алекс бросился к Энти с объятиями.

— Ну, ну, — похлопала она его по спине.

— Когда они пошли по твоему следу, — продолжила она, глядя на Фрэнки, — то узнали, что тебя поймала полицейский патруль Нижнего уровня, провели местный суд и отправили на исправительные работы. Но куда — никто не знал. Якобы пришла липовая бумага с назначением в один из отделов. И ты снова исчез.

— Почему нельзя было просто поискать его, пройдясь по отделам? — спросил Алекс.

— Хах, — одновременно усмехнулись Фрэнки и Энти, — их десятки тысяч! Этих отделов! Ты даже не представляешь, какая там, — они указала наверх, — бюрократия...

— Я слышал историю, что одна душа потеряла в одном отделе другую душу и до сих пор ищет ее, блуждая по отделам отделов, — сказал Фрэнки.

«Где ты?», «Где, черт возьми, тебя носит?», «Я найду и убью тебя!», «Твоя душа будет подвержена вечному страданию!»

На Алекса обрушились голосовые сообщения от Мары.

— Так зачем ты здесь? — спросила Энти, обращаясь к Фрэнки.

— Просить помощи Отдел, — ответил он.

— С чего им тебе помогать?

— Не мне, опасность грозит привратнику..., - сказал он.

— Кому? — одновременно сказали Алекс и Энти.

— Моей дочери, — из-под пола, в том месте, где была кладовка, вылезла голова Георгия, — моя дочь — уникальная душа — привратник.

— Что вы там делали? — Алекс подбежал к Георгию и помог ему вылезти, протягивая руку.

— Искал это..., - он вытащил завернутый в старую грязную тряпку ключ, узнаешь? — подмигнул он Энти, — вытащил его из вещдоков.

Повернув голову в сторону Фрэнки, он добавил:

— Привет, Эния. Надеюсь, ты знаешь, где душа моей дочери?

— Они должны быть в городе С., на Земле. Я направил их к вам, — сказал Фрэнки и вдруг застыл, прислушиваясь к своим ощущениям.

— Анна просыпается, — сказал он, — я должен спешить... Встретимся в больнице! — и с этими словами он прыгнул в тень.

Алекс с удивлением проводил его. Он уже мысленно посчитал, что в лучшем случае, они окажутся в городе С., через шесть часов. И то, если будут билеты на ближайший поезд.

— Но где все? — спросил Алекс, глядя по сторонам.

Георгий оперся на свой стол и понажимав по клавиатуре, указал Алексу на странныедвигающиеся рисунки на экране, напоминающие синоптическую карту погоды.

— Отдел по контролю эмоционального состояния планеты заподозрил странную эоактивность, сдвигающуюся к вашему городу С. Пару часов назад они стали усиливаться и весь Отдел направился изучать это явление, — сказал он.

— Ничего не понимаю, — сказал Алекс, рассматривая рисунки.

— Представь себе прогноз погоды, передают грозовой фронт и шквалистый ветер. Вот только вместо дождя и ветра — Ярость и Отчаяние. Либо нас там ждут десятки негативных эмоций... либо... существа уровня Меланхолии.

— Существа? — Алекс переглянулся с Энти, — хотите сказать, что их там несколько?

Георгий развел руками:

— Не знаю. Такие сильные эо-состояния я наблюдал только во время крупных войн... Так что, либо в вашем городе внезапно началась война... либо...

— Армия Меланхолий? — спросила Энти.

Алекс почувствовал дрожь в коленях и понял — Энти напугана.

— Но откуда им взяться? — спросила она.

Георгий пожал плечами и протерев ключ о свою рубашку, протянул его Алексу.

— Надо отправляться в больницу к Анне. Мне нужны ее координаты, — сказал он.

Алекс, не обращая внимание на ключ, стал тыкать в телефон, набирая название больницы.

— Нет, нет, — остановил его Георгий, суя ему в руки ключ. — Возьми ключ и представь это место. Максимально четко, словно оно стоит перед тобой. Чем больше деталей ты воспроизведешь, тем лучше работает дверь. Вспомни все — запахи, звуки, цвета, обстановка...

— Это и есть тот самый ключ Гекаты, — пояснила Энти, — один из трех.

Город С.

Я открыла глаза. Все тело ныло и отказывалось слушаться. С трудом я подняла одну руку. Потом вторую, привстала и села. Во рту пересохло, губы потрескались и при каждом движении отдавались болью. Я попыталась встать, но голова закружилась, и я рухнула обратно на кровать. Так я пролежала некоторое время, глядя на потолок. Где-то там осталась брошенная Кристина, где-то там бедный Фрэнки сражается ... стоп. Он же говорил со мной. Я встала. Значит, он был здесь? Вдруг по стене мелькнула чья-то тень.

— Фрэнки? — прохрипела я, — это ты?

Рядом колыхнулась занавеска.

— Фрэнки..., - жалобно прошипела я, — выходи, хватит придуриваться...

И тут в форточку влетело щупальце.

От неожиданности я свалилась с кровати и поползла в сторону занавесок, пытаюсь подняться. Мне совсем не хотелось досматривать другие части тела этой твари. Преодолев несколько ширм со спящими пациентами, я попала в длинный больничный коридор. И остановилась.

В конце коридора, прямо у окна, стояло еще одно чудовище. Очертаниями оно походило на Королеву Депрессию — такое же тонкое вытянутое туловище, длинные когтистые руки, вот только вместо множественных щупалец был один мощный хвост. Морда этого существа точно сошла с экранов современных ужастиков: огромный вытянутый рот, наполненный острыми зубами, кроваво-красные глаза в черных впадинах, на голове, подобно Депрессии, были наросты, только эти более толстые и длинные, больше напоминающие рога быка. Сбоку раздался шум. Повернувшись, я увидела длинные щупальца, выползающие из-за ширмы, а следом появилась она — Королева Депрессия. Да чтоб вас!

Я услышала чей-то крик и не сразу поняла, что он был мой собственный! Подбежав к единственному выходу — лестничным пролетам, я продолжала кричать, привлекая к себе не нужное внимание. Мимо проходящий мужчина в белом халате не смог спокойно пройти мимо орущей пациентки и схватил меня.

— Успокойтесь, девушка! Что вы кричите! — говорит он, пытаюсь удержать меня.

Я активно вырывалась, но он крепко держит меня.

— Врача! Вызовите врача! Срочно! — кричит он. А я уже вижу спускающиеся щупальца и со всей силы кусаю медработника в руку.

— Она укусила меня! — Слышу я крик позади.

Оказывается, это фраза предназначалась человеку, что ловит меня в дверях, скорее всего это врач.

— Психоз! Болезнь дала осложнения на нервную систему, вколите ей успокоительное! Скорее! — говорит его голос.

— Нет! Нет! — я пытаюсь вырваться, — там чудовища, они пришли за мной! Отпустите! — по моим глазам катятся слезы.

— Прошу..., - я вижу лицо врача. Добрый дяденька смотрит на меня взглядом полного сочувствия. Они думают, я сумасшедшая. Сейчас мне воткнут шприц, и я стану легкой добычей для этой твари. Или для другой твари. Как они, интересно, меня будут делить. Появляется медбрат с уколком, за его спиной я вижу другого. Кричу и снова пытаюсь вырваться. Но у меня больше не осталось сил. Я обреченно смотрю на медицинских работников и вижу, как лицо одного из них искажается: его брови хмурятся, а нос вздувается. Он вгоняет заготовленный шприц в шею доктора: «почему вы постоянно на меня орете?!», — кричит он. Доктор издает вопль, хватаясь за шею и отпускает меня. Я падаю на пол и начинаю ползти в коридор.

— Почему так одиноко? — кричит какая-то женщина, поднимаясь по лестнице.

— Мне страшно, — шепчет медбрат, только что уколотивший врача. Он сползает по стеночке и начинает плакать, врач бьется об стену...

Я оглядываюсь — за мной тянутся щупальца.

— Нет, нет, — я пытаюсь ускориться, но словно во сне, я не могу бежать, — не прикасайтесь ко мне, — говорю я щупальцам. Я бью по соседним дверям — но все они закрыты. Впереди глухая стена.

Я достигаю стены. Дальше тупик.

Не трогайте меня... я не хочу снова туда... в то холодное озеро... в ту жизнь, где не было Фрэнки... Я вижу щупальца Королевы Депрессии. Они неестественно растягиваются и тянутся ко мне... я закрываю глаза и зажимаюсь... снова ...этот холод...

Я окунаюсь в холодное озеро... погружаюсь под лед и тону, идя ко дну...

Кто ждет меня там?

Снова та женщина. Такая же черноволосая, как и я... и очень красивая.

Она сидит передо мной на полу, облокотившись об стену, на лице размазанные черные тени, взлохмаченные грязные волосы. Рядом лежат недопитая бутылка, запечатанная пачка сигарет и таблетка от головной боли.

Она тянет руку ко мне, и я вижу обгрызенную кожу вокруг пальцев и обломанные, грязные ногти.

— Ну ты то хоть, милая, подойди ко мне... я же так люблю тебя, — говорит женщина. Она обращается ко мне? Нет. Я вижу рядом девочку. Маленького ребенка, что стоит напротив.

Женщина пытается дотянуться до нее — девочка протягивает руку в ответ. Внезапно девочка замирает. Я слышу злобное хихиканье и вижу, как из-под волос женщины появляются маленькие черные демоны.

У них мелкие заостренные зубы и острые когтистые лапы. Они бегут по ее голове, лицу, телу, руке, оставляя невидимые красные царапины. Один из демонов бежит по вытянутой руке женщины и когтистой лапой замахивается на ребенка.

Девочка в ужасе отдергивает руку и убегает.

— Нет, прошу, вернись!!! — кричит женщина, захлебываясь в рыданиях.

Но девочка боится тех демонов, что захватили ее мать. Я иду следом за ней. Она сидит в пустой комнате, подперев дверь собственным телом. Закрывает дверь, забивается под кровать... Я хочу обнять ее, пожалеть, но мои руки проходят сквозь нее... Так мы сидим какое-то время. Наконец, девочка встает и осторожно приоткрывает дверь. Тишина. Она проходит по коридору и заходит в комнату.

— Мама?

И натывается на ноги, висящие в воздухе.

Она хватается за них и тянет, тянет вниз, отчаянно зовя ее.

И снова слышит злобное хихиканье. Она поднимает глаза. Прямо на макушке вновь появляются знакомые черные силуэты. Завидев ребенка, демоны бросаются к ней. Девочка падает, ползет в сторону к двери, но демоны близко. Дорогу им преграждает маленькая желтая радость. Они нападают на нее, кусают ее. Рвут ее на части.

Девочка кричит, выбегает из комнаты, бежит в коридор, с трудом дотягивается до дверной ручки и выбегает наружу, бежит по улице и вновь слышит злобное хихиканье, раздающееся за ее спиной...

Я понимаю, что это я бегу. Я бегу. Удар. Я стучаюсь об неожиданную преграду и падаю на землю. Поднимаю глаза и вижу синее человекоподобное существо.

— Уйдите от нее..., она не та, кто вам нужен, — говорит это существо.

И мне кажется, что этот голос не в моей голове. Он — снаружи.

Я открываю глаза.

Передо мной стоит Фрэнки. В его руках что-то напоминающее меч. Рядом — отрубленное щупальце.

Мне казалось, Фрэнки был всегда...

Я забыла тот день, когда мы встретились.

Но я вспомнила. Вспомнила все.

В тот день, когда Королева Депрессия напала на нас, я вспомнила, как ты пришел ко мне. А теперь, я вспомнила, как ты появился в моей жизни. Как ты помог мне жить эту жизнь. Как ты накрыл меня теплым одеялом своего равнодушия и согревал своей безмятежностью. Как ты помогал преодолевать все трудности, все невзгоды и всю ту боль, что причинял мне этот мир:

Когда ровесники смеялись над моей поношенной одеждой.

Когда учителя игнорировали мои успехи.

Когда пришел отказ в колледж.

Когда меня предал любимый человек.

У меня был ты.

Своим равнодушием ты подавлял их злые эмоции, их гнев, их отвращение. Окружающие не понимали, почему в последний момент их губы в усмешке замирали, отказываясь произносить злые слова. Почему их руки опускались, так и не нанося удар. Почему при виде меня они боязно шарахались в сторону, решая оставить меня в покое. Даже самый ужасный гнев остерегался власти твоего равнодушия. Ты давал мне силы, оберегал меня и хранил мой сон от всех кошмаров, что пытались настичь меня.

А потом ты ушел. Я искала тебя в пустой квартире, но нашла лишь печаль.

— Она не тот, кто вам нужен. — повторяет Фрэнки. — Беги, Ая, — шепчет он мне, — я их задержу.

Я смотрю на его спину почему-то красного цвета и понимаю, что у меня нет сил бежать, нет сил двигаться.

— Отдай ее душу, и он пощадит тебя за твои старые заслуги, — слышу я знакомый голос. Я приподнимаюсь и вижу ухмыляющегося чертяку из зала ожидания. А раз я его вижу, значит он эмоция, оформленная под человека, носящего чертовский костюм. Рядом с ним, по обе стороны стоят они — Королева Депрессия и Двурогая... Король Ярость, — даю я название новому существу, чувствуя его гнев.

— Она не привратник, — говорит Фрэнки сотруднику Отдела Отделов, — Дай нам спокойно уйти. Изуса! — добавляет он.

Изуса. Не помню, чтобы чертяку так звали...

— Ты узнал меня..., -загадочно отвечает парень-чертяка.

— Я всегда узнаю твою самодовольную ухмылку... Но как? Как ты стал эмоцией? Киарин сказал, что тебя сожрала Ама!

— Как и тебя, Эния, как и тебя... как и меня, как и десятки других сражателей, что теперь работают на благо этого чертова Управления! Иронично, не правда ли?

Так что отдай эту душу нам и переходи на нашу сторону, Эния! Мы вместе сотрем с лица... этого мира весь Верхний уровень с его богами! — с этими словами он делает шаг вперед.

Фрэнки неожиданно разворачивается ко мне. Хватая меня за шкуру, он кидает меня в распахнутую дверь лестничного коридора.

— Беги, Ая! — кричит он, вставая в проход и преграждая им путь.

Я падаю на пол, ударяясь головой об перила. Мой мозг не успевает сообразить, а ноги уже мчатся вниз по лестнице. Что-то хватает меня за ногу, и я падаю, больно ударяясь об потертые, с выцветшей краской, ступени. Перевернувшись на спину, я вижу Королеву Депрессию, нависшую надо мной. Мою голову пронзает острая боль и я слышу ее голос. Как завывающий ветер, как вой дикого зверя, ее голос разносится в моей голове и звучит отовсюду, каждым произнесенным словом режа меня изнутри.

«Как много спрятанной боли просится наружу... его уход разрушил твою броню... Их не удержать... Ты спустилась в Нижний уровень и призвала их... демонов, что скрывала там... Они проснулись и норовят выйти наружу... скоро они найдут тебя... и тогда я приду за тобой, Анна...»

— Тихо, тихо..., - слышу я мужской голос. Открываю глаза и вижу неизвестного мужчину, что прижимает меня к себе и слегка покачивает. За его спиной стоят Алекс и Энти и смотрят на меня.

— Алекс! — вырываюсь я из чужих объятий и понимаю, что мы стоим посреди центрального парка — небольшая поляна в тени деревьев. А совсем недалеко струится фонтан и бесцельно слоняются люди.

— Ты в порядке? — спрашивает Алекс и я вижу, что с ним что-то не так. Здоровый румянец исчез с побледневшего лица, на лбу прорезалось пару глубоких морщин, а под глазами глубокие впадины. И Энти как-то померкла, стала более не четкой, воздушной. Что они с вами делали, Алекс и Энти, в этом городе М.? Неужели большие города настолько

высасывают энергию из людей?

Немного поодаль я разглядываю по-прежнему красного Фрэнки, спорящего с еще одним неизвестным мне мужчиной. И подхожу к ним...

— Ты сказал, что Изуса мертв! Значит, ты обманул меня! — почти кричит Фрэнки на этого мужчину.

— Я сам видел, как Меланхолия сожрала его! — оправдывается дяденька, — может ты сам ошибся!

— Нет, это был он. И он был даэу, как и я..., - он молчит, — у нас один создатель! Филин! — бьет он своим кулаком по ладони.

— Кем бы он ни был, этот Филин: эмоцией, даэу. Он не бог творить с вами такое! — отвечает рядом стоящий мужчина, что прижимал меня к себе.

Но Фрэнки уже не слушает его — он заметил меня и спешит ко мне на встречу.

— Ая! Ты в порядке?

— Как мы здесь оказались? — спрашиваю я его, осматриваясь вокруг.

— Это любимое место моей дочери, — говорит один из мужчин, — первое что пришло на ум...

Его ответ не отвечает на мой вопрос.

— Это Георгий, мой коллега, — Алекс показал на мужчину, — он прибыл со мной и Энти из города М. А это Лонг Лонг, — указал он на дяденьку, что ругался с Фрэнки.

— Что? Лонг Лонг? Но вы же умерли..., - не поняла я.

— Тело мое мертво, но душа, как видишь, вполне жива... Что с тобой произошло, деточка? Когда Георгий нашел тебя, ты билась в конвульсиях и плакала...

Я с трудом вникаю в их слова. Оказалось, что на помощь Фрэнки почти одновременно подоспели Лонг Лонг в новом теле (где же он его взял?), и этот Георгий с Алексом и Энти, перенеся всех через какой-то портал с помощью... ключа? Королева Депрессия и Король Ярость отступили. Как и тот чертяка, со странным именем, из-за которого теперь ругались Лонг Лонг и Фрэнки.

Я рассказала им про слова Депрессии, что влезла мне в голову. Не думала, что она умеет говорить.

— Что за демоны... я не понимаю..., - сказала я, — может, это был просто кошмар?

Фрэнки многозначительно взглянул на Лонг Лонга.

— Что с ней? — спросил он.

— Черная сторона медали душевидцев, — ответил Лонг Лонг, — ты этого никогда не знал, потому что не обладал даром душевидения. Но не только сражатели использовали эмоции... Керы точно также пытались овладеть разумом душевидца, желая заполучив его разум и силу, встать на его место. Марионетка. Живой человек, с неподвластным ему разумом. Многие юные центрилы, вроде Алекса и Анны, заражались подобным паразитизмом еще до того, как мы находили их. Твари из Нижнего уровня тоже весьма охочи до подобных душ... Поэтому, я считал очень важным найти вас, пока вы были еще детьми..., - с этими словами он посмотрел на нас с Алексом. — Когда я встретил вас во взрослом возрасте, не сошедших с ума, ни очерневших, ни подвергшихся злему воздействию Нижнего уровня, я предположил, что вы работаете на Отдел. И не стремился вам помогать и, в тем более, раскрываться вам. Все эти годы Эния оберегал твой разум от воздействия негативных эмоций. Но они уже были в тебе, — Лонг Лонг ткнул меня прямо в живот, — внутри, похороненные в Нижнем уровне... его уход дал трещину... и теперь, они просятся наружу.

— И что с этим делать? — спросил Фрэнки.

— Это не от глистов избавиться, — Лонг Лонгу усмехнулся, — тут нет волшебной таблетки, — только здесь, — теперь он ткнул пальцем мне в голову, — ты сможешь их победить, подчинив себе. Если бы вас нашел я, я бы обучил вас этому: управлять своей волей, управлять своей эмоцией, сделать их своим оружием. Увы, Отдел не стремится обучать подобному, — покосился он на Георгия.

— Это, конечно, все очень интересно, но где моя дочь? — прервал его пафосные фразы Георгий.

— Анна, где Кристина? — переспросил Алекс.

Кристина?! Я совсем забыла про нее!

— В последний раз мы были недалеко от пустыря, где планировался новый район, не думаю, что она могла уйти далеко... - сказала я.

— Здесь слишком людно пользоваться ключом, я вызываю такси, — сказал Георгий, вытаскивая телефон.

Пока он звонил таксисту и своим коллегам, половина из которых находилась в больнице с телом Кристины, а вторая прочесывала город в поисках ее души, я узнала, что, оказывается, Алекс работает в городе М. на темных энтрилов, которых и остерегался Лонг Лонг, которого на самом деле убил Фрэнки, который искал Королеву Депрессию, которой на самом деле оказалась возлюбленная Фрэнки некая Эви, которая ищет душу привратника, которой оказалась Кристина, которую и охраняли темные энтрилы. Эти темные энтрилы обнаружили сильное скопление негативных эмоций в нашем городе и в срочном порядке отправились к нам через зеркальный портал, новой технологии мира Циаб, работающей по принципу ключа Гекаты, с помощью которого нас переместил в парк Георгий, который все это время ждал опоздавшего Алекса, который только что узнал, что его душа была похищена Фрэнком из хранилища темных энтрилов, вместе с душой Кристины по заданию некоего Филина, который внушил Фрэнки, что тот похищает душу свое возлюбленной Эви, которая на самом деле являлась душой — психопомпом. Фрэнки похитил душу, попутно спас Энти от другой Королевы Депрессии, Апат Меланхолии, которую он, она и Лонг Лонг, которого тогда звали Хубером — Киарином, запрятали в темнице титанов, месторасположение которой Фрэнки узнал от Эви, которая была дитем Богов, дарованном свыше. Но на самом деле это был коварный план Бога, чтобы забрать чистую душу ее ребенка и сожрать ее для обеспечения своего бессмертия, что очень не понравилось Фрэнки и сражателям и те, объединившись, убили бога, а Фрэнки стал сражателем, пока не встретил Мару и не присоединился к Отделу, пока не встретил Филина и не стал сам по себе, пока не спас Энти и не превратился в эмоцию Равнодушие, пока вновь не встретил Энти и они не стали парой, пока Энти не предложили следить за Алексом на земле, пока Фрэнки не узнав об этом, не разозлился и не отправился на Землю, став моей эмоцией, которую все это время и искала Королева Депрессия, проникая в разумы студентов и приводя их к самоубийству.

— Все понятно? — спросил Фрэнки.

Я не успела ответить, пытаясь осознать все выше сказанное.

— Мне не понятно! — подалась вперед Энти, — тогда почему ты стал ее эмоцией? — в ее голосе мне послышались слова не то осуждения, не то обиды. — Все это время, я думала, что Анна — это Эви! Только после нашей встречи в столовой бизнес центра, узнав, что Анна центрил, я поняла, что ошибалась, и она не та душа, что ты искал... Ты просто выбрал случайного человека? Я не понимаю!

Фрэнки посмотрел на нее и тяжело вздохнул. Боюсь, что, когда все закончится, он примет обет молчания.

— Я был зол на тебя, — сказал Фрэнки, глядя на Энти. — Но еще больше я был зол на себя. Меня больше разозлило не то, что ты скрыла предложение Отдела, а то, что мне до сих пор не давало это покоя... Когда я стал эмоцией, даже с печатями, мои воспоминания поникли, и я поверил, что смогу начать жизнь заново. Но первое же упоминание об Эви взбудоражило душу, вывело меня из равновесия, и я понял, что вновь и вновь стану искать ее... Я так устал от этого... вечного поиска... от этой бесконечной жизни... Я понял, как много проблем доставил ее душе и что действительно будет лучше, если я оставлю ее в покое... Но я не мог остановиться, это стало навязчивой идеей, лишившей меня сна и энергии. ... И я решил спуститься на землю...

— Потому что эмоции не могут находиться на земле без людей..., - закончила за него Энти, — ты хотел умереть?

Фрэнки не ответил ей.

— А потом я встретил тебя, — он обернулся и посмотрел на меня, — маленького ребенка, чью радость как кошку, раздирали бродячие псы Нижнего уровня... К тому времени я уже знал, как эмоции пожирают людей, делают его жизнь невыносимой. Это похоже на зуд. Он чешется, требует его расчесать. Но человек не может расчесать эмоции, и выносит это в мир, медленно убивая себя. В тот момент, я увидел твое будущее, Ая, увидел, как твоя душа становится подобно тем тварям, что завывают в вечности Нижнего уровня. И я понял, что могу помочь тебе. Могу совершить в этой жизни хоть что-то хорошее, прежде чем отправлюсь в свой конец вечности...

— А я считал тебя бессердечным, — сказал Алекс, вытирая скупую слезу.

— Такси приехало, — сказал Георгий.

— Долго ехать? — сказал Алекс, запрыгивая в машину.

— Надеюсь, не пять глав, — саркастично заметил Георгий.

И мы сели в машину, а Энти и Фрэнки прыгнули в тень. Надеюсь, они помирились.

Тинис, Древний Египет, 3275 лет до н. э.

Темной ночью, на окраине города, среди тесно расположенных маленьких глиняных домов, прямо из ничего, появился черный прямоугольник. Из него вышло двое путников, чьи лица и тела были прикрыты длинными плащами. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что свидетелем их перемещения была только одиноко бродячая кошка, они уверенно двинулись вперед, в конец улицы.

— Печать из острия показывает туда, — раздался женский голос, а следом, из-за плаща появилась рука, указав на одиноко стоявший домик, в конце узкой дорожки.

Остановившись у нужного дома, один из путников громко постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, толкнул ее. Дверь поддалась и открылась.

— Я чувствую ее, о да, энергия чистой души, — громко воскликнул мужской голос, едва они вошли внутрь.

Но тут же перед их взором возникла женщина, резко вставшая с соломенной кровати.

— Кто вы? Уходите! — закричала она, не понимая слов чужестранцев.

Но путники не обращали на нее никакого внимания. Их взгляды были прикованы к девочке, что испуганно глядела на непрошенных гостей.

— Чистая душа, ммм, — раздался голос из-под плаща. Но, прежде чем один из путников сделал шаг, женщина набросилась на них, поняв недобрые намерения пришедших.

— Беги, Мелия, беги! — закричала она.

Девочка выпрыгнула с кровати и побежала вглубь комнаты, где неожиданно исчезла, прыгнув в погреб.

— Нингирсу, за ней! Я разберусь! — закричала гостья, отбиваясь от атак разъяренной женщины, спасающей свое дитя.

— Филия! Филия! — отчаянно звала на помощь девочка. Она вылезла из погреба со стороны улицы и теперь бежала по внутреннему дворику, путаясь в разбросанных вокруг корзинах.

Споткнувшись об глиняный горшок, она упала. Мужчина в длинном плаще почти догнал ее. Но как только он протянул руки к девочке, желая схватить ее, что-то сбilo его с ног.

— Филия! — закричала девочка, — они напали на нас, на маму!

— Кто вы? Убирайтесь! — над Нингирсу навис парень, закрывший девочку своей спиной. Невысокий, худой и явно не обладающей большой силой. Но даже с таким человеком Нингирсу не мог предвидеть исход боя. Он поднялся, пытаясь восстановить сбившиеся дыхание — силы его были на исходе.

— Мне нужна ее душа, отдайте ее и я пощажу вас, — сказал Нингирсу, пытаясь придать себе грозный вид.

Но вместо этого юноша вытащил меч. Прямо из себя. Подняв руку, он стал тянуть из груди длинный кусок заостренного предмета.

«Мои глаза мне лгут... Ночь... а я устал...», — не верил увиденному Нингирсу.

Но меч был реален, и с ним юноша набросился на Нингирсу.

— Прячься! — успел крикнуть парень девочке и та, поднявшись, не обращая внимания на разбитые колени, побежала в глубь небольших построек.

Юноша оказался первоклассным бойцом. Нингирсу ничего не оставалось, как вытащить

жалкие остатки своей второй души и выставить ее как щит. Парень легко разрубил на куски выставленную душу и замахнулся мечом прямо на Нингирсу. Но неожиданно замер, а затем упав на землю, начал биться в предсмертных конвульсиях. Пару мгновений и он затих, уткнувшись лицом в песок. Из его спины торчало острие, а из раны текла маслянисто-желтая жидкость.

— Только не говори, что ты так долго сражалась с земной женщиной, Геката! — сказал мужчина, поднимаясь.

Геката, игнорируя эти глупые насмешки, подошла к парню и вынула острие из спины погибшего.

— Напомни отыскать эту душу в книге учета и уничтожить ее... Где девчонка? — сказала она, оглядываясь по сторонам.

— Сбежала, но не думаю, что она могла уйти далеко, пошли, найдем ее, — Нингирсу повернул в ту сторону, где совсем недавно скрылась чистая душа.

— Нет! — остановила его Геката, — светает... Нельзя, чтобы местные увидели нас. Это владения Осириса... И лучше ему не знать о нашем пребывании здесь...

— Но..., - хотел было не согласиться мужчина.

— Времени нет! Заберем мать...

— Но на это уйдет время! Я умираю! — Нингирсу даже похромал для большего эффекта.

— Перебьешься обычными душами..., зато завладев психопомпом, мы избавимся от этих унижительных происков навсегда...

Нингирсу хотел было снова не согласиться с идеей, казавшейся ему безумной, но промолчал. Они вернулись в дом, где вытащили душу из тела умирающей женщины и вскоре, вновь скрылись в невесть откуда взявшемся черном прямоугольнике.

Светало. К телу юноши, осторожно озираясь по сторонам, подбежала возвратившаяся девочка.

— Филия... Филия! — она перевернула тело лицом к себе, — прошу, очнись, — рыдала она, склонившись над ним.

— Прости, — вдруг раздался голос.

Девочка вздрогнула, но ее испуг сразу сменился радостью. Она обняла юношу.

— Ты жив! Ты жив!

— Да..., жив, — юноша приподнялся, касаясь рукой спины, — они думали, я человек... Люди бы умерли от такого удара...

— Где моя мама, Филия? — спросила Мелия. Филия взглянул в чистые голубые глаза девочки. Она знала, но боялась знать.

— Прости, Мелия... они забрали ее с собой... Они забрали ее душу...

Так они сидели рядом и плакали. Филия обнимал ребенка, пытаясь его утешить, но в эту ночь он совершил слишком много открытий и уже не мог предаваться горю. Его лицо искажилось под тяжестью знаний, что он обрел сегодня. И это знание он пронесет сквозь столетия, навсегда запомнив тот день, когда...

Он был Чувством. Но уколовшись острием Гекаты, он вспомнил...

Вспомнил, как был человеком...

Город С., где-то в полях.

«Найди отца... Отличный план Фрэнки! Лучше бы ты сказал — будь осторожна Крис, на каждом шагу есть вероятность провалиться в кромешную тьму и блуждать там целую вечность...», — рассуждала Крис, сидя на пригорке перед большим пустырем.

Когда-то здесь планировали строить новый район с больницей, школой и детским садом, но что-то пошло не так и теперь напоминаем этого были заброшенные недостроенные здания — жилой дом и стены больницы, видневшейся на горизонте и облюбованной местными подростками.

— Прекрасный вечер, не правда ли?

Душа Крис резко обернулась. Прямо перед ней стоял мужчина в белом халате.

— Вы видите меня? — удивилась она.

— Да, прекрасно вижу, — сказал он и улыбнулся. По — доброму. Такой старичок-добрячок.

— Но вы человек? — спросила Крис, разглядывая его белый халат.

— Сами посмотрите, — сказал он, раскинув руки и продолжая улыбаться.

Над карманом халата даже висела карточка с именем, но разобрать было сложно.

— Вы доктор? — продолжала уточнять Крис.

— Да, если точнее, ваш лечащий врач.

«Надеюсь, не из психбольницы? Это бы многое объяснило», — пронеслось в ее голове.

— Я сошла с ума, и вы сейчас в моей голове? Или я сейчас лежу в палате, а вы просто где-то рядом и говорите со мной? — предположила Крис, вспоминая опыт Анны.

Врач склонил голову на бок.

— Нет, ты и я, мы здесь, — он протянул ей руку, — а теперь пошли, пора возвращаться домой.

Кристина протянула ему руку и поднимаясь по насыпи, попыталась прочесть его имя на карточке, но ее взгляд зацепился за смешной значок на кармашке, карикатурно изображающий птицу.

— Сова..., - усмехнулась она, глядя на эту птичку с большими глазами.

— Не сова, а филин, — исправил он душу, — люблю этих птиц... весьма умные создания. Хотелось бы мне, чтобы это птица стала символом мудрости, но люди не верно истолковали мои рисунки и теперь это бремя незаслуженно несет сова, — сказал он, поправляя значок.

— Видимо, плохой из вас был художник, — пошутила Крис.

В ее голове снова возникла человекообразная птица — филин, борющаяся за звание самого умного на вечернем ток-шоу. «Снова. Филин». В памяти вспыхнул документ, что она видела на столе Цере из отдела кадров Отдела Отделов и слова, сказанные тетке-сигаре. Что-то там про поручения...

— Это вы..., - она отступила назад, — это вы хотели отправить нас в Нижний уровень?

— Не понимаю, о чем вы, — сказал он, но от Крис не утаился дьявольский блеск в его глазах.

— Что вам надо? — сказала она, отходя назад. Но доктор Филин даже и не думал гнаться за ней — он продолжал стоять на месте и мило улыбаться.

— Что мне надо? Твоя душа, конечно же, — сказал он и его улыбка неестественно растянулась до самых ушей. И в ту же секунду, из-за его спины вынырнули хваткие длинные щупальца.

— Хрен тебе! — крикнула Крис и резко развернувшись, бросилась бежать в сторону

пустыря.

«Где же эти тени, когда они так нужны?», — она была готова сигануть в любую, только бы избавиться от погони жутких щупалец. Но наступили сумерки и вокруг была сплошная серость... кроме того недостроенного здания... «Но успею ли я до него?», — пронеслось в её голове.

Неожиданно, за её спиной раздался пронзительный вопль и началась какая-то возня. Дикое любопытство заставило Крис обернуться. Она увидела, как чудовище с щупальцами лежит на земле и сражается с ... воздухом?

— Кристина! — вдруг раздался до боли знакомый голос. Она повернула голову и не поверила своим глазам: ее отец бежал к ней с другой стороны поля.

«Папочка! Я знала, что ты меня найдешь!», — мысленно ликовала она.

Машина еще не успела остановиться, как новое тело Лонг Лонга и Георгий выскочили из нее и поспешили в сторону поля.

— Эй, а кто будет платить?! — спросил таксист, когда Анна и Алекс тоже спешно покидали машину. Они переглянулись.

— Иди, я заплачу, — сказал Алекс и Анна направилась за Георгием и Лонг Лонгом.

Алекс, тем временем, потянулся к карманам своих штанов и осознал: кошелек по-прежнему ждал его в Главном управлении!

Еще не добежав до кустов, за которыми начинался пустырь, Анна услышала громкий вопль Георгия. Прибежав на крик, она увидела странную картину — мужчина изогнулся в спине, широко раскинув руки. А затем, что-то неведомое, промчалось мимо нее. Это явно была не эмоция, но что-то такой силы, что даже она, обычный центрил, почувствовала это.

Мимо пронесся Лонг Лонг, размахивая своим длинным мечом, а следом за ним бежал и сам Георгий.

Сощутив глаза, Анна пыталась разглядеть Кристину на поле, но увидела только тварь, отдаленно напоминающую Королеву Депрессию. Вся в клубках песка и пыли, она каталась по земле, сражаясь с невидимым противником.

С противоположной стороны пустыря, из-за зеленых зарослей, окружавшие местность, появились Энти и Фрэнки — в их руках, подобно Лонг Лонгу, тоже были мечи. Только у Энти он был длинный, изящный и фиолетовый, а у Фрэнки походил на обычную короткую палку с заостренным концом. Они бежали на помощь к Лонг Лонгу, уже вступившему в бой с непонятным существом.

Глядя на все происходящее, Анна чувствовала себя максимально бесполезной. Она ни могла ни выпустить из себя нечто, как сделал это Георгий, ни уж, в тем более, вытащить меч из груди. Нервно оглядываясь на кусты, ей оставалось лишь гадать, куда делся Алекс. «Может, у него там свой бой с таксистом?», — подумала она и уже хотела побежать к нему на встречу, как рядом грохнулось тело Лонг Лонга.

В это время к ней карабкалась Кристина.

— Помоги мне, — душа Крис протянула ей руку, поднимаясь по насыпи. Но Анна, смотря то вдаль, то назад, совершенно не замечала душу рядом с собой.

«Ну, конечно, обрела тело, значит теперь можно и не здороваться», — проворчала Крис, осознавая свою невидимость.

«Интересно, а куда делся врач?» — думала она, вставая рядом с Анной и глядя как её

отец лихо сражается с монстром. «А я и не знала, насколько мой папка крут», — Крис хотелось всем сказать, что это её отец, но вокруг была только Анна, да и та не слышала её.

И тут перед ними упал мужчина, показавшийся Кристине очень знакомым. Всмотревшись в него, она ахнула — «это же мой школьный учитель химии! Неужели днем он преподавал химию, а по ночам сражался с монстрами?».

— Помоги своей эмоции! — прохрипел учитель химии, приподнимаясь.

Анна кинулась к нему, помогая ему встать.

— Как? — прокричала она, глядя как это неизвестное существо лихо швыряет Фрэнки в разные стороны.

— Ты видела, как тот энтрил высвободил свою вторую душу, — сказал он, намекая на Георгия, — по такому принципу ты должна высвободить свои эмоции, те, о которых говорила Меланхолияяяя! — щупальце неестественно вытянулось вперед и вновь схватило психотерапевта. Анна пыталась удержать Лонг Лонга за руки. Но его рвануло с такой силой, что их с Анной понесло по холодной земле.

Неожиданно, что-то неведомое пролетело над ними и одним взмахом меча перерубило злосчастное щупальце. Анна подняла голову и увидела силуэт человека, ринувшегося вперед. А вслед за ним появилось еще несколько людей.

Выглядели они как случайные прохожие: парень-неряха в широкой футболке зеленого цвета, мужчина в офисном костюме и девушка в свитере и юбке. Замыкали эту странную процессию несколько эмоций, тащившие на себе металлические цепи.

Все вместе они набросились на чудовище, рубя щупальца и накидывая на него цепи.

Выплюнув кусочки земли, что попали в рот, Анна приподнялась и села. Все болело: на черных от земли колен проступали кровавые ссадины вперемешку с грязью, а локти и руки щипало от мелких порезов.

— Должен будешь, — раздался женский голос за ее спиной и вслед за этими словами чьи-то руки помогли ей встать. Это был Алекс, позади которого стояла неизвестная ей женщина, с чёрными уложенными волосами и в облегающем строгом платье.

— Прости, тот таксист взял меня в заложники, — сказал виновато Алекс.

— Угу..., - буркнула Анна, рассматривая рядом стоящую женщину, словно только что вышедшую из салона красоты. Анне вдруг стало неловко за свой внешний вид: больничная одежда с непонятными пятнами, не мытые волосы, по всему телу порезы и синяки.

Женщина же не обратила на Анну ни малейшего внимания и прошла вперед.

— Это моя начальница, Мара, — шепнул Алекс.

Вдвоем они помогли подняться Лонг Лонгу, жаловавшемуся на новое тело, и пошли следом, даже не замечая Кристину, что пряталась за спиной Анны.

— Да это же Мара-шмара! — прошептала Кристина, выглядывая из-за спины Анны.

— Что? Кто это сказал? — Мара круто развернулась и почти одним прыжком настигла Анну, схватив ту за плечо.

— Что ты сказала? — грозно сказала она, сверкая глазами.

— Эй, полегче! — Фрэнки подался вперед, заметил Анну и появившуюся Мару.

Но прежде, чем Анна и Алекс сообразили, что происходит, Крис вышла из-за спины Анны.

— Это я сказала. Простите. Моя мама вас так называла..., - сказала она, виновато поглядывая на отца. Но тот лишь слегка улыбнулся и сразу вернул себя непроницаемое лицо.

Взгляд Мары застыл на душе.

— Я просто не думала, что вы услышите меня..., - добавила Крис под улыбки сотрудников Отдела.

— Привратник... Отлично... Вот ты и нашлась... Надеюсь, в следующую нашу встречу отец научит тебя хорошим манерам! — Мара бросила на Георгия злобный взгляд и схватив Крис, грубо вытолкнув ее вперед под удивленные взгляды Анны и Алекса, ни видевших Кристину.

— Эй, эй, полегче, — возмутилась Крис.

— А ты... Эния..., - Мара остановилась возле красноватого Фрэнки, — ответишь за каждую минуту, что отдел потратил на твои поиски! Подумать только — скрываться все эти годы у нас под носом! Мы потратили много сил, чтобы вычислить тебя: изучили твою жизнь в Даэху, просмотрели все транзакции Даэху-Земля, и даже получили частички твоей новой души с последнего места работы, сопоставив следы оргона со следами эфира старой души! Совпадение на одну треть недостаточно, но мы то знаем, что это ты! И поверь, ты отработаешь все эти усилия сполна! Я лично прослежу за этим! — подвела итог Мара.

«У дамочки явно плохой день», — тихо шепнул Лонг Лонг себе под нос.

— А вы еще кто? — резко обернулась к нему Мара, отчего Крис тоже дернуло в сторону Лонг Лонга.

Лонг Лонг, пораженный тонкому слуху этой женщины, приосанился, встав в стойку.

— Я тот, кого вам не удалось победить. Последний сражатель! — торжественно произнес он, ничего не боясь.

— Лонг Лонг... это Лонг Лонг, — крикнул Георгий, испортив величественный для психотерапевта момент.

— Тот погибший психолог? Гм-гм, могли бы найти себе тело и посвежее, — сказала Мара, морща носик.

«Что? Погибший маньяк-психолог влез в тело моего учителя? Ну и мерзость!», — подумала про себя Кристина, высвобождаясь от захвата Мары. Та, на удивление, спокойно выпустила ее из рук.

«Стой здесь! — властно приказала Мара Кристине и стала спускаться еще ниже. Кристина возмущенно взглянула на отца.

«Что эта дамочка себе позволяет?», — прочитал на ее лице Георгий и знаком дал понять, что все хорошо.

Мара, тем временем, подошла к чудовищу и дотронулась до нее.

— Новорожденная Алат типа Отчаяние... Пока еще достаточно слаба, — сказала она.

— Слаба? Я бы поспорил! — саркастично усмехнулся «Шегги». Тварь, как будто, обиделась на комментарии Мары и стала активно подпрыгивать, пытаясь скинуть с себя оковы.

— Мы долго не протянем! — поддакнул Димитрий, державший цепи с другой стороны. Мара не обратила внимания на слова подчиненных.

— Думаешь, это и есть похищенные из хранилища Алат, — Мара обращалась к Георгию. Тот кивнул.

При этих словах Фрэнки обменялся с Лонг Лонгом недоумевающими взглядами. Уж кого, кого, а Алат они оттуда не вытаскивали!

— Но тогда, кто пробудил их..., - Мара с подозрением покосилась на шепчущихся между собой Лонг Лонга и Фрэнки, — полумертвый сражатель и новорожденная эмоция...

нет, точно нет!

— Это был врач из больницы... во всяком случае он так сказал, — сказала Крис, — и это он натравил на меня ту тварь, — указала она рукой на Аамат Отчаяние.

— Врач из больницы? Гм-гм...

— Филин! — подался Лонг Лонг, — он был сражателем, но потом...

— ...Разочаровался и пошел лечить людей? — Мара развела руками, — немыслимо...

Мы боремся с какими-то фриками... общите все вокруг! — приказала она. Но никто не дернулся с места.

— Ага. Сейчас! Только прикажем Аамат сидеть смирно! — сыронизировал «Шегги».

— Немыслимо! — закинула руки вверх Мара, — у нас сотни Отделов Отделов, когда как в моём Отделе не хватает и пары свободных рук! — она перевела взгляд на Энти и Алекса, — осмотрите периметр и все эти кусты! — приказала она им.

— Нет! — возразил Георгий, — это не безопасно!

— Я думаю, Алекс справится с полоумным врачом из больницы! — не согласилась с Мара.

— Я сам пойду! — Георгий отпустил цепь, но как только он ослабил хватку, чудовище стало вырываться, активно махая щупальцами.

— Все нормально! Пошли! — Алекс махнул Энти и они стали быстро подниматься по насыпи.

Анна дернулась за Алексом. Но он жестом остановил ее.

— Жди здесь, — шепнул он ей.

— Может, ты лучше их отправишь, — Дмитрий кивнул в сторону кустов, где стояли Лонг Лонг и Фрэнки.

— Гм-гм, нет, — Мара сложила руки перед собой. — Для них особая миссия. — ее глаза пробежались по Фрэнки и Лонг Лонгу и в ту секунду что-то невидимое схватило, заломив им руки.

— Что? Что? Выпустите! — пытались они вырваться, но невидимые души сотрудников службы Отлова, на которых так надеялся Дмитрий, крепко удерживали Лонг Лонга и Фрэнки.

— Именем Совета, вы арестованы! — сказала Мара, — И немедленно будете перенаправлены в тюрьмы Нижнего уровня!

— Уводите их, — отдала она приказ сотрудникам Отлова те, послушав ее, потащили души наверх, по насыпи.

— Нет, постойте. Нет! — Анна подбежала к Фрэнки, пытаясь схватить его за руку, но что-то невидимое отпихнуло ее.

— Прости, Ая, тебе лучше тоже уйти, иди домой и забудь всю эту историю... ты здесь точно ни при чем..., - сказал Фрэнки, оглядываясь на нее.

Мара проводила преступников взглядом:

— Я вызвала еще сотрудников Отлова, и полицию Нижнего уровня. Еще должен приехать Отдел радостных эмоций. Они притупят аффекты этих созданий.

«Неудивительно, что в мире много зла. Когда все добрые эмоции они держат при себе», — подумала Кристина, совершенно не понимающая, что происходит, а потому бурно представляющая радости и счастья в виде маленьких человечков в камуфляжной форме и стреляющих из пушек с котятками и сахарной ватой.

Поток фантазийной мысли приглушила Мара, схватившая ее за запястье.

— Я уведу привратника в безопасное место, а вы, — обратилась она к тем, кто удерживал Аман Отчаяние, — постарайтесь не умереть до прихода подкрепления...

— Никакой я не привратник, у меня вообще-то имя есть! И я не пойду никуда без папы! — завопила Кристина, пытаясь выдернуть руку. Но Мара крепко удерживала ее, бросая яростные взгляды на Георгия.

— Крис, пожалуйста, иди с ней, — обратился Георгий к дочери.

Мара уже вытащила свое зеркало-портал, как вдруг из-за кустов вылетел Алекс, и пролетев пару метров, упал на мягкую землю.

— Алекс, — только и успела выкрикнуть Анна. Следом за ним, из-за высокой травы, молниеносно повылезали щупальца, хватая всех вокруг. Вслед за щупальцами появилась Королева Депрессия.

Мара в спешке стала махать зеркалом, но его выбило из рук, а длинное сиреневое щупальце обвило ее хрупкое тело несколько раз.

Схваченные сотрудники Отдела больше не удерживали Аман Отчаяние и та, освободившись, переловила всех тех, кто пытался бежать.

Следом, в окружении разных душ, на пустыре появился невысокий маленький доктор, за спиной которого, подобно телохранилю, шагала огромная тварь, с одним, но очень длинным и мощным хвостом.

«Король Ярость», — мысленно прошептала Анна, вспоминая чудовище из больницы.

«Доктор из передачи» — ахнул Лонг Лонг, вспоминая новости из телевизора о знаменитом нейрохирурге.

— Филин! — яростно прокричал Фрэнки, стараясь высвободиться из оков.

Души, сопровождающие Филина, расступились перед доктором, давая ему пройти вперед и встали за его спиной полукругом. И Анна, видевшая только эмоции, и Кристина, видевшая только души, смогли разглядеть знакомые лица — все они были сотрудниками Отдела Отделов.

«Ладно, тетка-сигара. От нее точно добра не ждешь, но ты, Цере, нормальная же была тетка!», — думала Кристина, глядя на свою бывшую коллегу.

— Добрый вечер, — поприветствовал всех «врач», вставая перед пленными, — прошу меня извинить за столь невежливое вторжение. Но не переживайте, мы просто заберем привратника и уйдем.

— Ты не уйдешь так просто! — продолжал кричать Фрэнки, — ты заплатишь за свои делишки!

— Сражатели... не может быть! — ахнул Лонг Лонг, глядя на сотрудников Отдела Отделов.

Он, как и Фрэнки, сразу узнал ухмылку Изусы, стоявшего в образе чертяки. А затем стал изучать Печати остальных, что подобно теням, возвышались над каждой душой.

— Цере! Козеслав! Изуса! Что с вами? Почему вы на стороне врага?! — узнал Лонг Лонг некоторых сражателей.

— Врага? — расхохоталась Цере, — испокон веков нашими врагами были аннуаки! И как видишь, это ты оказался на их стороне!

— Это еще что за маскарад? Ваши друзья? — Мара перевела взгляд на Фрэнки и Лонг Лонга, не веря, что сборище офисных сотрудников во главе с врачом из местной поликлиники могли схватить их. Но те лишь выкрикивали слова угроз в адрес доктора. Тогда

Мара, сощуриив глаза, попыталась прочесть надписи на бейджах, что висели на душах:

— Отдел Отделов № 23675 категории А! Теперь понятно, где скрывали привратника...

Ну доберусь я до вас! — пригрозила она, двигая плечами.

— Я на стороне тех, кто не губит души! — тем временем ругался Лонг Лонг, — А Филин создал этих чудовищ, что пожирают сотни душ за раз! Он эмоция, что заставил вас пресмыкаться перед ним! Немыслимо!

— Сражатели? Вы же вроде закончились? — удивился Димитрий, вспоминая сегодняшний разговор в Управлении.

— Очеловеченная эмоция? — Мара с интересом взглянула на Филина.

— Да! Эмоция! Ведь так, Филин?! Я почерпнул эти догадки из твоего дневника, Изуса! — продолжал кричать Лонг Лонг, но увы, его слова не возымели на сражателей нужного эффекта.

Филин равнодушно взирал на извивающегося сражателя:

— Да, наверно неприятно видеть, как после долгого угнетения существ Даэу, сражатели повинуются моей воле... Вернее сказать, энергии... Вы правы, я действительно душа мира Даэу. Древнее чувство. Филия. Любовь. И нет, я не создавал этих Амаг, я лишь пробудил их..., - указал он рукой на Ярость, — и все благодаря вам...

— Но тогда кто твой носитель? — Мара стала вглядываться во все души, что окружали ее. Но никто не обладал подобной силой воли и энергией.

— Мелия! — ошарашенно воскликнул Лонг Лонг, сам пораженный той мысли, что пришла ему в голову, — та медсестра, что была с тобой! — Лонг Лонг тут же начал вертеть головой из стороны в сторону, но нигде не было и намек на ассистентку знаменитого доктора из передачи новостей, — где же она?

— В безопасности, конечно же. Она слишком ценна, чтобы принимать участие в охоте на привратника, — Филин кивнул и в ту же секунду Королева Депрессия подкинула душу Привратника и Крис, пролетел несколько метров, была поймана хвостом Короля Ярость.

— Вы что творите? — возмутилась она, но ее слова затерялись в общем потоке.

— Но какую цель ты преследуешь? — обратилась к Филину Мара, — ты понимаешь, какую угрозу душа Привратника несет для нашего мира?

— Привратник несет в себе только одну цель... Открытие врат! — блеснули глаза Филина, — душам пора домой!

— Откроешь врата и Источник найдет нас! И уничтожит! Не просто так мы скрывали душу привратника тысячи лет! — вскричала Мара.

Но ее крики тонули в проклятиях и угрозах, что выкрикивали Лонг Лонг и Фрэнки на заднем фоне:

— Мерзкий манипулятор, ты использовал нас, — орал Лонг Лонг.

— Я уничтожу тебя, сумасшедший ты старикан! — поддакивал ему Фрэнки.

Не поворачиваясь в их сторону, Филин занес руку вверх и щупальца обмотали Лонг Лонга и Фрэнки с головой — теперь оттуда доносились только приглушенные невнятные звуки.

— Так-то лучше, — сказал Филин, — тишина больше располагает к беседе...

— Зачем ты пробудил психопомпов? Их разум не будет вечно подчиняться вам! Рано или поздно, то, что питает их, иссякнет! — продолжала задавать вопросы Мара, — и они сожрут тебя и ту Мелию, кем бы она ни была!

— Не пытайтесь запугать меня! Они, — обвел Филин рукой своих Амаг, — мои воины,

чья мощь и сила вскоре покроет ваш мир! И тогда вы все..., - он взглянул на окружающих, — вы все станете даэху, а мы, — он обвел руками свое окружение, — людьми, что станут во главе нового мира!

— О чем они? — Димитрий вопросительно поглядывал на своих коллег, — вы понимаете, о чем они говорят?

Но Роза, «Шегги» и их эмоции лишь отрицательно махали головами.

— О, я вам объясню! — долетели слова Димитрия до ушей Филина. Он повернулся в сторону бледного парня и покосился на всех удерживаемых в щупальцах. — Я расскажу вам эту историю! Историю о людях, что не нуждались в даэху! И о даэху, что были людьми! Ведь так? — он вновь посмотрел на Мару, — ибо я вспомнил все! Вспомнил, как вы разрушили наш мир первых людей! Как вы уничтожили мою армию и судили меня! И после суда, где я уже был обречен, меня сожрала Амаг Меланхолия! Но вместо того, чтобы переродиться в новом мире, как и полагается тем, кто прошел через психопомпа, я стал чувством мира Даэху... Почему?

Они! Ваши боги! Запечатали душу Привратника, закрыв врата, что вели к Источнику! И души, вместо истинного возвращения, перерождались в иных мирах, что окружают вас... Все вы ... Даэху... Все вы были людьми. Как и я! — замолк он, ожидая ответной реакции.

И среди всех даэху, что удерживались щупальцами, прошла волна шепчущих голосов, недоумений и вопросов.

— Не слушайте его! — закричала Мара, — он лжет! Мы спасли всех вас от того зла, что есть Источник! Запечатав Привратника, мы...

Но Филин перебил ее. Он поднял обе руки вверх и щупальце, что удерживало Мару так сильно сжало ее, что рядом висевшие услышали как хрустнули ее кости.

— Молчи! Молчи, женщина! Не лги больше. Вы поработили одних существ в угоду другим. Вы целенаправленно ослабили нас, дабы мы не могли восстать вновь. Но мы спасем этот мир от угнетения! Я сделаю всех равными, и верну души в лоно Источника! — сказал он и замолк, жестом руки показывая Амаг Ярости следовать за ним.

— Острые Гекаты пробудило тебя, ведь так? — раздался голос Георгия и все взгляды обернулись к нему. — Незадолго до своей смерти, Геката говорила мне об убитой ею душе, которую она не смогла отыскать ни в книге учета, ни в озере Душ... Отправившись в поисках тебя на Землю, она вскоре погибла... Значит, это ты убил ее?

Филин немного поизучал неприметно висевшего на одном из щупалец Георгия и произнес:

— Она поплатилась за свои деяния, — спокойно сказал он, — ваш Совет принял хорошее решение, запрятав своих психопомпов подальше от голодных богов, что истосковались по Чистым душам... Но для Гекаты, владевший тайнами перерождений, не составило труда вычислить душу психопомпа. Она и Нингирсу ворвались в наш дом, желая завладеть чистой душой Мелии. Но на их пути встретился я. Благодаря огромной силе воли и энергии, что имела новорожденная душа, я очеловечился почти сразу, как пришел в жизнь Мелии.

Ранив меня своим острием, Геката пробудила во мне воспоминания о той жизни, где я был человеком. Но не таким как вы сейчас, — обратился он в сторону людских душ, а полноценным, неделимым! Эмоции, воля и разум — все три части моего сознания были во мне! В этих воспоминаниях я увидел войну, что шла между аннуаки и людьми. Я был полководцем на той войне и вел за собой легион. Победа была за нами, пока вы не

выпустили своих Амаг... Один на один я встал перед богом, раненый тем самым острием. И вскоре, судимый Советом...

Филин сделал паузу, глядя прямо перед собой в пустоту. С минуту он молчал, вновь и вновь погружаясь в пучину тех кроваво-багряных воспоминаний, что теперь словно кадры большого экрана мелькали перед ним. А фоном звучали стенания умирающих товарищей, предсмертные вопли, и крики ужаса от встречи с чудовищем.

— Вы будете уничтожены собственным оружием, — тихо сказал он.

— Значит, это вы создали сражателей? — еще раз подал голос Георгий, — навели их на аннунаки?

Филин сделал жест рукой, словно стряхнул с щеки невидимую слезу и вновь повернулся к Георгию.

— Нет. Эти лавры отданы нашему воину Изусе, — Филин кивнул чертяке, — он из перерождения в перерождение, сражался с керами и заблудшими душами, с помощью своих эмоций, что сами находили его. Как видите и некоторые эмоции не лишены кровожадности. Мы с Мелией лишь присоединились к ним, выдав меня за человека. Геката же сама пришла к нам руки, ища меня. Убив ее и заполучив острие, мы начали великую эпоху величия сражателей... И в первую очередь, было решено навестить Нингирсу, чтобы вернуть душу психопомпа...

Но, увы, Мелия была человеком, привязанной к телу, чьим свойством является дряхление и умирание... Я не видел смысла пребывать на земле без нее... И устроился работать в Верхний уровень Управления простым сотрудником архива..., - Филин сделал самодовольную гримасу, — я всегда говорил сражателям, что у меня сеть информаторов..., - он покачал головой. — Этим информатором был я! — с этими словами тело доктора Филина начало раздуваться и приобретать оранжевый оттенок и всего через пару минут перед ними стоял не человек, а Оранжевая сущность.

— Фу! — сказала Кристина, которая внезапно смогла увидеть очеловеченное чувство в своем истинном обличье.

Где-то сзади активно зашевелился Фрэнки.

— Именно я, сам, убирал имена сражателей из книги учета, я сам узнавал информацию о передвижениях богов..., - сказала Оранжевая сущность мерзким трескучим голосом. — да, порой, приходилось идти в отпуск, чтобы вновь присоединиться к Мелии на Земле и продолжать свою человеческую деятельность. Однако..., после того, как ты, Эния, выдал этим богам наши шалости, начались строжайшие проверки! Мне пришлось бежать на Землю, без возможности вернуться, присоединяясь к случайным людям. Да, было тяжело... Второстепенная роль, отсутствие воли и свободы выбора... Это подавляет... Я мечтал вновь возродиться человеком и продолжал поиски психопомпа...И ты, Эния, помогал мне в этом... твои сведения о ее жизнях помогли мне искать и ее рожденных детей — чистые души, что мы собирали с Мелией и потом питались ими, высасывая их энергию..., - Филин взглянул в обезумевшие глаза Фрэнки и с явным злорадством произнес. — Да-да, крошка Эдит была ребенком, что ты много лет воспитывал в другой жизни... Чистой душой, что принесла в мир Эви... как и многих других душ...

Заполучив жизнь, где мы пересекались с психопомпом, я пытался понять, как заставить ее вернуть меня домой? Как пробудить ее способности? Из твоих рассказов, я понял, что она уже была пробужденной Амаг, что защищала ваш город... Хоть ты сам этого и не понял..., - с этими словами Филин подошел к Фрэнки, туго стиснутого щупальцем, — я раскрою тебе

секрет. Не я создал Эви такой... Она уже была Амаат. Я говорил тебе об этом тогда, но ты глупец, которого прежде не видел мир, так и не понял этого! Дуальность! Психопомп приносит души в мир, когда он человек. И уносит души назад, когда он Амаат. Это двуликие души старого мира, внутри которых борющиеся противоположности — воля и разум против эмоции. Пробудившись однажды, они начинают проигрывать эту войну и разум их затуманивается навсегда...

Чтобы пробудить ее сущность, я вернул ей печать с воспоминаниями о той жизни в Месопотамии. Да, та самая печать, что ты так упорно искал. Не Изуса уничтожил ее, а Мелия нашла и принесла ее мне.

Увы, мозг Робера был слишком слаб и не выдержал нагрузки даже одной Печати. Это свело его с ума. Он убил себя. И предстал передо мной в образе Амаат...

Надеясь на встречу с Источником, я дал сожрать себя. Да — да. Подобно ученым, что заражали себя, проверяя действие антибиотиков, я не побоялся смерти, чтобы приблизиться к истине. Наступил ли мой конец вечности? Нет, ведь я стою здесь перед вами... К счастью, рядом была Мелия. Та самая дряхлая бабушка Робера и Эдит. Подпитанная чистыми душами, она усмирила Амаат, покорила своей воли...

Воля — вот ключ к управлению этими существами... Сильная воля подчинит любую эмоцию, даже Амаат...

Филин подошел поближе к Фрэнки и произнес так тихо, что только Фрэнки услышал его:

— Кстати, она узнала вас, Эния, и просила оставить вашу душу в покое. Мелия пообещала ей, что уничтожит все ваши печати. В обмен на это, Эви рассказала то, что увидела в момент предсмертного укола острием. Она рассказала о привратнике...

Вот как аннунаки создали Новый мир! Напав на человечество, они в первую очередь, запечатали Привратника — душу, о которой никто не знал... Душу, которая открывает врата к Источнику! Без нее Амаат не возвращает души в лоно Источника! Она перерабатывает их, оставляя себе частички этих душ, укрепляя, тем самым, свою мощь, а затем, выплевывает жалкие остатки души, отправляя ее в один из ближайших доступных миров... Циаб, Даэху, Земля... И потому я стою здесь перед вами, возрожденный вновь неоформленной эмоцией отвращения в мире Даэху, куда Мелия смогла направить мои печати... Но зато я приобрел новый облик и вновь устроился работать в Управление, в отдел канцелярии, где снова мог быть в курсе всех событий в мире богов. Ну кто будет подозревать милую неоформленную новорожденную эмоцию? Все бумаги, все документы о переводах, назначениях, хранениях — все проходило через меня, простого сотрудника канцелярии! — и Филин в образе Оранжевой сущности засмеялся стеклянным смехом. — И когда мы поняли, что все души, сожранные Амаат не исчезли, а переродились, то стали искать сожранные души сражателей, собирая их в один большой отдел. Так появился наш личный Отдел отделов. Пока ты, Киарин, пытался возродить сражателей на Земле, мы сделали это там, наверху, в тылу врага! — Филин даже не взглянул на Лонг Лонга, не отрываясь от своего рассказа. — Оставалось найти привратника... Эви подсказала нам путь в своих рисунках и нужно было лишь заманить туда всех вас. Это было легко. Сражателям я наплел байку о товарищах, тебе, Эния, легенду про Эви... И пока ты искал ее в хранилище, мы все это время держали ее душу в темницах титанов!

Когда ты принес мне душу привратника, я просто скормил тебя Эви, что уже потеряла свой разум, став Амаат Меланхолией... Кто же знал, что ты настолько глуп, что упустил душу

на пути к нам, принеся мне на замену обычную душу путешественника...

Чтобы понять, куда ты дел душу привратника, Мелии пришлось отыскать твою земную печать, а мне перенаправить ее в мир Даэху и ждать, пока она найдет тебя!

Но кто же знал, что вместо того, чтобы отпариваться на поиски Эви, указав нам путь к душе привратника, ты на долгие годы задержишься в Управлении!

Лишь годы спустя, мы узнали, что ты вновь на Земле. Мы не торопились, давая тебе время отыскать нужную душу, а затем направили по твоему следу Амаг Меланхолию, или Эви, как тебе удобно...

Испробовав твою душу однажды, ей бы не составило труда найти тебя. Требовалось лишь время — погружаясь в разумы душ, она искала тебя через знакомые ощущения и коллективное бессознательное. Долгие годы заточения ослабили ее, и я позволил ей закусить душами некоторых жителей города. Прошу извинить... Она выбирала самых ослабленных, истощенных... Впрочем, души без Источника все такие... Найдя тебя, она поспешила к нам с приятными новостями и мы тут же направились в ваш город. И здесь нас ждало сразу несколько сюрпризов. Ты, Эния, сопровождал одну душу, и Отдел, сопровождающий еще одну душу. Какая же из этих душ нам нужна? Мы решили не мелочиться и забрать обе, а когда узнали, что тебя поймали на Нижнем уровне, забрали в Отдел Отделов и тебя!

Да, задача была бы решена гораздо быстрее, узнай мы, что ты отдал душу привратника Киарину, но, увы, наша Печаль, что верно служила Мелии, упустила этот момент... Зато она навела нас на чистые души и души психопомпов, что Киарин украл из хранилища и беспечно выпускал на земле, даже не представляя их ценность... Подпитавшись чистыми душами, Мелия подчинила и пробудила этих молодых психопомпов, что теперь служат нам...

Филин замолчал и стал утягиваться, а его тело вновь начало приобретать человеческий вид. Став похожим на человека, он снял очки и протер их халатом, стирая оранжевую слизь и надевая их обратно.

— Прошу простить, что утомил вас моим долгим рассказом... Надеюсь, кому-нибудь из вас удастся выжить и рассказать историю моего триумфа! — он осмотрел их всех, словно выбирал кандидата на выживание.

— Ваша душа, — он посмотрел на Анну, качая головой, — обычная травматичная душа с небольшим центрированием. Ничего особенного.... Увы, тут я ошибся и просто потратил на вас много времени..., — он резко повернулся в сторону Алекса, — а у вас чувствуется необычная сила... в иной раз я бы обследовал это... но на сегодня я устал...

Он повернулся к Кристине:

— А вот вы истинный Привратник, что приведёт нас к Источнику, вернет нам силы наших душ и поразит этих недобогов!

Он отвернулся и махнув рукой, зашагал прочь, в сторону недостроенного здания. А Король Ярость, что своим единственным хвостом удерживал душу Кристины, поспешил за своим хозяином, дергая хвостом из стороны в сторону.

— Я вам что, игрушка какая-то! — возмутилась Кристина, ничего не понявшая из рассказа Филина. «Нет, я смотрю этот сериал не с середины, а с конца!», — думала она про себя, надеясь, что перед смертью кто-то объяснит ей все эти имена, упомянутые в истории.

В след за Филином попятнулись души сотрудников Отдела Отделов.

— Что ты намерен сделать с нами? — прокричала Мара им вслед.

— Ну вот зачем, а? — выругался Димитрий, — может, он и забыл бы про нас...

Филин даже не обернулся.

— Сожрите их! — махнул он рукой своим чудовищам.

Но не успела его рука опуститься вниз, как что-то мощное снесло Королеву Депрессию с ног, а вместе с ней и всех тех, кого она удерживала. Что-то тяжелое повалило ее на землю и начало рвать своими мощными когтями. В попытках защититься и отбиться от атаки, Королева Депрессия выпустила всех удерживаемых своими щупальцами.

Алекс, Фрэнки, Лонг Лонг, Георгий, «Шегги» и Анна упали на землю.

— Амаг..., - прошептал Георгий, поднимаясь с земли.

Недалеко от упавших, вцепившись друг в друга, как уличные кошки, кубарем катились по земле, две идентичные Королевы Депрессии, запуская друг в друга цепкие щупальца.

И тут яркий свет озарил пустошь: десятки ярких фонарей, стремительно неслись к земле. Это были яркие положительные эмоции, наконец-то идущие им на помощь.

В это время, Анна с трудом поднялась, ослепленная внезапным светом. Отвернувшись на темную сторону, она заметила силуэты Филина и Короля Ярости, спешащих в сторону недостроя. А следом за ними бежали Фрэнки и Георгий. Посмотрев вновь на светлую сторону, она обомлела — прямо перед ней стоял Анубис*, именно таким, каким его изображали картинки в книгах по греческой мифологии: с телом человека и головой собаки. Он стоял, скрестив руки на груди. Анна не сразу разглядела тяжелые цепи, связавшие его кисти рук подобно наручникам.

Тем временем, небесные фонари и сферы, спустившись на землю, материализовались в человекоподобные силуэты и набросились на Амаг Отчаяние, удерживающую остальных.

Среди спустившихся с неба была и Энти.

— Почему так долго? — спросила Мара, с досадой смотря на смятое платье.

Энти развела руками:

— Всем было интересно дослушать историю этого чудика! Начальник Отлова решил, что он мог рассказать что-то еще очень важное! Поэтому мы ждали окончания его монолога...

— Немыслимо! Пока вы там ждали, меня сузили на один размер! — выругалась Мара и тут же была сбита с ног Козлеподобным существом, вытаскивающим из себя сразу два меча.

Тем временем, Алекс подбежал к Анне.

— Смотри, — указал он взглядом в даль, на слабый свет в одном из окон полуразвалившегося здания, куад бежал Филин с Королем Яростью, — там горит свет.

Анна, с трудом переведя взгляд от Анубиса, посмотрела в указанную сторону.

— Это свет для тени. Ему нужна тень, чтобы скрыться в Нижнем уровне..., - догадалась она, вспоминая недавнее путешествие.

— Пошли, там, с другой стороны, пожарная лестница! Помешаем ему! — сказал Алекс, уводя за собой Анну.

Убегая, она обернулась: Анубис по-прежнему стоял в стороне, пока кто-то дрался с Амаг Отчаянием, кто-то бросился вдогонку за Филином, а кто-то схватился с сотрудниками Отдела Отделов, которые оказались душами сражателей. Но больше всего ее поразили две Королевы Депрессии, душившие друг друга.

— Откуда ты знаешь про лестницу? — крикнула она, с трудом догоняя Алекса.

— Ты что! Все дети города здесь лазали! У тебя что, не было детства?

— У меня не было друзей...

— Тогда пришло время это исправить, — улыбнулся Алекс, схватив ее за руку. — Не

отставай!

Тем временем, Королева Депрессия отбила атаку, ослабленной долгим заключением, Амаг Меланхолии, пронзив ее своими щупальцами насквозь. И засемила вслед за Филином. Это не укрылось от глаз Лонг Лонга, сражающегося с Амаг Отчаянием. К нему на помощь подоспели сотрудники Отлова и несколько ярких сфер положительных эмоций.

«Они справятся без меня», — решил он и побежал в сторону недостроя. Но дороге ему преградил Изуса в образе чертяки.

— Куда собрался, Киарин? — сказал он, вытаскивая оргонный меч.

— Я не знаю, что они с тобой сделали, но походу помимо тела ты лишился и части мозгов, раз встаёшь на моем пути! — заревел Лонг Лонг и бросился в бой.

«Пора выяснить, кто из нас заслуживал звание великого», — думал Лонг Лонг. Но выяснить это ему не удалось — неожиданно рядом с ним встала Энти.

— Бегите к ним, — указала она на здание. — Им нужна ваша помощь. Я справлюсь, — сказала она. Лонг Лонга не пришлось долго уговаривать — он кивнул ей и помчался к зданию.

Изуса хотел отправиться за ним, но Энти преградила ему путь.

— Сколько столетий прошло с тех пор, как вы подчинили меня своей воли... Если я и мечтала о чем-то, то как вонзаю нож вам в горло! — сказала Энти, мысленно радуясь, что Алекс не слышит этих слов.

Тем временем, Филин вбежал в холл недостроенного здания, но на входе его настиг Георгий, накинувшийся на Амаг Ярость.

Той пришлось выпустить его дочь из хвостатых объятий.

— Беги! — закричал ей Георгий.

Кристина, наконец, получив свободу, дернулась, готовая бежать в любую сторону, но выбор был невелик — с одной стороны стояли души деревьев из Отдела Отделов, с другой, отец сражался с Яростью, а с третьей — стоял этот мерзкий старикашка! Тогда она бросилась вверх, по полуразрушенной лестнице, а Филин ринулся за ней.

— Стой! — кричал он ей.

— Ага, так я и остановилась, — подумала про себя душа Кристины и увидела залезающего в окно Алекса. А следом за ним Анну.

— Эй, я с вами, — кинулась она к ним, но те, не видя ее, поспешили наверх, туда, где горел огонь. Кристина поспешила за ними, но вовремя успела затормозить: прямо перед ней зияла пропасть в Нижний уровень.

— Ах ты ж мерзкий старик! — поняла она план безумного доктора, — ты хотел утащить меня с собой в Нижний уровень!

— Попалась! — на другой стороне пропасти стояла душа ангелоподобного мужчины с дурацким нимбом, имя которого Крис даже не помнила.

— Как вы можете! — крикнула ему Кристина, — сначала врете мне, заставляя работать! А теперь..., - договорить она не успела. Ангелоподобный мужчина прыгнул вперед, желая поймать Кристину. Но неожиданно, проход в Нижний уровень исчез, а с ним и Архе (Кристина все-таки вспомнила, как его зовут). Алекс загасил последний факел. Помещение погрузилось в темноту, слабо освещаемое небесными сферами.

— Что теперь? — спросила Анна Алекса, не слыша радостных воплей Кристины

бегающих вокруг них в радостном танце.

— Надо уходить! — сказал Алекс, выкидывая факелы в окно, — мы тут не поможем! — он повел Анну к выходу.

Но там их встретил Филин.

— Вы! — смело выдвинулся вперед Алекс, — вы проиграли... Сдавайтесь!

— Мне не нужны ваши жизни, — сказал Филин, — просто отдайте мне привратника...

— Что? Крис, ты здесь? — Анна огляделась по сторонам.

— Да. Она здесь. И станет причиной ваших смертей, если не сдастся!

«Я же просто душа! Просто душа!» — с этой мыслью Кристина подбежала к окну, но сразу же отскочила от него — по стене, подобно пауку, быстро карабкалась Королева Депрессия. Ее длинные щупальца залетели сразу в несколько оконных проемов. Эта заметила и Анна.

— Депрессия здесь, — шепнула она Алексу. За спиной Филина послышались шаги и сдавленное дыхание. Обернувшись, доктор увидел в дверном проеме появившегося Фрэнки.

— О, Эния, ты как раз вовремя..., - сказал Филин, отходя к окнам, — я решил устроить вам свидание с Эви... Эви, дорогая..., - он обратился к появившейся в окне Депрессии, — ты же помнишь своего возлюбленного Фрэнки?

— Ты просто сошедший с ума безумец..., - устало произнес Фрэнки, — Голстберги были правы. Вечная жизнь — прямая дорога к сумасшествию... И я положу этому конец! — и с этими словами Фрэнки бросился на Филина, вытаскивая из груди меч. Но Филин оттолкнул его, как маленького ребенка.

— Воля, из которой черпается моя сила, в сотни, тысячи раз превышает..., - он с жалостью посмотрел на Анну, — то, что содержит ее душа. Убей их и захвати привратника, я устал играть в эти игры, — сказал он, обращаясь к Королеве Депрессии, — пора возвращаться.

Алекс пытался увернуться, таща за собой Анну, но цепкие щупальца Депрессии схватило их. Один взмах — и Алекс полетел в одну сторону, ударившись об бетонную стену, а Анна в другую, вылетев в окно.

Филин крепко схватил душу Кристины за руку.

— Папа! — закричала Крис, увидев, как ее отец вбежал в помещение.

— Да что ж такое! — поругался Филин, — проход! — скомандовал он Королеве Депрессии, и та ударила в стену, обрушив ее и обнажив лестничный пролет.

Филин потащил душу Кристины наверх.

— Разберись с ними! — крикнул он Королеве Депрессии, поднимаясь по лестнице.

Анна, вылетевшая в окно, успела зацепиться за бетонный выступ недостроенного окна, но обессиленному после комы телу не хватало сил, чтобы поднять себя и влезть обратно. С трудом приподнявшись, она увидела, как Фрэнки встал и пошел в сторону Королевы Депрессии, отбивающейся от Георгия.

— Фрэнки, помоги мне! Прощу! Помоги! — кричала Анна, из последних сил удерживая свое тело, руками царапая голый бетон.

Но Фрэнки как будто не слышал ее. Он, не спеша, шел в сторону ожидавшей его смерти. В углу Анна разглядела лежащего на полу Алекса.

— Алекс! Алекс! Фрэнки! Она же сожрет тебя! — кричала она, соскальзывая вниз ломая ногти и стирая пальцы.

Вдруг чьи-то сильные руки ухватили ее за шкурку и подняли наверх. Лонг Лонг.

— Ты молодец, — похвалил ее психотерапевт. За его спиной стояли подоспевшие сотрудники Отлова, тащившие за собой металлические цепи, подобно тем, что ранее удерживали Амаг Отчаяние. Они собирались закинуть эти цепи на Королеву Депрессию, но путь им преградил внезапно вставший между ними и Амаг Фрэнки. Размахивая мечом, он, совместно с щупальцами, раскидал сотрудников Отлова. Металлические путы упали на пол. Фрэнки переключился на Лонг Лонга.

— Хватит валяться! Помоги мне! — кричал Георгий, пытаясь разбудить Алекса, попутно отбиваясь от атак Депрессии. — Подайте, кто-нибудь цепь!

— Эй, малыш! Прекрати! Я не хочу тебя убивать! — говорил Лонг Лонг нападающему на него Фрэнки.

— Фрэнки! Что происходит? Почему он сражается с вами? — не понимала Анна, пытаясь растормошить Алекса.

— Депрессия влезла ему в мозг! Помоги ему, Анна! Он же твоя эмоция... а иначе мне придется его убить!

— Помочь, но как? Как? — кричала Анна, с ужасом наблюдая это сражение.

— Вспомни, что говорила Депрессия... Призови своего демона! Подпитай им эмоцию! ... Ты не даешь ему высвободить его силы, вашу злость!... Он слаб! И потому подвержен ее влиянию! — проговаривал отрывками Лонг Лонг, отмахиваясь от Фрэнки и отталкивая его от себя. В два счета он мог зарубить его, но что-то останавливало его — они прошли вместе такой путь!

— Какой демон? Я не понимаю... я не знаю..., - почти рыдала Анна.

Тем временем, Алекс начал приходить в себя. Депрессия не спешила всех убивать. Она как будто получала удовольствие, стравливая существ между собой — так, помимо Фрэнки, она загуманила разум сотруднику Отлова и тот накинудся на своих товарищей. Георгий лихо перебросил цепи Алексу.

— Лови! Надо накинуть на нее! — прокричал он.

— У каждого из нас, — продолжал громко вещать Лонг Лонг, уворачиваясь от удара, — есть эмоция, дающая нам энергию. Она с нами на земле! А есть потаённая, запрятанная в Нижнем уровне! И она питается нами! Она ослабляет вас обоих! Призови и подчини ее!

Ба-бах! Мимо в очередной раз пролетел Алекс.

— Нет! — Георгий с немыслимой скоростью бросился за ним, успев перехватить тело Алекса, спасая его от фатального столкновения со стеной.

Щупальца переключились на Анну и Лонг Лонга.

— Я чувствую ее... Анна..., - сказал он, взлетая вверх, — за что ты винишь себя?

— Что? — не поняла Анна, отмахиваясь от щупальца.

— Вина — твой демон, Анна. Вина! — кричал Лонг Лонг, подлетая к потолку.

Тем временем, на верхнем этаже вновь зажегся свет.

— Почему так медленно?! — выругался Филин на тетку-сигару. Та подняла с земли выброшенный факел и занесла его внутрь, попутно поджигая его от своей сигары.

— Там внизу идет сражение. — сухо ответила она, — мне еле удалось...

— Пошли, — Филин потащил Кристину в тень, не слушая объяснения тетки-сигары.

— Я не хочу снова в эти подземелья! — ругалась Крис, — отпусти меня, мерзкий старикан! — она вцепилась ему зубами в руку, отчего тот вскрикнул и выпустил её.

«Неужели снова наверх? — подумала она, взбегая по ступеням на верхний этаж, —

сколько же здесь этажей?»

— Папа! — на всякий случай прокричала она в пустоту, не зная, что в это время ее отец приводит в чувство Алекса.

— Охраняй свет! — приказал Филин тетке-сигаре и направился вслед за Кристиной.

«Снова я падаю в тёмные холодные воды. Снова тону, видя слабое свечение над своим лицом. Там, на поверхности. Я тяну руку... Нет, это слишком высоко. Мне не достать. Тогда я смотрю по сторонам — мимо меня проплывают, как киноплёнка, воспоминания из моей жизни...

Мама... Прости, что я боялась тебя. Я сделала тебе больно, и ты не справилась. Будь я смелее, ты была бы жива. Ну почему Фрэнки пришел ко мне, а не к тебе?

Папа... если бы мама не умерла по моей вине, ты бы не утонул в своей горе, ища поддержку в стакане.

Тётя... Если бы мои родители не покинули меня, ты бы не взвалила на свои юные плечи заботу обо мне и вся твоя жизнь сложилась бы иначе...

Если бы не я...

— Это не твоя вина... Анна..., - раздаётся голос, словно радио на поверхности моря.

Я вижу себя в тот день, когда пришла на прием к Лонг Лонгу. Мы сидим в его кабинете. Он уже не кажется мне зловещим типом.

— Кто навязал тебе эту вину, Анна? — спрашивает он меня, — отдай им ее обратно...

Отдай... Отдай...

Отдай... Его лицо искажается... в глазах горят демонические огни, а добрая улыбка превращается в неестественно вытянутую гримасу.

Все помещение выворачивается наизнанку, и мы оказываемся в Нижнем уровне. Здесь сыро, холодно и вечно дует ветер.

Вместо Лонг Лонга я вижу его. Маленького демона Вины. Он так похож на тех, что истязали мою мать. Он бежит ко мне, цепляясь за мои руки, царапает их, пытается удержать меня, повалить... Своими тонкими длинными когтями он рвет мне кожу везде, до куда дотягиваются его тонкие ручки — лицо, руки, грудь... Я пытаюсь отмахиваться, вырваться, но падаю, а он рвет мне волосы, кусает меня... Я кричу, пытаюсь скинуть его с себя...»

...Ммм, твои демоны пробудились...Самое время попробовать вас на вкус...

Фрэнки устало стоит, озираясь вокруг: везде лежат трупы храбрых воинов, защитников города. А за его спиной Эви, в руках которой завернутый в ткань, шевелящийся сверток. Он смотрит вперед. Там его последний враг — бог Нингирсу.

Эния поднимает меч. И оборачивается. Он знает, что бог сильнее его, что ему не победить... Но если есть ради кого, то можно всё... Только, позволь, в последний раз взглянуть на вас. Эви подходит к нему, протягивая сверток. Фрэнки заглядывает туда, но вместо младенца видит искаженное лицо Королевы Депрессии. Раздается крик. Фрэнки оборачивается. Кто? Кто кричит? Кому нужна помощь? Этот крик разносится ото всюду, давя на уши.

— Анна! Это Анна! — понимает он, — ей нужна помощь! Я нужен ей! — он начинает метаться из стороны в сторону. Но как выбраться отсюда?

— Анна? Кто такая Анна? — спрашивает Эви, — здесь никого нет, только ты, я, и наш малыш...

— Нет! Нет! — Фрэнки хватается за голову. Крик не кончается. — Это иллюзия!

Выпусти меня, Эви! Прошу!

— Ты променял меня на нее? Ты хочешь оставить меня здесь одну?

— Нет! Нет! Прошу! Я люблю тебя, Эви! Но я должен...

— Так докажи свою любовь!

Тяжелый взмах волевого меча рубит щупальце. Анна падает на землю. Из ее глаз льются слезы... а все тело покрыто черными полосами, словно кто-то прошелся по ней углем.

— Что-то пошло не так..., — шепчет Лонг Лонг, подползая к ней. Он с трудом высвободил и её, и себя. В теле этого учителя химии больше не осталось сил. — Прости, я забыл, какие вы слабые, центрилы... рано было тебе открывать путь к таким сильным эмоциям...

Он протянул руку и слегка дотронулся до Анны.

— Смотри на него, — показал он на обмякшего в щупальцах Фрэнки, — либо мы, либо она. Но он умрет, если ты не поможешь ему, не придашь ему сил, не высвободишь энергию...

— Но я не могу... я пыталась, — плачет Анна, не в силах даже приподняться.

— Помнишь тот день, во время консультации... я сказал, что за равнодушием может скрываться все что угодно... За твоим равнодушием скрывается Гнев... Равнодушия больше нет, есть Гнев... на всех тех, кто навязывали тебе вину... ты имеешь право злиться! Пробуди свой гнев!

— Но я не хочу... не могу... мне не на кого злиться, — едва слышно прошептала Анна.

— Как? А на него? — Лонг Лонг показал на ее эмоцию, — он бросил тебя, разрушил твой барьер, сделал тебя уязвимой... Разве тебя не злило, как он себя вел? Все время? Ты имеешь право злиться! На него! На эту Депрессию, что пришла в твой город! На меня, что прогнал тебя с консультации! На нас всех! Анна! Злость — это твоя сила!

— Вы правы, — прошептала она. — Я считала, что не должна. Не должна злиться... ведь...

— ... Чувство вины мешало тебе, — закончил за нее Лонг Лонг, — но теперь ты знаешь об этом...

«Все эти люди... Злые тётки из органов опеки. Одноклассники в нормальной одежде. Веселые студенты, поступившие в колледж. Счастливые семьи. Фрэнки! Печаль, что заняла его место. А теперь и Королева Депрессия, которая хочет забрать его у меня! Нет! Это моя эмоция! Нет! Нет! Нет!»

Фрэнки по-прежнему стоит в пустыне. Глаза уже привыкли к яркому солнцу. Криков Анны больше не слышно. Он смотрит вдаль, ища глазами выход. За его спиной стоит Эви.

— Это правда? — спрашивает она. В её руках больше нет свертка, — ты правда любишь меня?

Фрэнки обернулся и посмотрел на неё.

— Ты знаешь ответ, — сказал он.

— Но признайся... что где-то там, в глубине своей души, — Эви подошла к нему ближе и ткнула рукой ему прямо в грудь, — ты почувствовал долю облегчения, узнав, что моя душа уничтожена... Это дало тебе свободу...

— О чем ты, Эви, — он перехватил ее руку и прижал к сердцу, — я всегда любил тебя. Я всегда искал тебя. Я был готов на все ради тебя...

— И умереть?

— Что?

— Ты готов умереть ради меня?

Нет!

Это «нет» прозвучало в его голове словно из ниоткуда, словно всегда таилось там и ждало своего часа. Это «Нет» принадлежало Анне.

— Пожалуй, в другой раз, — и с этими словами Фрэнки высвободился от рук Эви и выхватив волевой меч, разрубил образ Эви, что стоял перед его взором.

Мгновение — и пустыня исчезла. Фрэнки упал и оказался на полу холодного недостроенного здания. Рядом валялся обрубок щупальца.

— Пора кончать с ней! — воскликнул Лонг Лонг, прыгая на Королеву Депрессию, вытаскивая из себя острие, — я припас для тебя не большой подарочек!

Королева Депрессия тоже наигралась. Не успев сожрать душу Фрэнки, она удовлетворилась парочкой сотрудников Отлова и перекусив, издала пронзительный вопль, вместе с которым из её пасти вырвался воздушный поток такой силы, что всех отбросило на пару метров.

Острие вылетело из рук Лонг Лонга и упало к ногам Фрэнки. Следом Королева Депрессия схватила сразу Георгия, Алекса и Лонг Лонга, потащив последнего напрямик в свою пасть.

Фрэнки подскочил и быстро схватив острие, бросил его в руки Лонг Лонга.

— Киарин! — крикнул он, подбрасывая острие.

— Есть! — воскликнул Лонг Лонг, поймав оружие, — не хотите ли немного воспоминаний? — произнес он, замахиваясь острием и вонзая его напрямик в голову Королевы Депрессии.

Первые секунды она замерла. Но затем раздался крик такой оглушительной силы, что у всех заложило уши. Все щупальца, освободив пленников, разом повернулись к ней самой, обхватив за голову и другие части тела.

— Бежим! Бежим! — Лонг Лонг начал махать руками, призывая всех убираться, — не известно, чем это кончиться.

Георгий, Алекс и выживший сотрудник Отлова бросились к лестничному пролету. Фрэнки с Лонг Лонгом побежали в противоположную сторону, где лежала Анна.

— Что это с ней? — испуганно прошептал Фрэнки, указывая на тонкие тени, что длинной черной лентой выходили из Анны.

Эти тени стали цепляться к Фрэнки, оставляя на нем черные следы.

— Эээ, мы тут случайно пробудили темные эмоции, пытаюсь спасти тебя, — виновато сказал Лонг Лонг, помогая Анне подняться. Вместе они поспешили к лестнице.

— И как теперь засунуть это в нее обратно! — успел выкрикнуть Фрэнки, прежде чем Королева Депрессия раздала еще несколько оглушительных криков, выплескивая из гортани мощные воздушные потоки такой силы, что Фрэнки, Анну и Лонг Лонга пришибло к стене.

— Не благодари за высвобождение твоего разума! — прокричал Лонг Лонг, глядя как Депрессия катается по полу, размахивая щупальцами вокруг, ломая стены и потолок. Фрэнки тоже смотрел на это и в глазах его была жалость.

— Эви, — прошептал он.

— Некогда проявлять сентиментальность, мы не знаем, что пробудили в ней! Наверх! Наверх! — Лонг Лонг оттащил Анну и потянул за собой эмоцию. Вместе они стали

подниматься вслед за товарищами на верхний этаж.

«Воспоминания... воспоминания... воспоминания... Обрывки мыслей, слов и сцен далекого прошлого...

Я дарую вам миссию, что понесете вы в этот мир.

Всегда выполняйте предначертанное. Круговорот душ должен происходить непрерывно.

Наш мир рухнул...

Аннуаки запечатали Привратника.

Страшный суд человечества...

Перерождение...

Никогда мы не вернемся к Источнику...

Теперь, это наш дом...

Это душа привратника. Запомни его. В этом наше спасение.

Перерождение.

Знойное солнце. Отец. Нину.

Твоя жизнь очень важна, Эви!

Ты создание Богов, наша опора и защита.

Расскажи мне еще раз ту сказку... как вы победили титанов и заперли их в темницах...

Какое моё предназначение? Ты хочешь, чтобы я стала богиней, как ты, папа?

Мы приносим жертву во имя наших отцов, и когда-нибудь, и ты принесешь ее...так требует наше племя, ты отплатишь нам своим рождением...

Обеспокоенные люди, что вас тревожит?

Они уже у главных ворот. Они пришли за вами.

Убийцы богов.

Эви, прошу тебя, пробудись. Спаси нас. Спаси своего отца. Спаси наш народ...

Но я не хочу больше быть чудовищем...

Ты не любишь меня? Что ты хочешь? Я сделаю все, ради тебя... Я отпущу тебя к людям... к народу, что ты можешь спасти...

Я хочу поиграть, я просто хочу играть...

Отражение в вазе из полированной бронзы. Не ребёнок. Но чудовище, что будет сниться ей в ночных кошмарах.

Она спускается вниз.

Сотни воинов стоят перед ней.

Они мертвы.

Она возвращается.

Ребенок. Такой же как она. Мальчик. Он поиграет со мной? Он не испугается? Я просто хочу жить.

Меня зовут Эви

Он смотрит на меня, не боясь.

Эния, — говорит он.

Лонг Лонг догнал Георгия, что побежал вслед за Филином.

— Оставайся с Анной! — кричит Фрэнки Алексу, с трудом опирающегося на стену.

— Как только получится, немедленно уходите! — добавляет Георгий далеко наверху.

Фрэнки бежит за ними.

— Ты поэтому стал эмоцией Анны? — спросил на ходу Лонг Лонг.

— О чем ты, — не понял Фрэнки.

— Единение! Ты говорил мне о чувстве, что вызывает душа психопомп... чувство единения... Когда ты встретил Анну, ты почувствовал ее вину... и это вас объединило!

— Не понимаю, о чем ты! — ответила эмоция.

— Все эти столетия ты чувствовал вину перед Эви... что не спас её тогда, что отдал острие Нингирсу, что...

— Я не просил вас о сеансах психотерапии! — прокричал Фрэнки и побежал вперед, обгоняя обессиленное тело учителя химии.

Кристина бегом поднялась на очередной этаж и поняв, что дальше только крыша, углубилась внутрь, прячась за стенами.

В помещение неторопливо вошел Филин.

— Раз два три четыре пять, я иду тебя искать... Выходи, Кристина... Я тебя не обижу...

«Ага, сейчас...», — подумала она, не замечая, как Филин вновь принял свою эмоциональную форму и растворившись, жидкой массой заскользил по стенам.

Кристина заткнула себе рот рукой, чтобы громкое дыхание не выдало ее.

Ей даже показалось, что она слышит учащенный звук своего сердцебиения, хотя душа не имела органов. На нос что-то капнуло. Кристина подняла голову вверх и увидела прозрачно-оранжевую слизь, обрушившуюся на нее с такой силой, что она едва успела выкрикнуть.

— Сюда! — четкий слух Георгия уловил едва слышимое кряхтение.

Они залетели на этаж и увидели гигантскую оранжевую слизь, уползающую на крышу. Внутри этой слизи, как жук в янтаре, была душа Кристины.

Помимо Кристины, в куске слизи плавал сотовый телефон.

— План Б! План Б! — кричала Оранжевая сущность, скрываясь наверху.

Фрэнки, подавляя рвотные позывы, вырвался вперед и уже начал подниматься по лестнице.

— Что еще за план Б? — задумался Лонг Лонг.

И вдруг в пустой оконный проем влетела Амаг Ярость, преградив путь наверх Георгию и Лонг Лонгу.

Фрэнки обернулся.

— Беги! Спаси мою дочь! Мы справимся! — прокричал Георгий. Но как только Фрэнки скрылся в конце лестницы, из другого окна вылезла Амаг Отчаяние.

— Какую выбираешь? — кисло улыбнулся Георгий Лонг Лонгу.

— Я выбираю план Б! — ответил Лонг Лонг, вытаскивая волевой меч.

— О чем ты? — не понял Георгий, призывая вторую душу.

Они ринулись в бой.

— Мелия! — воскликнул Филин, отбиваясь от щупалец, — где она?! Эмоция Филина зависит от носителя! Тогда, где же его хозяин?

Георгий начал догадываться о ходе мыслей Лонг Лонга.

— Больница! — сразу понял он, — так можно пробудить привратника... Через его смерть! Скорее! — он большим усилием воли откинул Амаг Ярость, схватил Лонг Лонга и прыгнул вниз, обратно на лестницу, попутно замахнувшись и с такой силой ударил по стене, что кирпичи обрушились, закрыв проход.

Выгадав себе пару минут, он достал ключ Гекаты и стал вспоминать очертания палаты, дабы открыть портал.

— Уводи детишек центрилов отсюда! — сказал Георгий, прыгая в образовавшуюся дверь.

— Нет, я лично должен увидеть Мелию! — сказал Лонг Лонг, прыгая следом.

Фрэнки забежал наверх, где увидел Оранжевую сущность, стоящую на краю здания. Он не видел Кристины, но понимал, что она где-то там.

— Отпусти ее! — сказал он.

Оранжевая сущность не ответила. Она смотрела вниз, где продолжался бой сражателей Отдела Отделов против Отдела темных энтрилов.

— Мы похожи с тобой! — сказала Оранжевая сущность, не глядя на Фрэнки, — Мы оба знаем, что потеряли... Мы оба помним, что значит быть человеком... Скажи, — Оранжевая сущность повернулась к нему, — скажи, разве не об этом ты мечтаешь? Снова получить физическое тело... Свободу?... Волну? — он покачал головой, — увы, ты смирился и подчинился. Но я нет!

— Таков наш конец вечности и другой нам уже не дано! — воскликнул Фрэнки, приближаясь к Оранжевой сущности.

— Да, таков был наш удел! Но я нашел способ изменить это! Я вернусь к Источнику и вновь приду на землю чистой душой. А затем меня настигнут мои Печати. Память вернется ко мне, сделав меня сверхчеловеком, построившим новый мир на руинах старого!

Из-под ног Оранжевой сущности появились щупальца — это Амаг Ярость и Амаг Отчаяние вскарабкались по стенам на крышу.

Фрэнки остановился, отступив назад.

— Отдай душу Кристины! — повторил он.

На удивление Оранжевая сущность согласилась.

— Забирай!

Фрэнки увидел, как из оранжево-прозрачной слизи выпал силуэт девушки, очерченной толстым слоем слизи.

«Фу, надеюсь, это отмоется», — подумала Крис, осматривая себя. Не видя Фрэнки, она побежала подальше от Филина, как вдруг остановилась — резкая боль пронзила все ее тело.

Неожиданно, внутри нее как будто зажгли лампочку: яркий свет озарил ее изнутри, освещая ее силуэт.

— Крис, уходим, — позвал ее Фрэнки, увидевшим душу Кристины.

Но вместо этого, душа Кристины широко раскинула руки и выгнулась в спине. Неожиданно, для самой себя, она стала подниматься вверх, а боль все сильнее распространяться по всему телу.

— Что происходит? — не понял Фрэнки. Он попытался схватить ее за руку, но та ускользнула от него.

— Она умирает, — засмеялась Оранжевая сущность, — таков один из способов пробуждения Привратника. Через смерть он откроет врата к Источнику! — он поднял руки наверх и громко закричал своим трескучим, как ветер голосом.

— Друзья мои, наш час настал! Врата открываются... И скоро мы отправимся домой!

Тем временем, изнутри Крис стали закручиваться вихри — сначала слабые, потом сильнее и еще сильнее.

От стен стали отваливаться плохо прикрепленные кирпичи и лететь в ее сторону, исчезая в медленно открывающейся воронке за ее спиной.

— Папа! Папа, ты где? — кричала Крис. — Мне больно, я задыхаюсь, папа! Спаси меня!

— Что там происходит? — Алекс с Анной остановились. Они слышали непонятные крики и постепенно усиливающийся свист ветра.

— Может, им нужна помощь? — Анна с Алексом переглянулись и не стовариваясь, стали подниматься наверх.

Тем временем, за спиной Кристины воронка продолжала увеличиваться, затягивая все вокруг.

— Не бойтесь, братья мои, верно служившие мне! — кричал Филин с крыши, обращаясь к своим помощникам. — Я обещаю. Там вас ждет истинный мир! Покоритесь этому зову! Первому настоящему зову в вашей жизни!

Первыми покорились стихии говорящие камни — обладающие малым весом они тут же подхватились ветром и унеслись в воронку.

И Изуса, все это время ведущий бой с Энти, опустил меч и развел руки, дабы покориться стихии. Но тут его точным ударом по голове огрела эмоция Энтузиазма и чертяка упал на землю, так и не покорившись стихии.

Оказавшись в больнице, Георгий и Лонг Лонг бросились в палату Кристины, где сразу заметили лежащие на полу тела невидимых агентов Отдела.

Они залетели в палату.

И увидели очаровательную женщину, стоявшую над Кристиной. Ту самую, что была ассистенткой знаменитого врача из новостей. Она даже не успела оглянуться, как Георгий сшиб её, откинув к стене.

— Она отключила систему питания! — догадался Лонг Лонг, — скорее, беги за врачами! Я справлюсь! — сказал он, дав кнопку вызова врача.

— Показатели падают... она умирает! — Георгий, не желая ждать, схватил ручки кровати и самолично покатил ее в реанимационную, попутно выкрикивая всех врачей больницы.

Тем временем, очаровательная врач поднялась, опираясь на стену. С её лба струйкой стекала кровь.

— Мелия, — прошипел Лонг Лонг, — я должен был сразу догадаться, как увидел твою рожу на экране!

Мелия улыбнулась, попутно вытаскивая из себя волевой меч.

— На твоём месте я бы уматывала подальше, и навсегда забыла игры в сражателей, как страшный сон! — сказала она своим томным низким голосом.

— Ты! Это все ты! — продолжал шипеть Лонг Лонг подобно кошке, готовой вцепиться в своего обидчика, — ты управляешь волей Аватар! И ты управляешь волей сражателей! Ты их всех подчинил своей воле!

— Именно, Киарин! Поэтому подумай хорошенько, прежде чем бросать мне вызов. Ты даже не представляешь, с чем имеешь дело... Мы не просто нашли психопомпов, что ты выпустил на волю, мы нашли чистые души, что они породили на свет... Несколько Чистых душ за раз... Моя воля сильнее, чем воля сотен сражателей!

— Однако, большая ее часть уходит на управление Амаг и сражателей..., - отрезал Лонг Лонг, — а потому, ты не сильнее, чем думаешь! Ты не сильнее, чем Великие!

— Великие лишь пешки. Например, Изуса... Он верил, что контролирует нас... Но это я управлял его действиями, давал наводки, укоренял нужные Филину мысли...

— Изуса не доверял тебе... уже тогда, в тот день, когда мы отправились в хранилище. Он уже тогда не доверял тебе! Он догадывался, что Филин эмоция... Ты обманывал нас, своих братьев... из-за тебя я чуть не убил свои эмоции... своих товарищей..., - Лонг Лонг и Мелия вцепились в свои мечи и медленно шагали вдоль друг друга, готовые в любой момент начать бой.

— О, в тебе проснулась сентиментальность... Может, тогда ты всплакнешь над убитой тобой Печалью, что верно служила мне все эти годы..., - с легкой обидой в голосе произнесла Мелия.

— Нет, я просто отправлю тебя её навестить! — выкрикнул Лонг Лонг и их мечи скрестились в бою.

В этот момент, в реанимационную уже сбегались врачи.

— Что происходит? — кричал кто-то

— Вы кто такой?

— Она умирает! Я её отец! Спасите её! — бросался ответами Георгий.

Лонг Лонг оказался прав. Много воли уходило у Мелии на управление и подчинение Амаг и сражателей даэжу, но даже так она легко давала отпор психотерапевту.

— Убьешь меня и Амаг станут неуправляемы! Они сожрут всех, кто там находится!

— Убью тебя и сражатели вразумляться и смогут отбить нападение! — не поддавался Лонг Лонг ее манипуляциям.

Гул ветра пронзали крики Кристины.

— Сопrotивляйся! Борись! — кричал ей Фрэнки, отчаянно пытаясь допрыгнуть до души Кристины.

— Что происходит? — Мара отвлеклась от боя с Козео и ему подобных и увидела, как душа Кристины воспарилась над зданием.

— Нет! Нет! — ее лицо исказила гримаса ужаса и Мара, сразу забыв про Козео, успевшего двинуть ей копытом по лицу, бросилась к стенам здания, теряя равновесие и падая, продолжая кричать.

— Нет! Нет! Нет! Это конец! Мы обречены! Нет! НЕЕЕЕЕТ!

Многие останавливались и заворуженно смотрели на открывающийся портал, затягивающий все подряд.

И чем ближе Мара подходила к зданию, тем сильнее затягивал ее ветер.

Димитрий подбежал к Маре и схватив ее, потянул назад.

— Успокойся! Отойди, ты не видишь, тебя затянет! — закричал он.

Но Мара не слышала его. Она отчаянно пыталась вырваться.

— Остановите ее! Не дайте вратам открыться! — кричала она. А ветер все усиливался, поднимая с земли песок, грязь и мелкие ветки.

Маленькая медсестра пыталась вывести крупного Георгия из реанимации.

— Пожалуйста, уйдите, вам здесь нельзя находиться! Я вызову полицию!

— Я сам из полиции, — брыкался Георгий, но несколько медбратьев подхватили его за локти и вывели из реанимационной.

— Разряд! — слышал он крики голоса, — маску!

Тело учителя химии не было предназначено для сражений с темными сущностями. Испытав все тяжести сражения с Филином и его Амаг, оно было истощено. И даже воля Лонг Лонга не могла ему помочь. Мелия, сосущая волю из чистых душ, подчинившая себе всех новоявленных сражателей и управляющая Амаг, по-прежнему была очень сильна. Она легко сбила Лонг Лонга с ног, загнав его в угол.

— Вы проиграли. Сражатели, как воины, ушли в прошлое. В новом мире для вас места нет, — с этими словами Мелия занесла меч...

— Я предлагаю тебе выбор, — сказала Оранжевая сущность, глядя на Фрэнки — Ты сильно помог мне на моем пути... Отправляйся к Источнику вместе с нами..., - Оранжевая сущность протянула ему слизкий силуэт руки.

— Не такой ценой! — прошипел Фрэнки. Решив, что до Кристины ему уже не допрыгнуть, он пытался добраться до Филина, но ветер мешал ему, — ты заплатишься, слышишь, за то, что ты сделал с Эви!

— Тогда... У меня нет иного выбора... Прощай..., - он хотел было поднять руки наверх, отдавая приказ своим чудовищам, но вдруг произошло невыносимое: чудовища Амаг издали громкие рычания и набросились на Оранжевую сущность, раздирая ее на кусочки.

— Что? Почему? Мелия?! — кричала Оранжевая сущность, пожираемая двумя Амаг одновременно.

Фрэнки стоял и не мог оторвать взгляда от жуткой картины: куски оранжевой сущности были повсюду.

Покончив с эмоцией, обе Амаг повернулись к Фрэнки. Только тогда он пришел в себя. Но отступить было поздно. Один прыжок и они точно также порвут его на части...

Мелия занесла волевой меч над головой Лонг Лонга и замерла. Из её сердца, с другой стороны, вылез оргонный меч и потек эфир.

Мелия упала на колени.

Лонг Лонг не поверил своим глазам. За спиной Мелии стояли Гнев и Эйфория, его эмоции.

Амаг прыгнули в сторону Фрэнки. И вдруг чьи — то щупальца вырвались из-за его спины. Два хватких сине-фиолетовых щупальца обхватили вокруг шеи, бросившихся на очередную жертву, Амаг. Фрэнки обернулся.

Он думал, что забыл ее. Забыл ее тот самый, первый образ, запах, глаза, волосы.

Но увидев ее, он вспомнил.

Вспомнил белоснежную кожу, не подверженную солнцу.

Эти небесно-голубые глаза.

Это развивающиеся по ветру золотистые волосы.

Перед ним стояла Эви такая, какой он видел ее пять тысяч лет тому назад. Только из-за

спины ее торчали шупальца.

Ветер усиливался.

Фрэнки замороженно глядел на нее, не в силах оторвать взгляд, как в голове его раздался голос.

Уходи... Спасай свою душу!

Он встретились взглядами, и она улыбнулась ему.

Уходи...Эния, — вновь раздался голос в его голове...

— Фрэнки! — послышалось за его спиной.

Он обернулся и увидел Алекса, державшегося за какой-то железный крюк одной рукой, а другой держал Анну, тянущую к нему руку.

Только теперь он почувствовал, как подобно зыбучим пескам, ветер затягивал его в расщелину, что увеличивалась за спиной Кристины.

— Уходим, Фрэнки..., - Анне удалось схватить свою эмоцию за руку и рвануть на себя. Алекс схватил их обоих и потащил внутрь.

Фрэнки в последний раз бросил взгляд на Эви. Но ее больше там не было. Вместо нее Королева Депрессия сражалась с Агат Ярости и Агат Отчаяния...

Ветер с силой затягивал все внутрь.

И все это под нескончаемые крики Мары, что с трудом удерживал Димитрий, привязавший себя к дереву.

— Держитесь! Не поддавайтесь силе ветра! — пытался перекричать он Мару. Энти, с трудом удерживая себя, удерживала и обмякшее тело Изусы.

«Ну уж нет, в этот раз тебе не избежать наказания!», — думала она, не отпуская его.

Противостояние Отделов закончилось, и многие сотрудники старались просто удержать себя, не отправившись в расщелину. Первыми улетели камни из Отдела Отделов, оставившие много синяков на теле Димитрия и «Шегги». Следом в расщелину улетела близко расположенная Агат Отчаяние. Потом Агат Ярость и последней Королева Депрессия.

Энти уже не могла удерживать себя. Сначала она выпустила тело Изусы, а затем сама, подробно и другим Даэху, не имеющим тела, полетела к расщелине.

— Разряд! Разряд!

Датчик запиликал.

Медсестра устало вздохнула.

— Жить будет, — устало сказал врач.

Георгий ворвался в палату.

— Вы! Вы! Спасибо! Вы даже не представляете, кого вы победили в этом сражении! — восхищался Георгий, пытаясь добраться до дочери.

— Смерть? — спросил один из врачей, не в силах даже выгнать этого мужчину из кабинета.

Вихревая воронка внезапно закрылась, Энти с Изусой и другими Даэху упали на землю. Душа Кристины начала медленно растворяться в воздухе и вскоре полностью исчезла.

— Надеюсь, ты вернулась домой, — подумала Энтузиазм, глядя в пустое небо.

— Вы живы! Вы живы! — бросился Лонг Лонг к своим эмоциям и впервые за все жизни, обнял их. Те стояли, недоумевающе поглядывая друг на друга, сжимаемые в его объятиях. Гнев аккуратно хлопнула его по плечу.

«Что это с ним», — мимикой лица спросила Гнев Эйфорию.

— Видимо, пока нас не было, к нему присоединилась сентиментальность, — тихо шепнула Эйфория.

Димитрий, наконец, выпустил Мару, которая обмякла и вновь легла на землю. Она лежала и тихо стонала, перебирая руками землю.

— Что с ней? Что это вообще было? — вокруг неё стали собираться выжившие эмоции и члены Отдела — все те, кто так или иначе смог воспротивиться силе ветра. Недалеко отдельной группой толпились выжившие сражатели, которые только теперь стали приходить в себя.

— Источник... теперь он найдет нас и уничтожит... мы проиграли! — стонала Мара.

Из разломленного окна недостроенного здания вылез Фрэнки, а следом за ним хромающий Алекс, помогший спуститься Анне. Все вместе они направились к небольшой толпе, собравшейся вокруг Мары.

— Алекс! — Энти, забыв про Изусу, радостно заключила своего человека в объятия.

— Теперь он придет сюда... Источник..., - продолжала приговаривать Мара.

— Что с ней? — спросил Алекс, освобождаясь от своей эмоции.

— Врата открылись и теперь Источник найдет нас, — сказала Роза, приобнимая Мару. Но увидев еще более озадаченные лица, она, оставив Мару на Димитрия, поднялась и поспешила с объяснениями:

— Источник — это то, где рождаются души, — сказала она. — Некое мифическое место, находящееся за пределами наших миров. Если верить легендам, души приходят и уходят оттуда через психопомпов. Но наши души никогда не возвращались назад... И причиной тому была запечатанная душа Кристины — Привратника, открывающие обратные врата к Источнику для психопомпа. И сегодня, как видите, некоторые души смогли вернуться домой...

— И теперь этот Источник придет сюда? За то, что ему не отдавали души? — уточнил Алекс. Почему-то ему совсем не было жаль Мару.

Роза пожала плечами.

— Как знать... В любом случае, Источнику потребуется время, чтобы найти нас.

— И сколько? — спросил кто-то из толпы под впечатлением от её мини — лекции.

— Хм... лет восемьсот наверно, может и больше...

— Восемьсот лет...? — Алекс дунул в воображаемую дуделку, — я думаю, мы что-нибудь придумаем за это время... ну или вы придумаете, — хихикнул он.

— Вам смешно? — Мара перевела на них свои обезумевшие глаза, — вы ... вы все просто не понимаете! Вы не знаете, что нас ждет! Мы все обречены! — ее голос начал срывать, — мы все обречены...!

Роза вновь вернулась к Маре, стараясь ее утешить и скрыть от посторонних глаз.

— Думаю, ее пора уводить отсюда. — заметил Димитрий и рядом стоящий «Шегги» поддакнул ему, вытаскивая и закуривая сигарету.

— Самое тупое, что придется во всем этом снова участвовать..., - сказал он, делая затяжку, — как меня это уже всё достало, все эти эмоции, сражатели и прочие фрики вроде

ордена духа...

— Так уволься..., - предложил Алекс, уверенный, что именно так он и поступит. Вернее, немедленно попросится перевести его обратно.

«Шегги» усмехнулся и отрицательно покачал головой, указывая на Фрэнки:

— Как видишь, при необходимости тебя достанут даже из другого мира.

Кстати, с возвращением, — похлопал он по плечу Фрэнки, — теперь то Мара вцепиться в тебя с новой силой...

Проводив взглядом Димитрия и Розу, уводящих свою начальницу, он добавил:

— Советую тебе держаться от Димитрия подальше. Он до сих пор не простил тебе, что ты помог Маре найти его душу и вернуть его в Отдел...

— Поверь, за эту помощь меня уже пытались несколько раз убить сражатели, — улыбнулся Фрэнки, — впрочем, может Мара вспомнит мои былые заслуги и оставит меня в покое. Ведь технически, я не оставлял новый след. Может и мой старый след убрали за ненадобностью...

— Нет, — снова покачал головой «Шегги», — так легко ты не отделаешься... Роза лично видела твое имя в списке пергамента... когда передавала его Алексу.

— Вы про этот что ли? — Алекс засунул руку в карман и вытащил аккуратно перевязанный сверток, — ну и ну. Я совсем и забыл про него... Таскал все это время. А мог и потерять...

Глаза Фрэнки и «Шегги» одновременно округлились.

Фрэнки выхватил сверток из рук Алекса и развернул его...

— Это и правда он, а ну, дай мне зажигалку! — протянул он руку к «Шегги».

«Шегги» оглянулся по сторонам и видя, что все заняты Марой, протянул зажигалку Фрэнки.

— Пожалуй, продлю свой отпуск..., - сказал Фрэнки, поджигая бумагу.

— Мы должны объединиться... собрать армию..., - продолжала причитать Мара, пока ее взгляд не привлек огонь позади. Она замолкла и уставилась на горящую бумажку в руках Фрэнки. Члены Отдела, окружавшие ее, тоже стали оборачиваться.

— Это пергамент, да? — спросил Димитрий.

— Это определённо он..., - ответила Роза.

— Что? Нет! — Мара бросилась к Фрэнки, но к этому моменту от бумаги остался обгоревший клочок.

— Что ты наделал? — ее руки, покрытые пеплом, вновь затряслись.

Она снова упала на колени, уткнув голову в землю и замолкла, зажимая в руке обгоревший клочок бумаги.

— Ну вот, а мы только привели ее в себя, — уныло сказала Роза, — это было очень жестоко! — она неодобрительно посмотрела на Фрэнки и «Шегги».

— Так через сколько там приедет этот Источник, чтобы покарать нас? — уточнил Димитрий.

— Лет триста, я думаю, у нас точно есть, — ответила Роза.

— Я думаю мне хватит, — решил Димитрий, — ну... я тогда пошел...

— И я... пожалуй тоже... пойду...

— И я...

— Куда они? — не понял Алекс, глядя как эмоции и их люди уходили в разные стороны. «Шегги» докурил сигарету и бросил ее на землю.

— Нет пергамента, нет трудового договора. Мы пошли жить... чего и тебе советую, — сказал он и засунув руки в карманы, уныло пошел в сторону за своими товарищами.

Рядом с Марой осталась стоять только Роза, и то, больше из вежливости, чем из желания, завистливо провожая взглядами своих товарищей.

— Мара, отдел отлова и группа реагирования положительных эмоций закончила свою работу... что прикажете делать с пойманными преступниками? ... Мара, с вами все в порядке? — подошли к богине сотрудники Отлова. Они удерживали связанных сражателей из Отдела Отделов, не до конца понимавших, что произошло.

— Я возвращаюсь обратно, Амаг Меланхолия умирает, — произнес мимо идущий Анубис, державшей на руках истекающую эфиром девушку. Он повернулся и зашагал прочь, вскоре скрывшись в окружавших их кустах. И никто не посмел его остановить.

Неожиданно, прямо возле Мары появился черный квадрат, а из него выпрыгнул Лонг Лонг, сопровождаемый своими эмоциями. Втроем они вели душу Марии.

— В рот мне ноги, да это же Киарин, — сказал один из сражателей, удерживаемый сотрудниками Отлова.

— А с ним Мелия, — поддакнул еще один.

— И мои эмоции, — улыбнулся Изуса, стоявший недалеко от Энти и потому, не угодивший в лапы сотрудников Отлова.

— Немедленно отпустите моих товарищей! — приказал Лонг Лонг грозно и уверенно, — Вот ваш враг! — добавил он, указывая на душу Мелии.

Сотрудники Отлова обеспокоенно поглядывали то на Мару, ушедшую в себя, то на Лонг Лонга. Отдавшего приказ. В это время к нему поспешил пришедший в себя Изуса.

— Приветствую тебя. Киарин, протянул он ему руку, — они затуманили наш разум, все было как во сне — мы все понимали, но не могли контролировать себя. Слишком поздно я понял, что из себя представляли Мелия и Филин. Но темные энтрилы... Почему ты был на их стороне?

Лонг Лонг взглянул на Мару, больше напоминающую пациентку психиатрического отделения, где он проходил практику студентом.

— Нам придется пересмотреть свои отношения с темными энтрилами, — сказал он. — Сегодня мы дрались бок о бок, и это может ознаменовать новую эпоху. Новое возрождение...

— Ты точно уверен, что поступил правильно? — спросила Анна у Фрэнки, глядя на Мару. Сжимающую обугленный кусочек пергамента.

Вместо ответа Фрэнки окрикнул Лонг Лонга.

— Что там с Крис?

— Жить будет! — ответил Лонг Лонг, ведя своих товарищей к Маре.

— Я думаю нам тоже пора. — сказал Фрэнки и он, Анна, Алекс и Энти обошли Лонг Лонга, Мару и других, видимых им и не видимых...

— Значит, было две Меланхолии... одна и в самом деле принадлежала темным энтрилам, а другая пробужденная Филином? — пыталась понять Анна, — и та, что напала на наш город и ту, что вы упрятали в темницы, это две разные Меланхолии?

— Совершенно верно, — ответила Энти, — и та Меланхолия по-прежнему сидела в темнице... Мне пришлось рассказать Отделу, где мы ее держали до побега... Я была уверена, что сбежала именно она... Отделу пришлось выпустить из темниц Совета Анубиса, волевог

хозяйина Аамат, чтобы он вновь подичнил ее своей воли. Но сначала они решили навестить темницу... И вопреки моим ожиданиям, нашли ее там, в темнице титанов, уставшую и истощенную.

— Настоящих титанов? Это были гигантские люди? Как они выглядели? — спросил Алекс, — как в мультике про Геркулеса*?

— Нет, — усмехнулась Энти, — я видела их кости... сдается мне, это были обычные динозавры...

— Ага, — подхватил Фрэнки, — эти боги, — сказал он, изображая руками кавычки, — победили бедную стаю динозавров, выживших после падения астероида. Великая заслуга, ничего не скажешь. Не удивлюсь, что и метеорит они скинули...

— Динозавров? Поверить не могу. Я так их любил в детстве... Энти, надеюсь ты в этом не участвовала? — расстроенно спросил Алекс.

— Да, конечно, я лично заколола последнего диплодока! — саркастично ответила эмоция. — Зато теперь понятно, почему этот бог Нингирсу скрывал месторасположение темницы — если бы все узнали, что титаны — это кучка беспомощных рептилий, подняли бы его на смех...

Городская больница, город С., несколько дней спустя.

Я смотрела в окно, не веря, что все это произошло со мной. Что я оказалась душой привратником, мой отец тайным агентом странной организации, а парень, с которым я уже мысленно сходила на несколько свиданий — просто эмоция. Ну, где же справедливость?

В дверь постучались.

— К тебе гости, — сказал папа, заходя внутрь.

— Привет! — в дверь вошла Анна, неся небольшую корзину живых цветов.

— Я пойду принесу кофе, — сказал Георгий и вышел из палаты.

— Как ты? — Анна села рядом.

Мне хотелось пожаловаться ей на трудности реабилитации после длительной комы, на смертную скуку и на невкусную еду, но у меня просто не было сил жаловаться. Процесс восстановления отнимал слишком много сил.

— До сих пор не верится во все это..., - лишь сказала я и сразу добавила, — а Фрэнки? Он здесь?

— Да, и передает тебе привет..., - улыбнулась Анна.

Я вспомнила вопрос, который беспокоил меня с самого пробуждения:

— Анна, а моя, моя эмоция... Какая она?

Город М., несколько дней спустя.

«Шабаш на заброшенном поле. Наш очевидец заснял видео, на котором отчётливо видно, как группа людей безумствуют на заброшенном пустыре, что в прошлом планировался как новый жилой район. Но из-за неустойчивой почвы строительство пришлось прикрыть. Со временем, это место облюбовали подростки. А теперь, как мы видим на кадрах, он стал местом сборища весьма подозрительных личностей.

«Они кричали! Размахивали руками и ногами, прыгали взад и вперед... Они вели себя так, словно в них вселились бесы!», — рассказывает очевидец, — Они мне сразу показались странные... я еще подумал, зачем им приезжать сюда... сразу почуял недоброе. Хорошо, хоть в жертву никого не принесли... обнюхаются всякого, а потом с крыш прыгают...».

На видеосъемке очень низкого качества мелькали туда-сюда разные люди. Особо крупным планом показали отчаянно кричащую женщину, стоящую на коленях.

Голос за кадром вещал:

«Среди этих лиц наши зрители уже опознали несколько сотрудников Главного управления города М. Ведется расследование».

Диктор перешел к другим новостям.

— Да уж... когда Отдел впервые за много лет в полном составе покинул офис, я решила, что может они уже работать начали... а они укурились и устроили какие-то свистопляски... сатанинский тимбилдинг*! Да еще и в другой город уехали, чтобы наверняка их не узнали! Хорошо, Алекс, тебя там не было... Зато теперь их расформировали, а ты снова с нами! — радовалась Алекс-девушка.

«Хорошо, что во время этой съемки я был внутри того недостроенного здания», — подумал Алекс, думая о том, что голос очевидца подозрительно похож на голос таксиста.

— Кстати, я раскрыл дело того бомжа..., - решил он сменить тему.

— А ну ка, — Алекс-девушка оторвала взгляд от телевизора и оттолкнувшись от своего стола, подъехала на кресле к столу Алекса, на котором он раскладывал личные вещи.

— Все просто, — Алекс отвлекся от вещей, — этот бомж был очеловеченной эмоцией. Печали того психотерапевта Лонг Лонга из моего города С. Сильная воля доктора придавала ему человеческий вид. После смерти психотерапевта эмоция решила сбежать подальше и прикрепиться к новому человеку, которым оказался случайный хозяин квартиры. Тем временем, душа Лонг Лонга подозревала свои эмоции в измене и отправилась на их поиски. Найдя Печаль, он пытал ее и жестоко убил. Оказавшись рядом с бывшим носителем, Печаль вновь приобрела свой человеческий вид, надеясь, что это придаст ей сил в борьбе с Лонг Лонгом. Но проиграла... После смерти, она еще какое то время была в виде человека, но как энергия расплылась, она растворилась...

— Душа покойного психолога убила того бомжа, который был его эмоцией? — недоверчиво переспросила Алекс-девушка, — Алекс, тебя точно не было в тот вечер с Отделом тунейдцев? — подозрительно покосилась она на него.

— Как знать, как знать, — загадочно ответил Алекс и улыбнулся.

Эпилог 1.

Георгий протирает бокалы, когда дверь внезапно распахнулась и внутрь вбежала Кристина.

— Я посмотрела те университеты, что ты предложил. Вот этот мне понравился больше всех! — кинула она на стол один из буклетов, — Анна тоже думает поступать... будем вместе учиться на заочном. Только еще профессию не выбрали... Может психологом? — она рассмеялась, — будем брать уроки у покойного Лонг Лонга...

— На психолога...? Анна то понятно... а тебе это зачем? У тебя много иных талантов... В конце концов, можно выбрать другой факультет в этом же университете... подумай над этим!

— Хорошо... ладно, я побежала! — и чмокнув отца в щеку, Крис убежала.

Но едва за ней захлопнулась дверь, как боковым зрением Георгий увидел мелькнувший силуэт: из-за тени вышла эмоция.

— Привет, Энти...

— Привет, Гермес, — сказала эмоция, усаживаясь за барную стойку.

Георгий-Гермес протер очередной бокал, посмотрел на него и отложив, принялся за следующий.

— А у тебя талант сочинять истории... Так изложить происходящее своему подопечному...

— Ну мне не пришлось особо мудрить... почти все сказанное было правдой..., - ответила эмоция, следя за движениями Гермеса.

— Да уж... Я знал, что рано или поздно тот, кто выкрал привратника из хранилища, будет искать его. И лучшим решением было запутать противника!

Он ни о чем не догадывается?

— Как и ваша Мара... Неужели, она действительно была уверена, что Крис — это привратник?

— Да... и как видишь, это свело ее с ума. Боюсь, что когда она придет в себя, мне не хватит духу признаться ей, что моя дочь всего лишь душа путешественник... После истории с Осирисом, Анубисом, Нингирсу и Гекатой, мы уже не могли никому доверять. Даже самым приближенным сотрудникам... Совет решил, что только мне доверит тайну Привратника... а я поделился ее с тобой... И не прогадал... Значит, у Алекса даже нет малейших подозрений?

— Нет, он так наивен, что иногда мне кажется, что ему пять, а не двадцать пять..., - улыбнулась Энти по-доброму...

Гермес-Георгий тоже улыбнулся.

— А что ты хотела... душа Алекса действительно младенец в мире душ... Привратники вообще удивительные души... Думаю ты права, он еще не готов к тому, чтобы узнать о своем вынужденном бессмертии. Как бы там ни было, мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы Источник узнал о нас... Это будет конец всего... всей вечности.

— А Мара? Вы скажите ей, что это были просто врата в низший мир?

— Пока нет, небольшой стресс пойдет ей на пользу... пусть встряхнется впервые за несколько тысячелетий....

Сейчас гораздо больше опасений вызывает побег Анубиса и мир Циаб...

— А что там..., - спросила Энти.

Гермес покачал головой:

— Не напрягай мозг. Твое дело приглядывать за Алексом, Энти. Все самое сложное только впереди...

Эпилог 2.

На экране телевизора пошли финальные титры.

Во дворе дома что-то гроыхнуло.

Анна и Фрэнки невольно обернулись в сторону окна.

— Наверно, сосед алкаш опять выпил и упал в мусорный контейнер, — прокомментировал Фрэнки, — надо уже съезжать с этой дыры!

— Ага, — согласилась Анна, потянувшись и вставая с дивана, — я спать, а ты?

— Посмотрю еще пару серий... Не у меня же завтра вступительные..., - отмахнулся Фрэнки.

Анна улыбнулась и натянув кардиган, пошла в сторону спальни.

— Только не спойлеры* мне завтра, — сказала она, уходя.

Фрэнки проводил ее взглядом, и замер, тихо прислушиваясь. В соседней комнате закрипела кровать, и почти сразу раздался знакомый храп Анны. Фрэнки поднялся и

подошел к приоткрытому окну, вглядываясь в темноту.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал он в ночь.

В темноте внезапно появились глаза, а затем и весь силуэт женщины.

— Что тебе надо, Мара? — спросил Фрэнки, — за участие в спасение привратника Совет снял с меня все обвинения, если ты не в курсе!

— Позволь, — Мара присела на карниз. На ее лбу прорезались глубокие морщины — следствие недавно перенесенного стресса, — позволь, я расскажу тебе об одном нашем расследовании... Это не займет много времени.... Но, возможно, заинтересует тебя...

— Если после этого ты пообещаешь уйти и не беспокоить меня, то валяй, — устало сказал Фрэнки.

Мара проигнорировала эту грубость.

— Название «Орден Духа» тебе говорит о чем-нибудь?

— Хм, — Фрэнки начал припоминать, — эта та организация, которая незаконно переправляла души в Циаб?

Мара кивнула.

— Совершенно верно. Негативные эмоции, злые скопления эгрегоров, темные души... все эти нечистоты наших миров, заряженные мощной энергией, предназначались для питания Аамат. Но с помощью Аанубиса и Осириса вместо корма, они перенаправляли их в мир Циаб, скармливая Аамат души обычных людей, выпуская ее на землю. Ваша подруга Энти заметила эту подозрительную активность за что чуть не поплатилась жизнью... Но на ее счастье, ей встретились вы с Лонг Лонгом и благодаря вашему вмешательству, мы узнали об контрабандисткой организации Орден духа, что промышляла много лет прямо у нас под носом... Но куда и с какой целью направлялись эти души мы так и не выяснили. А недавний побег Аанубиса и Аамат, во время битвы за Привратника, вызвал новую волну опасений Совета...

Мара замолчала, глядя на Фрэнки.

— И? — нехотя спросил он, нарушая тишину.

— Ты должен понимать, что мир Циаб прямая угроза нашему миру. В нем сосредоточены знания немыслимой силы. Когда твои предки, Эния, только постигали письменность — они уже создали компьютер... Их наука выходит за грань доступного понимания, угрожая всем нашим мирам. Поэтому очень важно выяснить, куда и зачем поставляются души...

Она вновь замолчала. Выводя Фрэнки из себя.

— Ну а я то тут причем?!

— Как ты знаешь... у меня сейчас дефицит сотрудников... благодаря тебе...

— Не благодари... рано или поздно они создали бы профсоюз..., — отмахнулся Фрэнки, предприняв попытку закрыть окно.

Но Мара успела выставить руку, помешав ему.

— Сейчас, в моем Отделе много сражателей, но мне нужен кто-то более осторожный и незаметный...

— Нет! — Фрэнки попытался отодвинуть ее руку, — ты врала мне, Мара. Всегда. Почему я должен помогать тебе? Тогда, перед Судом совета, ты обещала, что Эви не тронут, а я видел документ об ее уничтожении...

— Мы правда не хотели ее трогать, но узнав, что она пробужденный психопомп, мы были вынуждены ее уничтожить! Совет едва справлялся с одной Аамат...

— Вы раскидали по миру смертоносных существ, превращающихся в пожирателей душ. Что может пойти не так? Если все ваши планы такие, то я не хочу в них участвовать!

Пару минут вновь царил тишина.

— Ты думаешь, тебе одному больно..., - вдруг тихо произнесла Мара, - ты думаешь, ты один потерял близкую душу?

Мы потеряли целый мир...

Не по своей воли мы стали охотниками за чистыми душами, выпуская на землю психопомпов...

Часть нашей души забрал Источник... он сделал нас паразитами, отобрав наше бессмертие...

Если мы не остановим Циаб..., ту войну, что идет там... то нас ждет армия «Филинов», мечтающая вернуться к Источнику, не зная, что там их ждет верная смерть....

Фрэнки больше не пытался закрыть окно, но и не отвечал.

Мара перевела взгляд на соседнее окно, где мирно похрапывала Анна.

— В мире Циаб мы сможем вернуть тебе то, что ты потерял..., - сказала она.

Молчание.

— Я тебя слушаю..., - ответил ей Фрэнки.

Примечания

Глава 1.

Погуглить — найти информацию в сети интернет, в частности, в поисковой системе «Google».

Транскрибация — это процесс преобразования информации из аудио — или видеοформата в текстовый вариант.

Скрипт разговора — это заранее подготовленный сценарий телефонного разговора, который построен по правилам. Часто используются при обзвонах или приеме звонков у операторов call-центров.

Архетипы (в психологии) — это бессознательные паттерны, глубинные мотиваторы, определяющие мышление и поведение человека.

Глицин — это аминокислота, которая синтезируется в организме человека и участвует в обмене веществ всех клеток. Считается, что он уменьшает психоэмоциональное напряжение, повышает умственную работоспособность.

Мать Тереза — католическая монахиня, основательница женской монашеской конгрегации сестёр — миссионерок любви, занимающейся служением бедным и больным.

Опитимус Прайм — (англ. Optimus Prime) основной персонаж практически всех мультсериалов, комиксов, фильмов, книг и видеоигр о трансформерах, бессменный лидер автоботов.

Бамблби — (англ. Bumblebee — Шмель) — персонаж «Вселенной Трансформеров». Один из самых ранних и самых популярных героев серии.

Глава 2.

Гарри Поттер — литературный персонаж, главный герой серии романов английской писательницы Джоан Роулинг. По сюжету книги, он носил очки, хоть жил в мире магии, где даже сломанные кости срастались за одну ночь.

Том Сойер — один из главных персонажей романов Марка Твена о приключениях Тома Сойера. В одной из сцен книги, Тому поручили покрасить длинный забор. Тогда он представил соседским мальчишкам нудный и скучный процесс покраски как увлекательное занятие, и они сами стали просить Тома разрешить им покрасить забор в обмен на всякие безделушки.

Велма — вымышленный персонаж медиа-франшизы о Скуби-Ду, где она является детективом — любителем и совместно с другими персонажами «Корпорации Тайна», расследует мистические дела. По сюжету она умная и эрудированная девушка, со специфичными интересами.

Шегги — также вымышленный герой из мультсериалов о Скуби-Ду, где он является детективом и членом «Корпорации Тайна».

Скуби-Ду — серия мультипликационных сериалов и полнометражных мультфильмов, созданная компанией Hanna-Barbera в 1969 году. Мультфильмы и мультсериалы этой франшизы выходят и по сей день.

Корпорация «Тайна» — это вымышленная группа подростков, детективов-любителей, разгадывающих мистические тайны и загадки. В ее состав входят: Шегги, Велма, Дафна, Фрэд и собака по имени Скуби-ду.

Гринпис — это независимая международная природоохранная некоммерческая организация.

Эгрегор — это единое энергоинформационное пространство, которое образуется за счёт энергии объединённых какой-либо общей идеей (интересом, страстью) людей. В книге эгрегоры представляют собой сгустки энергии, наполненные отрицательной или положительной энергией и обладающие своим разумом.

Джим Керри — канадско-американский актёр, телеведущий, комик, сценарист, продюсер и художник.

Шоу Трумана — американская кинодрама режиссёра Питера Уира, вышедшая на экраны в 1998 году. По сюжету фильма, Труман — обычный человек, работающий страховым агентом и живущий обычной жизнью. Однако он не знает, что за каждым его движением наблюдают многочисленные скрытые камеры, а его жизнь круглосуточно передаётся в прямом эфире по всему миру. А весь город, в котором он живет — это огромные декорации, а его жители — нанятые актёры.

Урсула — главная злодейка из мультфильма «Русалочка», злобная морская ведьма, по сути, тоже русалка, но вместо рыбьего хвоста у неё тело осьминога.

Русалочка — полнометражный мультфильм, снятый на студии Уолта Диснея по мотивам одноимённой сказки (1837) Ханса Кристиана Андерсена (сюжет в значительной степени изменен).

Анорексия — расстройство приёма пищи, характеризующееся значительно сниженным весом тела, преднамеренно вызываемым и/или поддерживаемым самим пациентом, в целях похудения или для профилактики набора лишнего веса.

Лео — имеется ввиду актер Леонардо Ди Каприо, исполняющий роль Джека из фильма «Титаник» (1997).

Титаник — американский фильм-катастрофа 1997 года, снятый режиссёром Джеймсом Кэмероном, в котором показана гибель легендарного лайнера «Титаник».

Фрейд, Зигмунд — полное имя Зигисмунд Шломо Фрейд, (6 мая 1856 — 23 сентября 1939) — австрийский психолог, психоаналитик, психиатр и невролог. Фрейд наиболее известен как основатель психоанализа. Среди достижений Фрейда — разработка трёхкомпонентной структурной модели психики (состоящая из «Оно», «Я» и «Сверх-Я»), обнаружение функционирующих в психике защитных механизмов, психологизация понятия «бессознательное».

Монада — (греч. monas — единица) — философский термин, означающий структурную, субстанциальную единицу бытия. Более подходящее по смыслу этой книги значение термина применял М.Ю. Ломоносов («физическая монада», которым он обозначил частицу (корпускулу) материи) и Г.В. Лейбниц (монада — это простая, замкнутая, активная, т. е. изменяющаяся, духовная субстанция. Монады, наделенные способностью отчетливого восприятия, называются душами).

3 глава

Зиккурат — это массивное строение в виде пирамиды со ступенчатыми террасами и плоской платформой на вершине в Древней Месопотамии и Эламе, типичное для шумерской, ассирийской, вавилонской и эламской архитектуры. Историки предполагают, что шумеры и вавилоняне рассматривали зиккураты как дома богов, и доступ к ним был ограничен для простых смертных.

Нингирсу — (шумер. «Повелитель Гирсу») — бог войны, земледелия в шумерской мифологии. Один из божеств, входящих в круг богов государства Лагаш. Один из аннуаки.

Керы (здесь) — духи мёртвых, превращающиеся в кровожадных демонов, несущих людям смерть и страдание после смерти. Название появилось из мифологии древней Греции, где считалось, что они обитают в загробном царстве Аида, прислуживая богу мёртвых и его жене Персефоне. Упоминания о них встречаются в Илиаде, истории странствий Одиссея, в путешествии Аргонавтов. Мифы гласили, что голодные демоны ходили по миру, сбившись в стаи. Их делом было разжигание ненависти и споров, затуманивание разума и подстрекание к убийству. Они начинали кровопролитные войны и великие сражения, чтобы утолить свой голод энергетикой насильственной смерти.

Психопомп — (греч. — «проводник душ») — существо, дух, ангел или божество, во многих религиях ответственное за сопровождение душ умерших в иной мир.

Запечатление, реакция следования — здесь Мартинес имеет ввиду классический импринтинг, который опишет в 1973 году зоолог Конрад Лоуренц. Импринтинг — это механизм обучения и запоминания, распространённый среди птиц и млекопитающих, в том числе и людей. Он работает так: в мозг прочно впечатываются определенные образы, которые формируют личность и поведение. Для этого достаточно единственного контакта с объектом запоминания.

Пример импринтинга — поведение маленьких утят. Они воспринимают первый увиденный после рождения объект в качестве родителя, запоминают его и начинают всюду следовать за ним. Неважно, чем он окажется и даже будет ли одушевлен.

Дуальность — основа проявления полярности бытия в неограниченном ряду парных противоположностей, существующих вместе в постоянном взаимодействии: Дуальность и дуализм, Инь и Ян, Две стороны одной медали, Третьего не дано, По ту сторону добра и зла.

Фернан Магеллан (20 ноября 1480 — 27 апреля 1521 г.) — португальский и испанский мореплаватель. Командовал экспедицией, совершившей первое из известных кругосветных путешествий. Открыл пролив, позже названный его именем, став первым европейцем, проследовавшим по морю из Атлантического океана в Тихий. Погиб во время путешествия, не успев лично завершить его.

Эпоха великих географических открытий — период в истории человечества, начавшийся в XV веке и продолжавшийся до XVII века, в ходе которого европейцы открывали новые земли и морские маршруты в Африку, Америку, Азию и Океанию в поисках новых торговых партнёров и источников товаров, пользовавшихся большим спросом в Европе. Историки обычно соотносят «Великие географические открытия»[1][2] с первопроходческими дальними морскими путешествиями португальских и испанских путешественников в поисках альтернативных торговых путей в «Индии» за золотом, серебром и пряностями[3].

Княжество Валахия — государственное образование на территории Валахии, существовавшее с середины XIV века по 1859 год, когда оно было объединено с Молдавским княжеством в Соединённые княжества Молдавии и Валахии. В 1859 году Валахия объединилась с Молдавией, образовав Объединённые княжества, которые в 1866 году получили название Румыния, а в 1881 году официально стали Королевством Румыния

Нокта — единица измерения в Османской Империи, равная 0,219 мм (0,0086 дюйма).

Дом Папируса — (в книге) это древнейшая в мире библиотека, расположенная в египетском храме Эдфу.

Психоз — это ненормальное состояние ума, которое приводит к трудностям определения того, что реально, а что нет. Симптомы могут включать бред и галлюцинации.

Глава 4.

Тамплиеры — духовно-рыцарский орден, основанный на Святой земле в 1119 году небольшой группой рыцарей во главе с Гуго де Пейном после Первого крестового похода... В XII–XIII веках орден был чрезвычайно богат, ему принадлежали обширные земельные владения как в созданных крестоносцами государствах на территории Израиля и Сирии, так и в Европе.

В 1291 году, когда крестоносцы были изгнаны с Земли Палестины мамлюкским султаном Египта Халиль аль-Ашрафом, тамплиеры переключились на финансовые услуги и торговлю, накопили значительные ценности и оказались в сложных имущественных отношениях с королями европейских государств и Папой].

В 1307–1314 годах члены ордена подверглись арестам, пыткам и казням со стороны французского короля Филиппа IV, крупных феодалов и Римско-католической церкви, в результате чего орден был упразднён папой Климентом V в 1312 году.

Филипп Красивый — Филипп IV Красивый — король Франции с 1285, король Наварры 1284–1305, сын Филиппа III Смелого, из династии Капетингов. Известен также рагромом ордена тамплиеров, за что те, по легенде, прокляли его и весь его род.

Карл Густав Юнг (26 июля 1875 — 6 июня 1961 г.) — швейцарский психиатр и педагог, основоположник одного из направлений глубинной психологии — аналитической психологии.

Задачей аналитической психологии Юнг считал толкование архетипических образов, возникающих у пациентов. Юнг развил учение о коллективном бессознательном, в образах (архетипах) которого видел источник общечеловеческой символики, в том числе мифов и сновидений («Метаморфозы и символы либидо»).

Зигмунд Фрейд (6 мая 1856 — 23 сентября 1939 г.) — австрийский психолог, психоаналитик, психиатр и невролог. Фрейд наиболее известен как основатель психоанализа, который оказал значительное влияние на психологию, медицину, социологию, антропологию, литературу и искусство XX века.

Среди достижений Фрейда наиболее важными являются разработка трёхкомпонентной структурной модели психики (состоящая из «Оно», «Я» и «Сверх-Я»), выделение специфических фаз психосексуального развития личности, создание теории эдипова комплекса, обнаружение функционирующих в психике защитных механизмов, психологизация понятия «бессознательное», открытие переноса, а также разработка таких терапевтических методик, как метод свободных ассоциаций и толкование сновидений.

Я-концепция — (или образ Я) — относительно устойчивое, в большей или меньшей степени осознанное и зафиксированное в словесной форме представление человека о самом себе. По Фрейду — ядром Я-концепции является представление о трех уровнях сознания человека: бессознательного, предсознательного и сознательного ("Оно", "Я" и "Сверх-Я").

В. Райх — (24 марта 1897 — 3 ноября 1957) — австрийский и американский психолог, неофрейдист, один из основоположников американской школы психоанализа, ученик З. Фрейда. Согласно разработанной Райхом теории, весь окружающий мир пропитан

«универсальной энергией жизни», названной им «Оргоническая энергия» (лат. *organismus* — живое существо). Блокирование в организме человека данной энергии должно приводить, по мнению Райха, к возникновению определённых болезней.

Оргоническая энергия — термин, обозначающий некую «универсальную энергию жизни». Термин предложен психоаналитиком В. Райхом в рамках его теории о причинах отдельных психических болезней. Он утверждал, что обнаружил «универсальную энергию жизни» в своих исследованиях, проводимых в конце 1930-х годов. Согласно теории В. Райха, «оргонная» энергия проникает и заполняет всё вокруг, не относится к энергии статического электричества, а также имеет синий цвет (то есть данная «энергия» должна создавать электромагнитное излучение в синем спектре цвета). Он считал, что определённые формы болезни являются следствием блокирования в теле этой энергии, и пытался их лечить. Также В. Райх считал, что «оргонная» энергия влияет на эмоции и сексуальность].

Создать плот и отправиться в чрево гигантской рыбы — отсылка на сказку Карло Коллоди: «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» (1881), где главный герой — очеловеченная кукла по имени Пиноккио попадает в чрево гигантской рыбы, и там находит своего отца — столяра Джепетто. Вместе им удастся спастись, выбравшись из рыбьего желудка.

Священный (Святой) Грааль — в средневековых французских легендах — чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого на кресте Спасителя. В европейских средневековых романах Грааль трактуется не как чаша, а как камень или некая драгоценная реликвия[2].

Испивший из чаши Грааля получает прощение грехов, вечную жизнь и т. д. В некоторых версиях даже близкое созерцание магического предмета даёт бессмертие, а также различные блага в виде еды, питья и т. п.

Золотые кони Батыя — легендарные сокровища, местонахождение которых не известно. Согласно легенде, хан собрал дань со всей Руси золотом, и из него отлили Золотых коней. У этих коней глаза были из рубинов, и «охраняли» они ворота в Сарай. Он был расположен в низовьях Волги, и являлся столицей татарского государства Золотая Орда.

Библиотека Ивана Грозного — мифическое собрание книг и документов, последним владельцем которого предположительно был царь Иван IV Грозный. Считается, что она была утрачена или спрятана Грозным. Поиски библиотеки с перерывами безрезультатно велись несколько столетий. Неоднократно высказывались сомнения в самом факте её существования. Многие из исследователей этого вопроса пришли к выводу, что она давно погибла в результате пожаров или во времена Смуты.

ПТСР (Посттравматическое стрессовое расстройство) — это тяжелое нарушение психики, отсроченная и/или затянувшаяся реакция на краткое или продолжительное стрессовое событие.

Триггер — в психологии — изначально, событие, вызывающее у человека с посттравматическим стрессовым расстройством внезапное репереживание психологической травмы и тяжёлые негативные эмоции. Люди с посттравматическим стрессовым расстройством обычно всеми силами сторонятся встреч с триггером, стремясь избежать нового приступа.

5 глава

КГБ — Комитет государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик (аббр.: офиц. КГБ СССР) — центральный союзно-республиканский орган

государственного управления СССР в сфере обеспечения государственной безопасности, действовавший с 1954 по 1991 год.

ЦРУ — Центральное разведывательное управление США (ЦРУ) — независимое агентство федерального правительства США, основной функцией которого является сбор и анализ информации о деятельности иностранных организаций и граждан. Основной орган внешней разведки и контрразведки США.

Семнадцать мгновений весны — советский 12-серийный художественный телефильм Татьяны Лиозновой. Снят по одноимённому роману Юлиана Семёнова. Военная драма о советском разведчике, внедрённом в высшие эшелоны власти нацистской Германии, снималась с 1971 по 1973 год.

Полемарх — в Древней Греции один из старших военачальников, которому была поручена забота обо всем, что касалось войны. В дальнейшем понятие полемарха относится к военачальнику, на которого возлагалось и ведение самой войны. Так, в Спарте, по законам Ликурга, армией предводительствовал царь, при котором в виде советчиков состояло 2 полемарха, а в Афинах на полемарха возлагалось и начальствование над подразделениями армии.

Экзистенциальный кризис — состояние тревоги, чувство глубокого психологического дискомфорта при вопросе о смысле существования.

Осознанные сновидения — изменённое состояние сознания, при котором человек осознаёт, что видит сон, и может в той или иной мере управлять его содержанием. Это некое пограничное состояние между фазой быстрого сна и бодрствованием.

Икар и Дедал — это отсылка к древнегреческому мифу про архитектора Дедала и его сына Икара, которые пытались сбежать с острова Крит, создав искусственные крылья. Но Икар, не послушав отца, подлетел слишком близко к солнцу, спалив крылья и упав в море.

Энакин Скайуокер (Дарт Вейдер) — центральный персонаж первых шести эпизодов саги «Звёздные войны», также известный под именем Дарт Вейдер. По сюжету является отцом главных героев саги Люка Скайуокера и Леи Органы.

6 глава

Анубис — древнеегипетский бог погребальных ритуалов и мумификации (бальзамирования), «страж весов» на суде Осириса в царстве мёртвых, знаток целебных трав.

Геркулес — американский мультипликационный музыкальный фэнтезийный комедийный фильм 1997 года, снятый Walt Disney Feature Animation для Walt Disney Pictures. Мультфильм основан на древнегреческих мифах о легендарном герое Геракл (известном в фильме под своим римским именем Геркулес), сыне Зевса.

Тимбилдинг — в данном контексте имеется в виду система мероприятий, направленных на успешное командообразование и налаживание связей внутри коллектива.

Спойлер — в данном контексте, преждевременно раскрытая важная информация, которая портит впечатление от художественного произведения, разрушая интригу.